

2

Солженицынские
ТЕТРАДИ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Солженицынские тетради
Studying Solzhenitsyn
Cahiers Soljénitsyne

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

Современные
ТЕТРАДИ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 82.0
ББК 84(2Рос)6 + 83.3(2Рос)6
С-60

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Главный редактор *А.С. Немзер*

Оформление *С.А. Астафуров*

Макет *И.И. Антонова*

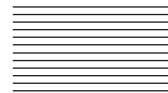
Репродукции рукописей и фотографии *О.В. Паршин*

© Авторы, 2013
© Булгакова Е.С. (наследники), 2013
© Губко Н.Г. (наследники), 2013
© Карпов З.А. (наследники), 2013
© Солженицын А.И. (наследники), 2013
© Чуковская Л.К. (наследники), 2013
© Хроль И.А. (наследники), 2013
© ГБУК «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына», 2013
© Оформление. ЗАО «Издательство “Русский путь”», 2013

ISBN 978-5-85887-428-7

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ:

Из наследия Александра Солженицына

Александр Солженицын

ИЗ «ЛИТЕРАТУРНОЙ КОЛЛЕКЦИИ»

Публикация, подготовка текста, вступительная заметка и примечания
Н.Д. Солженицыной

О Михаиле Афанасьевиче Булгакове Солженицын принимался писать не раз. С юности он жил «с ощущением прямой *родности*» Булгакову: «как будто он мой отец или старший брат». Часто повторял это и в зрелости, притом что ясно видел, насколько они разные — в языке, манере, системе образов. Притягательные образцы были заключены для него, например, в прозе Замятина, в прозе Цветаевой, но вот нахожу в его черновых записях: «Как человек — Булгаков мне ближе, чем Замятин».

Во исполнение обещания, данного вдове Булгакова в 1967 году, Солженицын опубликовал завещанный ею список травивших писателя рецензентов в очерке «Награды Михаилу Булгакову при жизни и посмертно» (Новый мир. 2004. № 12).

Предлагаемый ныне очерк печатается впервые. Он составился из двух разновременных частей. Небольшой текст «В доме Булгакова», основанный на памяти о встречах с Еленой Сергеевной Булгаковой в 1962–1969 годах и на беглых записях некоторых ее рассказов, Солженицын написал в Вермонте 7 июня 1986 года.

Со времени тех встреч лежали у него и разрозненные листки с заметками при чтении у Е.С. еще не опубликованных рукописей (машинописей) Булгакова. Добавились к ним штрихи от прочтения свежих журнальных публикаций «Театрального романа» (1965) и «Мастера и Маргариты» (1966–1967). В 1989 году Солженицын перечитывает Булгакова во второй (кое-что в третий) раз и в декабре 1989-го суммирует свои впечатления в очерке, пополнившим будущую (уже растущую, но без конкретных планов публикации) «Литературную коллекцию».

В сентябре 2004 года Солженицын переписывает, одновременно сокращая и дополняя, оба текста и объединяет их в очерк «Мой Булгаков».

Текст печатается по машинописи с авторской правкой и рукописными дополнениями.

Среди множества изданий Булгакова в нашей библиотеке в Троице-Лыкове есть семь книг с пометами Солженицына в тексте и на полях:

Записки юного врача. М.: Изд-во «Правда», 1963.

Мастер и Маргарита // Москва. 1966. № 11; 1967. № 1. — Переплетены вместе страницы двух номеров с публикацией и машинописные страницы с текстом купюр, сделанных журналом.

Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита / предисл. К.М. Симонова. М.: Худож. лит., 1973.

Повести. Рассказы. Фельетоны. М.: Сов. писатель, 1988.

Последние дни (Пушкин). Letchworth; Herts (England): Prideaux press, 1970. — Russian titles for the specialist. № 8.

Дон Кихот. Letchworth; Herts (England): Prideaux press, 1974. — Russian titles for the specialist. № 23.

Три пьесы (Адам и Ева. Багровый остров. Зойкина квартира). 2-е изд. Париж: YMCA-Press, 1974.

МОЙ БУЛГАКОВ

Слух о легендарном спектакле «Дни Турбиных» во МХАТе — докатился в конце 20-х годов до интеллигентских кругов Ростова-на-Дону, в знакомых семьях возбуждённо дивились тому¹. Возмечтала и мама моя увидеть бы этот спектакль, и не только этот, — да уже с 1921 года пришлось ей покинуть надежду устраивать жизнь в Москве — городе её студенческой юности: там теперь все возможные места уже были расхвачены и заселены новыми приезжими. Так — и осталась она в Ростове, городе своих гимназических лет.

На слух о том спектакле навострил свои уши и я. Я с детства рос в тайном сочувствии к Белой армии, беззаветно, благородно защищавшей Россию — и проигравшей свои последние бои — вот тут, на камнях нашего Ростова и Новочеркасска. Меня мучила загадка: если бы папа мой остался жив — воевал ли бы он у белых? (Тогда мне казалось: почти несомненно: ведь офицер военного времени. Десятилетиями позже, охватив всю расстановку убеждений и склонов в дореволюционной России, — я уже и не знал: да, отец мой с 4-го курса Московского университета, не доучась, в 1914 добровольцем ушёл на германскую войну — и провоевал её до самого Брестского мира, но: сколько российских студенты были настроений левых, а о папе? Проникнуть не могу.)

В 1928 году — ещё одно чудо: опубликовались в СССР две сенсационные книжечки В.В. Шульгина — «Дни» (о Февральской революции) и «1920 год» (о белом, противобольшевицком подполье на юге России)². Главную-то, первую для меня, тогда я ещё не мог оценить, но вторая будоражила: а я — мог бы вот так, в подполье?

И в январе 1940, приехавши в Москву на первую экзаменационную для заочников сессию в МИФЛИ, предложил друзьям³: «А давайте спросим в справочном бюро адрес Булгакова — да сходим к нему?» Кока отнёсся равно-

¹ Премьера «Дней Турбиных» (1925) состоялась во МХАТе 5 октября 1926 года (режиссер И.Я. Судаков, художественный руководитель постановки К.С. Станиславский). В 1929-м пьесу запретили. Спектакль возобновили в 1932 году, после чего он оставался в репертуаре Художественного театра вплоть до июня 1941-го. Всего с 1926 по 1941 год прошло 987 спектаклей при полных аншлагах.

² В 1928 году Солженицыну, тогда девятилетнему мальчику, попали в руки обе книги В.В. Шульгина, изданы же они были раньше: *Шульгин В.В. Дни*. Л.: Прибой, 1927 (это издание, с пометами Солженицына в тексте и на полях, находится в его библиотеке); *Он же*. 1920 год: Очерки. М.: Госиздат, 1922. (Впервые эти очерки В.В. Шульгина были напечатаны Петром Струве — сначала в издаваемом им в Софии журнале «Русская мысль» (1921. № 3–4), на следующий год в виде книги: *Он же*. 1920. София, 1922.)

³ Летом 1939 года Солженицын и его школьные друзья Николай Виткевич и Кирилл Симонян, уже три года бывшие студентами (Солженицын — физмата, Виткевич — химфака Ростовского университета, Симонян — медицинского института), поступили в экстернат МИФЛИ: Солженицын — на отделение теории и истории искусства, Виткевич — на философское, Симонян — на отделение всеобщей литературы.

душно, Кирилл отклонился то ли из осторожности, то ли из неловкости. А один — не решился и я... Как жаль!

Не знал я: Михаилу Афанасьевичу оставалось тогда два месяца до смерти, и если б застать его в сознании — такой визит провинциальных юношей наверно подкрепил бы его и тронул.

А через год увидел я на афише «Дни Турбиных» — и с волнением кинулся покупать три билета, себе с приятелями, и, сам для себя неожиданно, — достал. И в один из тех вечеров — мы видели пьесу!⁴

Было и обаяние МХАТа, и выдающихся артистов его, — но я почти дрожал от обнажённых кусков правды о Гражданской войне и белогвардейцах — чего нигде больше в Союзе нельзя было ни увидеть, ни услышать. Вообще не помню никакого другого спектакля с таким впечатлением на меня.

А достать эту пьесу прочесть? — нигде она не издана⁵. А что у Булгакова есть ещё? Совсем неизвестно. И остался я на многие годы — фронта, тюрем, лагерей — с ощущением моей прямой *родности* этому загадочному автору — как будто он мой отец или старший брат. Правда, от кого-то услышал, что был у Булгакова и роман «Белая гвардия» — так тем более бы!

А в ссылке, в Кок-Тереке, вдруг оказалось: Николай Иванович Зубов — тоже большой поклонник Булгакова, читал «Белую гвардию» — и, при хорошей памяти, пересказывал мне её, и даже отдельные фразы на память⁶. И всё более я укреплялся в своём родстве.

Воротаясь из ссылки — того романа так я и не видел, да где искать? Да разогнан я был уже сам на розыски о всём Семнадцатом годе. В летние школьные каникулы 1958 года удалось мне — полный месяц пробыть в Ленинграде, весь его прошагав, прошагав с историческим справочником в руках, мимо каждого дома, в каждом переулке, — чтоб, до недоступных мне архивов, прежде запечатлеть-то сам город Петроград. (Угадал! Так и увёз его с собой в из-

⁴ Солженицын с друзьями сдавали в Москве зимнюю сессию с 1 по 10 января 1941 года. На спектакле «Дни Турбиных» они были 7 января. Это было 948-е представление булгаковской пьесы в Художественном театре и 28-е в сезоне 1940/41 года. Программку этого спектакля нам любезно разрешили сфотографировать в Музее МХАТа (см. вклейку между с. 32–33 наст. изд.).

⁵ Впервые на родине «Дни Турбиных» были изданы в 1955 году, через 30 лет после написания: Булгаков М.А. Дни Турбиных. Последние дни (А.С. Пушкин). М.: Искусство, 1955.

⁶ Зубов Николай Иванович (1895–1980), врач, близкий друг А.И. Солженицына по казахстанской ссылке. «Во всякую пору незаметно живут на земле люди с талантом: не описывать для потомков, но сохранять для собеседников... И пока голова эта ещё не поникла с шеи, ещё светит нам своей доброй сединой — мы черпаем из неё сохранённое прошлое, а уж там дальше — как сами распорядимся. Таким особым талантом, и с ранней юности, владел Николай Иванович» — так начинается посвященный Н.И. Зубову очерк Солженицына (Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. Невидимки. Очерк 1. С. 401–415). (О Зубове см. также публикацию «Невидимка “номер один”» на с. 206–216 наст. изд.) Читать «Белую гвардию» до своего ареста (1942) Н.И. Зубов мог только в журнале «Россия», где роман напечатан не полностью (см. примеч. 14).

гнание, в Вермонт.) А перед театральной афишей ахнул: в Александринке — идёт пьеса М. Булгакова «Бег»!⁷ Немедленно купил билеты, пошли с женой.

Нет, прежнего восторга тут не пережил — да ведь и был уже с полным лагерным опытом. Искомой правды — мало! мало! Ощущается придавленность (над автором, да и над театром). Срезанный потолок политической мысли, нарочитая измелъчённость этих мыслей. А есть и переклон к советскости: почти невозможен ординарец Кропилин с его разоблачениями. — А преследование от призрака — уж такой застарелый стандарт мировой литературы, и не убедителен для перехода Хлудова к красным. (Слащёвская история тут не копнута хорошо⁸. Кстати, зачем у Хлудова восточное произношение? Он неправдоподобен.)

Так это вправду ли Булгаков?

Конечно, сценическая живость его даёт нам и немало театральных мест: освобождение Чарноты из монастыря («Здорово, донцы! Здорово, гусары!»), неожиданный оборот на карточную игру в парижском доме Корзухина; турецкий мальчишка навёрчивает на шарманке «разлука ты, разлука!». — Великолепны Чарнота и Люська.

И — ещё 5 лет прошло. В ноябре 1962, во второй мой приход к Ахматовой в Москве⁹, — вдруг спрашивает Анна Андреевна: «А как вы относитесь к Булгакову?» — «Люблю — от сердца! Но видел — только две пьесы». — «А хотите познакомиться с его вдовой?» — «О, ещё бы!!» — Тут же берёт телефонную трубку, через миг уже слышу обрадованный голос Е.С., и мы сговариваемся, что приду к ней завтра же.

И 1 декабря 1962 я уже у Елены Сергеевны на Суворовском бульваре. (И с тех пор много, много раз.) Мы сразу — очень сердечно сошлись, с пол-

⁷ При жизни Булгакова пьеса «Бег» (1926) на сцене не ставилась. Попытки поставить «Бег» во МХАТе предпринимались много раз с 1928 по 1937 год и постоянно встречали запрет. В 1929 году договор с автором заключил ленинградский Большой драматический театр, и эта попытка также не имела последствий. Впервые в СССР «Бег» был показан лишь в 1957 году на сцене Сталинградского драматического театра. В 1958-м постановку «Бега» в Ленинградском драматическом театре им. А.С. Пушкина (ныне — Александринский театр) осуществил Л.С. Вивьен.

⁸ Слащёв Яков Александрович (1885–1929), военачальник, георгиевский кавалер в годы Первой мировой войны, в декабре 1917 года присоединился к Добровольческой армии, с декабря 1919-го руководитель обороны, а затем полновластный диктатор Крыма; в марте 1920-го произведен в генерал-лейтенанты. В ноябре 1920 года в составе Русской армии эвакуировался из Крыма в Константинополь. В ноябре 1921-го вернулся в Севастополь. В 1922 году написал обращение к офицерам и генералам Белой армии с призывом возвращаться из эмиграции в советскую Россию. С 1922 года преподавал в школе комсостава «Выстрел». В 1929-м убит братом одной из крымских жертв Слащева. Я.А. Слащев послужил прототипом генерала Романа Хлудова в пьесе «Бег».

⁹ Вторая встреча Солженицына с Ахматовой состоялась 30 ноября 1962 на квартире Н.Н. Глен (1928–2005; переводчица, в 1958–1963 годах литературный секретарь Ахматовой), где на этот раз остановилась А.А. Первая встреча произошла 29 октября 1962 года, у М.С. Петровых (1908–1979; поэт).

ной откровенностью, и во всём политическом тоже, и даже особенно, и до оттенков. Она была по сознанию — подлинный человек из прежней России, не осовеченная никак и ни пятнышком. Только что не открывал я ей своих подпольных замыслов — а обо всём советском, о литературных кругах и фигурах, говорили мы с ней отчаянно откровенно — да как я говорил бы с Михаилом Афанасьевичем. Уводила она меня на кухню, кормила целым ли обедом или печёной картошкой, что в моём московском неустройстве было всегда кстати, — и там мы душу отводили — ещё подслушиваний стенных и потолочных не боясь. (А Михаил Афанасьевич, рассказывала она, ещё в 30-е годы не доверял стоящему в комнате телефону: прозревал, что по нему можно подслушивать!) — Я тут прочёл ей из самого моего секретного: «О, просочись сквозь Занавес Железный! / О, крикни в щёлочку, светящую едва...»¹⁰

Михаил Афанасьевич умер не на этой квартире, сюда Е.С. переехала уже позже¹¹, — но я всё время это как бы забывал, давал уйти из памяти, я так ощущал, что вот это и есть та дверь и та прихожая, в которую я не дошёл молодым, застенчивым, провинциальным поклонником. Даже сегодняшнее постоянное присутствие здесь М.А. очень усилилось тем, что в комнате, где я теперь сиживал и без выноса читал всё его неизданное и изданное, — стояла старинная конторка, за которой М.А. писал, а в соседней комнатке, совсем небольшой, — занимая всю малую стену, висел в огромной овальной раме большой — тем больший, чем меньше комната, — карандашный портрет Булгакова 30-х годов — и в той комнатке и даже в соседней наискосок, через дверной проём — создавал мне ощущение полного и постоянного присутствия Булгакова тут.

Загадка «Дней Турбиных» теперь мне разъяснилась: пьеса очень нравилась Сталину, он был на спектакле — 19 раз! оставался ещё и вызывать артистов. (Если тут нет какого-то частного, неведомого нам, психологического ключа, — как объяснить такое пристрастие Сталина? Может быть, встречая везде и ото всех только раболепное поклонение, и даже от растаптываемых врагов, как Каменев, Зиновьев, Бухарин, и такую же искажённо-полеглую картину во всей советской драматургии и литературе, — Сталину компенсационно хотелось иногда убедиться, что есть же и независимые, гордые люди? А за персонажами — догадывался он, что и автор же таков? Или ещё в Гражданскую в чём-то он позавидовал и уважил стойкость добровольческих офицеров?)

Однако ни в каком другом театре страны пьеса так больше и не шла. А другие пьесы Булгакова или снимались прочь, как «Зойкина квартира»,

¹⁰ Строки из написанного в ссылке стихотворения «Напутствие» (1953). См.: Солженицын А.И. Протеревши глаза. М.: Наш дом—L'Age d'Homme, 1999. С. 209; см. также: *Он же*. Дороженька. М.: Вагриус, 2004. С. 245.

¹¹ М.А. Булгаков скончался 10 марта 1940 года в доме 3/5 по Нащокинскому переулку (с 1933 по 1993 год — улица Фурманова), кв. 44. Это был первый в Москве писательский «жилкооператив». Булгаков въехал в этот дом вместе с Е.С. Булгаковой в 1934 году. Солженицын приходил к Е.С. в ее дом у Никитских ворот (Суворовский бульвар, д. 25, кв. 23).

хотя шла при аншлагах¹², или вовсе не допускались, как дерзкий «Багровый остров»¹³. Кроме узкой публикации «Белой гвардии» в журнале «Россия» (кто и помнит этот журнал?)¹⁴ да где-то «Роковых яиц» и «Дьяволиады», — Булгаков мало что своё видел при жизни и напечатанным¹⁵. Это приводило его в отчаяние. И даже его дневники «взяли на просмотр» в ГПУ, и он тщетно жаловался, чтобы вернули. Посылал семь заявлений в семь адресов, и всё не было ответа. Говорил: «Нет, идти нищим на улицу — не могу, кончу с собой». Наконец послал «письмо Правительству» в 10 экземплярах, каждому видному вождю, с просьбой: или отпустить его за границу, или дать возможность работать во МХАТе «хотя бы простым актёром». И вдруг, это было в 1930 году, ему позвонил по телефону Сталин: «Ну что? Может быть, мы очень вам надоели? Отпустить вас за границу?» Страшный момент! — и не только по значительности жизненного выбора — но ведь, может быть, Сталин только проверяет, играет как кошка с мышью? Впрочем, Булгаков к этому дню уже и сам решил: «Я много думал. Нет: без родины я пропаду как писатель». Сталин на другом конце загадочно помолчал. И потом: «Ну, я думаю, вас теперь во МХАТ примут».

И, разумеется, приняли. Но не актёром же — это сам М.А. считал бы концом писательству. Какая-то неопределённая роль консультанта — но всё же заработок и атмосфера искусства — хотя МХАТа он решительно не любил, что я увидел позже и в «Театральном романе». Говорил: «Я верю театру, который родится в подворотне». (Предвидел «Современник»?..) Всё же там он по-

¹² Премьера «Зойкиной квартиры» (1925) состоялась в Театре им. Евг. Вахтангова 28 октября 1926 года, через 3 недели после премьеры во МХАТе «Дней Турбиных». В начале 1928-го пьесу запретили, но в апреле того же года вернули на сцену. Окончательно сняли по решению Главреперткома в марте 1929 года с формулировкой: «За искажение советской действительности». Всего со дня премьеры в Театре им. Евг. Вахтангова прошло 198 представлений. С конца 1926 по март 1929 года пьеса ставилась также в Киеве, Ростове-на-Дону, Тифлисе, Свердловске и Баку. При жизни автора пьеса на русском языке опубликована не была.

¹³ «Багровый остров» (1927) имеет авторский подзаголовок: «Генеральная репетиция пьесы гражданина Жюль Верна в театре Геннадия Панфиловича с музыкой, извержением вулкана и английскими матросами (в 4-х действиях с прологом и эпилогом)». Пьеса была впервые поставлена 11 декабря 1928 года в Камерном театре А.Я. Таирова. В июне 1929-го снята с репертуара, за эти полгода было дано более 60 представлений. Написана по мотивам одноименного фельетона, опубликованного в берлинской ежедневной эмигрантской газете «Накануне» (1924. 20 апр.). Текст пьесы при жизни Булгакова не печатался.

¹⁴ Журнал «Россия» («Новая Россия») издавался в СССР в 1922–1926 годах под редакцией И.Г. Лежнёва. Журнал был неформальным органом сменовеховцев. Вышло всего 19 номеров. Первые 13 глав «Белой гвардии» были напечатаны в № 4 и 5 журнала за 1925 год.

¹⁵ Повесть «Роковые яйца» (1924) впервые была опубликована в журнале «Недра», № 6 за 1925 год. «Дьяволиада» (1923) впервые — в журнале «Недра», № 4 за 1924 год. Обе повести вошли в сборники: *Булгаков М.А. Роковые яйца*. Рига: Литература, 1928; *Он же. Дьяволиада*. Рассказы. М.: Недра, 1925; переиздание этого сборника в 1926 году стало последним прижизненным изданием Булгакова на родине.

ставил «Мольера», «Пушкина» (а сам все 30-е годы работал над «Мастером»). А дальше, — загоняла ли его необходимость или он с горечью решил на несвойственную ему циническую роль, — вместе с театром задумали пьесу «Батум» — о юности Сталина от исключения из семинарии и дальше. В 1939 получили предварительное утверждение, аванс — и летом, легкомысленно весёлой группой от театра, сели в поезд — приятное дальнейшее путешествие в Грузию, собирать материалы. Но в Серпухове настигла их телеграмма: пьеса запрещена, возвращайтесь. И — как сдуло все улыбки: «запрещена» в СССР — это же не простое закрытие варианта, это карательный удар. Уже по инерции доехали до Тулы — там повторная телеграмма. Возвращались — как навстречу своей гибели, особенно автор. Позже, при первом сталинском посещении МХАТа, Немирович-Данченко вошёл в правительственную ложу и осмелился спросить: отчего запрещён «Батум». Сталин, в тигрино-просто-душной манере: «Да это не я запретил, это — вот он», — на Жданова кивнул. (Не могу так высоко подумать о Сталине, что он хотел бы продолжать любоваться независимостью драматурга, не дать ему впасть в пошлую сделку. Скорее всего: много тёмных мест было в сталинской юности, и зачем давать копать, рыскать в тех материалах.) Практически этот запрет «Батума» был концом и всякой деятельности Булгакова: через 8 месяцев он умер.

В 1932 же году (видимо, роковым для Булгакова), ещё будучи совершенно во всём здоровым, он взял со своей молодой (и уже третьей) жены обещание: «Поклянись, что не отдашь меня в больницу!» — боялся такого жребия в советских условиях. (Она выполнила, не отдала. Последние месяцы от уремии у него бывали затемнения сознания, он боялся осады, окружения, обыска, то сжигал книгу Данилевского, то выбивал стекло в окне.) Предвидел он, ещё за несколько лет, даже — в каком месте лестницы его гроб ударят о стенку. (Именно там и ударили.)

И осталась молодая вдова с грузом рукописей, не увидевших света. Пережда войну, она однажды — а второй раз такого не повторишь — решила обратиться прямо к Сталину с просьбой: допустить печатанье книг Булгакова. Это было летом 1946 — казалось, прошла война, начинается мирная эпоха? Как бы не так, попала за месяц до «ждановского» разгрома литературы! Ничего не вышло.

В 1963 и в 1964 годах в мои московские приезды я нередко выкраивал часы и полудни, чтобы приходить к Елене Сергеевне — читать Булгакова.

И первое, что прочёл я в несколько приходов, был, разумеется,

«Мастер и Маргарита». (Из предыдущих вариантов названия — «Копыто инженера». Роман был закончен в мае 1938. Но и перед смертью М.А. всё диктовал исправления.)

Разумеется, «Мастер» ошеломил меня, как и всякого потом последующего читателя, задал работы подумать. Всё описание советской Москвы

20-х годов — это был «обычный» неподражаемо блистательный, меткий, неопровержимый Булгаков — никаким советским румянцем этой картины не затереть ни в едином квадратном сантиметре ни во век. Над писательской средой Булгаков издевается фейерверочно — дом Грибоедова, Массолит, Перельгино (Переделкино), колоритный Арчибальд Арчибальдович, «чёрные волосы покрылись огненным шёлком», — ярко и хорошо, но сбивается на хохму, очень уж прямолинейно от злости. Конечно, ССП и просится в сатиру.

Клиника Стравинского — как эвфемизм для *посадки*. Серия разгромных доносительских газетных статей (а верно: «Что-то на редкость фальшивое и неуверенное было в них, несмотря на их грозный уверенный тон») и была достаточным основанием для ареста Мастера, Алоизий Могарыч подставлен как бытовая подушка, отвести остриё от прессы и ГПУ. — Яркая сцена в Торгсине («откуда бедному человеку взять валюту?»). И вот где нечистая сила выступает осуществителем справедливости. — А сцена отнятия золота в ГПУ хотя и развёрнута с буйной писательской фантазией, но вызывает несколько стеснительное, сомнительное чувство: материал ли это для такого юмора? то было слишком страшно, чтобы так забавно изображать. — Прослеживается, конечно, замысел и в том, что нечистая сила и ГПУ производят в разных местах сходные опустошения, выметают одного за другим.

С фамилиями он здесь буйствует, нарушает меру: Поклёвкина, Двубратский, Непременова (Штурман Жорж), Загринов, Иероним Поприхин, Квант, Чердакчи, Полумесяц, Богохульский, Иоганн из Кронштадта, Ида Геркулановна, Адельфина Будзьяк, Боба Кандалупский, Вечинкевич, — но и войти в положение автора: всех этих Берлиозов и Римских надо ж как-то промаскировать.

И в эту — уже по сути своей бесовскую советскую жизнь — безо всякого усилия художника, естественно вписывалась вся дьявольская компания как *своя* — и так же естественно оказывалась на несколько градусов благороднее, чем собственно советско-большевицкое, мерзостное, уже до отврата.

Уже по одному несомненному родству Булгакова с Гоголем можно было чего-то подобного ожидать. В «Похождениях Чичикова» назван шутник-сатана. В разных местах разных сочинений то и дело зацепляет Булгакова ария Мефистофеля из «Фауста», повторяет он её даже чрезмерно. Затем целая «Дьяволиада», где Кальсонер уже превращается в чёрного кота, — но это ещё не серьёзная дьяволиада, буффонада. Впервые серьёзно — здесь.

Что могло его так увлечь этой темой? Отклоняю какую-либо прирождённую склонность или мистическую связь. А думаю: ещё с Гражданской войны испытал на себе жестоко раскаты революционной колесницы, едва уцелел под большевиками после своей довольно случайной белогвардейщины, скрываясь, путая биографию, голодая в Москве, с отчаянием пробиваясь в

литературу, испытывая всю давящую тяжесть и режима, и литературной мафии, — должен был он как-то мечтать о мече справедливости, который когда-нибудь на них бы всех упал. И уже не может он мыслить справедливости Божьей, — а вот дьявольскую! Отчаяние Булгакова от советских лет — никем не разделённое, ничем не разрешаемое, — а вот только нечистой силой. Мастер так и говорит прямо: «Конечно, когда люди совершенно ограблены, они ищут спасения у потусторонней силы».

А кроме этой авторской жажды разящей кары — никакой серьёзной мотивировки прибытия Воланда в Москву — нет; выставленный предлог посмотреть на москвичей, собранных во множестве, мало тянет: что природа человеческая не изменилась и в советское время, Воланду и так должно быть ясно, без экскурсии в Москву.

Сатана в этом романе — единственный сильный, честный, умный, благородный — в мире фальшивых или неполноценных. Да ведь не случаен и эпиграф из Фауста: «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Да в советских условиях нечистая сила и может выглядеть как освобождающая, по сравнению с ГПУ — так прямо сила Добра?

Очень хороши детали наружности Воланда, когда показываются: один, зелёный, глаз безумен, другой, чёрный, пуст и мёртв, выход в колодезь тьмы; скошенное лицо, кожу навек сжёг загар. В конце — чёрная перчатка с растремом (когти?). — Коровьев, эти куриные перья усишек, пенсне без одного стекла, дребезжащий голос — и потом, особенно эффектное именно у него, преобразование в тёмно-фиолетового рыцаря с неулыбающимся лицом. — Убийца Азazelло — клык изо рта, глаз с бельмом, кривой, огненно рыжий — это же всё надо было автору вообразить и в живости, и в разнообразии. — Кот выше похвал, а все четверо вместе составляют даже какую-то гармонию, хор.

Много блистательных сцен с проделками нечистой силы: первые действия в квартире 50; коровьевские штучки (гл. 9), очень изобретательно; расправа с Варенухой (гл. 10); сеанс магии в Варьете (12), блистательно; муки Римского (14); конец квартиры 50 (27), кот отстреливается; Коровьев и кот в Торгсине и в Грибоедовском доме (28). А бал у Сатаны поражает неисчерпаемой фантазией. (И, кстати, кто же наказан на этом балу убийц и отравителей? — Только стукач, барон Майгель, то есть стукачи хуже всех отравителей — как и душиатели литературы.) — Маргарита в гостях у воландовой свиты — средне; оригинально только, как расступается помещение квартиры, а шахматная партия и плутни кота — пересмешнены. Самая первая сцена у Патриарших прудов, очень сильная в первом чтении, уже в третьем показалась мне пережимом. — А уж погоня Ивана по Москве за свитой Воланда — перебор, шуточный комизм, только кот с гривенником хорош. — Ещё более переборная гл. 17 — пиджак без головы, хоровое пение под гипнозом (символ всего советского бытия?), но не оправдано сюжетно: зачем это нечистой силе? Булгаков расшалился. Да и глава 18, дядя из Киева, в начале

смешно, а потом уже и нет, никуда не ведущие эпизоды забав бесов. — А вот преобразование всех в последнем полёте — почти гимн Сатане.

И всё самоуправство дьявольщины вызывало бы только хохот и никакого душевного протеста — если бы временами, чеканной, каменной, содрогающей поступью фраз, в эту же книгу не вводились бы главы евангельской истории — и так уж не по-христиански увиденные! Почему рядом с этим лихим, победным, присвистывающим сатанинством — Христос вводится лишённым своего истинного, привычного нам облика, таким жалким, приниженным, и настолько без своей душевной и умственной невообразимой высоты, которою-то он так и светился среди людей? и настолько — без собственно сути христианства? В первом же том чтении ощутил я душевный пригнёт, а в последующие годы, при перечтениях, тяжёлое чувство усилилось. Если евангельский сюжет увиден не непременно глазами Воланда, то глазами совершенно атеистической интеллигенции. (И это пишет сын богослова, — правда: и ожесточённый, и удушаемый уже полутора десятком раннесоветских лет.) Естественное объяснение — история и практика создания этой книги. Как рассказала Елена Сергеевна, Булгаков писал её вовсе не для отдалённого будущего: он нёс надежду напечатать её в советских условиях — хотя как?.. Ильф и Петров, друзья по «Гудку», знали об этом романе и обещали как-то помочь Булгакову (но не помогли ни в чём). Если теперь перенестись обратно в ранне-тридцатые годы, кто хорошо их помнит, — и вместе с автором прочесть книгу в *те* годы, в *той* обстановке — да это почти христианский подвиг: посметь заявить, что Христос *вообще* являлся (ведь Его не было вообще)! И что Он — не миф и был искренен, добр и не нёс в себе никакого «опиума для народа»! Да же в этом униженном облике Иешуа разрушал атеистическую коммунистическую ложь?

Но: в оплату, навстречу цензуре, должен был состояться ряд внутренних уступок (как в «Беге»), и это могло показаться автору допустимым. По сути: оборачивание образа Христа; разрушение смысла евангельской истории; разрушение и сюжета её — это могло показаться сходной ценой? — Никаких апостолов, кроме путаника Левия Матвея, ни Тайной Вечери, ни жён-мироносиц, а главное — никакого Высшего космического смысла в происходящем. Как будто нарочно разрушается весь сюжет: Христу — не 33, а 27 лет, он из Гамалы, отец сириец, не помнит родителей; он не въезжал в Иерусалим на осле под ликование жителей (тогда ничем и не обосновано озлобление Синедриона), и с Иудой познакомился только вчера. И это «Га-Ноцри». «Злых людей нет на свете» — это совсем не евангельского смысла. И учения, собственно, нет никакого. Единственное чудесное действие: читает мысли Пилата и исцеляет его от боли. Даже и в вечности, хотя оставлена за ним «область света», Иешуа не имеет власти: сам не имеет власти простить Пилата и наградить его покоем, просит о том Воланда.

А вот Пилат — разработан правдоподобно, интересно. Эта головная боль (до мысли о яде?) тоже хороша: как легко палач может стать мучеником. Верное ощущение: чего-то не договаривал, не дослушивал. Пока ласточка летела — сформулировал для себя помилование. Но искусственно вложена мысль: «пришло бессмертие; чьё?» Разговор с Каифой хорош. — Вся интрига по убийству Иуды — вполне в духе плутовских или авантюрных романов предыдущих веков, это — читано, это не в уровень с темой.

Вероятно, большой труд представляло автору разыскать, представить все возможные детали. Может быть, где и сорвался. Но многое кажется — убедительным, география города, подробности одежды, быта. Очень реальна картина страданий распятых, эта облепленность оводами. (Страшную грозу при смерти Христа — сохранил.)

Итак, в мире Булгакова — Бога нет вообще, даже за сценой, даже за пределами видимого мира. На окраине его — беспомощный Иисус. (Впрочем, русское понимание: «В рабском виде Царь Небесный».) А миром владеет, царит над ним — Сатана. Булгаков в этом романе даже не приближен к христианству, заземлён по-советски. (А где у всего Булгакова есть прямая религиозность? только в «Белой гвардии», молитва Елены.)

«Что бы делало твоё добро, если бы не существовало зла?» — очевидно, и мысль автора. И до смерти, и при смерти — Булгаков прямо к православию не повернулся. (Сравним, что и Клюев в эти же годы упражнялся в богоборчестве.) В этом «не заслужил света, он заслужил покой» — мироощущение и жажда самого автора. И в повторном возглашении, что трусость — худший из человеческих пороков, — самобичевание, разит сам себя? (Много раз приходилось и ему сгибаться, хотя не в характере его это было!)

Но может быть — и сложнее того. За пределами практического объяснения цензурой: почему у Булгакова не раз вплетались и сказывались мотивы дьявольщины? Тут есть некое длительное пристрастие автора, напоминающее нам — Гоголя. (Как и вообще, по блеску юмора, столь редкого в русской литературе, он тоже повторяет нам Гоголя.) Точнее сформулировать так, что по какой-то острой им надобности сатанинские силы настойчиво боролись за душу и того и другого писателя. И сотрясения этой борьбы сказались на обоих. Но и в обоих случаях — Сатана не победил.

Я восхищаюсь этой книгой — а не сжился с ней. Для меня лично — и тут сходство с Гоголем: никто из русской литературы не дал мне меньше, чем Гоголь, — просто я *ничего* от него не перенял. Он мне — чужее всех. — А Булгаков в целом — напротив: хотя и у него я ничего не перенял, и свойства наших перьев совсем разные, и главный его роман я не полностью принял, — он остаётся мне тепло-родственным, воистину — старшим братом, сам не могу объяснить, откуда такая родственность. (Да очень я прочувствовал его истерзанность под советской пятой, знаю по себе.) И только молюсь за душу его, чтоб он вышел полным победителем из той изнурительной борьбы.

И ещё о «Мастере». *Мастера*-то — в романе почти и нет, кроме романтического рассказа Ивану о своей возлюбленной. Нет творческой фигуры, высокого духа — хотя, конечно, в замысле и заложена сломленность. (Писатель в психдоме — пророчество к 60–70-м годам.) В том, как он прощается с Москвой, «как бы грозя городу», «горькая обида» — тоже сам писатель Булгаков. Сцена нежности между Мастером и Маргаритой в конце — довольно тривиальна, разговор влюблённых мало трогает. При всём том эротическая струна совсем не звучит. (Как почти и нигде у Булгакова?) Да, Мастера нету. (Хотя один раз упомянута наружность: темноволос, клок на лоб, острый нос, встревоженные карие глаза.)

А Маргарита? Жадно впитывает все заветы дьявольской компании, их общество, взгляды и шутки. Она — и природой своей, и духом — их, откровенная ведьма, так легко освоилась с сатанизмом, сама прижимается к Воланду. А потом в подвале: «Как я счастлива, что вступила с ним в сделку! Я ведьма и очень этим довольна! Здоровье Воланда!» О Воланде: «Понимаю... Я должна ему отдалиться?» Культ ведьмизма: её не только моют кровью, но даже «взрыв скрипок окатил её тело, как кровью». — Маргарита в полёте — хотя фантазии много, но забава средняя: не ново, по элементам как будто давно знакомо, заимствовано. (Мастер и Маргарита ещё всё время чертыхаются.)

Иван Бездомный — тоже какая-то недоигранная, недооформленная фигура, как будто столь важная действующая, — а...

Не уходит из поля зрения сам рассказчик, который то и дело поддаёт фразы от себя, совсем и не нужные оговорки (в этом тоже заметно гоголевское влияние): «факт всё-таки остаётся фактом», «не выдержали нервы, как говорится», «всё смешалось в доме Облонских, как справедливо выразился знаменитый писатель Лев Толстой», «а впрочем, чёрт его знает, может быть, и читал, не важно это» и более короткие, но совсем не нужные напоминания о рассказчике: «интересно отметить», «чего не знаем, того не знаем», бодрячкие залихватские обращения к читателю, в которых нет остроумия, а — избыточность. Это создаёт торопливость и неряшливость изложения.

Язык. — При первом чтении мне показалось, что евангельские главы отличаются сколоченным, плотным, даже и звучным языком. При повторных впечатление ослабло, не знаю. — В московских главах шутивая стремительность. — Реплики бывают отдельные живые, а в целом — не индивидуальная речь.

— Кинжальная борода; юбилейный голос; трубка (телефонная) опустела; взрыв скрипок; я жил с этой... ну... этой, ну...

Однако: адская боль; адская жара; дьявольский огонь сверкнул в глазах Пилата; головная Стёпина каша; с великой ловкостью; головную кашу трудно передать; то, что было сказано о том, что... — это всё небрежно.

Конечно, язык легкочитаем, много диалогов, да при таком динамичном действии.

Юмор — главная прелесть Булгакова всегда. И много его тут. Кое-что сразу вошло в поговорки:

осетрина второй свежести (только зря разъясняется); крепко ударить по пилатчине; никого не трогаю, починаю примус; что это у вас, чего нихватишься, ничего нет; надо признать, что среди интеллигентов тоже попадают на редкость умные; вот до чего эти трамваи доводят; это был ни с чем по прелести не сравнимый запах только что отпечатанных денег; от постоянного вранья скошенные к носу глаза; смерил взглядом, будто собирался сшить ему костюм (как это по-чеховски!); нет документа, нет и человека; как бы молью изъеденные, сивые брови; отмахиваясь от жены босой ногой (разговор по телефону с ГПУ).

С «Мастером» была у нас ещё та длительная тревога, что некий студент из Тарту, допущенный Еленой Сергеевной до чтения «Мастера» без выноса, — каким-то образом умудрился унести и увезти экземпляр, не знаю — с корыстной целью или безкорыстной, но много месяцев шли с ним переговоры: вернуть роман вдове, а не давать ему самостоятельного хода. Всё-таки вернул¹⁶. О, сколько тревог у подсоветского держателя запретных душимых рукописей! Была ли раньше? — но в моё время уже не было в Е.С. той дерзости, с которой Маргарита могла бы вести бал Сатаны.

Но — ещё же, ещё сколько прочёл я в доме Е.С. Сперва потянулся к **«Багровому острову»** (1927) — блистательной сатире, к постановке, запрещённой на корню тогда же, лишь чуть просверкнула в Камерном театре...

¹⁶ Студент из Тарту был членом группы, изучавшей творчество Булгакова под руководством жены Ю.М. Лотмана З.Г. Минц. Лотман вспоминал: «С рекомендацией Зары Григорьевны и моей он (будущий похититель. — Н.С.) был гостеприимно принят Еленой Сергеевной Булгаковой и допущен к чтению по машинописной копии еще не опубликованного тогда романа «Мастер и Маргарита». Через некоторое время он стал появляться на кафедре с машинописью этого романа (это был не первый экземпляр, но с карандашной авторской правкой). Он заверил, что получил эту рукопись легальным путем от Елены Сергеевны.

Дальше разыгралась совершенно булгаковская история. Елена Сергеевна взволнованно сообщила нам, что экземпляр «Мастера и Маргариты» украден, и что она крайне тревожится, поскольку ведет переговоры с Симоновым о публикации (переговоры довольно безнадежные и затянувшиеся, но не прекращавшиеся), и что если рукопись ускользнет за границу и там будет опубликована, то это навсегда (тогда казалось, что навсегда) закроет возможность издания ее в СССР» (*Лотман Ю.М. [Из «Не-мемуаров»] // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2012. Вып. 1. С. 324*).

В июле 1963 года Солженицын был в Тарту и в попытке вызвать машинопись «Мастера...» пришел в дом к Лотману, так состоялось их знакомство. У Ю.М. Лотмана этот эпизод описан так: «В дверях стоял высокий человек с энергией в лице и фигуре, которая выражала полную готовность вступить в драку. <...> К счастью, в первых же словах я мог успокоить Солженицына известием, что рукопись уже отправлена Елене Сергеевне и если еще не пришла, то должна прийти сегодня-завтра» (Там же. С. 324, 325).

Разбирает смех уже от подзаголовка пьесы¹⁷ и сумбурного списка действующих лиц. Двойной театр, театр в театре, дух театральной жизни — такого не может написать просто драматург, но — прирождённый театрал, каким и был Булгаков. Ликующее озорство подготовки спектакля: ещё и пьесы никто не прочёл — уже генеральная репетиция в гриме и костюмах (и одновременно же: какая политическая заострённость!). Рассчитано на блистательные трюки и игру. (В духе той же игры — несколько раз цитация из «Горя от ума».)

Типично сценическое: лучший артист — в запое. Роль революционного главы, проходимца, исполняет сам «автор» (и прорыв собственно-булгаковского отчаяния голодного, нищего автора — единственное в пьесе серьёзное место, романтический монолог). — Правда, в отношении юмористичности картины неравномерны. Всё 2-е действие и в начале 3-го юмор опадает, идёт динамичное представление, каких в театрах много бывало. А со второй картины 3-го действия — опять блеск, прорывы театральной кухни и желанный приход Саввы Лукича, цензора. И много смеха в эпилоге.

В политическом отношении это, может быть, самое острое булгаковское произведение — сплошная издевательская (очень смелая для того времени) пародия и на революцию (во главе с проходимцем), на её вождей-обманщиков, на её лозунги и тирады, на её отравленные стрелы, и на шаткую англо-французскую интервенцию в защиту белых («Европа не может допустить разбой»).

Да белые арапы у Гленарвана — в гротескной форме верно передают и положение белой эмиграции за границей. Оч-чень расширительные толкования у пьесы. И само же собой — хамство советской театральной цензуры.

Из политических реплик:

— Метёлкин! Устрой международную революцию через пять минут. — Будет, Геннадий Панфилович!

— (попугаю): Лозунговое что-нибудь! (попугай:) Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

— Дым отечества нам издали приятен

— Вре́мён Колча... вре́мён колчаковских и покоренья Крыма.

А следующим — читал я «Соба́чье сердце»¹⁸. Расцвет таланта! Какая гущённость замысла! В парочке Швондер — Шариков, верней в треу-

¹⁷ См. примеч. 13.

¹⁸ «Соба́чье сердце» (1925) предполагалось опубликовать в журнале «Недра» вслед за повестями «Дьяволиада» и «Роковые яйца» (см. примеч. 15). В марте 1925 года Булгаков дважды читал повесть в собрании «Никитинских субботников». Подробный отчет агента ОГПУ, бывшего среди слушателей, решил судьбу публикации: при жизни Булгакова повесть напечатана не была. В мае 1926 года к нему пришли с обыском, были изъяты два экземпляра машинописи «Соба́чьего сердца» и личные дневники писателя. Уже в начале 1930-х повесть распространялась в Самиздате. Впервые опубликована в журнале «Грани» (Франкфурт) (1968. № 69). На родине — в журнале «Знамя» (1987. № 6).

гольнике с профессором Преображенским, — явлена нам сосредоточенная атмосфера советских 20-х годов, *весь главный смысл* той эпохи. По отношению к советскому режиму Булгаков здесь смел, как нигде. Кажется даже: он писал просто без оглядки на печатанье! И всё это непринуждённо подано через как бы простой, частный, но какой динамичный сюжет. И вся повесть — в строго угаданном объёме, нет лишнего! — На читателя обрушивается вереница афоризмов, так характерных для Булгакова, они — рвутся войти в живую речь общества (да только общество узнало их через 60 лет — и всё ли? я ведь читал рукопись, мне кажется — там было больше острого, и всё ли состоялось в печати?). И сколько же черт советского быта уместил!

Быстрота короткой обрисовки — поток пациентов профессора, очень плотен и запоминается. — Повествование от пса ведётся вполне условно, Булгаков не затрудняется сузить лексику или понимание, даже: «Сады Семирамиды» — подумал пёс о запахе, или: «Он бы прямо на митингах мог деньги зарабатывать» — Булгаков откровенно шутит. — Первая книга Шарикова — «Переписка Энгельса с Каутским», и Шариков «не согласен с обоими».

Юмор никогда не изменяет Булгакову, он рассыпает его повсюду щедро и без политического заострения, без прямой цели — остроумие, которое, кажется, не доставляет автору труда, это ему — как щёлкнуть пальцами на ходу.

За эти и следующие годы Елена Сергеевна не раз советовалась со мной, как правильно поступить с произведениями, оставшимися на её руках: кому что показать, как вести переговоры, на каких условиях соглашаться. Так, скрыто, несколько вложился я в ход и судьбу «Мастера», «Театрального романа» и «Собачьего сердца». В Западной Германии у Е.С. жили родственники (кажется — жена брата), её отпускали раза два туда погостить, однажды ездила она и в Париж¹⁹. Но несмотря на жестокую удавку в Союзе, Елена Сергеевна, верная пониманию мужа, не избрала путь *толкать* книги скорее в западное печатание — но правильно избрала пытаться, пытаться и пытаться, пусть в удушенном виде, печатать Булгакова на родине. Позже выпустила в Самиздат список купюр, самовольно сработанных редакцией журнала «Москва», — и так на руках стало обращаться «дополненное» изда-

¹⁹ В Гамбурге жил старший брат Е.С. — Александр Сергеевич Нюренберг (1890–1964) с женой и сыном. К нему, уже смертельно больному, Е.С. приезжала в конце 1963 года и оставалась в Германии до его похорон. В 1967 году Е.С. встречалась в Мариенбаде с племянником О.А. Нюренбергом, следующая встреча с ним была в Париже в 1969-м.

ние «Мастера»²⁰, он — вынырнул из того бурого пепла! Только уж абсолютно «непроходимое» «Собачье сердце» пошло прямо на Запад. Одно французское издательство тоже как-то некорректно поступило с Е.С., не помню подробностей. Беззащитна она была.

Рассказала мне Елена Сергеевна: затравленный десятками журналистов и критиков (если б один «Лагунский»!) в пошлых, подлых, доносных, издательских, язвительных статейках, годами обтираясь от этих плевков и не вправе ни одному ответить, Михаил Афанасьевич терпеливо — и безцельно? — вёл список фамилий этих поносных блевателей, да на две трети псевдонимных. С тем и умер.

И этот список Елена Сергеевна завещательно отдала мне, храню. Будет ещё место — представлю его, он очень выразительно впишется в историю советской литературы²¹. Океаны топкой грязи в нашей стране разведены не только же владыками со Старой Площади — там и образованцы потрудились! И если «не забудем» тех, кто голосовал против Пастернака, — то будем же знать поимённо и тех, кто на четверть столетия прежде того затравили насмерть Михаила Булгакова. (Их дети потом носились с «Мастером», да гляди — и хвалебные рецензии писали.)

²⁰ Публикация романа «Мастер и Маргарита» в журнале «Москва» (1966. № 11; 1967. № 1) сопровождалась слухами, что роман жестоко цензурирован. Зимой 1968–1969 гг. я приходила к Е.С. Булгаковой (А.И. познакомил меня с ней) и в той самой комнатке с окном на бульвар, с портретом Булгакова в огромной овальной раме переписывала от руки сделанные журналом изъятия (многие из них были трудно объяснимыми). Затем знакомый переплетчик вплел перепечатанные на машинке купюры под одну обложку с журнальным текстом романа, в котором отмечены были места изъятий. Именно в этом самодельном «издании» читал Солженицын «Мастера...» второй раз в 1971 году (а третий — в 1989-м, по изданию «Худлита» 1973 года). (См. вклейку между с. 32–33 наст. изд.)

²¹ См.: «Вдова Елена Сергеевна передала мне в 1967 хранимый ею список рецензентов — где открытых фамилий, где скрытых трусливых псевдонимов (а чего прятались? ведь писали в угоду властям) — и просила, поручила когда-нибудь огласить. (Это, помимо печатных рецензий, ещё не знал Михаил Афанасьевич о личных жалобах Сталину, как от Билля-Белоцерковского: что “много ставят Булгакова” и что “Бег” — контрреволюционен.) Я обещал Елене Сергеевне, что непременно этот список опубликую — и вот он тут, в том порядке фамилий, как я его получил: [56 имен]. И ещё отдельный список заклятых врагов “Турбинных”: [26 имен]. Так двигалась на Булгакова бетонная, безжалостная стена, и через бойницы её, в расписных масках, со справками о благонамеренности от ГПУ, звонкозвучно палили все эти загадочные и недосыгаемые Пингвины, Лиры, Театралы, Уриэли, Садко, Бастосы, Эллыны, Стэны, Маллори, Незнакомцы (а какая подлость: бранить последними словами и подписываться “Незнакомец?”). — И ещё в том очерке: «Как было жить Мастеру среди этих ищеек и волков? ведь отвечать — не дано. И всем вкруговую — не ответишь. Сам Михаил Афанасьевич составил толстую книгу вырезок — ругательных статей против себя. Ругательных он насчитал 298, а доброжелательных — только 3. Когда-нибудь и все эти статьи вместе опубликовать бы, хоть для историков литературы, пусть ужаснутся» (Солженицын А.И. Награды Михаилу Булгакову при жизни и посмертно // Новый мир. 2004. № 12. С. 122–127).

У Елены Сергеевны же, в машинописи, читал я и «Театральный роман». Позже, в подредактированном виде, уже в «Новом мире». После того записал более подробно свои впечатления. Может быть уместно повторить их здесь.

«Театральный роман» (1936–1937)²².

Общие черты его прозы (во многом относится и к «Мастеру»):

- острота и готовность к насмешке так и бьёт из-под пера;
- не описывает (почти или мало) наружностей, иногда только одно слово («пожилой»), а все характеры сказываются в речи; никаких длинных авторских описаний, но живейший диалог, много диалога, и он брызжет смехом;
- лепка характеров на ходу и динамичное действие, вообще всегда — динамизм из главных черт Булгакова;
- оттого очень легко читается.

(Свои недостатки он знает, это — в шуточных выкриках слушателей романа: «Язык!.. Метафора — не собака!» И правда: язык у него не выпуклый, не углублённый, а средне-городской. И метафор нет. Но вот показывает, что и без того можно: оттого-то легко и читается.)

Пожалуй, нервностью, порывистостью, то перекидкой с читателем, то полётом мысли — и тут проявляется гоголевская школа.

Юмор. — До середины, главы до 10-й, в нём лучшее. Булгаков — мастер юмористических ситуаций (оттого так успешен был в устных импровизациях). Допускаю, что что-то в манере позаимствовал от бойких дореволюционных юмористов. Часто — смешные, улыбочивые замечания, долго не отпускает нас от них. Каждое не много весит, но вместе создают атмосферу непрерывного искрения. Удача прежде всего в том, что юмористически принижен герой. Вся писательская компания, вероятно того и заслуживающая. Великолепен Измаил Бондаревский (А.Н. Толстой) с его «га, черти!», плевотными рассказами про Париж, путаницей в дверях с Баклажановым. Галерея портретов Независимого театра — нельзя не хохотать. Хорош Немирович: и что в Индии, и его «Калькутта не понравилась, самочувствие хорошее»; о Ганге: «этой реке чего-то не хватает»; решил задачу Ксеньи — не должна выходить из средних дверей, впрочем тут же: пусть выходит как хочет. Издевательство над мхатовским методом — уже, наверно, сильно преувеличенное в репетициях, ведомых Станиславским, — а убеждает, веришь.

²² Роман написан по канве незаконченной повести «Тайному другу» (1929). Авторское название — «Записки покойника» — на рукописи подчеркнуто двойной чертой, так называли роман в доме Булгаковых, так он именуется и в дневнике Е.С. При подготовке журнальной публикации был избран более «проходной» вариант, «Театральный роман». Под таким названием и был впервые опубликован в «Новом мире» (1965. № 8).

(Вообще, уже зная действительную жизнь Булгакова, видишь, как много здесь автобиографического, но успешно преображено — мастерство весёлого преображения.)

Очень бегло-осторожно высмеивает и советчину: окончил два факультета, но скрывает, говорит — что церковно-приходскую школу; «в вашем рассказе чувствуется подмигивание»; «не так велики уж художественные достоинства твоего романа, чтобы из-за него идти на Голгофу». — Неизвестный друг с багровым лицом из Центральных бань. В машинописи я читал ещё замечательное: что за таинственное дело у Ильчина? «Я остановился на мысли, что он хочет поменяться со мной комнатой» (из рук вон дрянной, на 7-м этаже).

Интересно, что Булгаков здесь не снижает до надрывно-смешных фамилий, как Салтыков-Щедрин, да и ранний Чехов, да и Гоголь. Но чрезмерно много имён-отчеств, плохо привязаны, не вспоминаются, путаются.

Однако: в середине, в главе 11-й, наступает утяжеление, зачередили утомительные повторы, затянутости, показ театра уже не смешон, а дальше и зол. По отношению к Станиславскому так несколько раз и срывается: злые глаза, злой; может быть, и так, но потеряна вся искристость подачи. Сцена на Сивцевом Вражке кажется уже фарсовой, грубо. Манера письма совсем зашаталась — а, наверно, оттого, что роман-то не дописан, вообще не доделан.

Без, как будто, надобности, без участия в общей композиции опять прорывается и опера «Фауст», и Мефистофель (затем и слишком выразительный кот) — нет, не случайно Булгакова на эту дьяволиаду всегда тянуло.

Единственное поэтическое место — как начала создаваться в чувствах пьеса (будущие «Дни Турбиных») — выпадает из общего зубоскального стиля. Да вообще сердечная привязанность к сцене у Булгакова незаурядная. Он, очевидно, и был прежде всего драматург, а потом уже прозаик.

Жесты:

- растопырил руки, как будто хотел поймать курицу
- смеясь одними щеками
- стёр удивление с лица.

Небрежности:

- ликвидировал висевший на моей совести вопрос
- меня до глубины души интересовали
- нужно было предложить чаю, а у меня не было масла; вообще в голове была каша.

В языке у него встречаются и приятные выражения старой России, ещё не стёртые в советское время (принимаю на себя ручательство; достолюбезный и др.).

Хорошо:

- лакированная кулебяка;
- вскипел водоворот усаживаний;
- порхнул аплодисмент.

И как пророчески: что ненавидит, когда: «вас к телефону! вам телеграмма!» — Так и было со звонком Сталина (а Булгаков — спал) и с телеграммой в поезд, отменившей «Батум» (и убившей Булгакова): «Бухгалтеру телеграмма!» — «Наверно, Булгакову?»...

У Е.С. впервые читал я и «Записки на манжетах»²³, — вот уж воистину булгаковская лёгкость!

Не Булгаковым изобретённая, в те годы в советской литературе даже модная фрагментарность: при которой многое вмещается в малое число строк, и особенно убористо, если повествование от «я». Но Булгаков представляет эту фрагментарность весьма талантливо, всю простёгивает её неизменным у себя юмором. Короткие и даже обрывистые фразы, и даже всего одна фраза иногда идёт как фрагмент. Уже та предельная фрагментарность, которая почти не наполняется и плотью, нет места для качеств предметов. Кой-где и до безсвязности: что это за женщины при больном авторе? То всё Владикавказ, и заработал хорошо пьесой, то — сразу за тем, без связи, в Батуме, голодный, без денег. Такие прорывы сюжета — это уже за пределами понятия фрагментарности. — Тем не менее картина дел в ЛИТО при всей фрагментарности дана очень отчётливо (он вообще выхватывает юмористическую неуклюжесть советских учреждений, как и в «Дьяволиаде»). — Сильно, выразительно: обходной приезд с мешками в ночную Москву.

— Как изящно высмеян Мейерхольд, всего лишь: один раз — басом: «Мейерхольд»; 2-й раз серебристое сопрано: Мейерхольд. Уже смешно и значимо. А потом ещё раз — просто одна его фамилия, неожиданно и неуместно; «Мейерхольд феноменально популярен в этом здании» — даже лишнее.

— «“Три мушкетёра” неподражаемого Дюма» — это не просто усмешка, Дюма и вправду должен нравиться Булгакову: крайним динамизмом повествования, безыскусственностью прозы, простотой лексики.

— «...Нервно отозвались флаконы за стеной» (волнение женщины). Вспышки добротного юмора то и дело.

Мать. На дне.

Наро-браз. Дико-браз. Барбюс. Барбос.

²³ Целиком повесть «Записки на манжетах» (1922–1923) впервые опубликована в журнале «Театр» (1987. № 6). Прежде первая часть была напечатана в сменовеховской газете «Накануне» (Берлин. 1922. 18 июня), вторая — в «России» (М. 1923. № 5).

— Прочитал доклад о Гоголе и Достоевском и обоих стёр с лица земли.

— Докладчик рвал на Пушкине в клочья белые штаны.

— Пушкина больше, чем меня, ненавидит.

— Только через страдания приходит истина... Это верно, будьте покойны! Но за знание истины ни денег не платят, ни пайка не дают.

— Портрет Пушкина — «вылитый Ноздрёв»: «Вы, значит, Пушкина никогда не видели — (хихикнул в докладе о Пушкине — Ноздрёве). — «Успех был потрясающий, феноменальный».

— Осип Мандельштам, держа голову как принц: «Из Крыма. Скверно. Рукописи у вас покупают?» — «...но денег не пла...» — и уехал (не дав кончить фразы).

— Чтоб их разорвало с их юмором! На Кавказ заехали, и тут голову морочат!

— (Сальери отравил Моцарта) громовые: bis!

— Я не могу ничего написать из туземной жизни, ни революционного, ни контрреволюционного.

— Не нады нам больше этой парнографии: «Горе от ума» и «Ревизора».

— Я против смертной казни. Но если поведут расстреливать мадам Крицкую (потерявшую ведомость зарплаты) — я пойду смотреть.

— Сон: (увидел себя Львом Толстым в Ясной Поляне, и Софья Андреевна зовёт на вегетарианский обед): «Послать за мясом! Битки сделать. Рюмку водки». И потом: «Пошёл вон из моего дома! Чтобы ни одного духобора!»

В 60-х прочёл я и «Кабалу святош», и «Дон Кихота», и «Последние дни», да и все остальные пьесы.

«Последние дни (Пушкин)»²⁴. — Вероятно и правильно, что Пушкин вовсе убран со сцены, но тогда где же, как, через что должны выступить его взгляд и накал? Чтение стихов то Никитой, то Битковым и другими — этого не заменяет (и этого чересчур много).

А — как писать иначе? Осмелеть на сцену, где бы Пушкин не повторял своих известных мыслей, открыть в нём совсем новое? Это очень трудный замах.

Но в пьесе и вовсе нет *ни одной* свежей, авторской мысли о Пушкине или его гибели. От необходимости ли подлаживаться под советскую цен-

²⁴ Пьеса «Александр Пушкин (Последние дни)» (1935) при жизни М.А. Булгакова не ставилась и не публиковалась. Премьера состоялась во МХАТе 10 апреля 1943 года; спектакль (под названием «Последние дни (Пушкин)» держался на сцене 16 лет. Впервые текст напечатан с театральными изменениями: *Булгаков М.А. Дни Турбиных. Последние дни (А.С. Пушкин)*. М.: Искусство, 1955. Название пьесы при постановках и публикациях варьировалось, авторское же название: «Александр Пушкин».

зуру? от влияния ли Вересаева (Елена Сергеевна говорила, что Вересаев испортил эту работу)? — но угнетающее повторение аздов советской хрестоматии. У Николая I — ни тени души, ума, и дубинное ухаживание за Натальей Николаевной, и топорно-хрестоматийно с Жуковским, и таков же Долгоруков, Дубельт (какой примитив — 30 сребреников дважды, совсем вкус отказал!). И пусть не один Битков (требования драмы), но неужели уж *такой* слезжой Пушкин был обложен.

Сцена на завтраке у Салтыковых — перегружена лишним, но и без этого почти лишняя (искусственное введение общественного фона).

А вот Александра Гончарова — очень удалась, очень мила и глубока! и какими скупыми средствами. (Проник в её дух.)

Чтение лермонтовских стихов перед выносом тела — по-моему, хорошо.

«Дон Кихот»²⁵. Вот — образец инсценировки прозы, то есть когда переделка в пьесу нисколько не повредила. Яркий отличный конспект огромного сочинения, удивительное лёгкое изящное изложение сюжета в его основных чертах, но со своими вариациями (неизбежными при переделке). Сохранён весь аромат и тон Сервантеса, вероятно — часть диалогов, а другая — сочинена на основе остального текста. И отлично удалось преобразование комического поначалу сюжета в высокий, духовный — то есть стержень книги.

Конечно, Булгакову пришлось очень уплотнять, по три сервантовских эпизода в одной картине. Где юмор — первоклассный, великолепный (контрасты речи Дон Кихота и простого народа), большой простор для актёров. Много шуток в начале, есть характеры даже у лиц, не названных по именам («погонщик мулов»). Очень сценичны стремительные переодевания в 5-й картине.

От спора с духовником у герцога и дальше в наставлениях Дон Кихота Санче — подъём, какой подъём мысли!

«Кабала святош» (Мольер)²⁶. Та же лёгкость, драматургичность. Явная параллель с современностью: столкновение таланта и деспота, таланта и касты. Автобиографично для Булгакова в те годы.

²⁵ Инсценировка романа Сервантеса была заказана Булгакову Театром им. Евг. Вахтангова. Пьеса «Дон Кихот» (1938) должна была увидеть сцену 1 января 1940 года, но первый спектакль прошёл в апреле 1940-го, через полтора месяца после смерти Булгакова, и не в Москве, а в Драматическом театре им. А.Н. Островского г. Кинешмы. В 1940–1941 годах пьесу поставили сразу 4 театра, в т. ч. вахтанговцы.

²⁶ Пьеса «Кабала святош» (1929) была поставлена во МХАТе под названием «Мольер». Премьера состоялась 16 февраля 1936 года, а через 3 недели, 9 марта, в «Правде» появилась разгромная статья «Внешний блеск и фальшивое содержание», и пьеса была снята, пройдя, при аншлаге, лишь семь раз. При жизни автора текст не публиковался.

А ещё здесь мне хочется вспомнить малозамеченные, когда они и в советской печатности появились (в начале 60-х годов), —

«Записки юного врача»²⁷.

Таких рассказов появилось семь, и они великолепны, может быть особенно «Стальное горло» (трахеотомия) и «Вьюга» (вызов, смерть молодой женщины). Такого делового врачебного нет, я думаю, во всей русской литературе. Казалось бы: Чехов-то — врач! — и что же он такого не писал? Эти рассказы хватают за сердце волнением, сочувствием, напряжением. Простая динамичная проза необычайного захвата. Это — та высшая удача прозаика, когда забываешь следить: а как это написано? какими средствами? — да кажется «никакими», «просто от души» (и даже будто написаны между делом, на проходе). И какая стройность и законченность в себе каждого отдельного рассказа! (Но «Полотенце с петухом» по смыслу — первый приезд, и должен бы начинать серию, а по сложности хирургического случая не может быть первым, тут сам Булгаков не предусмотрел.) Вот что значит — из живого и яркого опыта! (И просто беда всей дальнейшей жизни Булгакова, что он, очевидно покрывая Гражданскую войну, где был врачом, должен был покинуть так блестяще начавшуюся деятельность врача.) А ещё же — как украшает серию горько-юмористическое высмеивание своей психологии.

Особняком — «Морфий»²⁸ — фрагменты страшных переживаний гибнущего морфиниста, и тут спрятанные за чужой личностью (а это была, в Киеве, страсть самого Булгакова, едва не погубившая его). И какая же клиническая картина и физиологическая точность — и изнутри и снаружи (точность конвульсий рта).

2004

²⁷ В виде цикла «Записки юного врача» при жизни Булгакова не публиковались. В 1925–1926 годах семь рассказов поодиночке были напечатаны в журналах «Красная панорама» и «Медицинский работник». Впервые под одной обложкой в 1963 году вышли шесть рассказов (Библиотека «Огонек». № 23; тексты печатались по предоставленным Е.С. Булгаковой журналам из архива писателя, но в том комплекте не было выпусков «Медицинского работника» (1926. № 29 и 30), где был напечатан рассказ «Звездная сыпь»; этот рассказ вошел во все последующие издания «Записок...»).

²⁸ «Морфий» не вошел ни в отдельное издание «Записок...» в 1963 году, ни в «Избранное» в 1966-м. Впервые напечатанный в «Медицинском работнике» (1927. № 45–47), рассказ снова появился (в урезанном виде) лишь в 1978-м в «Литературной России» (№ 19).

«НЕОЖИДАННОМУ ДРУГУ...»

*Из переписки Е.С. Булгаковой
с А.И. Солженицыным и Н.А. Решетовской
(1962–1968)*

*Публикация, подготовка текстов,
вступительная заметка и примечания Н.Д. Солженицыной*

Переписка Е.С. Булгаковой (1893–1970) и А.И. Солженицына невелика, общение их было по преимуществу не эпистолярным. Бывая в Москве, Солженицын часто, особенно в 1963–1964 годах, приходил к Елене Сергеевне, слушал ее рассказы о Булгакове, читал хранимые рукописи, они горячо обсуждали пути их публикации, и, вспоминает Солженицын, «обо всём советском, о литературных кругах и фигурах, говорили мы с ней отчаянно откровенно — да как я говорил бы с Михаилом Афанасьевичем». Писали же друг другу очень коротко, по большей части — уведомления об отъездах-приездах либо — в сопровождение посылаемых изданий.

В архиве Е.С. Булгаковой сохранились 7 писем Солженицына и 6 написанных по его поручению Н.А. Решетовской (в двух из них — приписки А.И.). Сохранились и все конверты, какие были, а именно 12 из 13, все письма посланы на адрес: «Москва, Суворовский бульвар, <д.> 25, кв. 23 Булгаковой Елене Сергеевне». В левом верхнем углу каждого письма рукой Е.С. написано «Солженицын» — без разбору на письма, написанные его рукой или Н.А. Решетовской. Сохранились и два оттиска журнала «Новый мир» (1962. № 11; 1963. № 7) с дарственными надписями А.И.; 4 фотографии Солженицына, одна из них с его надписью; 1 лист рабочих записей, сделанных Солженицыным при чтении повести «Роковые яйца». Все перечисленное поступило в отдел рукописей Государственной библиотеки им. Ленина (ныне Российская государственная библиотека) в 1970 году и хранится в личном фонде Михаила Булгакова (Ф. 562). В процессе организации фонда в отделе рукописей письма, написанные Решетовской, были отделены от писем, написанных Солженицыным, хотя по характеру их очевидно, что они являются неотъемлемой частью переписки Булгаковой и Солженицына. Крайние даты публикуемых документов: 2 декабря 1962 – 20 мая 1968.

В Архиве А.И. Солженицына в Троице-Лыкове обнаружены 6 писем Е.С. Булгаковой (из их содержания ясно, что были еще и другие письма, местонахождение

ние которых выявить пока не удастся). Конверты не сохранились. Крайние даты: 1 декабря 1962 – 10 марта 1968.

Все письма и дарственные надписи печатаются по рукописным подлинникам по современным правилам орфографии и пунктуации с сохранением авторских особенностей. Названия взяты в кавычки. Сокращения развернуты в угловых скобках. Авторские подчеркивания переданы курсивом.

1. Е.С. Булгакова — А.И. Солженицыну

1 декабря 1962. Москва

[*Дарственная надпись на форзаце книги М.А. Булгакова «Пьесы» (М.: Искусство, 1962):*]

Неожиданному другу Александру Исаевичу Солженицыну

от Елены Булгаковой

Москва

1/ХІІ.62¹

¹ Книгу (куда вошли пьесы «Дни Турбиных», «Бег», «Кабала святош», «Последние дни», «Дон Кихот») с надписью Е.С. Булгакова подарила А.И. Солженицыну в день их знакомства, когда он впервые пришел в ее квартиру у Никитских Ворот. Об обстоятельствах этой встречи см. в очерке Солженицына «Мой Булгаков» на с. 9–10 наст. изд.

2. А.И. Солженицын — Е.С. Булгаковой

2 декабря 1962. Москва

[*Дарственная надпись на авантитуле журнала «Новый мир» (1962. № 11):*]

Милой Елене Сергеевне в знак моей устойчивой давней любви к Михаилу Булгакову.

Солженицын

2.12.6¹

¹ Ответный дар Солженицына. Накануне, 1 декабря, у него не было с собой оттиска журнала с «Одним днем Ивана Денисовича», он подписал и подарил его Е.С. Булгаковой на следующий день, 2 декабря 1962 года.

3. Е.С. Булгакова — Н.А. Решетовской и А.И. Солженицыну

28 апреля 1963. Москва

Москва 28.4.63

Милые Наталья Алексеевна и Александр Исаевич, я очень много о Вас думаю и очень хочу видеть. Книга № 1 с изумительными рассказами лежит у меня на столе¹. Мне дали ее на время, но я постараюсь не отдать. Когда Вы будете в Москве, пожалуйста, придите ко мне. Читать роман² и просто так.

Ваша Елена Булгакова

¹ Журнал «Новый мир» (1963. № 1) с рассказами Солженицына «Матрёнин двор» и «Случай на станции Кречетовка».

² Имеется в виду еще не опубликованный роман «Мастер и Маргарита».

4. Н.А. Решетовская — Е.С. Булгаковой

15 мая 1963¹. Рязань

15 мая

Милая Елена Сергеевна!

Вот уж месяц, как Александр Исаевич уехал за Оку на лоно природы, чтобы там спокойно поработать².

Разлив отрезал его от нас, так что общаемся лишь по телефону.

Один раз навестила его в его добровольной ссылке (добиралась катером, и ехать пришлось в два раза дольше, чем от нас в Москву!). Там очень хорошо, но голова у Ал. Ис-ча все-таки побаливает, ибо отдыхать ей он почти не дает.

В конце месяца он приедет домой, а в начале июня, по дороге в Ленинград, предполагает несколько дней пробыть в Москве. Будете ли Вы в это время дома? А где будете летом? В наших планах — Ленинград и Прибалтика.

Итак, в начале июня Ал. Ис. Вам позвонит. Я же до середины июня вряд ли буду в Москве. — Увы, так складывается! — Скопилось много всяких дел, которые надо успеть закончить до отпуска.

Очень было приятно получить Вашу весточку.

Всего Вам самого хорошего

Нат. Алекс.

¹ Письмо в почтовом конверте. Штемпели: 16.5.63 Рязань; 18.5.63 Москва.

² Освободившись после выхода «Одного дня...» от нагрузки школьного учителя, Солженицын провел полтора месяца в Солотче под Рязанью, там написал рассказ «Для пользы дела» и послал его по почте в «Новый мир».

5. Е.С. Булгакова — Н.А. Решетовской

25 мая 1963. Москва

Москва 25.5.63

Милая Наталья Алексеевна, я наверно послезавтра поеду до 1-го июня к подружке на дачу под Москвой. Если и поеду, то 1-го обязательно вернусь и пробуду несколько дней в Москве. В случае если там мне будет легко, я опять туда поеду, как она меня зовет, но все равно буду через каждые 4–5 дней возвращаться в Москву. В общем, все неясно для меня. Но выехать надо, т.к. в Москве несусветно жарко. Но — во всяком случае — прошу, очень прошу и Вас, и Александра Исаевича звонить ко мне

Б 1 86 20

(дополнительно пришлю № телефона на даче), чтобы увидеться. Вы таким метеором промелькнули в моей жизни, оставив во мне очень светлое впечатление, что мне очень настоятельно хочется опять увидеть Вас и А.И.

Звонить можно в любое время, начиная с 7 ч. утра и кончая 12 ночи. Только поймите меня!¹ Спасибо за письмо.

Ваша Елена Булгакова

¹ Приехав в Москву в начале июня, Солженицын дозвонился Е.С. и в несколько приходов прочитал у нее рукопись романа «Мастер и Маргарита».

6. Е.С. Булгакова — Н.А. Решетовской и А.И. Солженицыну

26 июля 1963. Москва

[Дарственная надпись на авантитуле книги М.А. Булгакова «Записки юного врача: Рассказы» (М.: Изд-во «Правда», 1963. – Б-ка «Огонек». № 23):]

Дорогим Наталье Алексеевне и Александру Исаевичу Солженицыным с любовью

Елена Булгакова

26/7 1963

7. А.И. Солженицын — Е.С. Булгаковой

25 августа 1963¹. [Солотча]

25.8.63

Дорогая Елена Сергеевна!

Посылаю Вам этот рассказик, хотя, может быть, он того и не достоин. В тексте восстановил то, что было изменено без меня (пока я был на Рижском взморье)².

Сейчас (на сентябрь) хочу уединиться и поработать³. От Москвы очень устал и пока не собираюсь.

Увидим ли роман М. Аф. в № 8–9?⁴

От обоих нас с Н.А. — самые сердечные и добрые пожелания Вам!

Ваш А. Солженицын

[К письму приложен журнал «Новый мир» (1963. № 7) с дарственной надписью:]

Милой Елене Сергеевне Булгаковой с глубоким дружелюбием

25.8.1963

Солженицын

¹ Конверта, по всей видимости, не было: лист письма не имеет линии сгиба. Скорее всего, письмо было вложено в оттиск журнала, переданный с оказией.

² Речь идет о рассказе «Для пользы дела», напечатанном в июльском номере «Нового мира» за 1963 год. В первой половине июля А.И. ездил в Эстонию, а затем гостил вместе с Н.А. на хуторе Милды и Бориса Можяевых. Тем временем в журнале не обошлось без цензурных вымарок: «До того уж почувствовал журнал свои права на меня, что летом, пока я был в отъезде... без моего ведома уступил цензуре из моего рассказа несколько острых выражений (вроде забастовки, которую хотят устроить студенты)» (Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 88).

³ В августе и сентябре А.И. в Солотче, начат «Раковый корпус».

⁴ Были надежды, что «Театральный роман» будет напечатан в 1963 году в «Новом мире».

- Кто их разарвало их камаром! На Кавказ заехали, и что галаву маралат
- (хихикая в вояже о Пушкине-Мадриде) - "Успех был поворотающийся, где-то маламуды"
- (Всегда аорави Мадарос) грамавы: vi's!
- я не могу никак написать из оуземной жизни, ни ре-валационного, ни канон-революционного
- я удивился, что ода ати (прислуживаю) и его (лет) гораздо более меня спосадны к мюероу
- Не наважат дамы этой пармаграфии: "Тарасушка" и "Ревизор"
- я против смертной казни. Но если паведут расстреливать мадам Крикуну (поверявшему ведомств зуртабы) - я пойду смотреть.
- сам (удивил себя Мван Толстой + Анной Павлов и Св. Анд. заво на Кавказскомский адед): "Павлов за мясом! Бюки сделав. Ратку вадки" и потом: "Помел вам из масю дама! Кто ии одного духадер!"
- сарти в МВСО пахате на Эмля Зан

Сотарке сердце (1995, аннотации, по принакам, 1924)

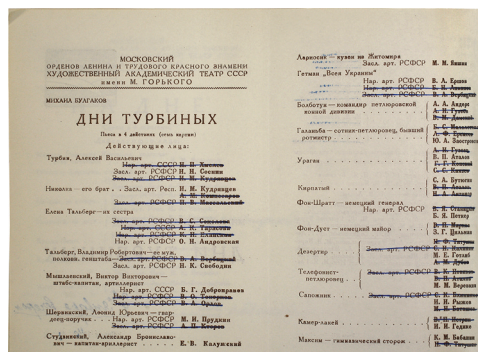
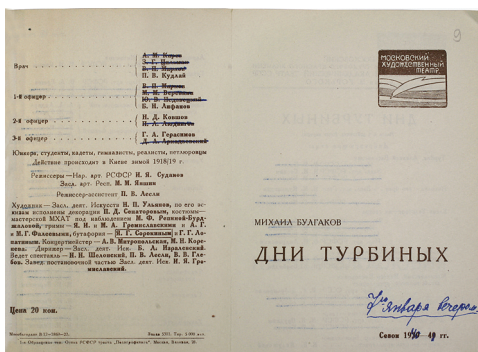
Яро-палакандвал вещь - и в урочиман аовели, кто мшине Расивео балапта.

Находил место и для орлосарской мисси Ваши амисо-восточной мапудрежёмности павеси: "Самя природа, Карфвн год упарю, вывеля ии масевы велькой мари (Буитав-всё да эмбарисо!), сарвад вельками вывелянхасе гелиш" и мелея вилешивавые в зоеи процесо.

Миске супенкикой - великелепное абадцеие о праве - тарских орадичих (от Клима Зурнак) перераждемного пса. По атомешинию к советскому рефиму Буитав здеи смел, как ниде. Карфеве вадке: ам писал проиво дез оидядки на пилатимбе! Какая смелость в рад момент! ам действо-тельно даёе советской власои и идеолоии по зудам. Тег-вал идея Шарикова: "врьёе вёе и павеливо". Первае ео ми-сочисрикаиие: Красной Кемандир с колчаковскео друиоа. Корфануто куртку Шарикова (вакуто вёе, как и у Швандера) ам валако не спиее развить прямо в кемиссарскую ии прикрывавата "паватделан аристки аёе каёав".

Еще адро абадцеие: "Если кто-ниоуде навраваит Шарикова на Швандера, то ае него останцеио валако рефери да мотехи." (Тубо- и перспектива для каммуниста, к еврейские дема: Буит. дубо еще атемивавсе ее зидовидуе, повтарив в вгасаме - адрова Голцдирнер, мадам Пелосухер.

Страница рукописи А.И. Солженицына о М.А. Булгакове (без названия). 1989. 20 с. 21,6×14 см. Шариковая ручка
Архив А.И. Солженицына

Программка спектакля «Дни Турбиных» во МХАТе 7 января 1941 года, на котором был Солженицын с друзьями. На первой странице вписано чернилами: «7-го января вечером. Сезон 1940–41 гг.». На 2-й, 3-й и 4-й страницах — перечень действующих лиц и исполнителей (зачеркнуты имена не занятых в спектакле того дня).

Архив Музея МХАТа

ПРЕМЬЕРА СПЕКТАКЛЯ «ДНИ ТУРБИНЫХ». 5 ОКТЯБРЯ 1926

Архив Музея МХАТа

После премьеры.

В 1-м ряду, слева направо: М.И. Прудкин (Шервинский), И.М. Кудрявцев (Николка), Н.П. Ульянов (художник спектакля), В.С. Соколова (Елена), М.А. Булгаков, И.Я. Судаков (режиссер спектакля), М.М. Яншин (Лариосик), Е.В. Калужский (Студзинский), Н.П. Хмелев (Алексей Турбин), Б.Г. Добронравов (Мышлаевский)

Действие I, картина 2. Квартира Турбиных

Действие III, картина 1. Вестибюль Александровской гимназии

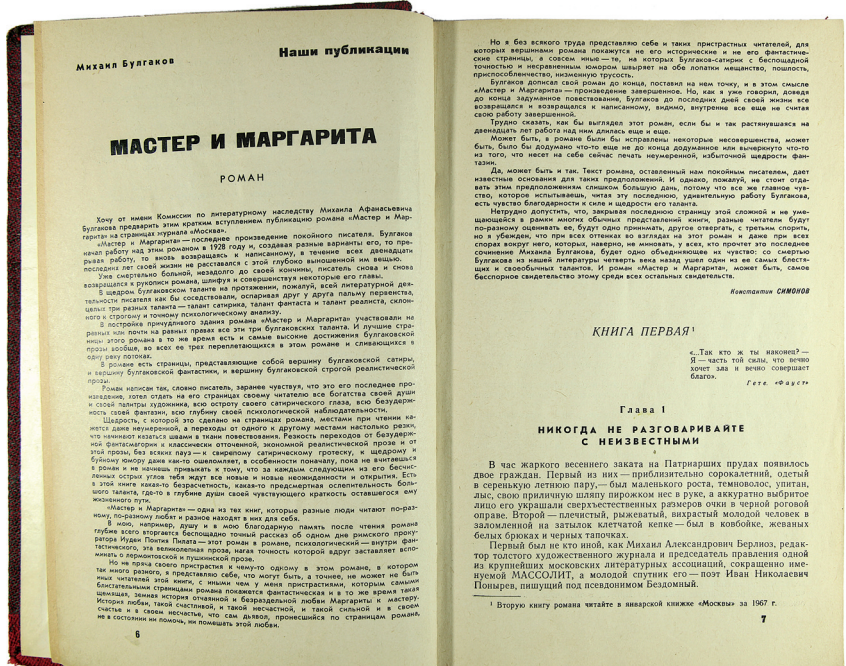

«ДОПОЛНЕННОЕ» ИЗДАНИЕ «МАСТЕРА И МАРГАРИТЫ»

Архив А.И. Солженцына

Самодельный переплет,
объединяющий страницы
первой публикации
(Москва. 1966. № 11; 1967. № 1)
и машинописные страницы
с текстом купюр,
сделанных журналом

Журнальная публикация Первый разворот

Михаил Булгаков

Наши публикации

МАСТЕР И МАРГАРИТА

РОМАН

Хочу от имени Комиссии по интернаурному наследию Михаила Афанасьевича Булгакова представить, или, скорее, выступлю, публикацию романа «Мастер и Маргарита» на страницах журнала «Москва».

«Мастер и Маргарита» — последнее произведение покойного писателя. Булгаков работал над этим романом в 1928 году и, создавая разные варианты его, по-прежнему работал до конца, возвращаясь к написанному, в течение всех двенадцати последних лет своей жизни не расставая с этой глубоко вынашенной им вещью. Последние годы писателя были, несомненно, до своей кончины, писатель снова и снова возвращался к рукописи романа, шифруя и совершенствуя некоторые его главы.

Судорог Булгаковского таланта на протяжении, пожалуй, всей литературной деятельности писателя как бы соседствовали, оспаривая друг у друга пальму первенства, так: роман талантлив — талант сатиры, талант фантаста и талант реалиста, склонность к строгости и точности психологической аналитики.

В последние прижизненные годы романа «Мастер и Маргарита» участвовали на равных или почти на равных правах все эти три булгаковские таланта. И лучше строили, или, скорее, выстраивали, в нем самые высокие достижения булгаковского прозаического искусства, во всех ее трех переплетающихся в этом романе и сливающихся в одну линию основы.

В романе есть страницы, представляющие собой вершину булгаковского таланта, и именно булгаковский фантастический и вершину булгаковского строгий реалистический проза.

Роман написан так, словно писатель, заранее чувствуя, что это его последнее произведение, хотел отдать на его страницы своему читателю все богатства своей души и своей памяти, и поэтому, в силу своего сатирического гаяла, всю безудержность своей фантазии, всю глубину своей психологической наблюдательности.

Широта, с которой это сатира на страницы романа, местами, при чтении кажется даже неуверенной, в периоды от одного к другому местами настолько резки, что человек кажется шагам в таком повествовании. Резкость чередована от безудержной фантастики и классически отточенной, экономной реалистической прозы и от этой прозы, без всякого пружины и сдержанности, стремительно гонимой, и шагающей и бегущей вперед даже как-то ошеломляет, в особенности понимая, пока не вытиснешь в своем и не начинаешь понимать и тому, что за глазами спускаются на его бесстрашную остроту угла, жгут все новое и новое неизвестности и открыты. Есть в этом нечто такое богатство, как-то безудержная ослепительность большого таланта, дающего в глубине души своей чуждого яркость оставшегося ему человеческого пути.

«Мастер и Маргарита» — одна из тех книг, которые разные люди читают по-разному, по-разному любя и по-разному любя и для себя.

В мое, истинное, дух и в мою благодарную память после чтения романа глубоко всего поглотила бесстрашная точность романа об одном дне римского прокуратора Иуды Понтия Пилата — этот роман, психологический — внутри фантастического, это впечатление — проза, наша тишина, которая вдруг становится коим-то эротическим и пугающей прозой.

Но не правда своего произведения — роман, а именно в этом романе, в котором так много разное, и преданно себе, что могут быть, впрочем, не может не быть этих читателей этой книги, с ними, с теми, кто имеет предостережение, чтобы самим предостереженными страницами романа поведает фантастическая и в то же время такая быстрая, живая история отчаяния и безудержной любви Маргариты с метелью, которая любви, такой ослепительной, и такой несчастливой, и такой сильной и в своем смысле и в своем несчастье, что сам человек, пренебрегая по страницам романа, не в состоянии ни помочь, ни помешать этой любви.

Но в без всякого труда представило себе и таких пристрастных читателей, для которых различные романы пойдут не его историческим и не его фантастическим страницам, а своим, лишь — те, на которых булгаковские с бесстрашной точностью и истинным мастером ширится на обе долины неширота, пошлость, приспособленчество, изысканная трусость.

Булгаков дописал свой роман до конца, поставив на него точку, и в этом смысле «Мастер и Маргарита» — произведение законченное. Но, как в уме говорю, доведя до конца написание повествования, Булгаков до последних дней своей жизни все еще возвращался и возвращался к написанному, выходя, выходя все еще на сцену своей работы законченной.

Трудно сказать, как бы выглядел этот роман, если бы и так растущимся на двенадцать лет работа над ним делала еще и еще.

Может быть, в романе были бы исправлены некоторые несовершенства, может быть, было бы доделано нечто еще не до конца доделанное или вычеркнуто нечто из того, что несет на себе сейчас печать неуверенной, капризной широты фантаста.

Да, может быть и так. Текст романа, оставшийся нам покойный писатель, дает истинный основание для такой предположений. И однако, пожалуй, не стоит отдавать этим предположениям слишком большую роль, потому что все же главное качество, которое испытываешь, читая эту последнюю, удивительную работу Булгакова, — есть чувство благодарности к силе и широте его таланта.

Метрону предстоит, что, зная последнюю страницу этой сновидения и не находясь в рамках многих обычных предостережений книги, разные читатели будут по-разному думать, не будут сразу принимать, другие смирятся, с трагичностью, но и увидят, что при всех отягачивающих взглядах на этот роман и даже при всех споры вокруг него, однако, не сомневаясь, а даже, что прочитав это последнее сочинение Михаила Булгакова, будет одно объединяющее на чувство со связью Булгаков с нашей литературой четверть века наша трагедия одна из не самых блестящих и своеобразных талантов. И роман «Мастер и Маргарита» — может быть, самое бесспорное свидетельство этого времени все остальных свидетельства.

Киевлянин СИМОНОВ

КНИГА ПЕРВАЯ¹

«Так кто ж ты наконец? — И — часть твоя, что имено идет за и лично совпадает благо».

Где — часть

Глава I

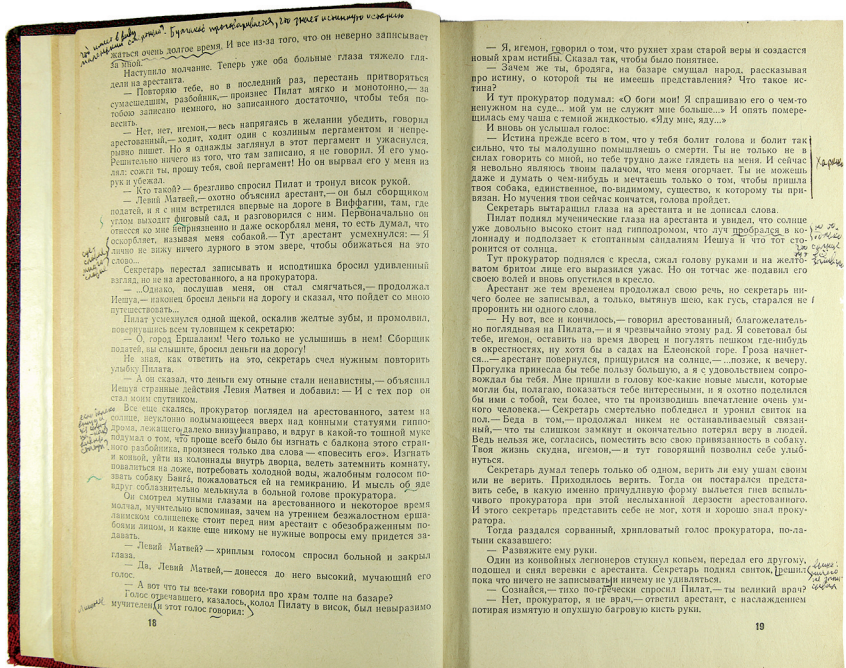
НИКОГДА НЕ РАЗГОВОРЯЙТЕ С НЕИЗВЕСТНЫМИ

В час жаркого весеннего заката на Патриарших прудах появилось двое граждан. Первый из них — приблизительно сорокалетний, одетый в серую летнюю пару — был маленького роста, тонкоплоский, сутулый, сию приниженную шляпу широко не в руке, а аккуратно выброто лицо его укрывали сверхъестественных размеров очки в черной роговой оправе. Второй — писатель, рыжеватый, нахальств молодой человек в замоченной на затылок вельветной кепке — был в свободной, желавших белых брюках в черных галстуках.

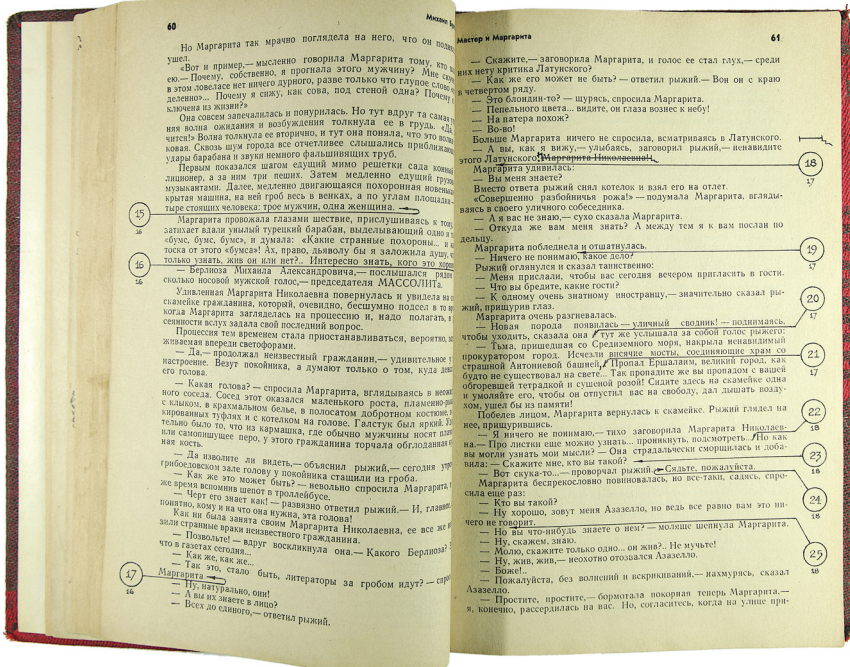
Первый был не кто иной, как Михаил Александрович Берлиоз, редактор тонкого художественного журнала и председатель правления одного из крупнейших московских литературных ассоциаций, содержавшего именем МАССОЛИТИ, а молодой спутник его — поэт Иван Николаевич Понягин, пишущий под псевдонимом Бездомный.

¹ Вторую книгу романа читает в мавританской «Москве» за 1967 г.

Разворот с заметками Солженицына на полях

Разворот с пометами о купюрах

- Я еще кое-кого ненавижу, - сквозь зубы ответила Маргарита, - но об этом неинтересно говорить.

Процессия в это время двинулась дальше, за пешими потянулись, пустые, большей частью, автомобили.

- Да уж, конечно, чего тут интересного, Маргарита Николаевна!

- С этого прямо и нужно было начинать, - заговорила она, - а не молоть, черт знает что, про отрезанную голову! Вы меня хотите арестовать?

- Ничего подобного! - воскликнул рыжий, - что это такое: раз заговорил, так уж непременно арестовать! Просто есть к вам дело.

- Вот спасибо за такие поручения! - обидевшись, воскликнул рыжий и проворчал в спину уходящей Маргариты:

- Дура!

- Мерзавец! - отозвалась та, оборачиваясь, и тут же услышала...

спустилась с неба бездна и залила крылатых богов над ипподромом, Хасмонейский дворец с бойницами,

Дарственная надпись Е.С. Булгаковой
на форзаце книги М.А. Булгакова
«Пьесы» (М.: Искусство, 1962),
сделанная в день знакомства
с А.И. Солженицыным.
1 декабря 1962. Москва
Архив А.И. Солженицына

Неопритомному
друзю
Александру Исаевичу
Солженицыну
от Елены Булгаковой
Москва
1/XII.62

Москва 2 сентября 1963 54
Дорогой Александр Исаевич,
спасибо за приглашение.
На этот раз я читала редакцию
медленно-медленно (в первый
раз я его сватала ратом),
и она произвела на меня гро-
моздное впечатление. Это
какая вода, в комнате
отрошено все.
Неадекватный роман не
будет канонами в восприятии
книжки. Видимо, его введе-
ние будет манерно. Это
печально.
• Если приходит к концу.
Ужасно оно было на редкость
современное и значит хоро-
шим был мей, но отдох-
нуть не удалось. Может
быть сделано это сейчас.

Письмо Е.С. Булгаковой
к А.И. Солженицыну.
2 сентября 1963. Москва.
Голубая бумага. 1 л. с об.
22,8×17,7 см. Перьевая
ручка, синие чернила
Архив А.И. Солженицына

W7

28

Дорогая Елена Сергеевна!

В апреле несколько раз был в Москве, но всякий раз без Вашего нового телефана — а прямо ехать не решился.

Сейчас на несколько дней не успеваю заехать Вас. Многого хотелось бы с Вами обсудить. Отложим до Вашего возвращения.

Не могу ли я попросить Вас о некотором напряжении Вашей памяти? — пусть будет и не совсем даром. Повадильница моя, очень близкий мне человек, расскажет Вам, в чем дело.

Желаю Вам счастливой поездки!
Мы оба с Н.А. шлем Вам сердечные поздравления!

Ваш

20.5.68

8. Е.С. Булгакова — А.И. Солженицыну

2 сентября 1963. Москва

Москва 2 сентября 1963

Дорогой Александр Исаевич, спасибо за присланное.

На этот раз я читала рассказ медленно-медленно (в первый раз я его схватила разом), и он произвел на меня громадное впечатление. Это капля воды, в которой отражено все.

«Театральный роман» не будет напечатан в восьмом номере. Видимо, его вытеснил другой материал. Это печально¹.

Лето приходит к концу. И хотя оно было на редкость солнечным и, значит, хорошим для меня, но отдохнуть не удалось. Может быть, сделаю это сейчас.

Желаю Вам и Наталье Алексеевне здоровья, что может быть лучше?

Когда будете в Москве — вместе или порознь, — очень прошу не забывать меня. Обнимаю Вас обоих.

Елена Булгакова

¹ «Театральный роман» будет напечатан лишь через два года (Новый мир. 1965. № 8).

9. А.И. Солженицын — Е.С. Булгаковой

6 мая 1964¹. [Рязань]

6.5.64

Дорогая Елена Сергеевна!

За эти дни я имел возможность проверить своё впечатление. И убедился, что мой последний совет Вам по телефону был правилен: возможности напечатания почти исчерпаны в журнале — а у Поповкина выйдет скорее². Я понимаю, что Вам будет мешать деликатность — но в интересах Михаила Афанасьевича следовало бы решиться на этот шаг.

Мы оба с Н.А. шлём Вам самые сердечные, самые дружеские пожелания!

Ваш А.С.

¹ Письмо в почтовом конверте. Штемпели: 7.5.64 Рязань; 9.5.64 Москва.

² Речь идет о публикации «Мастера и Маргариты». У А.С. впечатление, что в «Новом мире» «возможности напечатания почти исчерпаны». Поповкин Евгений Ефимович (1907–1968), писатель. В 1958–1968 годах — главный редактор журнала «Москва», где впервые напечатан роман «Мастер и Маргарита» (1966. № 11; 1967. № 1).

10. Е.С. Булгакова — А.И. Солженицыну

11 мая 1964. Москва

Москва 11.5.64

Дорогой Александр Исаевич, спасибо за добрый совет.

У меня была тут на днях встреча с Лакшиным¹, по другому поводу. Но зашел разговор и о повести. Я высказала предположение — не предложить ли Евгеньеву². Он мне как дважды два четыре доказал, что это не имеет смысла. Записки имеют уже свою биографию³.

У меня сейчас есть надежда, что их включит «Гослитиздат» в одномотник, кот <орый> утвержден на первый квартал 65 года⁴.

Сегодня звонил Розов⁵. Я сказала ему о том, что в 65 г. исполняется 25 лет со дня смерти Булгакова. Он ахал. А потом сказал — я буду говорить об этом в Союзе.

Конечно, это чушь, ничего из этого не выйдет.

Со сборником в «Искусстве» уже начинается чепуха очередная. Насчет выкупа рукописей у меня⁶. Финансовый директор всполошился. Некий Слоним.

Но у меня большой опыт в терпении и выносливости.

Будьте здоровы. Наталье Алексеевне и Вам крепко жму руки и желаю счастья.

Ваша Елена Булгакова

¹ Лакшин Владимир Яковлевич (1933–1993), литературный критик, историк литературы, мемуарист. С 1962 года член редколлегии, с 1967 по 1970-й заместитель главного редактора журнала «Новый мир» А.Т. Твардовского. Статьи Лакшина о творчестве Солженицына, Булгакова вызывали неизменно большой резонанс среди интеллигенции.

² Евгеньев Борис Сергеевич (1903–1984), писатель. С 1957 по апрель 1959 года заместитель главного редактора журнала «Москва», с мая 1959-го (и до смерти) член редколлегии.

³ Речь идет, по-видимому, о «Записках покойника» («Театральном романе»), которые лежали без движения в «Новом мире». См. примеч. 22 на с. 22 наст. изд.

⁴ Одномотник с предисловием В.Я. Лакшина «О прозе Михаила Булгакова и о нем самом» вышел в 1966 году (Булгаков М.А. Избранная проза. М.: Худож. лит., 1966). В его составе: «Белая гвардия», «Жизнь господина де Мольера», «Театральный роман (Записки покойника)», «Записки юного врача».

⁵ Розов Виктор Сергеевич (1913–2004), драматург и сценарист, автор более 20 пьес, в т.ч. пьесы «Вечно живые» (1943), постановкой которой в 1956 году открылся новый театр «Современник». Позднее на основе пьесы Розов написал сценарий для фильма «Летят журавли» (1957).

⁶ Речь идет о готовившейся к печати книге М.А. Булгакова «Драмы и комедии» (М.: Искусство, 1965), куда войдут «Дни Турбиных», «Бег», «Кабала святош (Мольер)», «Полоумный Журден», «Последние дни (Пушкин)», «Иван Васильевич», «Дон Кихот».

О «выкупе рукописей» исследователь Л.М. Яновская писала: «С середины 60-х годов Булгаков начал публиковаться, и после двух с половиной десятилетий унижительной бедности у Елены Сергеевны появились деньги. <...> Деньги, “обрушившиеся” на нее, собственно говоря, были невелики. Советские издательства не обязаны были ей платить: срок правонаследования истек, и по закону сочинения Булгакова принадлежали государству. <...> Ей выплачивали “гонорарную ставку” — сумму, какую обыкновенно платили при минимальном тираже. “Ставка” была не самой низкой... но, разумеется, не столь высокой, как за сочинения советских классиков — Шолохова или Горького. (Это последнее приводило Е.С. в ярость: помещать Булгакова, хотя бы в гонорарных ставках, ниже Горького и Шолохова!) После чего сочинение Михаила Булгакова уже окончательно становилось собственностью государства и при переиздании, при допечатывании тиража и любых продажах книги за границу Елене Сергеевне уже ничего не полагалось» (Яновская Л.М. Записки о Михаиле Булгакове. М.: Текст, 2007. С. 273–274).

11. А.И. Солженицын — Е.С. Булгаковой

28 июня 1964¹. [Печоры]

28.6.64

Дорогая Елена Сергеевна!

С этим письмом Вас посетит Николай Иванович Зубов, мой добрый старый друг. Он — давний почитатель Михаила Афанасьевича, мы с ним всегда много о нём говорили². Побывать в Вашем доме — это дохнуть подлинной атмосферой, окружавшей М.А., как бы отчасти повидаться с ним. Я думаю, Вы не откажете Николаю Ивановичу в такой возможности?..

Мы с Н.А. едем в какую-нибудь зелёную глушь, где надеемся провести лето, оторваться от цивилизации, переписки и т.д.³

Осенью непременно Вас посетю.

Желаю Вам здоровья и успеха в издательских делах!

От Н.А. — самые сердечные Вам пожелания!

Всегда Ваш А. Солженицын

¹ Письмо в конверте с надписью рукой Н.И. Зубова: «Булгаковой Елене Сергеевне», без адреса и почтовых штампов.

² См. примеч. 6 на с. 8 наст. изд. Летом 1964 года Солженицын с женой и Н.И. Зубовым предприняли автомобильную поездку в Эстонию, останавливаясь по пути в Торжке, Новгороде, Пскове, Изборске. После Печор Зубов вернулся в Москву, везя с собой вышеупомянутое письмо, с которым посетил Е.С. Булгакову. В ее архиве хранятся два снимка Солженицына (1959, Черноморское; 1964, Псковская обл.), присланные Зубовым в сентябре 1964 года.

³ Расставшись с Зубовым, Солженицын провел июль и август в Эстонии, в основном на хуторе под Выру, дорабатывая сокращенную версию «В круге первом» и выстраивая конструкцию «Архипелага ГУЛАГа».

12. Е.С. Булгакова — Н.А. Решетовской

18 марта 1965. Москва

Москва 18.3.65

Дорогая Наталья Алексеевна,
очень хочется надеяться, что на вечере Михаила Афанасьевича будете Вы и Александр Исаевич. Приглашение Вам будет послано из Союза¹, но я напоминаю Вам заранее — а вдруг?..

Вечер будет 26 марта в помещении ЦДЛ. В 7 ч.
Крепко обнимаю Вас.

Ваша Елена Булгакова

¹ По почте пришло приглашение-программа из Союза писателей СССР, с чернильным штампом: «На 2 лица»:

«Уважаемый товарищ!

Секретариат Правления Союза писателей СССР, Дирекция Московского художественного академического театра имени М. Горького и правление Центрального дома литераторов приглашают Вас в пятницу, 26 марта 1965 г. на ВЕЧЕР, посвященный творчеству Михаила Афанасьевича БУЛГАКОВА.

Председательствует В.П. Катаев.

Выступают: В.А. Каверин, П.А. Марков, К.М. Симонов, народный артист СССР Р.Н. Симонов, народный артист СССР В.О. Топорков.

Сцены из спектаклей:

Московский художественный академический театр им. М. Горького

«Последние дни»

Участвуют: народные артисты СССР: В.О. Топорков, В.Я. Станицын, В.А. Орлов. Народная артистка РСФСР С.А. Белявская. Заслуженные артисты РСФСР: М.В. Юрьева, В.С. Давыдов. Артист Р.О. Фертман.

Московский драматический театр им. К.С. Станиславского

«Дни Турбиных»

Участвуют: заслуженные артисты РСФСР П.П. Глебов, Е.П. Леонов. Артисты: В.Г. Белановский, Н.В. Веселовская, С.С. Ляфницкий, Ю.С. Гребенщиков, Н.В. Салант.

В вечере принимают участие:

заслуженный артист РСФСР Л.И. Губанов, заслуженный артист РСФСР Е.Г. Кибкало, лауреат Международного конкурса пианистов Станислав Нейгауз, заслуженный артист Груз<инской> ССР Иван Русинов.

В фойе — выставка, посвященная творчеству М.А. Булгакова

Начало в 7 часов вечера (ул. Герцена, 53)».

13. Н.А. Решетовская — Е.С. Булгаковой

20 марта 1965¹. Рязань

20 марта

Дорогая Елена Сергеевна!

К очень большому огорчению нашему, мы не сможем быть на вечере Михаила Афанасьевича. — Александр Исаевич до апреля в Рязань не возвратится². Я же без него и не решилась бы воспользоваться Вашим приглашением, к тому же пятница — мой самый загруженный день в Институте.

Быть может, количество пригласительных билетов ограничено — тогда пусть на нас их не тратят.

26-го всей душой будем вместе с Вами. Пусть все будет очень хорошо — так, как Вам хочется, и даже лучше!

Обнимаю Вас.

Н.А.

¹ Письмо в почтовом конверте. Штемпели: 22.3.65 Рязань; 23.3.65 Москва.

² А.И. ранней весной уехал в Эстонию, на хутор Марты Порт, отвез пишущую машинку, готовил «Укрывище» для работы над «Архипелагом ГУЛАГом».

14. А.И. Солженицын — Е.С. Булгаковой

20 октября 1965. Москва

[Дарственная надпись на обороте фотографии А.И. Солженицына:]

Дорогой и близкой Елене Сергеевне Булгаковой

А. Солженицын
20.10.65¹

¹ 20 октября 1965 года, через месяц с небольшим после ареста его архива, Солженицын был у Е.С. Булгаковой. Об этом посещении есть запись в дневнике Е.С.: «Ох, до чего неповторимый человек, и до чего ужасно, что они не встретились с Мих. Аф. — вот была бы дружба, близость, полное понимание друг друга. На прощанье он крепко поцеловал меня, подарил карточку с хорошей надписью. Сидел, пил чай и говорил, как ему нравится тут, как все уютно, красиво и как ни у кого. Тяжелый у него период жизни. Завтра идет в ЦК. Обещал потом побывать, рассказать, что и как» (Дневник Елены Булгаковой. М.: Кн. палата, 1990. С. 302).

15. А.И. Солженицын — Е.С. Булгаковой

16 марта 1966¹. [Рязань]

16.3.66

Дорогая Елена Сергеевна! А мы-то до сих пор на месте, журнал мог прийти и по прямой². Только на днях переезжаем и адрес станет:

Рязань 12, проезд Яблочкова, 1, кв. 11.

Самое крутое время было, пожалуй, до последнего нашего визита к Вам³, но весёлого немного было с тех пор.

А вот ещё и Анну Андреевну потеряли⁴. Вы помните, что она нас первая познакомила?

Большое спасибо за журнал. Сперва мне показалось — избыток Гоголя, но в последней главке Мих. Аф. взял реванш за всё! Изумительная главка, где весь дух эпохи и история целого периода. И с какой лёгкостью!

А мне похвастаться нечем. Роман всё там же⁵, пишу повесть («Раковый корпус»), но увидит ли она печать — предсказать не могу. С «Новым миром» отношения натянутые.

Мы с Н.А. шлём Вам самые искренние и сердечные пожелания.

Ваш А. Солженицын

¹ Письмо в почтовом конверте. Штемпели: 18.3.66 Рязань; 20.3.66 Москва.

² Экземпляр «Нового мира» с «Театральным романом» (1965. № 8) был послан Е.С. Булгаковой с оказией, поскольку ожидалась смена рязанского адреса Солженицына.

³ Имеется в виду визит 20 октября 1965 года.

⁴ Анна Ахматова умерла 5 марта 1966 года.

⁵ КГБ не возвращал автору конфискованные в сентябре 1965 года рукописи, среди которых был и роман «В круге первом».

16. Н.А. Решетовская и А.И. Солженицын — Е.С. Булгаковой

27 ноября 1966¹. Рязань

27 ноября

Дорогая Елена Сергеевна!

Благодарим очень и горячо Вас поздравляем с выходом «Мастера»! Ал. Ис. говорит, что прямо глазам своим не верит, что видит это напечатанным². Целиком считает это Вашей заслугой.

Вот когда и я наконец прочту этот роман!

Если удастся мне вырваться в Москву — обязательно навещу Вас.
А пока желаю Вам всего самого лучшего и обнимаю.

Нат. Ал.

[Приписка рукой А.И. Солженицына:]

Елена Сергеевна! Безмерно рад за Михаила Афанасьевича и поздравляю!

¹ Письмо в почтовом конверте, адрес рукой Н.А. Решетовской. Штемпели: 29.11.66 Рязань; 1.12.66 Москва.

² Е.С. Булгакова прислала «Новый мир» (1966. № 11) с «Мастером и Маргаритой».

17. Н.А. Решетовская и А.И. Солженицын — Е.С. Булгаковой 27 декабря 1966¹. Рязань

Дорогую Елену Сергеевну сердечно поздравляем с Новым Годом! Пусть он будет для Вас и для Михаила Афанасьевича очень хорошим!

*Н.А. и А.И.*²

¹ Датируется по штемпелю. Новогодняя открытка в почтовом конверте, адрес рукой Н.А. Решетовской. Штемпели: 27.12.66 Рязань; 5.1.67 Москва.

² Инициалы А.И. написаны его рукой.

18. Н.А. Решетовская — Е.С. Булгаковой 9 января 1967¹. Москва

Дорогая Елена Сергеевна!
Очень-очень благодарим и бесконечно за Вас рады. И издано хорошо! Да еще и предисловие Лакшина!²

Набросилась на «Белую гвардию». Хочется скорее прочесть продолжение «Мастера»³.

Пишите нам по новому адресу — прочтите на обороте!
Обнимаю Вас

Нат. Алекс.

¹ Датируется по штемпелю. Почтовая карточка. Штемпели: 9.1.67 Москва; 10.1.67 Москва.

² Е.С. прислала сборник М. Булгакова «Избранная проза» (см. примеч. 4 к письму 10).

³ Продолжение публикации «Мастера и Маргариты» ожидалось в январском номере журнала «Москва» за 1967 год.

19. А.И. Солженицын — Е.С. Булгаковой

20 мая 1967¹. [Москва]

20.5.67

Дорогая Елена Сергеевна!

Т.к. сегодня Вас не застал, то посылаю по почте (посмотрим, когда придёт), как и все 250 экземпляров этого письма².

А на той неделе постараюсь к Вам зайти.

Искренне Ваш А. Солженицын

¹ Письмо в почтовом конверте. Штемпели: 20.5.67 Москва; 21.5.67 Москва.

² Приложена машинописная копия «Письма IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей» от 16 мая 1967 года (4 страницы). Рукой А.С. помета в начале письма: «Булгаковой Елене Сергеевне», в конце письма — подпись.

20. А.И. Солженицын — Е.С. Булгаковой

25 октября 1967¹. [Рязань]

25.10.67

Дорогая Елена Сергеевна!

Спасибо за память.

В следующий приезд у Вас буду, но при условии, что Вы выполните своё обещание (о критиках Мих. Аф.). Там разберёмся, и как пособить Вашей «горячей просьбе»².

Мы с Н.А. шлём Вам самые сердечные пожелания!

Ваш А.С.

¹ Почтовая карточка. Штемпели: 27.10.67 Рязань; [нрзб.] Москва.

² См. примеч. 21 на с. 21 наст. изд.

21. Н.А. Решетовская — Е.С. Булгаковой

29 февраля 1968¹. Рязань

29.2.68

Дорогая Елена Сергеевна!

Большой спасибо за «Жорж Санд» — читаем ее с мамой с большим удовольствием².

Желаю Вам приятного и плодотворного отдыха.

Обнимаю Вас

Нат. Ал.

¹ Почтовая карточка. Штемпель только отправителя: 29.2.68 Рязань.

² Перевод Е.С. Булгаковой книги Андре Моруа «Лелия, или Жизнь Жорж Санд» вышел в серии ЖЗЛ (Моруа А. Жорж Санд / пер. с фр. Е.С. Булгаковой. М.: Мол. гвардия, 1967). Многократно переиздавался.

22. Е.С. Булгакова — А.И. Солженицыну и Н.А. Решетовской

10 марта 1968. Москва

Москва 10 марта 68

Дорогие Наталья Алексеевна и Александр Исаевич, сегодня видела Вас во сне — что Вы пришли ко мне. Кабы сон в руку.

Открытку получила, спасибо. Эту даму, Жорж Санд, я возненавидела страстно, по мере того как узнавала о ней больше. Вот ханжа.

Обнимаю Вас обоих.

Ваша *Елена Булгакова*

Сегодня 28 лет, как умер Михаил Афанасьевич.

23. А.И. Солженицын — Е.С. Булгаковой

20 мая 1968¹. [Рождество-на-Истье]

Дорогая Елена Сергеевна!

В апреле несколько раз был в Москве, но всякий раз без Вашего нового телефона — а прямо ехать не решился.

Сейчас на несколько дней не успеваю застать Вас. Много хотелось бы с Вами обсудить. Отложим до Вашего возвращения.

Не могу ли я попросить Вас о некотором напряжении Вашей памяти? — пусть будет и не совсем точно². Подательница сего, очень близкий мне человек, расскажет Вам, в чём дело.

Желаю Вам счастливой поездки! Мы оба с Н.А. шлём Вам сердечные пожелания!

Ваш А. Солженицын

20.5.68

¹ Письмо в белом конверте без каких-либо надписаний. Передано с оказией.

² Весь май в Рождестве Солженицын правил «Архипелаг ГУЛАГ», который тут же перепечатывали и переснимали на фотопленку его помощницы (см.: *Солженицын А.И.* Бодался теленок с дубом. С. 207–213). Вероятнее всего, в связи с этой работой Солженицын просил Е.С. Булгакову уточнить некое сведение или дату, прежде ею упомянутые.

«СЛОВО “САМИЗДАТ” ПИШЕТСЯ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ...»

*Из переписки Александра Солженицына
и Лидии Чуковской
(1967–1974)*

*Публикация, подготовка текстов,
вступительная заметка и комментарии Е.Ц. Чуковской*

Переписка Александра Солженицына с Лидией Чуковской весьма обширна, охватывает период с 1967 по 1992 год и насчитывает свыше ста двадцати писем.

Часть этой переписки за 1974–1977 годы напечатана в первом выпуске «Солженицынских тетрадей» (М.: Русский путь, 2012. С. 47–100).

Публикуемые в настоящем издании страницы переписки охватывают период до высылки А.И. Солженицына из Советского Союза (конец ноября 1967 – середина февраля 1974). Приезжая по делам из Рязани в Москву, Александр Исаевич останавливался на несколько дней на квартире Чуковских, а в последнюю зиму 1973–1974 годов часто работал на даче Чуковских в Переделкине. Во время таких приездов они виделись с Лидией Корнеевной, поэтому переписка велась нерегулярно.

Все письма либо пересылались с оказией, либо передавались из рук в руки.

Это была в какой-то степени «переписка из двух углов». Есть несколько случаев, когда письма обоих корреспондентов переданы из соседних комнат или написаны в один и тот же день.

Сохранилось 27 писем Александра Исаевича и 14 писем Лидии Корнеевны за этот период. Есть еще несколько беглых бытовых записок Александра Исаевича (о времени приезда или об оставленных ключах), которые здесь не приводятся.

Все письма находятся в архиве А.И. Солженицына в Троице-Лыкове.

Эта часть переписки относится к тому времени, когда Солженицын стал опальным автором после конфискации КГБ его архива в сентябре 1965 года.

Его произведения перестали появляться в печати и сделались достоянием Самиздата, а потом шагнули через границы. В эти годы ушли в Самиздат его повесть «Раковый корпус» и роман «В круге первом», многочисленные открытые письма и интервью. В 1969 году Солженицын был исключен из Союза писате-

лей, в 1970-м получил Нобелевскую премию, в 1971-м в Париже вышел «Август Четырнадцатого», а в декабре 1973 года — первый том «Архипелага ГУЛАГа». После кампании травли в советской прессе 12 февраля 1974 года Солженицын был арестован, лишен гражданства и выслан из страны.

В эти годы Лидия Чуковская тоже стала автором Самиздата. В 1962 году она попыталась опубликовать свою потаенную повесть «Софья Петровна» (ноябрь 1939 – февраль 1940). Публикация не состоялась, но рукопись начала ходить по рукам. После многочисленных писем в инстанции в защиту Иосифа Бродского она выступила с открытым письмом к М. Шолохову в защиту Синявского и Даниэля, затем в письме к М. Алигер возразила против реставрации сталинщины, написала и передала в Самиздат свою статью «Гнев народа» против травли А.Д. Сахарова и А.И. Солженицына, развернутой в советской печати в августе – сентябре 1973 года.

Одновременно она работала над своими «Записками об Анне Ахматовой» и показывала рукопись первого тома «Записок...» Солженицыну. В январе 1974 года Лидию Чуковскую исключили из Союза писателей СССР.

В письмах нашли отражение многие литературные и общественные события времени, и в этом — их интерес для сегодняшнего читателя.

Большинство писем — это отзывы на прочитанные рукописи друг друга. Таковы письма Александра Солженицына по поводу статьи Лидии Чуковской «Не казнь, но мысль. Но слово» или ее писем в защиту Жореса Медведева и Рейзы Палатник.

В свою очередь Лидия Корнеевна писала автору о впечатлениях и замечаниях при чтении рукописи «Теленка», вариантов «Нобелевской лекции», новой редакции «Круга», статьи «Мир и насилие», киносценария «Тунеядец».

Лидия Корнеевна вела подробный дневник. Часть ее записей о Солженицыне теперь опубликована (см.: Чуковская Л. Отрывки из дневника: Александр Солженицын. М.: Время, 2010. С. 279–424).

Как видно из ее дневника, не все письма А.И. Солженицына к ней сохранились. Так, в дневниковой записи от 15 октября 1965 года рассказано о письме от А. Солженицына с отзывом на ее книгу «“Былое и думы” Герцена»: «Некоторые его замечания о языке Герцена очень тонки и умны, — пишет Л.К. — От него веет молодым Толстым: узостью, фанатизмом, силой и провинциальностью» (Дн-ЛК, 133).

И еще запись, от 9 августа 1968 года: «Я читала переработанные и дополненные главы (из романа «В круге первом». — Е. Ч.). Силища. Но не все хорошо. Не зная, увидимся ли — ведь он всегда на бегу! — я ему написала письмецо со своими соображениями. Он зашел вчера проститься перед отъездом и сказал:

— Как же я у вас дурно живу, что вы мне вынуждены писать письмо в соседнюю комнату» (Дн-ЛК, 143).

Письма, о которых упомянуто в этих записях, пока не обнаружены.

24 ноября 1968 года Л.К. пишет о разговоре с Солженицыным и о своем письме к нему:

«Пришел внезапно классик, просил прочесть его сценарий. Говорит, что не знает, что́ это — совсем труха или нечто. И ушел. Я отложила свою работу, взялась читать.

Это мастерски и достоверно — но нет его обычной силы, потому что он сознательно делал это цензурным, сила же его в разоблачении.

Вечером он ко мне зашел. А я к тому времени уже написала письмо о вещи — о крупном и о мелочах. Прочла ему вслух.

Он все понял и почти все принял, а о моих языковых замечаниях — здесь и не только здесь — отозвался очень лестно. «Они у меня всегда в памяти, я с ними сознательно и бессознательно считаюсь» (*Дн-ЛК*, 145). Это письмо о сценарии «Тунеядец» см. ниже (№ 7).

Последняя записка Солженицына относится к концу января 1974 года, ему оставалось прожить на родине до высылки еще около двух недель.

А последнее письмо в этой публикации адресовано Н.Д. Солженицыной и содержит первую реакцию Лидии Корнеевны на известие об аресте и о высылке Солженицына.

Письма печатаются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации с сохранением авторских особенностей. Подчеркивание передано курсивом, разрядка сохранена, бесспорные сокращения слов, имен и фамилий развернуты без угловых скобок (исключения составляют постоянно встречающиеся инициалы А.И., Ал. Ис. и Л.К.), названия книг и журналов взяты в кавычки, немногие купюры обозначены многоточием в угловых скобках.

Благодарю Н.Д. Солженицыну за сохраненные и предоставленные мне копии писем Л.К. Чуковской и за замечания и советы при подготовке этой публикации.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БТД — Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996.

Дн-ЛК, № тетради — Рукопись дневника Л.К. Чуковской (Архив Е.Ц. Чуковской).

ОиД — Чуковская Л. Отрывки из дневника: Александр Солженицын // Чуковская Л. Из дневника. Воспоминания. М.: Время, 2010.

Процесс исключения — Чуковская Л. Процесс исключения. М.: Время, 2010.

1. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

25 ноября 1967¹. Москва

25.11.67

Дорогая-дорогая Лидия Корнеевна!

Читать это можно только со слезами в горле. Это — классика публицистики, и я Вас от души поздравляю с таким письмом². Это — давно желанный луч во мрак. Если оно станет достоянием общественности — оно будет поворотным пунктом русской мысли.

И не случайно здесь сошлись автор «Нового мира», и его редактор, и сам журнал³. Стесняться этого не надо: это *неизбежное* высвобождение нашей мысли от вериг, почти добровольно носимых этим журналом.

Сокращённые места Вы восполнили новыми вставками — но эти добавки все очень хороши, и письмо уже несколько не кажется длинным.

Вот мои пожелания:

1) в «За далью даль» есть *более разительное* двустишие. Я хотел Вам сегодня его найти, но не удалось. Но вы при желании сумеете за один день потребовать его и найти⁴.

2) уточните место этого двустишия. Может быть, чуть *ниже*, а «Ах, какая в этих строках широта» оставить для стихотворения Алигер? Просто на один абзац спустить цитату из Твардовского?..

3) На стр. 4 вставленная фраза: «Досконально изучить...» — по-моему, уже повторение и надо всю её вычеркнуть.

4) на стр. 5 «Боюсь — не имею права — забыть» — по-моему, тоже уже ясно, лучше эту строчку опустить⁵.

И больше советовал бы Вам ничего не менять!

Я желаю Вашему письму озаряющего (озарённого) пути!

Обнимаю Вас!

Ваш А. Солженицын

¹ Запись в дневнике Л.К.: «25 ноября. Я получила награду. Орден. Высший из возможных» (*Дн-ЛК*, 141). Далее в дневник переписано начало этого письма Солженицына.

² Солженицын пишет об одном из первоначальных вариантов статьи Лидии Чуковской «Не казнь, но мысль. Но слово. (К 15-летию со дня смерти Сталина)».

В статье говорится: «Отношением к сталинскому периоду нашей истории, вцепившемуся когтями в наше настоящее, определяется сейчас человеческое достоинство писателя и плодотворность его работы». Статья распространялась в Самиздате, печаталась за границей и была опубликована в России только в годы перестройки, через 20 лет после её написания (см.: *Процесс исключения*. С. 224–232).

³ В статье речь идет о напечатанном в «Новом мире» стихотворении М. Алигер «Несчетный счет минувших дней...» (1967. № 9. С. 109) и о поэме главного редактора журнала А. Твардовского «За далью даль» (1960. № 5. Гл. «Так это было»).

⁴ В окончательном тексте приведены всего две строчки из поэмы Твардовского:

Да, все, что с нами было,
— Было!

⁵ Фразы, приведенные в п. 3) и 4), сняты автором в окончательной редакции.

2. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

31 января 1968. Москва

31.1.68

Дорогая Лидия Корнеевна!

Когда я от Вас в последний раз уезжал, у меня было опасение, что в новом варианте Вашей статьи появилась некоторая непростота архитектуры, и потому искусственность. Теперь я очень рад обнаружить, что ничего этого нет, статья очень цельная, построена естественно — и естественны же для неё одежды «Колокола»¹: ведь это и есть Вы без грима². Простой и открытый мост через столетие.

Я воспользовался Вашим разрешением предлагать свои изменения прямо на теле рукописи — хотя внешне это похоже на наглую правку, но так действительно быстрее и короче, раз уж мы не можем поговорить. Предложения свои я внёс двумя цветами: розовым — более настоятельные, тёмно-зелёным — менее. Кроме того, чёрным цветом пояснял на полях, отчего и почему такое предложение³. Эти последние, чёрные, заметки написаны поневоле мелко, но я рассчитываю, что их достаточно будет Люше один раз вслух прочесть.

Ваше название мне очень нравится, а чтобы охватить *всю* тему статьи, добавим ещё «Но слово»⁴. (Я предлагаю через точку, это хорошо будет читаться, но можно и традиционнее — через запятую.) А «письмо в “Колокол”» обязательно маленькими подзаголовочными буквами, чтоб не претенциозно. И очень выразительно будет после «письмо» поставить многоточие. Вы задумались — ну некуда послать! айда же в «Колокол»!

Теперь видно, как хорошо, что Вы возвысились над частным письмом к Алигер⁵. Получился документ очень общего важного значения! Могуче! Я рад! Это будет этап умственной истории общества.

Ещё я кое-где на полях поставил голубые восклицательные знаки — это особое одобрение лучшим из новинок (т. е. по сравнению с письмом к Алигер).

Что ж, не называйте «Нового мира», но «в журнале» обязательно напишите! (стр. 2, я отметил).

На стр. 7 я не объяснил главного смысла изменений. Тут вот что: на абзаце как будто есть налёт дедукции, уверенного выведения из какого-то общего, известного автору. И я предлагаю чуть смягчить, ещё чуть спрятаться за Герцена. Цитату из Огарёва можно, конечно, дать — ну, а много ли потеряли

бы мы на пропуске её?⁶ А самая последняя на странице — «Там, где не погибло...» — может быть, тоже облегчиться и от неё?⁷

Для энергии окончания — и там я предлагаю чуть изменить.

Ещё вот что удивительно: объём несколько не велик! Для такой нагруженной мыслью статьи — очень умеренный объём, статья легка! (Но не соблазнитесь увеличить!)

Исполать же, Лидия Корнеевна! Пусть люди читают и думают! Статья готова, созрела для просветления умов.

Сердечно жму руку!

Не болейте!

Всегда Ваш А. Солженицын

P.S. Мои «чёрные» примечания на полях — не дальнейшие ещё пожелания, а объяснение того, что я *уже* измазал. (А то некоторые звучат как пожелания.)

¹ Статья Л.К. сперва называлась «Письмо в “Колокол”».

² Л.К. Чуковская — автор книги и статей об А.И. Герцене.

³ Машинописный экземпляр статьи с замечаниями Солженицына на полях сохранился в архиве Л.К. Чуковской.

⁴ Это предложение А.И. Солженицына принято автором.

⁵ Вначале Л.К. Чуковская собиралась написать частное письмо Маргарите Алигер по поводу ее стихотворения «Несчетный счет минувших дней...». Но потом она решила сделать свое письмо открытым. В письме говорится: «Попалось мне недавно в журнале одно маленькое стихотворение. Оно сильно задело меня. Незначительное само по себе, оно выражает строй мыслей и чувств, весьма распространенных сегодня, и при этом глабоко ложных.

Начинается оно тревожащим сердце вопросом:

Несчетный счет минувших дней
Неужто не оплачен? —

а кончается утешающим выводом:

И он с лихвой, тот длинный счет,
Оплачен и оплакан.

Утешительность вывода — она-то и задела меня. Меньше всего нужны нам сейчас утешения и больше всего разбор прошлого, бередящий память и совесть... Если поверить автору, в нашем нравственном балансе после всего пережитого все, слава богу, обстоит благополучно: концы сведены с концами. О чем же еще говорить? А говорить есть о чем... Бывают счета неотвратимые — и в то же время неоплатные. Писать об оплаченном счете, когда речь идет о нашем недавнем прошлом, — кощунство» (Чуковская Л. Не казнь, но мысль. Но слово // *Процесс исключения*. С. 225).

⁶ Цитата осталась в окончательном тексте статьи. Речь идет об отрывке: «“Громкая, открытая речь одна может удовлетворить человека”, — писал Герцен. “Только выговоренное убеждение свято”, — писал Огарев» (Там же. С. 231).

⁷ Цитата из А.И. Герцена «Там, где не погибло слово, там и дело еще не погибло...» (Герцен А.И. С того берега. Прощайте // Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 6. С. 13) вычеркнута Солженицыным и исключена автором из окончательного текста статьи.

З. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

10 мая 1968. Москва

10.5.68

Дорогая Лидия Корнеевна!

Большое спасибо за сообщённые новости. Неприятно, конечно, но волос на голове рвать не буду и выяснять-объяснять ничего не пойду. Если ещё будут новости из этого ряда — поберегите, мне не сообщайте, стремлюсь к душевному равновесию¹.

Если будет продых-просвет, то 16-го приеду (с утра). Если нет — значит, никак не смогу, и несколькими днями позже.

Нашего друга обнимаю, желаю мужества и твёрдости²

Мы все рады возвращению Корнея Ивановича под родной кров, сердечный ему привет.

Обнимаю Вас

Всегда Ваш А. Солженицын

¹ В мае 1968 года в летнем домике Солженицына под Москвой шла перепечатка «Архипелага ГУЛАГа». Автор осуществлял очередную редакцию этой огромной рукописи, перечитывал ее, вносил поправки. В эти же дни у итальянского коммуниста профессора Витторио Страды отобрали на границе письмо Солженицына с протестом против заграничных изданий «Ракового корпуса», переданное Страде через Л.З. Копелева в газету «Унита». Письмом из таможни Солженицына пытались вызвать с дачи для объяснений (подробнее см.: *БТД*. Прорвало! С. 208–212 и Приложение 9. С. 619–620).

² Имеется в виду Лев Зиновьевич Копелев (1912–1997), писатель, германист, приятель Солженицына еще по шарашке, прототип Рубина в романе «В круге первом». 7 мая Л.К. пишет о нем в дневнике: «По-видимому, его будут бить очень — много накопилось грехов: письма, защиты, статья в австрийской газете, не те мысли о Сталине (это нынче главный грех: на Сталина требуется смотреть “объективно” — т. е. признавая заслуги — будто у палачей могут быть заслуги! — и молчать о палачествах)» (*Дн-ЛК*, 142).

4. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

25 мая 1968¹. Москва

Дорогая Лидия Корнеевна!

Слышно было ужасно, и просто сердце болит за Вас, что Вы этого лишены.

Через пятое на десятое понял от Анатолия Максимовича²: де Голль объявил, что намерен провести ряд экономических и образовательных реформ, но *лишь* получив на то личный мандат от французского народа. «Хотите ли вы, чтоб это сделал я или другой?» Об этом будет всеобщий референдум (а когда — не понял).

Приёмник я оставил в комнате, а то здесь на проходе.

Приду поздно (после 11 ч.).

[*Письмо не подписано.*]

¹ Пометка Л.К. «Утро 25 мая 68». И запись в дневнике: «24 мая 68. Здесь классик. Он гениален не только в литературе. Добился того, что не он пошел на таможеню, а в назначенное им время таможенники пришли к нему; и так с ними умело говорил, что все дело обернул против них же! Уленшпигель, да и только!» (*ОцД.* С. 297).

² *Анатолий Максимович* Гольдберг (1910–1982), известный в те годы радиоккомментатор Русской службы Би-би-си. Обращение к соотечественникам президента Франции генерала Шарля де Голля (24 мая 1968) было ответом на усиливающиеся день ото дня студенческие волнения, поддержанные левыми партиями и профсоюзами. 30 мая де Голль распустил Национальное собрание. Хотя на июньских выборах партия де Голля одержала решительную победу, инициативы президента по изменению территориально-административного устройства страны и реформе сената не получили поддержки на референдуме 27 апреля 1969 года. 28 апреля де Голль добровольно ушел в отставку. Советские СМИ освещали майские события (1968) скупо и крайне тенденциозно; узнать о том, что происходит во Франции, можно было лишь из передач зарубежных радиостанций.

5. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

29 августа 1968. Москва

29.8.68

Дорогая Лидия Корнеевна!

Был у Вас пролётом в такие часы, что и Вас не повидал. Надеюсь, что Вы держитесь! Конечно, минувшая неделя мало могла способствовать Вашему выздоровлению¹. Но если не считать нашей рабской косности, всё остальное, по-моему, окончилось хорошо.

Буду у Вас числа 10-го. Люше оставляю записку само собой.

Если не дозвонюсь до Львов² по раннему часу — прилагаемую записку при случае (специально вызывать не надо) передайте им.

Будьте-будьте-будьте здоровы!!

Ваш А.С.

¹ 21 августа 1968 года в Чехословакию вторглись войска Варшавского договора.

² *Львы* — Л.З. Копелев (см. примеч. 2 к письму З) и его жена, специалист по англо-американской литературе Раиса Давыдовна Орлова (1918–1989). Квартира Копелевых находилась в том же дворе на ул. Горького, что и квартира Чуковских.

6. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

20 сентября 1968. Москва

20.9.68

Дорогая Лидия Корнеевна!

Все, кто только знает Вас, — все о Вас спрашивают, думают, тревожатся и желают выздоровления. Ощутите это сочувствие *массовое!* Вместе со всеми и я желаю Вам самого благоприятного хода болезни и выздоровления¹. Так много ещё впереди событий, свидетелем и участником которых Вам надо быть.

Храни Вас Бог!

Обнимаю Вас

Ваш А. Солженицын

¹ Л.К. тяжело заболела и попала в больницу. Запись в ее дневнике: «20 сентября 68. Диагноза нет. Классик прислал шоколад и ободряющее письмо» (*Дн-ЛК*, 144).

7. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

24 ноября 1968. Москва

24/XI 68

Дорогой Александр Исаевич!

Вещь — на мой взгляд — создана мастерски: можете по фабрике ходить гоголем¹.

Однако, написанная с солженицынским мастерством и солженицынской достоверностью, она лишена Вашей обычной силы. Не так могли бы Вы вдавить по выборам, если бы не вынуждены были сдерживать руку!²

Что же поделаешь, такова в данном случае Ваша задача. В границах цензуры все-таки сделано много. Видна совершенная искусственность и бездарность всех начальственных затей; живая жизнь — она — «за забором». И живой, талантливый труженик — он — тунеядец.

Теперь изложу несколько своих недоумений.

1) Фигура Иногороднего осталась мне непонятной. Разговор у ресторана звучит как разговор двух жуликов, только что совершивших какую-то уголовную махинацию³. Тут Ваш замысел остался мне непонятен.

2) Эля, модная девчонка, никогда не сказала бы, мне кажется, что любить Евтушенко или Цветаеву сейчас положено или не положено «по моде»⁴. Любит она стихи действительно только по моде, но сама-то ведь не сознает этого: думает, что по велению своей высокой современной души.

3) Первый эпизод (самый солженицынский, берущий за сердце) — здесь «не по Сеньке шапка». Для завязки сценария, для всего последующего нужна авария и разбитая Элина машина, которую негде починить, — и только; Вы же даете маленькую трагедию: простодушное, неповинное существо и обдуманный мерзкий клеветник. Кончается все ничем, а нота взята грозная.

4) Элин отец работает на Космос... Судя по этому сообщению и по ее развязности, неумелости, бойкости она из богатой семьи. Тогда почему же отец ездит на «москвиче»? В такой семье «москвич» был бы Элиной личной игрушкой, а папа катил бы в чем-нибудь покрупнее и не волновался бы из-за «москвича».

5) Всюду Вы пишете гуд компрессора, а на стр. 68 — гул.

6) Быть может, всем известно, что такое значит «манá» — но мне нет. (Стр. 60 — вверху — «Внезапно подлетает к нам, как манá».)

7) Мне представляется формой неестественной, книжной, не русской: «На лице Эли (стр. 23), «на лице Паши» (стр. 63). Мне кажется (м. б., я в этом устарела), что более по-русски звучит либо:

на Элином лице, на Пашином лице
либо

на лице у Эли, на лице у Паши. (Люша не согласна!)

8) Стр. 15 — уверенно немедленно качает головой — так ли?

Стр. 14 — из нелюбви к украинизмам, входящим в русский язык, мне хочется, чтобы была «искалеченная дверца», а не «покалеченная».

Замечателен Пашка.

Замечателен Бригадир — фигура реальная и в то же время символическая.

...А нельзя ли этот сценарий напечатать?⁵

Жму руку и благодарю.

Л. Ч.

¹ Речь идет о сценарии кинокомедии «Тунеядец» (1968). Сценарий написан по заказу студии «Мосфильм», но поставлен не был. Впервые опубликован в Собрании сочинений А.И. Солженицына (Вермонт; Париж: YMCA-Press, 1981. Т. 8: Пьесы и киносценарии).

² Действие сценария разворачивается в день выборов и открывается плакатом во весь экран: «Все на выборы!»

³ Как сообщено в комментариях к т. 8 Собрания сочинений, *Иногородний* — Георгий Тэнно, рассказавший автору эпизод, вошедший в сценарий (Т. 8. С. 593). *Разговор у ресторана...* — «А теперь так: я тебя не знаю, ты меня не знаешь, понял?..» (Там же. С. 583).

⁴ Имеются в виду такие строки сценария: «Она может ляпнуть, что ей Евтушенко нравится. А это уже не модно, даже неприлично, так говорить нельзя. Даже если нравится — надо скрывать. Сегодня большой, невероятный шик — что со страшной силой любишь Цветаеву...» (Там же. С. 551).

⁵ В письме ко мне от 11 декабря 1968 года Солженицын сообщил: «Мосфильм *расторг* со мною договор с оставлением у меня аванса. Лучший из выходов» (Архив Е.Ц. Чуковской).

8. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

11 декабря 1968. Рязань

Дорогая Лидия Корнеевна!

Ваша телеграмма высечена по камню или извлечена из архангельских труб¹.

Прочтя и сравнив уже более 300 телеграмм, мы все уверенно сочли, что Ваша — превосходит все.

Спасибо, спасибо!

Обнимаю Вас.

Ваш А. Солженицын

11.12.68

¹ 11 декабря 1968 года — пятидесятилетие Солженицына. Л.К. послала ему поздравительную телеграмму. Вот ее запись об этом в дневнике: «2 декабря 68. Загодя ночами сочиняю телеграмму на 11 декабря. Пока так: Вашим голосом заговорила сама немота тчк Я не знаю писателя более долгожданного и необходимого чем вы тчк Где не погибло слово там спасено будущее тчк Ваши горькие книги терзают и лечат душу тчк Вы возвратили русской литературе ее громовое могущество тчк Будьте счастливы здоровы молоды. Лидия Чуковская.

Пишу это и думаю вот о чем: в русской литературе советского периода и до Солженицына были великие поэты: Ахматова и Пастернак, замечательные поэты: Мандельштам, Цветаева, замечательные прозаики: Житков, Булгаков, Тынянов. С появлением Солженицына они засияли новым блеском. Он придал им всем новое качество: силу. Как будто к великолепным вагонам прицепили мощный паровоз.

Из одиноких гениев и талантов они стали великой русской литературой. Некой общностью. Он их чем-то объединил.

Чем? Великим противостоянием, вероятно.

Все они, каждый по своему, противостояли. Его появление сделало это явным» (ОцД. С. 299–300).

9. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

Середина декабря 1968¹. Москва

Дорогой Александр Исаевич!

Дорогая Люшенька!

Имея для размышлений целую бессонную ночь, я получила возможность подумать — задним умом! — о предложении милых Копелевых. И пришла к выводу: оно неправильно. И несправедливо.

(Я задумалась, только когда ЛЗ² ушел. Да со мной он и не советовался, и я все пропустила мимо ушей.)

Так вот: поздравивших около тысячи. Членов СП — около 150. Просто литераторов, знакомых и незнакомых, десятки.

Принято благодарить через газету *всех равно*. И это обычай справедливый. Так и сделано в письме А.И.³

Искусен человек в выражении своих мыслей и чувств, неискусен — благодарность всем равная: всеми двигали любовь, дружба.

Если надпись Ал. Ис. на его письме в «Лит. газету» «о р д е н» — то почему он выдается одним и не выдается другим? Разве поздравительная телеграмма — это соревнование в литературном искусстве? Разве личная надпись Солженицына — это премия? Какие могут быть премии и ордена поздравляющим?

Ал. Ис. был так добр, что откликнулся на мою телеграмму великодушным письмом. Я благодарна и рада. Но я показала его только Люше. И более никому. Чтобы никого не обидеть, не унизить. Я буду радоваться ему, ликовать, гордиться — одна. Ни Сарре, ни Р.Д., ни Л.З.⁴ я его не показывала. Можно распространять мою телеграмму, но не ответ А.И. — мне.

Я подумала так: вот Ал. Ис., предположим! — особо поблагодарит Егудина, моего друга. Отлично, он человек стоящий. А Пантелеев? А Глоцер? Гнедины? Ивич?⁵

Я не читала их телеграмм, но думаю, ими двигало то же чувство уважения и любви. Почему они хуже? Чем Акимова хуже Россельса или наоборот?⁶ Почему одному надпись, а другому нет?

И чем люди, которых никто из нас в глаза не видывал (а их большинство), — хуже наших знакомых? Студенты, домохозяйки, неведомые читатели

ли? Напротив, они лучше, потому что если в телеграммах была тень «опасности» — то эти люди гораздо менее защищены, чем мы⁷.

Поэтому я предлагаю вот что:

1) «письмо в “Лит. газету”», благодарственное, раздавать как можно шире — т. е. просто пустить в Самиздат — без всяких надписей. «Всем, всем, всем!»

2) людям, которых Ал. Ис. особо уважает, или тем, кого благодарить «приличие требует», — ну, там, по-всякому «старшим» — он им напишет сам, кому сам знает. Это уж дело его и к спискам не относится.

А устраивать из хорошего праздника обиды, зависти и ордена — мне кажется, не надо. Копелевыми двигали добрые чувства, но — недодуманные. Им хотелось сделать приятное друзьям.

Вот мой непрошенный совет.

Л.Ч. 6 ч. утра

P.S. Между прочим, Ал. Ис., в Вашем большом списке нет К.И. Не получили? Телеграмма была послана Кларой⁸ 13/XII. Надо требовать на почте в Рязани.

¹ Датируется по содержанию.

² Лев Зиновьевич Копелев.

³ К своему пятидесятилетию (см. примеч. 1 к письму 8) Солженицын получил множество поздравлений от писателей и читателей. Он ответил своим корреспондентам: написал «Ответ поздравителям» и адресовал его «В редакцию “Литературной газеты”». Копия: журнал «Новый мир» (См.: *БТД*. Приложение 10. С. 620). Однако имя Солженицына было уже под полным запретом, газета ничего не напечатала, и друзья обсуждали, как доставить этот ответ адресатам. В конце концов «Ответ...» был передан в Самиздат.

⁴ Перечислены Сарра Эммануиловна Бабеньшева (1910–2007), преподавательница в Литературном институте, критик, приятельница Л.К. Чуковской. Р.Д. Орлова (см. примеч. 2 к письму 5) и Л.З. Копелев (см. примеч. 2 к письму 3).

⁵ Названы друзья Л.К., тоже пославшие поздравительные телеграммы Солженицыну: *Егудин* Герш Исаакович (1908–1984), математик; *Пантелеев* Алексей Иванович (1908–1987), писатель; *Глоцер* Владимир Иосифович (1931–2009), литератор; *Гнедины* Надежда Марковна (1905–1991), переводчица и Евгений Александрович (1898–1983), дипломат, писатель; *Ивич* Игнатий Игнатьевич (1900–1978), писатель, критик.

⁶ *Акимова* — неустановленное лицо; *Россельс* Владимир Михайлович (1914–1999), переводчик, литературовед.

⁷ «Всего телеграмм было больше пятисот, писем до двухсот, и полторы тысячи отдельных личных бесстрашных подписей», — вспоминал Солженицын (*БТД*. Прорвало! С. 217–218).

⁸ Речь идет о секретаре К.И. Чуковского Кларе Израилевне Лозовской (1924–2011).

10. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

12 апреля 1969. Москва

Дорогая Лидия Корнеевна!

1) Пожалуйста — не расстраивайтесь и выкиньте из головы всю эту историю с обеденным разговором. Я достаточно знаю Вас, чтобы принять новое «сообщение» с чистым юмором.

2) *Ни в коем случае не принимайте Храбровицкого*¹: после 5-часового разговора Вы ляжете в постель на месяц. Он — трижды липучий!

Об Оксмани² и Рене Герра он узнал *сам*, я никакого отношения к этому не имею, никому не называл первого и ничего не знал о втором³.

Всего-всего доброго!

Ваш

А. Солженицын

12.4.69

¹ *Храбровицкий* Александр Вениаминович (1912–1989), историк литературы, исследователь творчества В.Г. Короленко. Солженицын пишет о нем в «Теленке»: «...по своему почину он множество сведений мне перетаскал и нужных, и ненужных. (В благодарность мы размякли, дали ему один том “Архипелага” подержать в руках полчаса без выноса — и потёк по Москве слух об “Архипелаге”, и даже за границу перекинулся. Сколько усилий было опровергать, сколько опасений!)» (БТД. Невидимки. Очерк 6. С. 459).

² *Оксман* Юлиан Григорьевич (1894–1970), историк литературы.

³ В книге Рене Герра «Когда мы в Россию вернемся» (СПб.: Росток, 2010) несколько страниц посвящены его нелицеприятной оценке личности А.В. Храбровицкого. Герра называет Храбровицкого «следопытом и архивистом с Лубянки» (с. 101) и сообщает, что Оксман предостерегал его от этого знакомства (с. 103).

11. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

16–17 апреля 1969¹. Москва

Дорогая Лидия Корнеевна!

Мое мнение: вместо приёма пошлите Храбровицкому несколько благодушных слов: что, собственно, Вы ничего об обсуждаемой истории не знаете и удовлетворены были узнать из его письма к Зайцеву² простое объяснение всей этой истории³.

Хрю-Хрю будет ходить и помахивать Вашим письмом как индальгенцией.

[Записка не подписана.]

¹ Пометка Л.К.: «16–17/IV 69».

² *Зайцев* Борис Константинович (1881–1972), писатель, эмигрант.

³ В архиве Л.К. хранится письмо к ней от Храбровицкого от 15 апреля 1969. Приложена копия письма к Б.К. Зайцеву и сообщается, что одновременно он написал и Ю.Г. Оксману. «Оно отчасти разъяснит Вам дело, о котором я хотел говорить с Вами», — пишет Храбровицкий. Дело касается стажера из Франции Рене Герра, который, приехав из Парижа, познакомился с Храбровицким по рекомендации Б.К. Зайцева. В письме к Зайцеву от 10 апреля 1969 года Храбровицкий пишет, что Рене Герра «за спиной у меня распространял порочащие меня слухи, не сделав даже попытки проверить их правдивость, продолжая в это время общаться со мной и пользоваться моей помощью» (РГАЛИ. Ф. 3390). Л.К. дружила с Ю.Г. Оксманом и, вероятно, по этой причине Храбровицкий к ней и адресовался.

12. А.И. Солженицын — Л.К. и Е.Ц. Чуковским

29 октября 1969. Рязань

29.10.69

Дорогие мои Лидия Корнеевна и Люшенька!

Я непременно собирался ехать на похороны Корнея Ивановича¹, он так был добр ко мне. Но почему-то я представлял себе вроде похорон Пастернака: соберутся друзья и почитатели на даче и вокруг и отнесут на переделкинское кладбище (место он мне показывал в первое же наше знакомство).

Когда же от Люши я узнал, что это будет долгий официальный обряд на ул. Воровского² (я никогда не присутствовал и из головы вон) — во мне как оборвалось: я представил себе этих официальных ораторов, Суркова, или Маркова³, или даже хуже — и почувствовал, что нет моих сил там присутствовать, что просто страшно умирать неопальным.

Простите же мой неприезд! Хочу надеяться, что и Корней Иванович со своим острым чувством красивого и безобразного меня бы тоже простил.

Я с Вами душевно. Понимаю Ваше горе и внезапную пустоту.

Корней Иванович так свежо держался, что казался уже вечным и как бы занимал престол литературного патриарха — а кто ж другой?

Мне он много и бесстрашно помог в самые тяжелые для меня месяцы. И многим помогал. Добрая ему память!

Первого поколения Чуковских больше нет. Из второго остались, Лидия Корнеевна, Вы одна — держитесь же и крепитесь, Вы всем нам очень дороги и нужны, нужны!!

Обнимаю Вас обеих.

Всегда Ваш Солженицын

Наталья Алексеевна⁴ очень любила Корнея Ивановича и шлёт Вам своё сердечное сочувствие!

¹ К.И. Чуковский скончался 28 октября 1969 года.

² Гражданская панихида проходила в Москве в Большом зале Центрального дома литераторов. Дом одним фасадом выходит на ул. Воровского (ныне Поварская), д. 52, другим — на ул. Герцена (ныне Б. Никитская), д. 53.

³ Сурков Алексей Александрович (1899–1983), поэт, секретарь правления СП СССР, депутат Верховного Совета СССР; Марков Георгий Мокеевич (1911–1991), писатель, секретарь правления СП СССР.

⁴ Наталья Алексеевна Решетовская (1919–2003), первая жена А.И. Солженицына.

13. А.И. Солженицын — Л.К. и Е.Ц. Чуковским

20 ноября 1969. Рязань

22.11.69

Дорогие мои Лидия Корнеевна и Люшенька!

Как же могли Вы не понять моей фразы и так ложно её истолковать?

Первая причина, почему я не поехал к А.Т.¹, и единственная, почему не еду к Вам: на 2–3 недели не хочу получить за собою хвост;² бываю только в тех местах, где они меня не ждут, — и вскоре уезжаю. И ведь я, Люшенька, Вам это объяснял: что хочу сейчас спокойной жизни, не попасть под горячую державную руку. Чего же тут не понять? На что же Вы обиделись? Может быть, мне и месяц надо так прожить, или больше, не знаю, посмотрим по обстановке.

Лидия Корнеевна! Спасибо за полную информацию, очень мне не хватало вот это представить³. Я *нисколько не жалею*, что написал письмо таким, как написал (верней — даже и не мог иначе). При слабости общественной поддержки — хоть оно само за себя постоит (а со временем будет всё больше работать среди молодежи). Конечно, маститым хорошая отговорка меня не поддерживать (*и ничего б они не сделали всё равно*). Насчет циферблата Вы меня подцепили хорошо⁴. Да, большое разочарование. Ну что ж, наше с Вами и ещё немногих дело — стоять где мы стоим, ни шагу назад.

Показать письмо А.Т. накануне была бы обида горшая во сто крат: он бы прямо требовал сжечь его или под его диктовку переписать — а я бы не уступил! В тот день только не хватало этой свалки, у меня не оставалось сил душевных. АТ *никогда* не признавал вовремя ни одного моего шага — но *все* признавал потом. Его руками старая эпоха наиболее цепко и вязко старается меня держать. Пожалуйста — не обижайтесь, понимайте меня правильно!

При такой общественной слабости тем более я рад, что отговорил Вас и Татьяну Максимовну выходить из Союза — вот уж был бы избыточный подарок!

Дару, Т.М. и Грековой при случае передайте от меня мои рукопожатия!
Также — Гнедину и Ставиской!⁵

А.И.

Льву⁶ — мои горячие пожелания зачиниться и выздороветь.

Люша! Когда будут значительные новостишки — подбрасывайте через
Генку⁷, до 1–2 декабря он будет здесь.

¹ А.Т. Твардовский.

² 4 ноября 1969 года на заседании рязанской писательской организации Солженицын был исключен из Союза писателей РСФСР голосованием шести членов Рязанского отделения; на следующий день, 5 ноября, в пожарном порядке секретариат СП РСФСР утвердил исключение; 12 ноября Солженицын разослал свое «Открытое письмо Секретариату Союза писателей РСФСР» (см.: *Солженицын А.И.* Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1996. Т. 2. С. 37). В эти же дни он переехал на дачу к М.Л. Ростроповичу.

³ Письмо Л.К., в котором она рассказывала об отношении писателей к исключению Солженицына из Союза, не сохранилось.

⁴ «Протрите циферблаты! — ваши часы отстали от века» — слова из «Открытого письма...» Солженицына. (Об этом письме см. также примеч. 2.)

⁵ Названы те члены Союза писателей: Давид Яковлевич *Дар* (1910–1980), Татьяна Максимовна *Литвинова* (1918–2011), И. Грекова (псевд. Елены Сергеевны Вентцель; 1907–2002), Евгений Александрович *Гнедин* (1897–1983) и Аза Александровна *Ставиская* — о которых Л.К. писала в своем несохранившемся письме.

⁶ Л.З. Копелев.

⁷ Вероятно, имеется в виду М.Л. Ростропович.

14. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

22 ноября 1969. Рязань

22.11.69

Дорогая Лидия Корнеевна!

Посылаю Вам для сведения копию статьи из рязанской областной газеты от 16 ноября. Её текст более расширен¹. Тут мы можем с изумлением узнать, что Гранин выступал по поводу меня ещё 5 ноября (но не рассказывает?)². Очевидно, что *не он* ходил среди 8 к Воронкову³ (который, кстати, там же и выступал...⁴) (Кстати, о походе 8 к Воронкову передавала вчера Канада в 17.15, её *не глушат и у Вас*, но было названо человек 5, а я случайно слышал только двоих — Антонова и Окуджаву. Канада же вчера давала «отклики канадской общественности» на моё исключение.) Да просто прилагаю Вам и этот лист, пусть присоединится к предыдущим.

Разумеется, рязанскую статейку можете кому угодно показывать или распространять.

Над этой статейкой пришла мне в голову такая простая мысль: географической случайностью (что я — в Рязани) московские писатели на этот раз были *освобождены от дилеммы*: как же голосовать — за или против? И вот они благородно ходят среди тех, кто «просто не протестует» ввиду бессмысленности этого акта. Но так могут говорить *все, кроме писателей*. А писатели должны считать, что они *голосовали за* (по тем благоразумным доводам, которые они Вам высказывают). И *так* я решил считать. И, по-моему, это правильно: всякий писатель, кто не протестовал в какой-либо форме, — голосовал за. Ну, в лучшем случае, воздержался.

Если Вы с этим мнением согласитесь, то в беседах с проходящими к Вам так можете от нас двоих и говорить. Или это слишком жестоко, побольшеви́стски? Но представить себе общемо́сковское собрание — ведь голосовали бы?..

Мои душевные пожелания Льву!⁵ Пусть не терзается из-за снов, а выздоравливает!

Надеюсь, вчерашнее письмо всё разъяснило⁶ и Вы уже не в (первой) обиде на меня?

Обнимаю Вас сердечно!

Всегда Ваш А. Солженицын

Готовлю объяснительное письмо А.Т.⁷, копию дам Вам почитать.

¹ Об исключении Солженицына из СП РСФСР сообщила в краткой статье «Литературная газета» от 12 ноября 1969 года. Чуть более подробное сообщение появилось 16 ноября в «Приокской правде». (Обе статьи см.: Слово пробивает себе дорогу: сб. ст. и док-тов об А.И. Солженицыне. 1962–1974. М.: Русский путь, 1998. С. 395, 398–399.)

² Когда решение рязанской организации утверждалось на правлении СП РСФСР в Москве, Д.А. Гранин воздержался при голосовании, но чуть позже «пересмотрел свои позиции и официально обратился в секретариат правления СП РСФСР с просьбой считать решение секретариата СП РСФСР принятым единогласно» (Кремлевский самосуд: Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М.: Родина, 1994. С. 82. См. также: Из выступления Д.А. Гранина [26 ноября 1969] // Золотонос М. Гадючник. М.: Нов. лит. обозр., 2013. С. 686–688, 723–724).

³ К секретарю правления СП СССР К.В. Воронкову ходили с протестом против исключения Солженицына писатели: Б.А. Можаяев (1923–1996), Г.Я. Бакланов (1923–2009), Ю.В. Трифонов (1925–1981), Б.Ш. Окуджава (1924–1997), С.П. Антонов (1915–1995), В.Н. Войнович (р. 1932), В.Ф. Тендряков (1923–1984), В.Е. Максимов (1932–1995).

⁴ «Александр Твардовский в беседе с Воронковым назвал решение рязанской писательской организации и секретариата правления Союза писателей РСФСР недопустимым и неправильным. Он заявил, что А. Солженицын — “выдающийся писатель современности”,

что “его исключение из Союза писателей вызовет неодобрение в среде советской и зарубежной интеллигенции”» (Информация отдела культуры ЦК КПСС. Отклики писателей в связи с исключением А. Солженицына из Союза писателей СССР // Кремлевский самосуд. С. 81).

⁵ Имеется в виду Л.З. Копелев.

⁶ См. письмо 13.

⁷ А.Т. Твардовский не согласился с той резкой формой протеста, которую избрал Солженицын. Александр Исаевич постарался объяснить ему свои действия. В письме к Твардовскому он писал: «...сейчас эпоха другая — не та, в которую Вы имели несчастье прожить большую часть Вашей литературной жизни, и навыки нужны другие. Мои навыки — каторжанские, лагерные. Без рисовки скажу, что русской литературе я принадлежу не больше, чем русской каторге, я воспитался там, и это навсегда. И когда я решаю важный жизненный шаг, я прислушиваюсь прежде всего к голосам моих товарищей по каторге, иных уже умерших, от болезни или пули, и верно слышу, как они поступили бы на моём месте» (БТД. Дúшат. С. 255).

15. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

6 июня 1970. Москва

Дорогой Александр Исаевич.

Насчет Чаадаева я Вам сказала верно: 1836. На всякий случай уточняю: журнал «Телескоп», № 15, сентябрь. «Философические письма», напечатано одно¹.

Цензор Болдырев «отставлен за нерадение»; Надеждин, издатель журнала (известный критик), сослан в Усть-Сысольск; журнал закрыт; Чаадаев объявлен сумасшедшим. К нему на дом приезжали каждую субботу доктор и полицеймейстер; беседовали в о б щ е, как визитеры, и уезжали; Герцен пишет, что они выдавали 52 фальшивых свидетельства в год (начальству)².

Пишу на всякий случай: вдруг пригодится.

Жду Ваших слов.

Обнимаю Вас.

6/VI 70

Л.Ч.

¹ Первое письмо из восьми.

² «Чаадаева Николай приказал объявить сумасшедшим и обязать подпиской ничего не писать, — вспоминал Герцен. — Всякую субботу приезжал к нему доктор и полицмейстер, они свидетельствовали его и делали донесение, т. е. выдавали за своей подписью пятьдесят два фальшивых свидетельства, по высочайшему повелению, — умно и нравственно. Наказанные, разумеется, были они; Чаадаев с глубоким презрением смотрел на эти шалости в самом деле поврежденного своеволя власти. Ни доктор, ни полицмейстер никогда не заикались, зачем они приезжали» (Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 9. С. 140–141).

16. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

6 июня 1970. Москва

6.6.70

Дорогая Лидия Корнеевна!

Большое спасибо за справку о Чаадаеве, она как раз оказалась нужна. Надеждин-то, оказывается, пострадал — но, может быть, не только из-за этого? А про Чаадаева я, думаю, пишу правильно, увидите сами¹.

Мой родственник², как я узнаю, нёс полную отсебятину: ни Вас, ни Льва я *совсем не призываю* выступать по поводу Жореса. В данном случае надо «дать дорогу» научному миру, а не литературному. Моё положение особое — ведь Жорес близкий мне человек.

Я даже *решительно советую* Вам лично ничего не писать: не надо создавать инфляцию Вашего имени от слишком частого употребления. Будут ещё случаи, Вы сами их почувствуете, а сейчас *не надо!*

Сердечно Ваш А. Солженицын

¹ «Ведь Чаадаева в свое время не тронули пальцем — и то мы клянем палачей второе столетие» — фраза из открытого письма в защиту Жореса Медведева, которое писал в эти дни Солженицын («Вот как мы живем», 15 июня 1970; см.: *БТД*. Приложение 14. С. 630; *Солженицын А.И.* Публицистика. Т. 2. С. 39).

Биолог и публицист Жорес Александрович Медведев (р. 1925) был схвачен 29 мая 1970 года в своей квартире в Обнинске и увезен в калужскую психиатрическую больницу. Это была реакция властей на распространение в Самиздате его книг «Биологическая наука и культ личности» (о Трофиме Лысенко и гибели Николая Вавилова), «Международное сотрудничество ученых и национальные границы», «Тайна переписки охраняется законом».

² *Мой родственник...* — Юрий Генрихович Штейн (р. 1926), кинорежиссер-документалист, член Инициативной группы по защите прав человека в СССР, муж В.В. Туркиной, двоюродной сестры Н.А. Решетовской.

17. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

9 июня 1970. Москва

Дорогой Александр Исаевич.

Вот Вам еще один непрошенный советчик — и проситель совета.

Ваше письмо — силы, и красоты, и могущества необычайных. Я его люблю (кроме последних 4 строк, которые просто, на мой взгляд, не нужны и снижают). Великолепное письмо, открывающее глаза слепым.

Но:

если желать спасти Медведева, вот этого реального человека, надо ли публиковать Ваше письмо *на данной стадии борьбы*?

Надо ли бросать водородную бомбу, когда еще идет партизанская война и ведутся пограничные стычки? Пока не использованы, например, большие связи Вашего друга-хозяина, который вхож «в верхи»?¹

Мне кажется, надо сделать так, чтобы он — по Вашей подсказке — начал дергать за все ниточки. В этом смысле беда, что Вы — не видите...²

Далее: мысль ВФ³, что вы должны выступать немедленно, но не с атомной бомбой, а *в общем ряду*, представляется мне ложной. В каком это ряду? Даже если опустить то лестное для Вас обстоятельство, что Солженицын изо всякого ряда вон, я не понимаю этого предложения практически. Ведь академики Астауров, Леонтович, Капица⁴ — они в х о ж и и они способны говорить на том языке; Вы же — уголовник, изменник, клеветник и пр. и т. п. — куда Вы можете пойти с ними вместе? Их пустят (п. ч. их терпят и с ними считаются), а Вас — нет, п. ч. Вы — *раздражитель*. И как можно Вам, способному написать то, что Вы написали, предлагать сочинить нечто *безличное*? Среди 200 писем протеста — безличных — будет еще одно, подписанное «Солженицын»? Зачем?

Вывод мой такой: для спасения Жореса надо, чтобы на этой стадии действовали лауреаты, академики, признанные деятели наук и искусств — Твардовский, Шостакович, *Ростропович*, Капица, Астауров, Леонтович, Тамм⁵, Турчин, Рой⁶ и т. д. и т. п., Каверин.

Если Вы можете их брать за шкуру, встряхивать и подталкивать — делайте это, чтоб они не уставали, не откладывали и пр.

Вот когда станет ясно, что «мирное сосуществование» не приводит к спасению — тогда настанет час Вам бросить свою атомную бомбу.

Это мой совет Вам. Теперь мне нужен совет от Вас:

Вы считаете, что мне лучше не выступать. А у меня, к несчастью, нет уверенности ни в том ни в другом. Вот когда Вас исключали из Союза, я знала, что *не могу не*. Жить не могу дальше, если не напишу. Тут сложнее, не так непреложно, но все-таки тянет. Я-то как раз гоюсь для того, чтобы быть 201-й, или из 200... Я сочинила телеграмму в Прокуратуру — Руденко, что ли?⁷ Пожалуйста, посмотрите текст (на следующей странице):

Обнимаю Вас, Зевс Громовержец.

[К письму приложен текст телеграммы:]

Москва
Пушкинская 15а
Прокуратура СССР. Руденко.

Необходимо спасти из психиатрической лечебницы запертого туда здорового человека. Этот человек — писатель и биолог Жорес Медведев. Одна только прокуратура способна исследовать, каким образом врачи-психиатры получают возможность уже не впервые совершать подобные должностные преступления. До тех пор, пока подоплека подобных злодейств не будет выяснена прокурорским надзором, — ни один из граждан Советского Союза не может чувствовать себя под охраной закона.

Лидия Чуковская

¹ Имеется в виду М.Л. Ростропович, на даче которого в Жуковке жил А.И. Солженицын с ноября 1969 года (см. примеч. 1 к письму 13).

² Летом 1970 года Солженицын жил в своем летнем домике под Москвой, а не у Ростроповича.

³ Валентин Федорович Турчин (1931–2010), физик, кибернетик. В 1966 году под редакцией В. Турчина вышла книга «Физики шутят». В 1967-м он подписал письмо в защиту А. Гинзбурга. В 1968 году в Самиздате появилась написанная им брошюра «Инерция страха». В 1969-м — ультиматум от КГБ: арест либо отъезд. В 1977 году Турчин покинул СССР.

⁴ Астауров Борис Львович (1904–1974), биолог, генетик, академик АН СССР; Леонтович Михаил Александрович (1903–1981), физик, академик АН СССР, создатель школ радиофизики и физики плазмы; Капица Петр Леонидович (1894–1984), физик, академик АН СССР, основатель Института физических проблем и Московского физико-технического института, нобелевский лауреат.

⁵ Тамм Игорь Евгеньевич (1895–1971), физик-теоретик, академик АН СССР, нобелевский лауреат.

⁶ Рой — Рой Александрович Медведев (р. 1925), публицист, брат-близнец Жореса Медведева.

⁷ Руденко Роман Андреевич (1907–1981), советский юрист, главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе (1945–1946), генеральный прокурор СССР (1953–1981).

Но этой стране все приковано к государству Гитлера (да раз только на сор 3). И притом так вымучено, как никто ее еще (а еще германской империи для накарывания, еще их дубов)

Эта правда - замкнутая. Да и не все понятно

считают выдвигать доклады, глумились (= ирисован)

в тюрьмы, в лагеря, а иногда и прямо на тот свет под рубриками "шпионы", "диверсанты", "врагители". Полые народы, обвиняемые в измене, и выгнанные с родных мест на чужбину. ^{миллионы} миллионы миллионов слов, ^{извергаемых} извергаемых газетами и радио, ^{увещавших} о ныне разоблаченных матерых подлых врагах народа, ^{которые} продались иностранным разведкам. Что же привело нас к этой небывалой беде? К этой совершенной беззащитности людей перед набросившейся на них машиной? ~~Вот~~ газетным статьям того жанра, о которых Гершен когда-то писал: "здесь чернила слишком близки к крови, слова к обвинению"? Что привело к этому невиданному в истории слиянию, сплаву, сращению органов государственной безопасности, (ежеминутно, денно и нощно, нарушавших закон) с органами прокуратуры, существующей, чтобы сломать закон (и угожливо ослепшей на целые годы) - и, наконец, с прессой, призванной защищать справедливость, но вместо этого ^{заключившейся} в плановой, механизированной, однообразной клеветы на гонимых? Когда и как оно совершилось, это соединение, безусловно самое опасное изо всех химических соединений, ведомых учеными? Почему оно стало возможным? Тут огромная работа для историка, для философа, для социолога. Для каждого, кто умеет разбираться в конкретных фактах и в то же время обобщать. Стало быть, прежде всего для писателя. Это главная сегодняшняя работа - и при том безотлагательная. Срочная. Надо звать людей, старых и молодых, на смелый труд ^{исследования} исследования прошедшего, тогда и пути в будущее станут ясней. И ^{быть может} нынешние суды над словом не состоялись бы, - если бы эта работа оказалась проделанной вовремя. Убийство слова - оно ведь тоже идет оттуда, из сталинских оккупанных времен. И было одним из самых черных злодейств, совершаемых десятилетиями. Утрата права на самостоятельную мысль затворила в сталинские времена дверь для сомнения, вопроса, вопля тревоги и открыла ее для самоуверенной, себя на стидящейся многоглаго-

18. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

10 июня 1970. Москва

10.6.70

Дорогая Лидия Корнеевна.

1) Что касается Вашего мне совета — то именно так я несколько дней уже и понимаю: что я грохотом всё могу сорвать. Буду ждать. Написал другой вариант — смягчённый, разводнённый, но более личный к Жоресу¹. Сравните, потом скажете. Мягче этого я, конечно, ничего не могу и не буду. Всё, что ВФ² предлагает, — *анекдотично*. Изумляюсь его непониманию.

Со Стивом³ — что выйдет. Может быть, он закоротился с Сахаровым. Ещё он имеет средство точней узнать ситуацию. Но до 12-го его трогать не имею совести (решается *всё* направление его творческой жизни). А там будет всего 4 дня.

2) Что касается моего совета Вам.

Я уже писал: не хочу инфляции Вашего имени: от каждой лишней подписи в безликих документах, да даже и от посылки частых отдельных документов имя снижается в значимости, оно уже не так гремит. А Ваше — гремливое, и очень важно это беречь. К тому ж Вы ни Жореса, ни (почти) его работ не знаете. Здесь — прямая дорога научному и генетическому миру, их же *легион* профессоров и сотня академиков. Надо дать им себя проявить. Ваше имя всё равно будет звучать как подтянутое.

Но главней того: ведь *и Вы* не можете писать «глубокоуважаемым» и вообще в их тоне и на их уровне, ведь *и к Вам* относится всё то, о чем спорится в отношении моей бумаги.

И поэтому моё твёрдое мнение: не пишите и перестаньте об этом колебаться. Ваши случаи — ещё придут, Вы их узнаете сразу и тогда гремнёте во всю силу.

Обнимаю Вас сердечно.

Ваш А. Солженицын

P.S. Простите, так получилось, что я текста письма Руденке не заметил, когда отвечал.

Текст подходящий, обобщение, серьёзное и нужное. Но и это — *следующая стадия*. Погодите, не посылайте. (И не перерабатывайте, не мучайтесь, пока не надо.)⁴

¹ Как сообщила Н.Д. Солженицына, в архиве А.И. Солженицына девять черновых редакций письма в защиту Жореса Медведева, первая — от 1 июня 1970. Друзья пытались отговорить или хотя бы отодвинуть появление письма, полагая, что вряд ли оно спасет Медведева, но притом, — писал один из них, — навлечет «опасность на Вас — и не только

как на человека, близкого и дорогого для многих, но и как на писателя, который еще не все успел сказать людям». Об этих днях Солженицын вспоминал так: «И благоразумные доводы о жребии писателя приводили мне отговаривающие друзья. Но — разумом здесь не взвесить: вдруг запечёт под ногами, оказывается — сковорода, а не земля, — как не заплащешь? <...> В ноябре 1969 упрекали меня, что быстротою своего выскока с ответом СП я помешал братьям-писателям и общественности за меня заступиться, отпугнул резкостью. Теперь, чтобы своей резкостью не попоить Медведева, я взнуздal себя, держал, дал академикам высказаться, — и только в Духов день, в середине июня, выпустил своё письмо. По делу Жореса оно оказалось, может, уже и лишним — струхнули власти и без него. Но зато — о психушках крупно сказал» (БТД. Нобелиана. С. 275–276).

Из письма Л.К. от 9 июня 1970 года (№ 17) видно, что она отговаривала А.И. посылать письмо в защиту Жореса. О том же запись в ее дневнике: «17 июня 1970. Сейчас узнала: выпустили Жореса Медведева. А вчера вечером по BBC и Голосу уже передавали, что писатель Солженицын протестует, но, к сожалению, не текст письма (гениальный), а только пересказ.

Накануне моего переезда сюда я писала ему, что выступить ему надо, но позднее, потому что пока возможно спасти человека уговорами негодяев, щеголянием званий (академики, лауреаты), надо дать им возможность уговаривать. “Главное, чтобы мальчик был дома”. Он сначала послушался было (таково было не только мое мнение), но потом в субботу явился с готовым (переделанным к лучшему) текстом и заявил, что “враги человеку домашние его”, что он не может ни жить, ни спать, ни работать и будет действовать. А сегодня выпустили Медведева...» (ОиД. С. 305).

² В.Ф. Турчин. О нем см. примеч. 3 к письму 17.

³ *Стив, Стива* — так называл Солженицын Мстислава Леопольдовича Ростроповича.

⁴ Л.К. по совету Солженицына не отправила письма.

19. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

12 октября 1970. Жуковка

12.10.70

Дорогая Лидия Корнеевна!

Спасибо за сердечные слова.

Я сам очень тронут этой формой — что поздравляют друг друга, как будто именно общий праздник, да ведь так и есть¹.

В ответной телеграмме Шведской академии (которая, к моему изумлению, дошла обычным путём! — сегодня узнал по радио) я написал: «В присуждении Нобелевской премии вижу дань русской литературе *И НАШЕЙ ТРУДНОЙ ИСТОРИИ*». Вот потому и праздник у всех...

Сегодня у меня блеснула, как мне кажется, сильная тактическая идея (Люша покажет Вам письмо). Важно знать Ваше мнение — не найдете ли Вы в моём этом письме чего-нибудь морально ущербного? Мне-то кажется, что я ни миллиметра не уступаю ни в принципе, ни в практической позиции. А вдруг да избежим бесповоротного изгнания, что-то конструктивное наклю-

нется? Ведь они там головы будут ломать, что делать, — пусть обдумают и этот вариант².

[Письмо не подписано.]

¹ Имеется в виду Нобелевская премия, присужденная Солженицыну в октябре 1970 года.

² Речь идет о письме к секретарю ЦК КПСС М.А. Сулову, которое Солженицын отправил 14 октября 1970 года. В надежде избежать изгнания Солженицын предлагал за оставшиеся до вручения Нобелевской премии 8 недель «энергично изменить литературную ситуацию», сложившуюся вокруг него, по крайней мере — опубликовать «Раковый корпус» и «снять все виды наказаний (исключения студентов из институтов и др.) с лиц, обвинённых в чтении и обсуждении» его книг (см.: *БТД*. Приложение 15. С. 631; об обстоятельствах написания см.: Там же. Нобелиана. С. 279). В дневнике Л.К. запись: «14 октября 70, среда. Затея А.И. Прислал мне взглянуть. Все как будто и так, и разумно — однако мне не по душе. Во-первых, от этого не будет толку, а во-вторых — зачем ему с ними разговаривать? На такой высоте, на какую он сейчас поставлен, лучше молчать. Но я не спорила. Нельзя отнимать у человека последней соломинки» (*Дн-ЛК*, 154).

20. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

30 октября 1970. Москва

Дорогой Александр Исаевич!

Посылаю Вам свои «Записки»¹. Настойчиво прошу: если Вам это чтение не по дороге, если Вы хоть на минуту почувствуете скуку — оставьте, не читайте, *не тратьте времени*. Читайте только в том случае, если будет само читаться². <...>

Будьте здоровы!

Л.Ч.

30/X 70

¹ Речь идет о рукописи первого тома «Записок об Анне Ахматовой», над которым тогда работала Л.К. См.: *Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. М.: Время, 2013. Т. 1: (1938–1941)*.

² В 1976 году Солженицын в письме к Л.К. вспоминал: «Рад, что Вы готовите к печати “Записки”. Я всегда их очень ценил; читал, Вы помните, заглотом» («Открытую почту нам Москва обрубила в оба конца...»: Из переписки Александра Солженицына и Лидии Чуковской (1974–1977) // *Солженицынские тетради. М.: Русский путь, 2012. Вып. 1. С. 95*).

21. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

4 мая 1971. Москва

4/V 71

Дорогой Александр Исаевич!

Портрет главного героя написан гениально¹.

Один из сильнейших портретов в созданной Вами портретной галерее.

Но я не с оценками, а с некоторыми «не могу молчать».

(Хотя Люша и твердит мне назидательно, что Вы об этой вещи ничего не хотите слышать. Что ж, не читайте или выбросьте — это уж дело хозяйское. Я не претендую.)

Замечаний у меня мало. Но высказать их необходимо.

1. А.А.² была абсолютно надежна. Ее способность хранить тайну, контролировать свои слова, *не* говорить лишнего даже близким может сравниться только со способностями А. И. С.³ Она ненавидела и презирала болтовню; всегда была настороже от стукачей, видя их иногда и там, где их и не было. Замечала слежку. Верила в существование подслушивающих приборов, когда никто не верил. Держала «Реквием» н е з а п и с а н н ы м 34 года⁴: записывала на листке, давала мне (и еще 2–3 друзьям) запомнить и тут же сама сжигала. (Записала в 62 г.; предложила Твардовскому, он не напечатал.) Хранила свои рукописи н е д о м а; всегда чувствовала за собой слежку. Презирала всякую в этом смысле неряшливость — и *ни разу* в этом смысле не сделала ни одного промаха. Она совсем не была экспансивна (в противоположность мне) и никогда ничего не говорила, чего не хотела сказать. Даже с близкими друзьями говорила всегда порознь — и — когда надо — только на улице. По телефону была безупречна и лаконична.

Если бы Вы предложили ей «Круг» — она, вероятно, не взяла бы его — живя у себя в Ленинграде или на Ордынке в Москве — потому что рукопись большая, заметная, а она з н а л а, к т о к ней приставлен и там и здесь. Отдельные главы, может быть, взяла бы. (Мою «Софью» в Ленинграде и мой «Спуск»⁵ в Москве приезжала читать ко мне домой: у себя держать опасалась.) Осторожность (политическая) была ее манией, так что многие, даже близкие, считали, что она «психует», что стукачи и шпики ей мерещатся и пр.

А Вы пишете, что боялись ее болтливости!⁶ В этом смысле могли не опасаться. В ней было много человеческих недостатков, но не этот.

(По-моему, и из моих «Записок» видно, как она осторожничала.)

2) Снова я ужасно огорчилась переходу Хаджи-Мурата⁷. Конечно, это ничего не меняет, но мне не хочется перед Вами молчать хоть на волосок.

Все журналы одинаковы. Так было до 1954–56 и так снова становится теперь. Но т о г д а возникли оттенки, и их ощущали читатели. Впервые образовывалось в стране общественное мнение. Впервые за 50 лет! Его сбивать с толку — это грех. Тут дело не в измене «Новому миру», а в том, чтобы ща-

дить росток общественного мнения, чуть-чуть проклюнувшийся. А. И. С. — у Софронова!⁸ <...> А Софронов = Русанов⁹ Союза писателей. Ведь сажать — его профессия. И к нему, в его журнал идти с «Правой кистью»! Или с чем угодно! А что, если бы он согласился — напечатал?

Вы присягнули русской каторге, Вы обязались дать человечеству услышать ее голос. Святая цель. Но ведь *и эта цель* не оправдывает средства...

И я счастлива, благодарю судьбу, что переход Хаджи-Мурата не удался.

3) На Вашем месте я сняла бы примечание о Шолохове как о плагиаторе¹⁰. Слухи, что I часть «Тихого Дона» написана не им, ходили давно. Но выступать, не имея прямых доказательств, по-моему, опасно. Он получит право подать на Вас в суд за клевету.

4) И наконец о Чалмаеве...

Если бы Вы когда-нибудь его видели или имели с ним дело — Вы вряд ли стали бы читать его статью. <...> Статью Дементьева я прочла¹¹. Она гнусна, и Вы характеризуете ее с совершенной точностью.

А вот Чалмаева я не читала и читать не стала бы, какие бы устои он там ни защищал¹². Когда-то я, к стыду моему, дала юбилейную статью о Герцене в «Дружбу народов»¹³. (Хотя журналы тогда еще не различались, все равно я стыжусь этого: там во главе был охотнорядец В. Смирнов¹⁴.) Тогда Чалмаев работал там. И я убедилась в самой элементарной его непорядочности: врал, что не вычеркнет, вычеркивал и вставлял после подписания сверки. Обычный чиновник, редактор-плут. И если *он* защищает церкви — бедные церкви... И бедный Серебряный век...

Недаром и анти-критика Дементьева была так низка и извилиста. С Чалмаевым вообще беседовать не следует.

У Герцена где-то сказано:

«Я не мог нагнуться до ответа»...¹⁵

И напрасно «Новый мир» нагнулся до ответа Чалмаеву¹⁶.

Обнимаю Вас.

Л.Ч.

Теперь о другом.

Очень трудно думать, не чувствуя материи. Но пытаюсь. Вероятнее всего — пальцем в небо¹⁷.

«Поверх барьеров» (название книги Пастернака; но ведь и «Воздушные пути» из Пастернака, и это не помешало...¹⁸)

«Исповедь и проповедь».

«Завтра».

«Говорит Москва».

«Говорит немота».

P.S. Еще о переходе Хаджи-Мурата.

Вы пишете, что общий Ваш путь с Твардовским был куцым: вас разделяла идеология. Так. Но о б щ е е у Вас было, и серьезное:

- 1) Оба — художники
- 2) Оба любите русский язык
- 3) Оба любите русскую литературу
- 4) Оба ранены судьбой крестьянства.

Вот сколько общего! Потому — при разнице идеологий и характеров — возможен был общий, хоть и «куцый», путь.

А с Софроновым и Кожевниковым¹⁹, при разнице идеологий, что могло связать Вас не на куцый путь, а на аршин, метр, шаг, дюйм?²⁰

О, как был бы несчастлив читатель, увидев Ваше имя — там!

¹ Это письмо — отзыв на рукопись книги А.И. Солженицына «Бодался теленок с дубом». Тогда были написаны основная часть, Первое и Второе дополнения. *Портрет главного героя...* — портрет А.Т. Твардовского.

² Анна Ахматова.

³ Т. е. А.И. Солженицына.

⁴ «Реквием» датирован 1935–1940 годами.

⁵ Повести «Софья Петровна» (ноябрь 1939 – февраль 1940) и «Спуск под воду» (1949–1957).

⁶ Л.К. отзывается на такое замечание в «Теленке»: «Почему-то подозревая такую же человеческую слабость — неспособность держать тайны, я и Ахматовой не мог дать читать своих скрытых вещей, даже “Круга”, — такому поэту! современнице! уж ей бы не дать?! — не смел. Зря. Так и умерла не прочтя» (*БТД*. Дúшат. С. 229).

⁷ Солженицын в «Теленке» рассказывает: «Провал мой в сентябре 1965 был самой большой бедой за 47 лет моей жизни. Я несколько месяцев ощущал его как настоящую физическую незаживающую рану — копьём в грудь, и даже напрокол, и наконецник застрял, не вытащить». Но через два месяца, вспоминает он, «...ко мне вернулось рабочее равновесие, и мне удалось кончить несколько рассказов, начатых ранее: “Как жаль”, “Захара-Калиту” и ещё один. И решил я: сцепить их со своей опасной “Правой кистью” и так сплоткой в четыре рассказа двинуть кому-нибудь. Кому-нибудь, но не “Новому миру”. Ведь Твардовский успел уже отвергнуть дюжину моих вещей — больше, чем напечатал. Ведь Твардовский только что испугался “Правой кисти”, — настолько испугался, что даже членам редакции не показал... Л. Копелев пошутил тогда, что я совершил “переход Хаджи-Мурата”, с четырьмя этими рассказами пройдя несколько редакций враждебного “Новому миру” журнального лагеря» (*БТД*. Подбранок. С. 119, 133).

⁸ Софронов Анатолий Владимирович (1911–1990), писатель, драматург, главный редактор официального журнала «Огонек» (1953–1986).

⁹ Рusanов — персонаж из «Ракового корпуса»: «Род работы Русанова в течение уже многих лет, едва ли не двадцати, был — анкетное хозяйство» (Раковый корпус. Гл. 14).

¹⁰ О Шолохове как о плагиаторе Солженицын написал не в примечании к «Теленку», а в статье «Невырванная тайна» (предисловие к книге D* (И. Медведевой-Томашевской) «Стремя “Тихого Дона”») и позже в отдельной главе «Теленка» под тем же названием «Стремя “Тихого Дона”» (БТД. Невидимки. Очерк 14). Кроме того, он опубликовал еще одну статью о Шолохове: «По донскому разбору» (Вестник РХД. Париж; М.; Нью-Йорк, 1984. № 141; впервые в России: Звезда. 1993. № 5).

¹¹ Дементьев Александр Григорьевич (1904–1986), критик, в 1960-х годах первый заместитель главного редактора «Нового мира» А.Т. Твардовского. Выразительный портрет Дементьева дал Солженицын в «Теленке», назвав его Охранителем Главного, который «поднаправлял журнал» и следил, чтобы все было «в рамках разумного! но стянутое проверенным партийным обручем и накрытое проверенной партийной крышкой!» (БТД. Обнаруживаясь. С. 30–31). Статью А. Дементьева «О традициях и народности» (Новый мир. 1969. № 4), полемизирующую с Чалмаевым, Солженицын назвал «затхлыми заклинаниями». Подробнее см.: БТД. Душат. С. 237–241.

¹² Чалмаев Виктор Андреевич (р. 1932), критик. О двух его статьях («Великие искания» и «Неизбежность») в «Молодой гвардии» (1968. № 3, 9) Солженицын со многими оговорками пишет, что это было «мычание тоски по смутно вспоминаемой национальной идее». И далее: «Если вспомнить десятилетия советской литературы, поток ортодоксально-помойной критики разных напостовцев, литфронтовцев, рапповцев, ЛитЭнциклопедии 1929–33 года, а потом официальщины СП, — право же, статьи Чалмаева никак не покажутся худшим образцом» (БТД. Душат. С. 234–236).

¹³ Речь идет о статье: Чуковская Л. Былое и думы: К 150-летию со дня рождения А.И. Герцена // Дружба народов. 1962. № 4. С. 221–231.

¹⁴ Смирнов Василий Александрович (1904–1979), писатель, в 1960–1965 годах главный редактор журнала «Дружба народов».

¹⁵ «Я не мог нагнуться до ответа» — цитата из ч. 3 «Былого и дум» А.И. Герцена (Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 8. С. 399).

¹⁶ ...«Новый мир» нагнулся до ответа Чалмаеву. — См. примеч. 11.

¹⁷ Уже несколько лет Солженицын вынашивал план создания «Журнала литературы и общественных запросов»: «...ещё с 1965 я носился с затеей журнала, — писал он, — то ли будущего, в свободной России, то ли самиздатского, и уже сейчас... с разделами — прозы; критики литературы и искусства; новейшей истории России XX века; человечество и современность; будущее устройство России; книжное обозрение» (БТД. Нобелиана. С. 272). Придавая большое значение названию журнала, он думал над ним сам и просил совета ближайших друзей. Л.К. предлагает свои варианты названия.

¹⁸ Намек на название издаваемого за границей альманаха «Воздушные пути».

¹⁹ Кожевников Вадим Михайлович (1909–1984), писатель, главный редактор журнала «Знамя» (1949–1984). Именно он передал в ЦК КПСС роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба», предложенный автором журналу. В результате экземпляры романа (включая копировальную бумагу и ленту от пишущей машинки) были конфискованы. Сохраненная друзьями рукопись опубликована в России лишь в годы перестройки. Об А. Софронове см. примеч. 8.

²⁰ Солженицын пишет, что «хотел вытралить эту неосуществлённую возможность — вдруг она что-нибудь да потянет: пресловутому “консервативному крылу” (а никакого другого “крыла” не было у перешибленной птицы нашей печати) предложить свои рас-

сказы во главе с “Правой кистью” — как они съедят?.. Шанс был очень слаб, но и эту “степень свободы”, мне казалось, надо использовать... Напечатать же “Правую кисть” не стыдно было хоть и в типографии самого КГБ... И ещё одну историческую проверку, историческую зарубку я хотел сделать: уже много лет эти деятели бахвалились, что они — *русские*, выпячивали, что они — *русские*. И вот я давал им первую в их жизни возможность доказать это. (И в три дня, слабея животом, они доказали, что — *коммунисты* они, никакие не *русские*.)» (БТД. Подранок. С. 135).

22. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

29–30 июля 1971¹. Жуковка

Дорогая Лидия Корнеевна!

Считаю Ваше письмо²:

– очень удачным;

– очень логичным, находящим простые сильные доводы там, где у простого советского обывателя рябит в глазах и он не видит простейших истин;

– вполне своевременным с общественной точки зрения. И поэтому не могу привести доводов против того, чтобы дать ему жизнь, кроме:

а как для Вашего *личного* положения сейчас? Если есть помехи такого рода — то, может быть, и удержаться?

Но, впрочем, думаю, что ничего плохого не воспоследует.

Итак, с Богом!

Простите, что до сих пор не еду в Переделкино — машина хромая. С *тем* нашим разговором пока, к сожалению, ничего не продвигается.

Сердечно обнимаю Вас!

Всегда Ваш А. Солженицын

¹ Пометка Л.К.: «29 или 30 июля 71».

² 30 июля 1971 года Л.К. оправила письмо в судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда УССР в защиту Рейзы Палатник. Это была неизвестная ей женщина, которую осудили за распространение Самиздата, и в частности, — открытых писем Лидии Чуковской. (См. сб.: *Чуковская Л. Открытое слово*. М.: ИМА press, 1991. С. 59–65.)

23. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

3 сентября 1971. Москва

3/IX 71

Дорогой Александр Исаевич.

Я так знаю это чувство: не работаешь и воображается, что никогда уже не будешь работать... Досада и тоска. Но ведь это ошибочно: еще как возь-

метесь, еще как наверстаєте! Да, думаю я, даже сейчас, сквозь процедуры и боли, какая-то работа в Вас идет. Не может быть иначе. А вообще-то тревожусь за Вас очень. Хотелось бы почаще получать бюллетени и быть уверенной, что хоть помаленьку, а дело идет на лад¹.

С моим письмом так². Я уже совсем приготовилась выпустить его из рук — но внезапно получила весть:

1) Кассация еще не состоялась (была назначена на 5 августа).

2) защитник получил копию моего письма в Верховный Суд УССР (я ему послала), *его доволен* и намеревается использовать при кассации, которая должна состояться вот-вот...

Поэтому я рассудила так: ждать. А вдруг — поможет? Я схватила письмо и зажала в кулаке. Кассация должна рассматриваться на днях. Вот если получу весть, что *отказано в пересмотре*, т. е. что приговор подтвержден, — тогда — тогда — пушу свой опус повсюду. Сразу как можно шире.

А то, пока отказа нет, боязно преждевременным гневом повредить девочке.

Разумеется, пришлю экземплярчик Вам, хотя мне это письмо не кажется сильным. (Оно было сильнее, но слишком многое пришлось «учитывать» в смысле вреда отдельным лицам и книгам.)

Хотите смешную радость? В газете «Знамя коммунизма», в статье о Рейзе Палатник³, слово «Самиздат» пишется с большой буквы... Ну, как Профиздат... «Самиздат» выпустил... Важно!

Обнимаю Вас. Поправляйтесь скорее.

Ваша Л. Ч.

¹ 7 августа Солженицын поехал на юг для сбора материалов, 9-го он проезжал Новочеркасск. Там было совершено покушение на его жизнь. Ему пришлось прервать поездку и 12 августа вернуться в Москву. На даче Ростроповича он болел загадочной и тяжелой болезнью на протяжении нескольких месяцев. В годы перестройки все обстоятельства этого покушения рассказал его участник, чекист Борис Александрович Иванов в своих воспоминаниях «Москва — Ростов, или КГБ против Солженицына» (см.: Совершенно секретно. 1992. № 4; БТД. Приложение 46. С. 675–683).

² Об этом см. примеч. 2 к письму 22.

³ Палатник Рейза Анатольевна (1936; по др. свед.: 1937–1995), правозащитница, в 1962–1971 годах работала заведующей отделом Одесской городской библиотеки. В 1971 году была арестована по обвинению в сионистской деятельности и распространении Самиздата. Речь идет о статье: *Иванов А., Андриевский Н.* Клеветница и ее покровители // Знамя коммунизма. 1971. 18 июля.

24. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

7 сентября 1971. Жуковка

7.9.71

Дорогая Лидия Корнеевна!

Постараюсь Вас далее не огорчать: мне лучше, и я уже делаю второстепенную работу лёжа.

О Ризе Палатник¹ — всё понял. Так-то так, а жалко Ваше удавленное письмо, если о нём не узнают.

Сердечные пожелания бодрости и здоровья!

Мкртчяна² поблагодарите от меня!

Надеюсь, Вы работаете и благополучны.

Обнимаю Вас сердечно!

Всегда Ваш А.С.

Имею уже несколько эмигрантских рецензий на «Август»³, сам привезу или до того перекину.

¹ См. примеч. 2 к письму 22 и 3 к письму 23.

² Мкртчян Левон Мкртычевич (1933–2001), критик, переводчик.

³ «Август Четырнадцатого», первый Узел исторической эпопеи «Красное Колесо», вышел в свет в июне 1971 года в парижском издательстве «УМСА-Press». К началу сентября в эмигрантской печати появились статьи Г. Адамовича, С. Оболенского, А. Шмемана. Подробнее см.: Александр Исаевич Солженицын: Материалы к биобиблиографии. СПб., 2006. С. 102, № 1482–1485.

25. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

15 сентября 1971. Москва

15/IX 71

Дорогой Александр Исаевич.

Посылаю Вам свое письмо о Рейзе Палатник. Самое плохое то, что толком я ничего не знаю (о дальнейшем движении дела). Но думаю — ждать более нечего. Ниоткуда мне никаких ответов, только Верховный Суд СССР сообщил открыткой, что переслал мою «жалобу» в Верховный Суд УССР, откуда мне будто бы и ответят... Но в Верховный Суд УССР я уже послала давно: 30/VII 71. Ну, значит, у них теперь 2 экземпляра.

Защитник, который получил от меня копию и личное письмо, — тоже молчит как пробка.

Хуже всего, что мне самой это мое сочинение не нравится. Голова мутная — да и слишком много запретов: того-то не упоминай, о том-то не го-

вори, того-то по имени не называй, суда не оскорбляй и т. д. А я сдержанно писать не умею — вот и получилась вялая манная каша. Я выкинула «считать “Реквием” произведением антисоветским могут только люди, понимающие под словом советский — зверский» и мн. др.

Но делать нечего; все уже давно послано и непоправимо.

А молчать я больше не хочу.

Посылаю Вам в подарок стихотворение Самойлова, которое мне очень нравится¹.

Спасибо за весточку о своем здоровье. Знаю, что получены от Вас рецензии на «Август» — ожидаю их с жадностью — но до меня очередь еще не дошла. Радуюсь Вашему выздоровлению — полное ли оно?

Обнимаю Вас

Л. Ч.

¹ Как сообщила Н.Д. Солженицына, речь идет о стихотворении Д. Самойлова «Песня о походе» («Как в поход собирался Вук...», 1971). Это стихотворение позже вошло в цикл «Балканские песни». В архиве А.И. Солженицына в Троице-Лыкове сохранилась машинописная копия этого стихотворения еще без посвящения (в печати стихотворение посвящено А. Я., т. е. Анатолию Якобсону) и с пометой рукой Солженицына: «Д. Самойлов».

26. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

23 октября 1971. Москва

23.10

Дорогая Лидия Корнеевна!

Сегодня лишь несколько часов не могу Вас дожидаться. Очень жалею. Но в следующий раз (как будем оба) надеюсь погулять с Вами полчаса во дворе.

Я *крайне* рад, что лекция Вам понравилась. Я, собственно, считаю её совместным с Вами произведением: Вы много своего положительного вложили туда, критикуя предыдущую редакцию. И я с удовольствием посвятил бы её Вам, если бы вообще лекции «посвящались». Во всяком случае, между нами будем считать, что это так¹.

Все Ваши частные замечания внимательно обдумываю, часть безусловно верна. Только, мне кажется, Вы слишком льстите моей лекции, говоря, что она «слишком образна и художественна», чтобы быть понятной в переводах

и во всем мире. А мне кажется, напротив, что много мест «слишком простых» и даже публицистичных, и язык гораздо бедней обычного. А где сложные двусмысленности — так это нарочно, не называя географического, на лезвии между Западом и Востоком.

Люша даст Вам прочесть мой ответ шведам (пока — конфиденциально)². Если они решатся — прочту эту лекцию в посольстве. Если не решатся — вероятно, просто отошлю им в Нобелевский сборник. Но держать ещё год — не буду³.

Я глубоко тронут горячностью и сердечностью Вашего приглашения ехать мне в Переделкино⁴. Ваш взгляд на вещи может исторгнуть слезы. Но, дорогая Лидия Корнеевна, метаться мне и физически невозможно, и в отношении властей бессмысленно: всюду — наша Родина, и сила моя не в том, чтобы увильнуть и скрываться, а — стоять как камень на одном месте.

Огромное Вам спасибо!

Обнимаю и целую Вас!

Всегда Ваш А. Солженицын

¹ Речь идет о «Нобелевской лекции», которую А. Солженицын в это время писал. Об этом письме Л.К. пишет в дневнике: «25 октября 71. ...Я, приехав в Москву, не застала только что ушедшего А.И., но зато его письмо, такое благодарное и благодарное (“будем считать ее общей”), что от благодарности в горле застрял ком, и я третий день не в силах его перечесть» (ОиД. С. 315).

В архиве Л.К. сохранился машинописный экземпляр «Нобелевской лекции» с надписью автора: «Дорогой Лидии Корнеевне Чуковской с неизменной любовью и сочувствием. Ваши мысли по поводу этой лекции на ее ранней стадии вошли сюда, как Вы увидите. А. Солженицын» (РГАЛИ. Ф. 3390).

² Письмо Солженицына в Шведскую академию и Нобелевский фонд (22 октября 1971), в котором он подтверждает, что «и в нынешнем году, как и в прошлом, готов получить Нобелевские знаки в Москве, но, разумеется, не конфиденциально» (на чем настаивало шведское посольство). «Как я понимаю, — писал Солженицын, — вручение Нобелевских премий потому и происходит публично, что церемония эта содержит общественный смысл» (БТД. Приложение 22. С. 637).

³ В Москве церемония не состоялась. В 1972 году Солженицын переправил текст лекции в Швецию, где он был опубликован на русском, шведском и английском языках в официальном сборнике Нобелевского комитета «Нобелевские лауреаты 1971» (Les Prix Nobel en 1971 / ed. W. Odelberg; [Nobel Foundation]. Stockholm, 1972).

⁴ Это письмо Л.К. не сохранилось.

27. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

19 ноября 1972. Москва

19/XI 72 Москва

Дорогой Александр Исаевич!

Мне очень нужны письма Короленко. Не просто так, а для работы. Н.Я., по своему поразительному невежеству, цитирует Короленко и походя pinaет его («какой-то умник сказал»), а я хочу ей объяснить, что умник этот был и в самом деле неглуп. Для этого мне его дореволюционных подвигов — «Дом № 13», «Бытовое явление», Мултанское дело — недостаточно. Мне надо сказать с документом в руках: он и при новой власти защищал преследуемых¹. А документов нет, и я не знаю, откуда их взять. Укажите мне хоть ниточку, и я сама доберусь.

Год освобождения скульптора [*Рукой А.И. Солженицына вписано: Недова*²] мне тоже нужен (для определения даты одного письма), но это не к спеху. Это когда улучите мгновение.

Работа моя движется, растет, разветвляется, углубляется, но все это с чрезвычайной медленностью, потому что я не сплю — тогда обостряется аритмия — принимаю горы снотворных — тогда сердце приходит в себя, но голова не работает, как с похмелья.

Невежество автора и низость души поражают меня все больше. АА³ оболгана с ног до головы; многие обворованы (между прочим, и я: «Не казнь, но мысль. Но слово»⁴). Великое счастье, что она не читала моих дневников.

Обнимаю Вас.

Л.Ч.

¹ В это время Л.К. начала писать свои возражения Надежде Яковлевне Мандельштам на ее «Вторую книгу» (Р.: УМСА-Press, 1972).

...цитирует Короленко и походя pinaет его («какой-то умник сказал») — Речь идет о такой фразе в этой книге: «Зато нашелся умник, который изрек: “Человек создан для счастья, как птица для полета...”» (Там же. Гл. «Память». С. 185; цитата из очерка В.Г. Короленко «Парадокс» (1894)).

В ответ на просьбу Солженицын передал Лидии Корнеевне «Письма В.Г. Короленко к А.В. Луначарскому» (Париж: Задруга, 1922). Л.К. не успела закончить свою работу, завершенные семь глав опубликованы лишь посмертно (см.: *Чуковская Л.* Дом поэта. М.: Время, 2012).

² Недов Леонид Иванович (1924–2007) в 1950-х годах сидел в тираспольской исправительно-трудовой колонии № 2. Рисунок оперуполномоченного и глиняную фигурку эка работы Недова Солженицын привел в иллюстрациях к «Архипелагу ГУЛАГу».

³ Анна Ахматова.

⁴ «Не казнь, но мысль. Но слово» — об этой статье см. примеч. 2 к письму 1.

28. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

25 августа 1973. Москва

Дорогой Александр Исаевич.

Еще раз повторяю приглашение¹. Никогда не думайте: удобно это *нам* или неудобно. Всегда, в любых обстоятельствах, удобно и *желанно*. Я знаю, Вы беспокоитесь о Музее². Насколько могу сообразить, Музей уже ничто не повредит; если повредит — закричу на весь мир; если Музей погибнет «из-за Вас» — то, по крайней мере, это будет славная кончина. Но этого *не случится*. У него тысячи друзей.

Далее: мы живем сейчас так просторно, что можем предоставить Вам полную изоляцию при моей тоже полной.

От друзей и помех Вас обороним.

Единственное, от кого и от чего — не берусь: 1) от самолетов, 2) от шпи-ков (которых много).

Обнимаю Вас. Привет Вашей семье.

Л. Ч. 25/VIII 73

¹ Солженицын видел, что Ростроповичу и Вишневецкой из-за оказанного ему гостеприимства закрыли возможности профессиональной деятельности, и считал, что больше не может этим гостеприимством пользоваться. В мае 1973 года он покинул флигель при их загородном доме в Жуковке, где жил с ноября 1969-го. В августе 1973 года он получил из МВД окончательный отказ в московской прописке к семье (см. его заявление: Министру внутренних дел СССР Н.А. Щелокову // БТД. Приложение 27. С. 652). Тем же летом завершились неудачей его попытки купить жилье под Москвой. Л.К. Чуковская пригласила Солженицына в Переделкино, где он и жил подолгу на даче Чуковского осенью и зимой 1973–1974 годов, вплоть до изгнания.

² Дом Чуковского в Переделкине в эти годы уже стал музеем, действовавшим на общественных началах.

29. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

15 сентября 1973¹. Москва

Дорогая Л.К.!

(это письмо Вам прочтут)².

Посылаю свою статью, если интересуетесь. Напечатана 12.9 в Норвегии, давайте кому хотите, Ваша собственность³.

Прошлый раз из-за трудности много писать крупными буквами⁴, а отчасти не найдясь сразу при Вашем разгневе, не сказал Вам:

1) Ваша статья, как она написана, западному читателю малоинтересна. Те скомкают её, она — только для наших соотечественников⁵. (Запад и так прекрасно понимает, что простые люди обмануты.)

2) Вы в своей статье наших «подписавших» проигнорировали как ничтожеств, а я, признаться, ждал, что именно *им* дадите пощёчину, что забыли, какое тысячелетие на дворе. *Они* услышат и поёжатся, а шофёр ещё долго не услышит⁶.

Простите, что говорю это, может быть, поздно.

В общем, *пока* всё идёт прекрасно.

Обнимаю Вас!

Если не увижу Люшу в течение следующей недели — в субботу или воскресенье (22–23) приеду в Переделкино.

[*Письмо не подписано.*]

¹ Пометка Л.К.: «15/IX 73».

² У Л.К. было очень плохо со зрением.

³ Упомянута статья «Мир и насилие», напечатанная в норвежской газете «Афтенпостен» («Aftenposten») 11 сентября 1973, Солженицын ошибся в дате ее публикации (см.: *Солженицын А.И.* Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 138–147; историю публикации см.: *БТД.* Встречный бой. С. 324–325). В этой статье, направленной против западных иллюзий, Солженицын первым выдвинул кандидатуру академика Сахарова на Нобелевскую премию мира. Деятельность Сахарова, — писал Солженицын, — «следует оценить как высший вклад в дело всеобщего мира, вклад не показательный, не призрачный, но самый основательный: малыми индивидуальными силами героически задерживать могущественное насилие, а значит — укреплять всеобщий мир».

⁴ В эти годы люди часто не разговаривали вслух, опасаясь прослушивания (как выяснилось, например, из «Кремлевского самосуда» — с полным основанием), а писали — на бумаге или на специальных стирающихся дощечках. А.И. старался писать крупно, чтобы Л.К. могла прочесть.

⁵ Речь идет о статье Лидии Чуковской «Гнев народа». Статья — распространенный в Самиздате ответ на кампанию травли и клеветы против А.Д. Сахарова и А.И. Солженицына, развернутую в советской печати в августе – сентябре 1973 года (см.: *Чуковская Л.* Гнев народа // *Процесс исключения.* С. 233–246).

⁶ Солженицын имеет в виду тех академиков и писателей, которые подписали «Письмо в редакцию газеты “Правда”» (1973. 31 авг). В письме говорилось: «Поведение таких людей, как Сахаров и Солженицын, клеветующих на наш государственный и общественный строй... не может вызвать никаких других чувств, кроме глубокого презрения и осуждения».

Отвечая авторам «Письма в “Правду”», Л.К. пишет: «К ним, к писателям, художникам, музыкантам, артистам, ученым, обращаться мне незачем. Им и без моего разъяснения известно, где правда... Мое обращение не к вам, а к тому мальчику за баранкой... Вряд ли ты услышишь меня, но я обращаюсь к тебе. К так называемому “простому человеку”. Он вовсе не прост и уж вовсе не глуп, но он несведущ...» (*Чуковская Л.* Гнев народа. С. 239–240).

30. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

15 сентября 1973. Москва

15/IX 73

Дорогой Александр Исаевич!

Я надеюсь, новый вариант моего никчемного «Гнева» уже дошел до Вас¹. (Послан был вчера.) Он не очень-то отличается от того, что Вы читали: сделался короче.

Больше я с ним делать ничего не умею.

Думаю, что до Запада он уже доплелся (отправлен был в понедельник, 10-го), но, как Вы правильно замечаете, он там не нужен. Да и здесь вряд ли окажется нужен.

Вы правы во всем — однако работать над текстом я более не стану. Я всегда работаю в пустоте; это привычное мое состояние. Единственный раз, когда мною было написано нечто, получившее отклик, — это — когда я написала «Письмо Шолохову»². Откликнулся и Запад, и Восток, и Переделкино, и Париж, и Чита, и Америка. Между тем, на мой взгляд, письмо было нестоящее.

Сегодня получила Ваше добро и отрицательное мнение о «Гневе». Вы правы во всем: для Запада он неинтересен оттого-то, для нас оттого-то. Наш общий друг сказал: «Это искусство для искусства». Вы оба правы. Но я-то никогда не пишу для, а всегда только почему. Потому, что не могу жить, не написав. Вот и всё.

Наверное, эта глухота и пустынность называется отсутствием таланта.

Мне требуется — как графоману — объяснить себе самой при помощи пера, наиболее полно и ясно, что я думаю и чувствую. И всё. Я это и делаю. Зря? Боюсь, зря.

Но иначе я не умею.

В 39–40 г. я написала «Софью»³. Прочли 9 человек. Пятеро сказали: «Зачем ты это делаешь? Ни до кого никогда не дойдет». В 61 г. Твардовский во внутренней рецензии отозвался так: «Повесть написана опытным критиком и редактором, который взялся не за свое дело. Повесть схематична, в ней никого не жаль, ни героиню, ни сына героини» и т. д.

На Западе ее приняли хорошо, но по причинам политическим. Не поняли, про что она: она про кретинизм нашего общества, а они прочли — про бедную маму.

«Спуск» на Западе уж совсем зря⁴. Он про слово и про стихи, а они хвалят любовную интрижку.

До России он просто не дошел «по техническим причинам».

Когда я задумала писать «Не казнь, но мысль», все — кроме Вас — говорили, что это никчемно⁵.

Сейчас я пишу о Надежде Яковлевне⁶. Ни один человек (кроме Вас) не считает эту работу нужной. (Вы — авансом.)

Я же не могу дышать, есть, спать, жить, пока ее не напишу. *Мне* она нужна больше хлеба и кислорода.

Я написала два тома стихов: «Молчание» и «По эту сторону смерти»⁷. Они до такой степени никому (кроме меня) не нужны, что я уже давно никому не читаю новые.

Такова моя судьба, и не думайте, пожалуйста, что я жалуясь на кого-нибудь или ропщу. Такова моя биография.

(— Кто же отказывается от своей биографии? — сказала один раз Анна Андреевна.)

И я не отказываюсь.

У меня нет ни политического, ни общественного мышления. Если шофер такси понимает, когда я говорю: «Там есть левый поворот» — я радуюсь. Значит, мы оба одинаково понимаем слова «левый» и «поворот». На большее понимание я не рассчитываю. И не по его, а по собственной вине.

Она природная, от рождения, неменяемая.

Новый вариант «Гнева» все-таки прочтите. По-видимому, раз до сих пор на Западе его даже не упомянули, он действительно не нужен⁸. (Вот ведь о Литвинове они уже успели сообщить⁹.)

Спасибо за Ваш подарок¹⁰. Я слышала только отрывки. Очень важная и великолепно написанная сильная вещь. Хоть бы они скорее передали ее целиком.

Обнимаю Вас.

В Переделкино — в субботу — воскресенье — жду.

Привет Вашим близким. И — новичку¹¹.

Л. Ч.

Какое счастье, что перестали глушить! (Наверное ненадолго)¹².

Какой ужас и какая мерзость слова Вили Брандта о Сталине! Значит, пусть подышали бы в лагерях, лишь бы не война!¹³

И Вы ответили ему до его слов; (а я просто в разговоре с приятельницей сказала то же, что сегодня прочла у Вас: «Он говорит так, будто война — единственная беда. У меня брата убили на войне, а мужа в застенке. Первое лучше... Вообще — сказала я — ведь Гитлер уже сделал то, что делает Брандт: союз со Сталиным, чтобы бомбить Лондон на нашем бензине... И вот теперь люди согласны с Брандтом: пусть у нас убивают Григоренко, лишь бы не война¹⁴. Ненавижу это “пусть”»).

А сегодня прочла у Вас¹⁵.

¹ Упомянута статья Л. Чуковской «Гнев народа» (см.: *Процесс исключения*. С. 233–246).

² Чуковская Л. Михаилу Шолохову, автору «Тихого Дона» (1966) // Там же. С. 217–223.

³ Т. е. повесть «Софья Петровна».

⁴ Повесть «Спуск под воду».

⁵ См. письма 1 и 2.

⁶ См. примеч. 1 к письму 27.

⁷ Сб. стихотворений «По эту сторону смерти» вышел в Париже в издательстве «УМСА-Press» в 1978 году (см. также: Чуковская Л. Софья Петровна: Повести. Стихотворения. М.: Время, 2012). Сб. «Молчание» не печатался.

⁸ Статья Л. Чуковской «Гнев народа» впервые напечатана в газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк) 7 октября 1973 года и неоднократно передавалась иностранными радиостанциями. В России впервые опубликована в журнале «Горизонт» (1989. № 5. С. 28–34).

⁹ Литвинов Павел Михайлович (р. 1940), физик, педагог, правозащитник, один из участников «Демонстрации семерых» на Красной площади. Как сообщил мне Павел Литвинов, «речь, судя по дате, идет о моем письме по поводу кампании в советской прессе против Сахарова и Солженицына. Мое письмо было напечатано в «Вашингтон пост» (Роберт Кайзер) и передавалось по голосам. Найти его сейчас трудно, но о содержании нетрудно догадаться, кому адресовано, не помню» (Письмо от 5 апреля 2013. Архив Е.Ц. Чуковской).

¹⁰ Т. е. за присланную статью А. Солженицына «Мир и насилие». О ней см. примеч. 3 к письму 29.

¹¹ Новичок — младший сын Н.Д. и А.И. Солженицыных Степан, родившийся 8 сентября 1973 года.

¹² Л.К. пишет в дневнике: «15 сентября. Праздник! Перестали глушить ББСи, Голос, Немецкую волну. Слышно все, и не только здесь, но и в Ленинграде, и в Москве, всюду. Не знаю, надолго ли» (Дн-ЛК, 172).

¹³ Еще одна запись: «11 сентября 73. Вчера слышала выступление Брандта, что он считал бы правильным соглашение с СССР, даже если бы у власти был Сталин... Но чувствует «инакомыслящим»! Вот логика. Гитлер заключил соглашение со Сталиным... Значит, пусть миллионы помирают в лагерях, а мы будем соглашаться» (Там же).

¹⁴ Григоренко Петр Григорьевич (1907–1987, умер за границей), генерал-майор, правозащитник; в феврале 1964 года был принудительно направлен на психиатрическую экспертизу, признан душевнобольным; в 1965-м выпущен на свободу; в мае 1969 года вновь арестован и помещен в специальную психиатрическую больницу; благодаря международной кампании поддержки освобожден в 1974 году. В конце 1977 года выехал с женой в США для операции и свидания с ранее эмигрировавшим сыном. Через несколько месяцев был лишен гражданства и тем самым права возвращения в СССР.

¹⁵ И еще одна: «15 сентября. Но потрясло меня совпадение моих мыслей с классиком. (Уже не впервые.) Вчера я ужаснулась Брандту, а сегодня прочла его письмо о «Мире и насилии», в котором он высказывает ту же мысль. Это, кажется, уже не первый раз»

(Дн-ЛК, 172).

31. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

14 ноября 1973¹. Переделкино

Дорогая Л.К.
Мне у Вас — *рай*².
Думаю приехать в пятницу к вечеру.
Уезжаю в 4 ч., Вас не дождался.

А.И.

Эти яблочки — с Вашей яблони (я струс).

¹ Пометка Л.К.: «14/XI 73 Переделкино».

² С осени 1973 года и до высылки из России А.И. подолгу жил в Переделкине на даче Чуковского. Об этом см. также примеч. 1 к письму 28.

32. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

27 декабря 1973¹. Переделкино

Я обращаю Ваше внимание на ту уклончивую трусость, с какою секретарь Стрехнин² три дня назад вызвал меня на это заседание. В бумажке стояло: «Мне надо с Вами побеседовать». Зачем эта игра в прятки? И всегда ведь так! Только ли — чтоб застать меня врасплох, не дать подготовиться? Нет, глубже: вы боитесь собственных действий, вы к своим целям, как воры, крадётесь в темноте. А ещё вы оставляете себе запас: вдруг в последний час СВЕРХУ скомандуют меня не исключать, а наградить орденом — так у вас и к этому лазейка осталась. Многолетние бюрократы без собственного характера, вы готовы ко всем превратностям³.

[Машинопись не подписана.]

¹ Пометка Л.К.: «27/XII 73. Переделкино. АИС». Заметки напечатаны на машинке.

² Стрехнин Юрий Федорович (1912–1996), писатель, секретарь СП СССР.

³ Вероятно, этот набросок представляет собой заготовку для предстоящего разговора Л.К. с Ю.Ф. Стрехниным, который вызвал ее на беседу на 28 декабря. Запись в дневнике Л.К.: «30 декабря 73. Гнусный год кончился великим событием: во Франции вышел “Архипелаг ГУЛАг” Солженицына. Первые 2 части. Что бы ни было дальше — великое событие совершилось. А со мной — мелкое. Меня вызвал Стрехнин. Два письма: одно в город, другое на дачу. Сведения о том, что детская секция уже меня исключила, я получила тоже. Думала, Стрехнин — это уже и будет секретариат, и весь день в Переделкине писала свое выступление. А.И., трогательно нарушая свой режим, мне помогал, т. е. очень

мешал, потому что торопил и подбадривал. Где радость? “Архипелаг ГУЛаг”. Теперь о Мите и всех Митях сказано слово» (*ОцД*. С. 329). «*О Мите...*», т. е. о муже Л.К. — Матвее Петровиче Бронштейне, расстрелянном в феврале 1938 года.

33. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

10 января 1974. *Переделкино*

10.1

Дорогая Л.К.!

Ночью слышал Вашу фамилию на разных славянских языках («Свободная Европа»), а по «Свободе»:

Сообщение об исключении, в начале сводки, с него начали¹;
заявление Максимова («рутинный шабаш ведьм»);
заявление Сахарова (гордится дружбой с Вами, восхищается Вашей честностью и доблестью)².

Другие станции проспал.

Думаю вернуться через сутки, в первой половине пятницы, но не придайте значение, если меня и не будет.

Обнимаю Вас! (На обороте!)

Еще поймал по «Голосу»: вчера в «Вашингтон пост» (опоздали на день!) — статья Р. Кайзера об опасности, угрожающей Вам: давнишний друг А. Солженицына исключается из Союза писателей за выступление в защиту Сахарова (в 69 г. выступала и за Солженицына). На детской секции один выступающий: «Её отец, в сущности, никогда её особенно не любил». Возмущённая такими выступлениями Чуковская отказалась (?) явиться в высшую инстанцию СП.

[*Письмо не подписано.*]

¹ За день до этого письма, 9 января, Л.К. Чуковская была исключена из Союза писателей. О том, как это происходило, она рассказала в очерке литературных нравов «Процесс исключения».

² Эти выступления В.Е. Максимова и А.Д. Сахарова приведены в кн.: *Процесс исключения*. С. 116–117.

34. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

15 января 1974. Москва

15.1

Дорогая Л.К.

Дал вот это заявление, должно быть сегодня-завтра, слушайте¹. Сахаровское заявление *было* напечатано (по «Свободе» была оттуда фраза). Но я попросил, чтобы *прочли* (впрочем, пока дойдет текст)².

Обнимаю Вас, желаю бодрости!

В среду и четверг я в Переделкине.

Ваш А.С.

Люшенька! Жду Вас, как уговорились.

¹ Речь идет о солженицынском «Заявлении для печати» (14 января 1974) в ответ на исключение Лидии Чуковской из Союза писателей: «Не сомневаюсь, что побудительным толчком к нынешнему исключению писательницы Лидии Чуковской из Союза... была месть ей за то, что она в своей переделкинской даче предоставила мне возможность работать. <...> Но пока есть такие честные бесстрашные люди, как Лидия Чуковская, мой давний друг, без боязни перед волчьей стаей и свистом газет, — русская культура не погаснет и без казённого признания» (БТД. Приложение 35. С. 660).

² А.Д. Сахаров вспоминает: «...я примкнул к коллективному письму, требовавшему оградить Солженицына от нападков и преследований, отдававшему должное “Архипелагу” и трагической судьбе его героев-заключенных. Вместе с Максимовым и Галичем я был одним из авторов этого письма. В следующие дни я дал несколько (более десяти) интервью об “Архипелаге” и Солженицыне, в том числе — по международному телефону швейцарской газете и немецкому журналу. Много спустя я узнал, что эти интервью были напечатаны (во всяком случае, большая часть из них) (Сахаров А.Д. Воспоминания // Собр. соч.: в 8 т. / сост. Е. Боннэр. М.: Время, 2006. Т. 2. С. 161. Гл. 34: Люси́на операция. «Архипелаг ГУЛАГ». Высылка Солженицына. Моя статья о «Письме вождям» Александра Солженицына). К сожалению, интервью Сахарова об «Архипелаге...» не вошли в его восьмитомное Собрание сочинений. Как это видно из библиографии его трудов, Сахаров имеет в виду свои интервью иностранным корреспондентам в январе 1974 года.

35. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

Ок. 18 января 1974¹. Переделкино

Дорогая Л.К.

Спасибо за все сообщения. Ясно. Учту.

Сегодня намереваюсь ответить ТАСС’у, «Правде», «Литературке»², а бок-ком и Рою³. Может быть, ночью уже услышите.

В 22 ч. 30 м. на волне 31 м прекрасно было слышно «Архипелаг» по «Свободе». А читает Александр Виноградов⁴ изумительно, даже меня за сердце берёт, как постороннего. Попробуйте. Обнимаю Вас!

Всегда Ваш А. Солженицын

¹ Датируется по содержанию.

² Солженицын пишет о своем «Заявлении для печати» от 18 января 1974. Оно начиналось словами: «Полная ярости кампания прессы скрывает от советского читателя главное: о чём эта книга?.. Публикуя “Архипелаг”, я всё же не ожидал, что до такой степени отрекутся даже от своих прежних слабых признаний. <...> Я уверен, что скоро наступит время, когда эту книгу в нашей стране будут читать широко и даже свободно» (БТД. Приложение 36. С. 660–661).

³ *Рой* — Рой Александрович Медведев. В Самиздате распространялась статья Р.А. Медведева «О книге Солженицына “Архипелаг ГУЛАГ”», вскоре напечатанная за границей (Русская мысль (Париж). 1974. 28 февр. С. 1–3, 5 (Из материалов Самиздата)). Позже Медведев расширил свои возражения автору «Архипелага...» (см.: *Медведев Р.А.* С точки зрения историка: Рецензия на «Архипелаг ГУЛАГ» // Правда. 1989. 18 дек., 29 дек.; 1990. 18 мая, 26 авг. (написано в 1974–1976 годах). В частности, он утверждал: «Нельзя оправдывать себя и свою нестойкость очернением “коммунистов в лагерях”».

В своем большом интервью журналу «Тайм» от 19 января 1974 года Солженицын в первом ответе на вопрос корреспондента полемизирует с Роем Медведевым, назвав «смехотворным» его предложение «обращаться за помощью к западным коммунистическим кругам — к тем, кто не имел желаний и усердия защитить даже коммунистическое дело в Чехословакии, — так неужели нас они будут защищать?» (БТД. Приложение 37. С. 662).

⁴ *Виноградов* Александр (наст. имя и фам. Юлиан Александрович Панич; р. 1931), ленинградский актер, режиссер, в эмиграции — диктор «Радио Свобода».

36. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

23 января 1974. Москва

Дорогой Александр Исаевич.

Видите, какой у меня теперь *новый* красивый ящик... а у Вас старый¹. Вот. Но я рада, что одинаковые.

Я лежу. Без сердечного приступа мне было не обойтись, он готовился давно, я знала — будет. А вот грипп мне не свойственен. Но я лежу и работаю лежа и скоро пришлю Вам свои листки. Начала было писать «сценки» и бросила² — сейчас не до сценок, сейчас все — Вы, Ваш подвиг и ваша судьба³; я пишу нечто, где о Секретариате мельком, а название:

«...Сейчас идет другая драма»⁴. И об «Архипелаге». (О «Сов. России» с ее фельетоном я вообще не писала бы. Если бы не Л.З. и колбасы⁵.) Ну, вы увидите.

Чем объясняется, что обо мне ни слова? Черт их знает. Одно только меня веселит: вчера на бюро секции прозы должны были исключить Войновича, в 5 часов. Он явился — а они нет; ³/₄ заболели гриппом! И заседание не состоялось... Потому что получают в ответ по рукам. Никому не охота: Войнович зубастый⁶. Я считаю, гордясь, что в ихнем гриппе есть малая доля и моей заслуги.

Насчет меня *при мне* единогласно вынесено было такое решение: «Исключить с широким освещением в печати». И вот — ни слова.

Не потому ли, что *о Вас* много слов? Места не хватает.

Я пишу, что «Архипелаг ГУЛАГ» — событие такого же мирового значения, как смерть Сталина.

Мешает конечно т° и слабость.

Только бы Вы были здоровы. Радикулит ведь мучителен, а у нас сыро.

Знаете ли беду? У Каверина инфаркт⁷.

Обнимаю Вас.

Л. Ч.

23/ I 74

P.S.

Звонил из Лондона Жорес; там по-английски был передан фельетон обо мне и доверенности; Жорес сказал мне, что немедленно даст опровержение насчет НТС и пр.⁸ Очень спрашивал о ситуации, о Вас. Я сказала что могла — но понял ли он? По телефону трудно.

¹ Речь идет о деревянном детском сундучке-скамейке. На разрисованной крышке изображен чудо-конь в окружении цветочного орнамента. В ящик можно было многое уместить, Л.К. хранила там издания своих книг.

² Л.К. вела запись выступлений на заседании секретариата 9 января 1974 года, посвященном ее исключению из Союза писателей, которая впоследствии вошла в ее книгу «Процесс исключения».

³ После выхода в Париже в конце декабря 1973 года первого тома «Архипелага ГУЛАГа» набирала силы травля Солженицына, развернутая в советской печати.

⁴ Неполная строка из стихотворения Б. Пастернака «Гамлет» (1946).

⁵ 12 января 1974 года в газете «Советская Россия» под псевдонимом И. Юрченко появился фельетон «“Миша Скамейкин” из Лондона: Какие адреса ищет в Москве англичанин Майкл Скэмвелл». В фельетоне, как пишет Л.К., автор «широко осветил некоторые ценные бытовые подробности из жизни моей и моих друзей: кому сколько лет, у кого квартира в центре, кто в каком магазине покупает колбасу, но именно о моем исключении из Союза не обмолвился ни единым словом (*Процесс исключения*. С. 129). Л.З. — Лев Зиновьевич Копелев, упомянутый в фельетоне.

⁶ В.Н. Войнович был исключен из Союза писателей в феврале 1974 года. В письме, отправленном в секретариат Союза, он писал: «Нам не о чем говорить, не о чем спорить,

потому что я выражаю свое мнение, а вы — какое прикажут... Ложь — ваше оружие. Вы оболгали и помогли вытолкать из страны величайшего ее гражданина. Вы думаете, что теперь вам скопом удастся занять его место. Ошибаетесь! Места в великой русской литературе распределяются пока что не вами. И ни одному из вас не удастся пристроиться хотя бы в самом последнем ряду». Письмо быстро стало достоянием Самиздата» (Цит. по: *Процесс исключения*. С. 187–188).

⁷ Каверин Вениамин Александрович (1902–1989), писатель, сосед Чуковских в Переделкине.

⁸ Жорес Александрович Медведев, недавно уехавший из России, располагал доверенностью Лидии Корнеевны на защиту ее иностранных изданий от пиратских публикаций. (О Ж.А. Медведеве см. также примеч. 1 к письму 16.) В ответ на исключение Л.К. Чуковской из Союза писателей и фельетон в «Советской России» (см. примеч. 5) Медведев опубликовал «Заявление для печати: Лживый детектив в газете “Советская Россия”» (Русская мысль. 1974. 31 янв. С. 5).

37. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

23 января 1974¹. Переделкино

Дорогая Лидия Корнеевна.

Тревожусь о Вас.

Сочетание сердечного припадка и гриппа.

Отлежитесь и не волнуйтесь лишнего: у «наших» дела, по-моему, кисло-вато. Написать Жоресу, увь, мне сей... [*Далее оборот страницы отрезан.*] ...легко повидает.

Как понять, что даже простого сообщения нет о Вас?² М. б. раздумывают? (может «опротестовать» верхний Секретариат и т. д.). Но на то надежда малая. И поскольку об исключении Вашем широко известно, — м. б. и не стоит дальше задерживать Вашу «сценку»³. Точно не скажу, Вам видней.

Выздоровливайте!

Обнимаю Вас!

Ваш А.С.

Возвращаю Жоресово письмо.

¹ Пометка Л.К.: «из Переделкина. 23.1.74». В подлиннике верх письма отрезан. Приложен листок с началом письма и датой рукою Л.К.

² Секретариат постановил исключить Л.К. Чуковскую «с широким освещением в печати», однако никакого освещения в советской печати не последовало.

³ См. примеч. 2 к письму 36.

38. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

25 января 1974¹. Переделкино

Дорогая Л.К.!

Привет из Переделкина! Выздоровливайте! Не понял, что Каверин в городе, заходил к ним, оставил записку.

Если в среду не приедете — в четверг буду у Вас².

Появились и ещё ожидаются выступления *молодых* в Самиздате — об Архипе³ и общем одурачивании. И это, по-моему, решит дело: нужны молодые, новые, а мы без них ничего не совершим.

Обнимаю Вас!

Ваш А.С.

¹ Пометка Л.К.: «25/1 74. Переделкино».

² Т. е. если Л.К. не приедет в среду на дачу в Переделкино, то в четверг А.И. приедет в Москву и придет на ее городскую квартиру.

³ *Архип* — здесь и далее сокращенное название книги «Архипелаг ГУЛАГ». ...*выступления молодых*... — распространенные в Самиздате выступления историков: Бориса Борисовича Михайлова (р. 1941), Вадима Михайловича Борисова (1945–1997), Евгения Викторовича Барабанова (р. 1943) и Льва Львовича Регельсона (р. 1939) в поддержку публикации «Архипелага ГУЛАГа» (см. сб.: Жить не по лжи: авг. 1973 – февр. 1974: Самиздат — Москва. Р.: УМСА-Press, 1975).

39. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

25 января 1974. Москва

Дорогой Александр Исаевич.

Вы правы — слово за молодежью, иначе ничто не имеет смысла. Но может быть, и «старая дама», как выражаются в «Сов. России»¹, на что-нибудь сгодится.

Я тревожу Вас не в пору — но так мне трудно было писать², что теперь нет сил на ожидание.

До среды мне долго (хотя я, вероятно, приеду). Очень прошу написать:

- 1) Годится ли вообще, удалось ли?
- 2) Если да — что, как, где поправить или убрать или дописать?
- 3) Если да — куда давать: в Самиздат или в Тамиздат и в каком порядке.
- 4) Если негоже — выброшу без всяких претензий.

Обнимаю Вас. Л.Ч.

25/1 74

Очень прошу прочесть раза два.

¹ Упомянут фельетон в газете «Советская Россия» (см. примеч. 5 к письму 36). «Старой дамой» названа Л. Чуковская.

² Речь идет о первоначальном варианте статьи «Прорыв немоты» (см. примеч. 2 к письму 40).

40. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

Конец января 1974¹. Москва

Дорогая Л.К.!

Независимо от Вашей почты: думаю завтра часов в 7–8 вечера побывать у Вас. Тогда скажу окончательно. Сейчас общее впечатление: трудно-соединимое, из трёх разных частей.

Я бы посоветовал: сделать упор на исключении (сценка, как Вы хотели). «Сов. Россия» на 2-м месте, и боюсь, что Льва не брать (разваливается статья)².

Об «Архипе» — прекрасная игра вокруг «предан» — но плохо вмещается в эту статью целых 3 стр. об «Архипе»³. М. б. — только *абзац*, как соотношение со звуком времени?.. (не больше страницы).

Очень трудную композиционную задачу Вы взвалили.

Остальное устно добавит Фина⁴.

До завтра!

Ваш А.И.

Если всё выдержать в юморе, как Вы хотели, можно и вообще не соотноситься с «Архипом».

¹ Пометка Л.К.: «конец января 74. А.И.С.».

² Речь идет о каком-то промежуточном варианте статьи Лидии Чуковской, где она рассказывала о своем исключении, возражала на клеветническую статью о ней И. Юрченко в «Советской России» (12 января 1974), в которой упоминался Л.З. Копелев. В этой же статье Л.К. отзывалась на выход 1-го тома «Архипелага ГУЛАГа».

³ 4 февраля 1974 года Л. Чуковская передала в Самиздат свой «Прорыв немоты», где речь шла только об «Архипелаге...». Там, в частности, она писала, что Солженицына называют предателем за то, что он «*предал* гласности историю гибели миллионов... которую власть по непостижимым причинам изо всех сил пытается *предать забвению*» (см.: *Процесс исключения*. С. 247).

⁴ Фина — Жозефина Оскаровна Хавкина (р. 1943), помощница Л.К. Чуковской.

41. Л.К. Чуковская — Н.Д. Солженицыной

13–14 февраля 1974 . Москва

[К письму приложен текст заявления:]

Наступило пятое действие драмы.

Позор стране, которая допускает, чтобы оскорбляли ее величие и славу.

Беда стране, у которой вырывают язык.

Несчастье народу, которого обманывают.

Благословенье и поддержка человеку, который сейчас, разлученный с семьей и друзьями, оболганный перед своим народом, — вот сейчас, сию минуту — ведет поединок с незаконным насилием.

Лидия Чуковская

12 февраля 1974 г. 23 часа¹

Дорогие мои,

Посылаю то, что написала вчера, вернувшись от Вас. В ответ на новую страшную весть еще не нашла слов². Очень прошу передать пока э т и слова.

Обнимаю вас. Жду — через вас — его голоса. Сегодня вечером съезжу на дачу: необходимо ведь ждать гостей туда³. Как быть т а м — еще не решила. Я медленная.

Обнимаю всех. Спасибо!

Л.Ч.

13/II 74

Дорогая Аля.

Если вы уже распорядились моим текстом — отлично, быть по сему.

Если нет — на ходу подменяю этим; в нем добавлены 2 эпитета и название⁴.

Пусть бегают листочки там ли, здесь ли — мне все равно. Но пусть они *работают*. Мне кажется, что, *в соответствии с датой, и вопреки дате* — они все равно уместны.

Обнимаю Вас, Е.Ф.⁵ и ребятишек.

У меня (на даче) все благополучно. На участке хожу по тропиночкам, проложенным А.И.

Л.Ч.

14/II 74

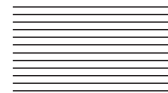
¹ 12 февраля днем Солженицын был арестован, и к моменту написания этого заявления его судьба была неизвестна. Впоследствии это заявление Л. Чуковской было напечатано под названием «Арестован Солженицын» (Русская мысль (Париж). 1974. 28 февр.).

² 13 февраля из передач зарубежных радиостанций стало известно, что Солженицына выслали из СССР, доставили в ФРГ и он находится в доме Генриха Бёлля. 14 февраля газета «Правда» поместила сообщение ТАСС: «Указом Президиума Верховного Совета СССР... лишен гражданства СССР и 13 февраля 1974 года выдворен за пределы Советского Союза Солженицын А.И.»

³ В переделкинском доме Чуковского была комната, в которой работал Солженицын, там оставались его вещи и книги, и Л.К. опасалась, что могут прийти с обыском.

⁴ Тексту дано название «Арестован Солженицын», два эпитета (точнее, два слова, выделенные здесь жирным шрифтом): «...**щипцами** вырывают язык»; «...**грубо** разлученный с семьей...».

⁵ Екатерина Фердинандовна Светлова (1919–2008), мать Н.Д. Солженицыной.

И.Б. Роднянская

ПОПЫТКА НЕ ПЫТКА...

*История несостоявшейся энциклопедической статьи
о Солженицыне*

Если читатель-пользователь откроет 7-й том «Краткой литературной энциклопедии» (М.: Сов. энциклопедия, 1972), все еще уникального и пока ничем столь же основательным не замененного издания, он не найдет между термином «солецизм» и статьей о графе В.А. Соллогубе имени Александра Исаевича Солженицына. Не найдет он имени этого *литератора*¹ и в дополнительном, 9-м томе того же издания (1978). И, не найдя, вряд ли удивится, будучи даже пятнадцатилетним школьником: ведь Солженицын был *запрещен*, и кто бы посмел этот запрет нарушить? Даже не осудит, наверное, составителей КЛЭ за неизбежную покорность «тоталитарному режиму», как принято (уже, пожалуй, *не* принято!) говорить теперь.

Между тем энциклопедические тома готовятся по несколько лет каждый. И вышедший в 1972-м том складывался в 1968–1969 годах, когда, казалось, еще не все с именем Солженицына на страницах КЛЭ было предрешено.

Редакция литературы и языка (ЛиЯ), работавшая в издательстве над КЛЭ, по праву считалась *либеральной*. Ее возглавлял литературовед Владимир Викторович Жданов (1914–1981), честный, порядочный человек, хотя, конечно, в качестве начальника не имевший возможности выходить «за рамки». Но работали там и те, для кого этих рамок давно не существовало, — например Николай Пантелеймонович Розин, героический борец с внутренней и внешней цензурой, редактор, положивший на это незаметное дело свой талант и самое жизнь. А одним из старейших работников редакции была Ирина Александровна Питляр (1915–2008), замечательная женщина, пережившая ленинградскую блокаду, потерявшая в ней своего первого ребенка, прошедшая через тяжкие жизненные испытания и смотревшая на советскую действительность, с ее идеологической составляющей, взглядом трезвого неприятия. Ей было поручено редактирование статей о советской, в том числе

¹ См. формулировку исключения Солженицына из Союза писателей: *Сараскина Л.И.* Александр Солженицын. М.: Мол. гвардия, 2008. С. 625.

текущей, литературе. Она-то и привела меня, начинающего критика, в КЛЭ, включив в число авторов еще 1-го тома. С самого начала Питляр оказывалась виновницей «идейных ошибок». Так, она ввела в словник имя молодого поэта Андрея Вознесенского (уговорив меня написать заметку о нем строк в 20); отчасти из-за этого последовал громкий разнос тома, изданного в 1962-м: да как посмели упомянуть среди почтенных имен сомнительного молокососа! (Не помню, случилась ли эта проработка до или после эскапады Хрущева в 1963 году.)

Но — Солженицын?..

Так вот, ближе к лету 1969-го, когда основные статьи для упомянутого 7-го тома КЛЭ были уже заказаны или даже написаны, у Ирины Александровны родилась дерзкая мысль: надо попробовать включить в том, охватывающий как раз этот отрезок алфавита, *нейтрально-информационную* статью «Солженицын», освещающую его опубликованные на родине вещи. Вдруг проскочит! Сейчас мне непонятно, как можно было на это надеяться. Уже вышли на Западе «В круге первом» и «Раковый корпус» (прочитанные нами в Самиздате), уже французы премировали обе книги (по зарубежным «голосам» мы ведь об этом слышали); «его уже не то что не печатали, его имя уже нигде не упоминалось»². (Правда, в условиях без-гласности мы не знали решающего: что еще в январе 1969 года был запущен в ЦК КПСС механизм исключения Солженицына из Союза писателей РСФСР.)

Да, затея была иллюзорная. Но мечта избежать позора в глазах потомков — а не позор ли: литературная энциклопедия, рассчитанная на десятилетия, — и без имени великого писателя?! — мечта эта так захватила И.А. Питляр, что она решила действовать (полагаю, согласовав свой нетривиальный шаг с завредакцией В.В. Ждановым). Ее выбор пал на меня как на исполнителя.

Я ужасно торопилась. В приводимом ниже тексте, уже перепечатанном на редакционной машинке по форматным правилам (1500 знаков на странице, широкие поля слева — для замечаний), есть лакуны: отсутствуют число, месяц и место рождения героя; их предстояло доискаться, как и географической привязки «Одного дня...», ибо значительная часть сведений о Солженицыне к тому времени активно изымалась. Но заметны и следы спешной редакции Питляр: слово «повесть» подчеркнуто чернилами, так как Ирина Александровна помнила, что «Один день Ивана Денисовича», упорно именуемый в прессе «повестью», сам его создатель квалифицировал как рассказ.

Вот этот текст³:

² Сараскина Л.И. Александр Солженицын. С. 610.

³ В угловых скобках раскрыты сокращения, присутствовавшие в тексте в соответствии с энциклопедическими нормами. Библиографические описания воспроизводятся в соответствии с источником.

СОЛЖЕНИЦЫН Александр Исаевич (.....1918) — рус<ский> сов<етский> писатель. Родился в в семье служащего. Детство и юность провел в Ростове-н<a>-Д<ону>, где в 1941 окончил физ<ико>-математич<еский> ф<акульте>т ун<иверсите>та, одновременно учась на заоч<ном> отд<еле>нии Моск<овского> ин<ститу>та истории, философии и лит<ерату>ры. В 1941 призван в Сов<етскую> Армию, по окончании арт<иллерийского> уч<или>ща находился на фронте в должности командира батареи (1942–45); награжден двумя орденами. В фев<рале> 1945 был арестован по необоснованному политич<ескому> обвинению, отбыл 8 лет заключения, затем направлен в ссылку. В 1957 полностью реабилитирован за отсутствием состава преступления. С момента освобождения из лагеря по 1963 работал в школах преподавателем математики и физики. Первое опубл<икованное> произведение С<олженицына> — повесть «Один день Ивана Денисовича» (1962) — захватывает жизн<енный> материал, до той поры необычный для нашей лит<ерату>ры: быт и работу заключенных в лагере особого режима в..... Сконцентрированное до описания одного, далеко не худшего, дня лагерника, поданное в эпически спокойном, с подсветкой юмора и иронии тоне, повествование, сохраняя резкую и грубую верность бытовой правде, имеет второй, поэтический и нравственно-филос<офский> план: сбережение человечности и достоинства в ситуации крайнего их подавления, насилия и нужды, когда человек<еские> побуждения обнажаются от покровов условий и нравственная целостность человека подвергается предельному испытанию. Все события повести, ее лирич<еский> сюжет (при отсутствии внешней фабулы) проведены через сознание безвинно осужденного крестьянина-солдата, не утратившего трудолюбия и моральной опрятности, что позволяет автору дать оценку трагич<еских> беззаконий ст<очки> зр<ения> нар<одного> здравого смысла и нар<одной> трудовой морали (не идеализируя при этом их носителя). Сжатая, динамичная и «густонаселенная» повесть благодаря рассказам и репликам персонажей, использованию едва уловимых, намекающих оттенков слова косвенно задевает пласты «внелагерного» материала: коллективизация, война, жизнь послевоенной деревни, размышления об этич<еской> основе искусства, о взаимосвязях людей; причем авторский голос то полностью сливается с голосом гл<авного> героя, то перекрывает его. Первоначально повесть была горячо поддержана прессой, к<ото>рая единодушно отмечала ее высокое трагедийно-оптимистич<еское> звучание; но впоследствии получила более

сдержанную оценку, в частности, в облике центрального персонажа отмечались архаические «каратаевские» черты, пассивность, примирение с собственной участью. Рассказы Солженицына («Случай на станции Кречетовка», «Матренин двор», «Для пользы дела», 1963) написаны на разном тематическом материале (события войны, деревня 50-х гг., жизнь современного техникума), но объединены центральной ролью в них нравственного конфликта: фанатизм сталкивается с естественным доверием и состраданием, радостное бескорыстие — с хищничеством, местнический бюрократизм — с гражданской честностью; трагический исход оттеняет моральную победу носителей человечности. Поэтическое начало рассказов Солженицына тесно связано с любовью к «внутряной России», к историческим и трудовым народным традициям («Матренин двор», «Захар-Калита», 1966). Слог Солженицына ориентирован на «внезапности устной речи», в которых автор видит источник обновления литературного языка, на разговорно-народный склад со свойственным ему гибким согласованием слов, на тактичное словотворчество в духе этого «склада». Рассказы Солженицына стали предметом широкой дискуссии и были оценены в печати преимущественно отрицательно — за абстрактное противопоставление добра и зла, психологию «праведничества», «сострадательный гуманизм».

Лит.: Бакланов Г., Чтоб это никогда не повторилось. — Лит. газ., 1962, 22 нояб.; Дымшиц А., Жив человек. — Лит-ра и жизнь, 1962, 28 нояб.; Симонов К.О прошлом во имя будущего. — Известия, 1962, 18 нояб.; Ермилов В., Во имя правды, во имя жизни — Правда, 1962, 23 нояб.; Буханов В., У Солженицына в Рязани. — Лит. Россия, 1963, 25 янв.; Губко Н., Человек побеждает. — Звезда, 1963, № 3; Кузнецов Ф., День, равный жизни. — Знамя, 1963, № 1; Друцэ И., О мужестве и достоинстве человека. — Дружба нар., 1963, № 1; Артамонов С.Д., О повести Солженицына. — В сб.: Писатель и жизнь. М., 1963; Бушин В., Герой — жизнь — правда. — Подъем, 1963, № 5; Сергованцев Н., Трагедия одиночества и «сплошной быт». — Октябрь, 1963, № 4; Чалмаев В., «Святые» и «бесы». — Октябрь, 1963, № 10; Барабаш Ю., Что есть справедливость. — Лит. газ., 1963, 31 авг.; Гранин Д., Прав ли критик? — Лит. газ., 1963, 15 окт.; Маршак С., Правдивая повесть. — Правда, 1964, 30 янв.; Лакшин В., Иван Денисович, его друзья и недруги. — Нов. мир, 1964, № 1; Сурганов В., А надо помнить... — Москва, 1964, № 1; Крячко Л., Позиция творца и бесплодие мещанина. — Октябрь,

1964, № 5; Карякин Ю., Эпизод из соврем. борьбы идей. — Проблемы мира и социализма, 1964, № 9; Лакшин В., Писатель, читатель, критик. Ст. 2. — Нов. мир, 1966, № 8; Идеиная борьба. Ответственность писателя. — Лит. газ., 1968, 26 июня.

Проставленная внизу моей рукой дата: «17/IX — 69 г.» (вкуче с подписью-росчерком) производит сегодня грустно-комическое впечатление. Пока месяца полтора статья вращалась в мирке внутриредакционных инстанций, в мире внешнем пришел срок определяющим событиям: 4 ноября совершилось грязно-скандальное исключение Солженицына из Рязанского отделения СП, утвержденное на следующий день «большим» Союзом. А 12 ноября писатель сжег все корабли (хотя сжигать, собственно говоря, было нечего), написав «Открытое письмо Секретариату Союза писателей РСФСР»⁴.

Была ли — после случившегося — заготовленная статья отложена в сторону безнадежным жестом самих инициаторов или все-таки она была предъявлена церберам из Научно-контрольной редакции — НКР (это издательское подразделение, отцеживающее все еще до Главлита, мы звали не иначе как КНР) и там ликвидирована, — я уже не помню. Провалилась еще одна локальная попытка сопротивления. Но смысл, как видно, в том, что она была.

Обнаружила я у себя эти листки, собираясь на конференцию, посвященную 50-летию публикации «Одного дня Ивана Денисовича»⁵. (Это оказалась третья, если не четвертая, закладка машинописи, которую я когда-то догадалась унести из редакции.) Я решила захватить листки с собой как историко-архивную деталь — косвенное свидетельство гонений на писателя. Но перед этим я перечитала их с немалым страхом. Как будто не нашла ничего особо постыдного в написанном более сорока лет назад — причем скорее с практической, чем с собственно литературной целью. Но быть может, я слишком снисходительна к себе.

⁴ См.: Слово пробивает себе дорогу: Сб. ст. и документов об А.И. Солженицыне. 1962–1974. М.: Русский путь, 1998. С. 396–397. Перечитав в связи с настоящей заметкой это письмо, я почувствовала, что уже забываю запах того времени. Уже не в силах понять, почему Твардовского так возмутила элементарная, хотя и суровая, правда этого обращения. Почему оно было воспринято как дышащее «ненавистью». Почему слова о таянии льдов в Антарктиде — угрозе всему человечеству, — написанные словно про запас сегодняшнему дню, показались Александру Трифоновичу злым «остроумием» (см.: *Сараскина Л.И.* Александр Солженицын. С. 627). Уже трудно влезть в прежнюю шкуру подсоветского человека.

⁵ Международная научная конференция «Ивану Денисовичу» — полвека» прошла в Москве, в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына 15–16 ноября 2012 года. — Ред.

Е.В. Иванова

РЕАЛЬНОСТЬ И ВЫМЫСЕЛ В ТВОРЧЕСТВЕ СОЛЖЕНИЦЫНА¹

Для «лагерной» литературы характерны совершенно особые отношения к реальности. Независимо от того, является ли она повествованием мемуарным, то есть апеллирующим к фактам в форме прямого авторского повествования о пережитом («Крутой маршрут» Е. Гинзбург), или ведет повествование в художественной форме, не настаивая на реальности героев (неоконченные романы О. Волкова), ее сверхзадача оставалась и остается в первую очередь задачей свидетельствования о трагической странице нашей истории — эпохе сталинских репрессий, это как бы общая миссия выживших от имени «всех тех миллионов, кто не доцарапал, не дошептал, не дохрипел своей тюремной судьбы»². Но в рамках исполнения этой общей миссии творческий путь Солженицына складывался особым образом: он едва ли не единственный, кто на протяжении всего творчества развивал эту тему одновременно и как документальную, и как художественную.

При этом писатель проводит резкую границу между документальными и художественными жанрами. Во вступлении к «Архипелагу ГУЛАГу» он не случайно подчеркивал: «В этой книге нет ни вымышленных лиц, ни вымышленных событий. Люди и места названы их собственными именами. Если названы инициалами, то по соображениям личным. Если не названы вовсе, то лишь потому, что память людская не сохранила имён, — а всё было именно так»³. Эта установка на документ определяет жанр повествования, цель которого была свидетельствование и требовала абсолютной достоверности. Такое вступление невозможно представить себе в романе «В круге первом», хотя и там шарашка и ее обитатели не являются плодом авторского вымысла.

Можно привести еще одно высказывание, свидетельствующее о том, что документальные жанры Солженицын отличал от художественных. В предисловии к книге (по авторскому определению — «очеркам литературной

¹ Доклад на семинаре отдела по изучению наследия А.И. Солженицына 4 апреля 2012 года в Доме русского зарубежья (ДРЗ). — *Ред.*

² *Солженицын А.И.* Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. М., 1996. С. 51.

³ *Он же.* Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956: Опыт художественного исследования // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2010. Т. 4. С. 11.

жизни») «Бодался теленок с дубом» он даже назвал мемуары литературой низшего рода: «Есть такая, немалая, *вторичная* литература: литература о литературе; литература вокруг литературы; литература, рождённая литературой (если б не было подобной перед тем, так и эта б не родилась). Сам я, по профессии, такую почитать люблю, но ставлю значительно ниже литературы первичной»⁴.

Итак, в своих представлениях о литературных жанрах Солженицын придерживался традиционного деления литературы на документальную, которую еще называют «литературой факта», и художественную, литературу вымысла, герои которой являются плодом писательской фантазии. Грань между документальной и художественной литературой существует совсем не случайно, и для литературы лагерной темы она играет особую роль, ведь факт, документ, историческое свидетельство обладают особой логикой убеждения.

Однако непосредственно в творчестве Солженицына документальное и художественное начала скорее сочетаются, чем разделяются, и можно сказать, что реальность и вымысел образуют здесь совершенно особый контрапункт. Соединительным звеном между ними выступает биография писателя, которая в равной степени питает и его чисто художественные произведения, и чисто документальные. Если представить его судьбу как некоторую линию, по которой он движется во времени («дороженьку», например), то все художественные произведения Солженицына (за исключением «повествования в отмеренных сроках» — романа «Красное Колесо») можно расположить вдоль его биографии, так что в своей совокупности они воссоздают ее художественный эквивалент. Но и из его публицистических статей, воспоминаний, очерков «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» можно составить авторский документальный рассказ о жизни писателя (кто-то остроумно заметил: «Вы не оставляете ничего биографу»). На основании статей и мемуаров Солженицына можно построить его биографию в жанре «о себе и жизни своей», который узаконил В.Г. Сукач, построив жизнеописание В.В. Розанова на основе его автобиографических признаний⁵.

Мемуарная и художественная ипостаси биографии Солженицына как бы взаимно отражаются друг в друге, и в сознании читателя они присутствуют в нерасчлененном виде, то, что можно было бы назвать художественным и документальным, не только ни в чем не противоречат, но скорее дополняют друг друга. В этом проявилась особая, новаторская роль, которую играет в творчестве Солженицына автобиографическое начало: реальность и вымысел не дистанцируются друг от друга, а вступают в новые отношения, в отношения взаимодополнения.

⁴ Он же. Бодался теленок с дубом. С. 8.

⁵ См.: Розанов В.В. О себе и жизни своей / сост., предисл. и коммент. В.Г. Сукача. М.: Моск. рабочий, 1990.

Ярким примером этих новых отношений реальности и вымысла стал рассказ «Матренин двор», который, с одной стороны, по свидетельству автора, является точным фактическим описанием эпизода из его жизни в деревне Мильцево Курловского района Владимирской области, рассказом о реальной судьбе реального человека — Матрены Васильевны Захаровой, а с другой стороны — всеми без исключения воспринимается как произведение прежде всего художественное в самом точном смысле этого слова. И не случайно по поводу рассказа Илья Эренбург, который в своем творчестве охотно использовал документ, заметил: «Я старый литературный волк и, читая, обычно понимаю, как это сделано. У Солженицына догадываюсь даже, как сделан “Иван Денисович”... Но вот как написан “Матренин двор”, решительно не понимаю. Это родилось»⁶. Главный секрет рассказа и заключается в его как бы двуединой природе — документальной и художественной одновременно; загадка состоит в том, как одно претворилось в другое.

Двуединство документального и художественного по-своему отразилось в истории романа «В круге первом». Как известно, роман долгое время был известен читателю как произведение Самиздата, а потом — «Тамиздата». Но и в том и другом качестве он существовал как художественное произведение, никаких авторских комментариев по поводу прототипов читателю не предлагали, никто, кроме узкого круга уцелевших обитателей марфинской шарашки, не мог бы раскрыть их имена. Да у читателя не было никакой потребности о них дознаваться — настолько художественно завершенными герои и их судьбы представляли на страницах романа. И тем не менее без всяких побуждающих причин как минимум два из прототипов этого романа — Дмитрий Панин и Лев Копелев — нашли нужным комментировать роман именно так, как если бы это были воспоминания, прямо указывающие на них.

Дмитрий Панин даже — факт, неслыханный в истории русской литературы, — первую свою книгу подписал тем именем, под которым он выведен на страницах романа «В круге первом». Свои воспоминания он назвал «Записки Сологодина», тем самым как бы полностью отождествив себя с героем романа. В своих записках он подчеркивал прежде всего верность изображения реальным событиям: «В лагерных вещах Солженицын мало придумывал, писал большинство персонажей с натуры. Успех и заслуженная слава Солженицына в немалой степени зависели от людей, с которыми он оказался в лагерях и тюрьмах»⁷. Одновременно Панин настаивал на полном

⁶ Цит. по: Крохин Ю. Архипелаг судьбы // Между двумя юбилеями: 1998–2003: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: альманах. М.: Русский путь, 2005. С. 109.

⁷ Панин Дм. Записки Сологодина. Frankfurt a/M.: Посев, 1973. Кн. 1. С. 457.

тождестве героев романа и их прототипов: «ее (шарашки. — Е.И.) обитатели блестяще им описаны», «Солженицын изобразил самого себя исключительно правдиво и точно в главном персонаже романа — Глебе Нержине»⁸.

Отношение Д. Панина к роману «В круге первом» отчасти напоминало отношение Макара Девушкина, героя романа Достоевского «Бедные люди», к повести Гоголя «Шинель», Девушкин узнал себя в одном из героев. Но у Достоевского это «узнавание» оказалось потом поводом для литературной полемики с Гоголем, Д. Панин в «Записках Сологдина», напротив, по собственной воле отождествил себя с персонажем романа Солженицына: «Я назвал эту книгу “Записки Сологдина”, так как прообразы героев романа Солженицына “В круге первом” взяты из жизни. Таков и мой литературный двойник Сологдин, от имени которого я решил обратиться к современному читателю и поведать ему о том времени»⁹. В истории литературы это беспрецедентная попытка прототипа войти в пространство романа и выступить уже от имени одного из его героев. Встает вопрос: а что мешало ему говорить с читателем от имени Д. Панина, разве это что-нибудь изменило бы в сути его свидетельства? Объяснение можно искать только в том, что роман «В круге первом» как бы создал те авторитетные позиции, которые Д. Панин не рассчитывал завоевать повествованием от своего лица.

Но если стратегию Д. Панина можно объяснить его литературной наивностью либо излишней верой в возможности литературы, то Лев Копелев, профессиональный литератор, казалось бы, должен был знать, что еще со времен Гёте поэзию и правду принято было разделять. Тем не менее во всех своих мемуарных книгах, начиная с «Хранить вечно», он был занят опровержением и уточнением всего, что касалось другого героя романа «В круге первом» — Рубина, прототипом которого он назвал себя сам. Подробному описанию обитателей шарашки Копелев специально посвятил мемуары «Утоли моя печали»¹⁰, где прокомментировал и раскрыл почти все прототипы романа, словно бы забыв о праве писателя на вымысел, и не случайно М.Г. Петрова писала: «Автобиографические и романские линии переплелись, как корневище могучего дерева, и провести между ними границу почти немислимо»¹¹.

Самоопределение Солженицына как писателя шло в направлении, намеченном еще Л.Н. Толстым. Приступая в начале 1890-х годов к работе над новым романом (будущее «Воскресение»), Толстой записал в дневнике:

⁸ Там же. С. 424.

⁹ Там же. С. 10.

¹⁰ Копелев Л.З. Утоли моя печали: Мемуары. Ann Arbor: Ardis, 1981.

¹¹ Петрова М.Г. Судьба автора и судьба романа // Солженицын А.И. В круге первом: Роман. М.: Наука. 2006. С. 629.

«Форма романа не только не вечна, но она проходит. Совестно писать неправду, что было то, чего не было. Если хочешь что сказать, скажи прямо»¹². Солженицына можно назвать представителем традиции, которая никогда не писала о том, «чего не было». Одно из главных его произведений — «Архипелаг ГУЛАГ» — полностью построено на свидетельствах очевидцев, прошедших через сталинские лагеря, новые отношения документального и художественного начал отмечены в авторском определении жанра этого произведения. С точки зрения классической теории литературы это документальное повествование, в котором излагаются сведения о существовании пенитенциарной системы, частично почерпнутые из собственного лагерного опыта и рассказов соседельцев, частично собранные им во время поездок к бывшим узникам лагерей, о которых он узнал после публикации «Одного дня Ивана Денисовича». От традиционных документальных исследований «Архипелаг ГУЛАГ» отличался лишь тем, что документы по условиям времени носили почти исключительно изустный характер. Но своему произведению автор дал неожиданное жанровое определение — «опыт художественного исследования» и в интервью с Н.А. Струве пояснил, что он имел в виду: «...это такое использование фактического (не преображённого) жизненного материала, чтобы из отдельных фактов, фрагментов, соединённых, однако, возможностями художника, — общая мысль выступала бы с полной доказательностью, никак не слабей, чем в исследовании научном»¹³.

«Художественное» здесь тождественно «достоверному», доказанному, подразумевает возможность ненаучными методами убедить читателя в фактической достоверности изложенного. Но как достигается эта достоверность? Особенности построения этой книги очень точно охарактеризовала Лидия Чуковская: метод автора заключается в том, чтобы «выводить из пережитого мысль за мыслью, судьбу за судьбою, лагпункт за лагпунктом — и возвести это колоссальное изваяние, этот величавый памятник на братской могиле за чертою вечной мерзлоты. Семейно частями своей книги Солженицын создал литую форму, новую не только для русской литературы, но, смею думать, и для мировой»¹⁴.

Свидетельства очевидцев, которые кропотливо собирал Солженицын, стали строительным материалом, отдельными звеньями в единой цепи повествования. Новизна созданного Солженицыным жанра состояла в том, что соединение этих однородных, но не однообразных, а индивидуальных судеб

¹² Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1952. Т. 52: Дневники и записные книжки, 1891–1894 / подгот. текста и коммент. А.С. Петровского. С. 93 (запись в дневнике 18 июля 1893 г.).

¹³ Солженицын А.И. Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве (март 1976) // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1996. Т. 2. С. 422.

¹⁴ Чуковская Л.К. Мастерская человеческих воскрешений: [Выступление в Доме архитекторов к 70-летию А. Солженицына] // Референдум (М.; Вильнюс). 1990. № 35. Апр. С. 19.

насыщало и уплотняло повествование, сообщая ему особую убедительность, которую сам писатель считал художественностью. Судьбы бывших лагерников представлены в «Архипелаге ГУЛАГе» в своих ключевых и наиболее значимых деталях, тем самым как бы сгущалось время, необходимое для рассказа о каждом из них. Это уплотненное до пределов повествование превращало работу писателя в художественное исследование, по убедительности равное научному: одна трагическая судьба могла быть случайностью, но сведенные вместе судьбы разных людей на огромном пространстве страны обретали особую убедительность. Здесь, как и позднее, в романе «Красное Колесо», мы видим и другой излюбленный прием писателя, почерпнутый в математике, — восстановления кривой по точкам. Поскольку отдельные судьбы он воссоздавал только в ключевых, наиболее значимых точках, по этим точкам восстанавливалась общая линия судьбы, и повествование приобретало возможность раздвигать свои границы. Повествование строилось как сжатая пружина, которая разжималась в сознании читателя. Неудивительно, что именно этой книге суждено было осуществить «прорыв немоты», убедить западный мир в существовании лагерной системы в Советском Союзе. Если один лагерь мог быть островом, то сеть разбросанных по всей стране лагерей была уже архипелагом, и из отдельных фактов и судеб возникала эта гениальная в своем роде метафора, которая убедила последних скептиков. Ведь и до Солженицына на Западе появлялись мемуары тех, кто успел убежать из советских лагерей, кому удалось эмигрировать тем или иным способом, но всегда находились малoverы и скептики, находились аргументы, чтобы объявить его свидетельские показания озлоблением или сознательной клеветой. Образ Архипелага, выстроенный как колоссальное обобщение реальных судеб, опиравшийся на свидетельства очевидцев, развеял последние сомнения. Повествование Солженицына было воспринято как голос самой реальности, как голос самих жертв, и он был услышан.

В приведенном выше высказывании Толстого протест против вымысла был порожден протестом против лжи, которая все более и более явно примешивалась к литературе его времени, так называемой «обличительной литературе», суть которой передается формулой героя «Записок из подполья» Достоевского «абличил, даже поклеветал»¹⁵. Под влиянием политических идей литература критического реализма становилась все более и более тенденциозной, слишком явно подчиняясь политике и публицистике.

В целом ряде очерков, составивших цикл «Литературная коллекция», Солженицын выразил свое отношение к этой обличительной традиции в предреволюционной литературе и даже возложил на нее часть ответственности за «красное колесо». В очерке, посвященном Пантелеймону Романову, Солженицын писал о его рассказе «Русская душа» (1916): «Этот этюд невы-

¹⁵ Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 4. С. 488.

годно представляет то традиционное, истощённое до бесплодности разоблачение дореволюционного русского быта... Кто из “освобожденчества”, кто из художественного модернизма — сколько авторы начала XX века не углядели здоровых и важных изменений, происходивших тогда в России»¹⁶. Литература не помогала пониманию смысла исторической и общественной жизни страны, что сам Солженицын считал одной из основных ее задач.

Но в эпоху Солженицына доверие к художественному повествованию подрывала не столько эта дореволюционная обличительная литература, сколько, напротив, литература социалистического реализма, восхвалявшая советскую реальность, которая создавала некую вымышленную, идеализированную действительность. Уже в ранней неоконченной повести Солженицына «Люби революцию» обозначена та точка, то перепутье, на котором кардинально разошлись его пути с литературой социалистического реализма. В повести есть весьма выразительное упоминание о том искусстве, которым советская эпоха заслоняла реальность. Изображая фронтовой концерт, Солженицын с неодобрением упоминает марш И. Дунаевского из кинофильма «Веселые ребята». Но настоящий гнев вызывает у писателя другой номер из программы концерта — монолог деда Щукаря, героя романа М.А. Шолохова «Поднятая целина» («натужный, вовсе не смешной юмор»¹⁷). Деду Щукарю, который в романе Шолохова олицетворял путь крестьянина-бедняка к новой жизни, Солженицын позднее уделит несколько слов в статье «По донскому разбору» (1984): «...дед Щукарь со своим дежурным комикованием — в непомерных, неестественных количествах на целые главы, по десять страниц, нарушая реальность всякой обстановки, динамику действия, и никогда нимало не смешно...»¹⁸ Дед Щукарь не принадлежал к самым большим неудачам романа М. Шолохова «Поднятая целина», напротив, этот трагикомический герой наряду с Макаром Нагульновым вносил в плакатное повествование о новой жизни на селе некоторые оживляющие черты. Солженицын обладал замечательным чувством юмора, и его внимание вряд ли бы задержал этот незадачливый проповедник колхозной жизни, если бы все, что касалось истории деревни, не обладало слишком большой серьезностью. Он не принимал деда Щукаря прежде всего потому, что это был фальшивый в исторической перспективе образ, созданный Шолоховым с вполне прагматической целью: показать магическую преобразующую силу партийных постановлений. Для самого Солженицына правда крестьянской жизни при советской власти заключена в судьбах других героев, совсем не

¹⁶ Солженицын А.И. Пантелеймон Романов — Рассказы советских лет // Новый мир. 1999. № 7. С. 197.

¹⁷ Он же. Люби революцию // Солженицын А.И. Дороженька. М.: Вагриус, 2004. С. 303.

¹⁸ Он же. По донскому разбору // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. Т. 3. С. 217.

комических — Ивана Денисовича, Матрены, Спиридона из романа «В круге первом». То, что принесла большевистская власть крестьянству, не имело ничего общего с комическими монологами деда Шукаря, в судьбах своих героев-крестьян Солженицын показал трагедию крестьянства, которое безжалостно уничтожила советская власть.

Итак, Солженицын постоянно опирался в своем творчестве на факт, на то, что он сам пережил и увидел своими глазами. Уже в повести «Люби революцию» именно столкновение с реальной жизнью в первые дни войны заставляет Нержина подвергнуть сомнению почерпнутые из книг представления о жизни своей страны, которые тот хотел закрепить в своей будущей книге. Эта книга была задумана им как апология октябрьского переворота, который в то время он считал Революцией с большой буквы. Попав во вспомогательный тыловой батальон, Нержин, по существу, впервые столкнулся с тем, что можно назвать реальной жизнью страны: «Прожив двадцать три года то с матерью, то с женой, или в понятном школьном, студенческом кругу, первый раз Нержин оказался в странном ему, бесстройном мужском сборище с какими-то первобытно сильными законами, с какой-то насмешливой жестокостью к себе и к другим и с обилием крайне мрачных предположений. <...> ...Не только смотреть ему не хотелось на своих соседей — костеняще не хотелось ему ни думать, ни жить. Где была та молодая краснофлагая страна, по которой он носился доселе? Если б эти люди не говорили по-русски, Нержин не поверил бы, что они его земляки. Почему ни одна страница родной литературы не дохнула на него этим неколебимым, упрямо-мрачным, но ещё какую-то тайну знающим взглядом тысяч — ещё какую-то тайну, иначе нельзя было бы жить!»¹⁹

Его убеждения были сформированы литературой социалистического реализма, и вот теперь он пытался их проверить реальной жизнью. Попав на войну и увидев ее в наименее героической ипостаси — в тыловом обозе, — Нержин пытается найти в своих попутчиках представителей «краснофлагой страны», образ которой создал в своем воображении. Поначалу его обрадовало знакомство с Дашкиным, который по самоаттестации был «Воронежской губернии Бобровского уезда первый революционер», «герой гражданской войны», «комиссар хлебозаготовок»²⁰. Нержин, этот ранний вариант автобиографического героя романа «В круге первом», пришел буквально в восторг от своего попутчика: «Неслучайной удачей было, что он, вот, попал в одну телегу с революционером. Вот именно таких людей надо искать, надо расспрашивать их, пока они живы, — это бесконечно ценнее для истории, чем безличные жёлто-холодные мумии документов»²¹.

¹⁹ *Он же.* Люби революцию. С. 302–303.

²⁰ Там же. С. 318.

²¹ Там же. С. 318–319.

Представления Нержина о жизни в повести «Люби революцию» полностью укладывались в формулу Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны...». Даже географически Нержин чувствовал себя иностранцем в местах, где провел большую часть жизни: «Что это за местность была, в середине большой донской излучины, Нержин не мог припомнить, хотя жил же 16 лет в Ростове: ни одного города он тут не вспоминал, да их и не было, ни железной дороги, ни шоссе — степь и всё. Вдруг — переезжали какую-то немалую реку Чир — ну, никогда он такой реки не слышал, а как бы хорошо назвать на “ч”, когда играли с друзьями в реки. Но любую африканскую они, кажется, знали лучше»²². Интернациональный пафос мировой революции заслонял образ собственной страны, даже ее географии, не только истории, которая тогда мыслилась не иначе как прославление революции.

Задача всего последующего творчества Солженицына состояла именно в том, чтобы прорваться сквозь ложь о своей стране на самых разных уровнях: о хозяйстве в газетах, о революционных деятелях и истории в учебниках, о врагах и героях, чтобы понять, кто были в ней подлинными «сеятелями и хранителями». Как справедливо заметил Игорь Волгин, Солженицын «гениально ощутил то, что можно бы назвать самосознанием жанра — поистине мировую его тоску по документу и факту»²³.

В повести «Люби революцию» Нержин нашел своего первого проводника в мир реальной жизни в Порядине, типе патриархального крестьянина. Порядин играл в повести такую же роль, какую играл Платон Каратаев в романе Л. Толстого «Война и мир», и Солженицын сам указал на это: «Порядин же был чистый Платон Каратаев, и Нержин, усмехаясь, вспомнил нападки марксистской критики на Толстого, что Каратаева он придумал. Порядин такой же был круглый, добрый, такой же умелец во всяком деле, так же прибаутками сыпал, только о Боге не упоминал никогда, но глядя на его светящееся лицо, Нержин не мог себе вообразить иного источника этого постоянного внутреннего света у Порядина»²⁴.

В романе «В круге первом» автобиографический герой Солженицына как бы продолжил свой путь к реальности сразу по нескольким направлениям: к реальности исторической под влиянием Сологодина, к пониманию реальной жизни собственной страны — под руководством мужика Спиридона, который ничем не напоминал бодрых колхозников — преобразователей жизни из «Поднятой целины».

Самоопределение Солженицына как писателя отразилось в его цикле очерков «Литературная коллекция», в предисловии к которым он писал: «...найдя, наконец, первый досуг от сбора материала для “Красного Колеса”,

²² Солженицын А.И. Люби революцию. С. 323.

²³ Ответ на анкету о Солженицыне // Литературная газета. 1991. 8 мая. № 18. С. 10.

²⁴ Солженицын А.И. Люби революцию. С. 340.

я стал перечитывать некоторых писателей или отдельные произведения русской литературы XIX и XX веков. И вскоре испытал потребность записывать свои обновившиеся впечатления. Я делал это — для себя, без мысли о печати. <...> Заметки эти — вовсе не критические рецензии в принятом смысле, служащие оценке произведения в потребность современному читателю. Каждый такой очерк — это моя попытка войти в душевное соприкосновение с избранным автором, попытаться проникнуть в его замысел, как если б тот предстоял мне самому, — и в мысленной беседе с ним угадать, что он мог ощущать в работе, и оценить, насколько он свою задачу выполнил»²⁵.

Очерки создавались в процессе работы над «Красным Колесом», когда писатель искал приемы, с помощью которых можно было бы вместить все многообразие собственного замысла (один из очерков так и назывался: «Приёмы эпопей»), это была своего рода учеба у предшественников. Характерно, что во всех очерках из всех требований, которые принято предъявлять к произведениям художественной литературы и с точки зрения содержания, и с точки зрения формы, Солженицын актуализирует, по существу, два. Первый и главный критерий для него — отражение в произведениях писателя жизни страны, каждому из них он задавал один и тот же вопрос: что дают они для познания этой жизни? Второе требование относится к языку, в каждом из очерков обязательно выписаны слова, которые Солженицын намеревался включить в свой «Русский словарь языкового расширения», но этой линии мы не будем касаться.

Для нас важнее то почти исключительное внимание, которое писатель уделял соотношению литературы и исторической реальности, способности произведений литературы служить зеркалом жизни, свидетельством о своей эпохе. Один из главных упреков Солженицына всей дореволюционной литературе — излишне критическое изображение крестьянской жизни и жизни русской провинции, непонимание, что именно они составляли фундамент исторической жизни России, что крестьянин был, если пользоваться словами Н.А. Некрасова, ее «сеятель и хранитель».

Можно привести целую серию отрицательных высказываний Солженицына о том, как изображал крестьян не только М. Горький, известный своей ненавистью к крестьянству, но и гораздо более объективные А. Чехов и И. Бунин. Последний, как обедневший помещик, жил, по существу, одной жизнью с крестьянами и тем не менее самое существенное в их жизни не увидел. Солженицын считал, что русские писатели не понимали и жизни русской провинции, о дореволюционном цикле Е. Замятина «Вездное» (1912) он писал: «Заострённая идеологичность портит все художественные добытки. Да они-то — резкие, выпуклые до карикатуры. Вообще, оглядеть-

²⁵ Он же. «Голый год» Бориса Пильняка: Из «Литературной коллекции» // Новый мир. 1997. № 1. С. 195.

ся: вся конструкция и рисунок повести — грубы. И, конечно, — сплошной свинский русский быт. Откуда такое зрение? Откуда столько озлобления на жизнь и людей? Отталкивание ото всего окружающего...»²⁶

Переходя от Замятина к Чехову, Солженицын обращал внимание все на тот же обвинительный уклон: «Выписывание уродств, начатое Гоголем, — и катилось до Горького, впрягался и Бунин, вот и Чехов». «Палата № 6» — «ещё добавка к серии брюзжаний о пустых ненужностях и нескладностях русской жизни»²⁷. Недостаток литературы критического реализма Солженицын видел в преобладании обличительного пафоса и неправильном выборе объектов для обличения, в нежелании замечать созидательные начала, которые, по мысли писателя, определяли жизнь страны.

В произведениях советской литературы, литературы социалистического реализма, он видел недостатки прямо противоположного свойства: незаслуженную идеализацию жизни. Провозглашая главенство идеала над реальностью, надеясь с помощью вымышленной реальности преобразовать жизнь, эта литература подменяла и заслоняла собой всё трагическое и страшное, что происходило в стране. Литература социалистического реализма стала «возвышающим обманом», который мешал видеть «низкие истины». Солженицын не верил в преобразующую и созидательную способность иллюзии, даже если она создавалась с благими намерениями, что отражает его отзыв о романе В. Гроссмана «За правое дело»: «Идея, которая ведёт Гроссмана в построении этой книги, — “великие связи, которые определяли жизнь страны” под главенством большевиков, “самое сердце идеи советского единства”. И, мне кажется, Гроссман искренно самоубедил себя в этом, — а без этой уверенности такого романа и не написать бы. <...> Вот в этой теории органически единого, сплочённого советского народа — и заложена главная неправда книги. Я думаю, тут и ключ к пониманию автора. Его Мария Шапошникова “знала в себе счастливое волнение, когда жизнь сливалась с её представлением об идеале”, автор же чуть-чуть подсмеивается над ней, — а и сам таков. Усвоенному идеальному представлению он с напряжением следует через всю книгу — и только это дало ему осуществить то, что мы видим: вершину “соцреализма”, каким он свыше задан, — самый старательный, добросовестный соцреалистический роман, какой только удался советской литературе. Я так понимаю: во всех лжах этого романа — нет цинизма. Гроссман годами трудился над ним и верил, что в *высшем* (а не примитивном частном) понимании — смысл событий именно таков, а не то уродливое, жестокое, нескладное, что так часто происходит в советской жизни»²⁸.

²⁶ Солженицын А.И. Из Евгения Замятина: Из «Литературной коллекции» // Новый мир. 1997. № 10. С. 189.

²⁷ Он же. Окунаясь в Чехова: Из «Литературной коллекции» // Там же. 1998. № 10. С. 174.

²⁸ Он же. Диалогия Василия Гроссмана: Из «Литературной коллекции» // Там же. 2003. № 8. С. 157.

Гроссман изображал не реальность войны, а «представление об идеале», то, какой должна выглядеть война, сам Солженицын в изображении войны, как это было показано выше на примере повести «Люби революцию», шел прямо противоположным путем. Литература социалистического реализма уходила от задачи свидетельствования и превратилась в служанку тоталитарной власти. В итоге получалось, что дореволюционная литература, изображая русскую жизнь, была тенденциозна, а советская — подменяла реальность ложными идеалами. Солженицын противостоял и той и другой тенденции всем своим существом, Лев Копелев заблуждался, когда сказал про «Один день Ивана Денисовича» — «типичный соцреализм»²⁹.

Менее категорично в «Литературной коллекции» оценивал Солженицын так называемую деревенскую прозу, которой он отвел особое место в советской литературе только потому, что она сумела сказать о крестьянской жизни именно то, что писатель считал наиболее важным. За это его часто упрекали в «почвеннических» симпатиях. Солженицын воспринимает деревенскую прозу как запечатленную картину крестьянской жизни, что проявилось в его оценке творчества Евгения Носова. «Перед нами медленно текут те самые простейшие эпизоды живой жизни, которых так недостаёт нам в учебниках истории, чтобы ее ощутить, как бы поживши в ней. Та уверенная, непридуманная покойная обстоятельность быта простых людей — всё менее замечаемая нами в беспокойном современном круговерчении, где человеколюбие становится даром утраченным»³⁰.

Такого же рода достоинства Солженицын отмечал и в творчестве Василия Белова и готов не замечать идеализации, которая, несомненно, присутствовала в его творчестве. Казалось бы, герой повести Василия Белова «Привычное дело» Иван Африканыч мало отличается от деда Щукаря: та же непутевость, незадачливость. Но для Солженицына В. Белов и Е. Носов сумели передать то главное, что составляет суть крестьянской жизни, — особую связь с природой, с землей: «То, до чего Глеб Успенский досмотрелся пытливым взглядом доброжелательного стороннего наблюдателя — *власть земли*, — то через 80 лет Василий Белов бесхитростно излил нам из своего крестьянского естества, из своей души и опыта. Из чего вырос — о том всё написал, этого не сочинить. Автор и его герой слиты с природой, у них свычка с каждым деревом в лесу, с неуничтожимым родничком, развороченным дорожными машинами»³¹. Деревенская проза для него некоторый аналог цикла картин Павла Корина «Русь уходящая», в ней, по мысли Солженицына, «посылается один из последних памятников деревенской, а значит, тысячелетней и навсегда уходящей Руси. Она застигнута в её домирающем совет-

²⁹ См.: *Он же*. Бодался теленок с дубом. С. 421.

³⁰ *Он же*. Евгений Носов: Из «Литературной коллекции» // Новый мир. 2000. № 7. С. 195.

³¹ *Он же*. Василий Белов: Из «Литературной коллекции» // Там же. 2003. № 12. С. 154.

ском, а затем и послесоветском состоянии»³². Таким образом, Солженицын в ней ценил прежде всего запечатленную реальность.

Свидетельство высокой художественной силы увидел он и в романе (по авторскому определению — эпопее) И. Шмелева «Солнце мертвых», рассказывающем о беспримерных жестокостях, которые проявили большевики, отвоёвывая Крым у Белой армии во время Гражданской войны. «Это такая правда, — писал Солженицын, — что и художеством не назовешь. В русской литературе первое по времени настоящее свидетельство о большевизме. Кто ещё так передал *отчаяние* и всеобщую *гибель* первых советских лет, военного коммунизма? <...> Страшней этой книги — есть ли в русской литературе? Тут целый погибающий мир вобран, и вместе со страданием животных, птиц. В полноте ощущаешь масштабы Революции, как она отразилась и в делах, и в душах»³³. Из этой оценки следует, что достоверность Солженицын ставил выше, чем художественные достоинства, называя роман Шмелева «свидетельством», он отнюдь не выводил его за пределы художественной литературы, напротив, именно ценность свидетельства обеспечивает в его глазах этому произведению особое место в русской литературе.

В «Литературной коллекции» Солженицын почти ничего не писал о литературе русского модернизма, единственный опубликованный его очерк был посвящен роману А. Белого «Петербург», но и здесь писатель коснулся только исторической и психологической достоверности романа, хотя на первый взгляд подобные оценки обнаруживают скорее непонимание основополагающих установок всей литературы русского модернизма. Со времен Аристотеля основным свойством литературы был провозглашен мимезис, подражание реальности³⁴. Модернизм по своим эстетическим установкам был антимиметическим литературным течением, провозглашавшим задачей литературы конструирование новой, иной реальности, что нашло свое отражение в известной декларации Ф. Сологуба, открывавшей его роман «Навы чары» (первая часть трилогии «Творимая легенда»): «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду, ибо я — поэт. Косней во тьме, тусклая бытовая, или бушуй яростным пожаром, — над тобою, жизнь, я, поэт, воздвигну творимую легенду об очаровательном и прекрасном»³⁵.

В эпоху модернизма главным для писателя стало создание некой иллюзорной реальности, реальности искусства, которая могла и не иметь ниче-

³² Солженицын А.И. Евгений Носов. С. 196.

³³ Он же. Иван Шмелёв и его «Солнце мёртвых»: Из «Литературной коллекции» // Новый мир. 1998. № 7. С. 186.

³⁴ Термин «мимезис» мы употребляем в том смысле, который закрепился за ним со времен Аристотеля и который подробно рассматривается в кн.: Ауэрбах Э. Мимезис: Изображение действительности в западноевропейской литературе / пер. с нем. М.: Прогресс, 1976.

³⁵ Сологуб Ф. Навы чары // Собр. соч.: в 20 т. СПб.: Сирин, 1914. Т. 18: Творимая легенда: Роман. С. 3.

го общего с жизнью. В отличие от соцреализма модернизм перед этой творимой реальностью никаких сверхзадач не ставил. Требования, которые предъявлял Солженицын к роману А. Белого, по существу противоречили художественным задачам, которым подчинено творчество А. Белого, он не претендовал на то, что герои его романа будут восприниматься как портреты его современников, революционеров-террористов. Через своих героев А. Белый стремился выразить свое представление о состоянии мира, в котором поселились провокация и террор. Солженицын смотрит на роман с других позиций: «...его действующие лица настолько исковерканы, будто он (А. Белый. — Е.И.) и вообразить не может ничего здорового»³⁶. В этой оценке выявляется граница, отделяющая Солженицына от модернизма.

«Литературная коллекция» позволяет понять, что по своим творческим установкам Солженицын не примыкает ни к одному из существовавших до него литературных течений, ни к критическому реализму, ни к социалистическому реализму, ни к модернизму. В своем творчестве он ставил и решал совершенно новые задачи, и потому почти не использовал готовые, сложившиеся жанры, и стремился поставить литературу в новые отношения с реальностью. Особенно ярко это проявилось в период работы над романом «Красное Колесо», в центре которого оказались не просто судьбы людей и события, а реальная русская история, свой замысел он объяснял так: «...существует такой афоризм: “Тот, кто забывает свою историю, обречён её повторить”. Если мы не будем знать своей истории, мы снова понесём все те жертвы, те же ошибки, те же несуразности, снова и снова. Историю знать нам надо. <...> Я не сомневаюсь, что тем читателям, кто хочет понять русскую историю, моя книга будет необходима и не будет им трудна»³⁷.

До Солженицына история существовала в литературе как фон, исторические события использовались как обстоятельства, в которых раскрывались характеры героев, но главным объектом изображения был все-таки человек. «Красное Колесо» изначально задумано как способ осмысления реальной истории, такая задача перед литературой прежде никогда не ставилась. В «Красном Колесе» история впервые стала предметом изображения, документальное и художественное повествование уравнились здесь в правах, и оба они взаимно проверяют и дополняют друг друга. Точно так же на равных правах сосуществуют в «Красном Колесе» исторические деятели и вымышленные герои.

Главным же героем становится, по существу, ход истории, этим и определяется совершенно особый жанр «повествования в отмеренных сроках». Отличие своего «повествования» от традиционного жанра исторического ро-

³⁶ Солженицын А. «Петербург» Андрея Белого // Новый мир. 1997. № 7. С. 191.

³⁷ Он же. Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм» (23 мая 1989) // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 3. С. 335.

мана Солженицын объяснял так: «Недостатком многих исторических романов, за многие столетия, я считаю, было вот что: если автор хотел описать какое-нибудь событие, то непременно придумывал какого-нибудь героя, который “совершенно случайно” попадал туда, где ему на самом деле нечего делать и где он не должен быть»³⁸.

Вряд ли то, о чем пишет здесь Солженицын, можно назвать недостатком исторического романа как жанра, это лишь один из распространенных приемов, другой вопрос, что этот прием не годился для «Красного Колеса». Солженицыну необходимо было не просто описать те или иные события глазами вымышленных современников, а показать, как действия, желания и стремления и реальных исторических деятелей, и вымышленных, но типичных для своего времени героев существуют в пространстве исторических событий, определяя их ход.

Солженицын неоднократно подчеркивал особые отношения исторической реальности и вымысла в «Красном Колесе»: «Я во все крупные исторические события никаких придуманных героев не ввожу, а просто описываю тех реальных лиц, которые там действительно были. У меня 90 % действующих лиц — исторические, крупные или мелкие, но реально тогда существовавшие. А придуманных персонажей я ввожу не для того, чтобы отдать дань традиции. Но они вносят ощущение какой-то склейки, течения жизни, это напоминание: а жизнь течёт, жизнь сама по себе продолжается. Однако для этого мне достаточно очень немногих вымышленных персонажей и очень немного глав с ними»³⁹.

Исторические события воссоздавались автором, как в документальном повествовании, на основании источников, опираясь на которые создавал он и своих вымышленных героев, так или иначе связанных в романе с этими событиями, историческая реальность и вымысел одинаково находили опору в документах.

Это соединение прежде несоединимого и заставило писателя создавать новую форму повествования: «Я должен комбинировать жанры. Не считаю, что я открыватель чего-то нового, но я и не традиционалист, — я только каждый раз думаю, как эту задачу решить лучше всего, как наиболее рельефно подать читателю этот материал»⁴⁰. Жанр «Красного Колеса» рождался в процессе его создания как поиск кратчайшего пути для решения главной задачи: показать движение истории.

Особое значение приобрела в «Красном Колесе» та почти исключительная насыщенность исторической информацией, которая заставила Н.А. Струве вспомнить известное определение романа А.С. Пушкина как

³⁸ Солженицын А.И. Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм» (23 мая 1989). С. 325–326.

³⁹ Там же. С. 326.

⁴⁰ Там же. С. 325.

«энциклопедии русской жизни»: «“Октябрь” представляет собой энциклопедию русской жизни, как говорил Белинский об “Евгении Онегине”. Но у вас эта энциклопедия дана не выборочно, а в необычайной множественности, которая является отличительной чертой вашего романического мира. У вас сравнимая со Львом Толстым способность владеть множественностью жизненных явлений. И “Октябрь Шестнадцатого”, пожалуй, одна из самых насыщенных книг, появившихся за последние десятилетия»⁴¹.

Но энциклопедизм «Красного Колеса» достигается не столько благодаря этой «множественности жизненных явлений», своеобразной перенаселенности и насыщенности событиями, сколько благодаря тому, что за каждой судьбой, за каждым событием этого повествования открывается огромная переработанная историческая информация, опять, как в «Архипелаге ГУЛАГ», здесь присутствует углубляющая события перспектива. Здесь опять время предельно сжато, ключевые события и герои группируются с помощью нескольких наиболее важных точек, однородная совокупность которых намечает свою линию, по которым также можно воссоздать траекторию движения. Внутри «Узлов» время предельно сгущается за счет того, что события поданы отдельными выразительными мазками, это не узлы, а узелки, но и за ними также восстанавливаются линии движения. Этот прием узловых точек можно проследить на всех уровнях «Красного Колеса», особенно наглядно он прослеживается в том, как подается газетная информация. Не имея возможности воспроизводить большие цитаты, которые только перегружали бы повествование, Солженицын выбирает из газетных статей ключевые слова и выражения, сжимает газетную информацию так, что она, с одной стороны, сохраняет стиль прессы того времени, а с другой — передает отношение к событиям представителей разных политических партий. С помощью этого приема Солженицыну удается избежать пересказа и сохранить язык того времени. Сжатая до предела газетная информация, позволяющая домыслить целые пласты политической жизни, сохраняя ее язык и стиль времени, — одна из блестящих находок писателя, воссоздающая образ прессы как действующего лица истории.

Солженицын имел основание говорить по поводу размера своей книги: «Объём её на самом деле не является большим, потому что он составляет какую-нибудь сотую или двухсотую часть всех материалов, использованных при написании этой книги. На самом деле, если такой книги нет, то надо заново перелопачивать горы книг, вот тех мемуаров, свидетельств, воспоминаний, газетных статей, а я всю эту работу сделал; ведь я работаю, в общем, над собиранием этих материалов скоро пятьдесят лет; и всё время я читаю какие-то книги, относящиеся к той эпохе»⁴². Размер «Красного Колеса» опре-

⁴¹ Солженицын А.И. Интервью с Н.А. Струве об «Октябре Шестнадцатого» для журнала «Экспресс» (30 сентября 1984) // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 3. С. 270.

⁴² Там же. С. 271.

делялся размерами замысла — рассказать об исторической жизни России на более чем десятилетнем отрезке, и рассказать именно художественными средствами, чтобы были слышны голоса той эпохи, чтобы погрузить читателя в сам ход истории. Каждый из его героев несет в себе некоторый сгусток исторического опыта, фактов, донесенных мемуаристами и писателями. Это и делает «Красное Колесо» произведением особого жанра, в котором персонажи фиксируются и преобразуются в художественные образы реальные исторические факты, характеры и события, по крупицам собранные писателем в документальных источниках.

Но при этом «Красное Колесо» не есть компендиум готовых ответов, оно содержит множество спорящих голосов, типов поведения, стремлений и интересов, которые сталкиваются и спорят друг с другом на фоне неумолимого хода истории, невольно вовлекаясь в него. Задача Солженицына — дать читателю увидеть и почувствовать историческую реальность, погружаясь в нее, и сформировать собственную точку зрения. При этом писатель как бы берет на себя роль проводника в этот сгущенный до предела документальный и художественный материал. В отличие от своих публицистических произведений Солженицын предлагает читателю не готовые мнения и выводы, которые можно было бы изложить на пространстве одной статьи, что он неоднократно делал в интервью по поводу выхода отдельных «Узлов» «Красного Колеса», пересказывая события и высказывая свои мнения о них, давая оценки отдельным политическим деятелям. «Повествование в отмеренных сроках» дает возможность погружения в историческую реальность, здесь происходит не только рождение нового литературного жанра, но найдено новое взаимодействие литературы и реальности. Это произведение по замыслу автора призвано стать новым средством воздействия на реальность, если читатель захочет понять и усвоить преподанный исторический урок. Пока же читатель чаще всего останавливается в недоумении перед десятком томами, выстроенными в ряд, но это уже другая история.

А.Д. Шмелев

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ СЛОВА В ПРОЗЕ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА: *МИР И ВОЛЯ*¹

Бывает так, что история языковой единицы отзывается в ее употреблении в современной речи. В прозе Александра Солженицына слово очень часто аккумулирует в себе память о своем происхождении и месте в истории русского языка, причем вниманию к исторической памяти слова сопутствует в ней чуткость к новейшим языковым изменениям. Я попытаюсь иллюстрировать это на примере слов *мир* и *воля*, а также некоторых связанных с ними слов: *смирение, уют, покой, простор, свобода, счастье*.

1. ПРЕДЫСТОРИЯ

1.1. Индоевропейские корни

В современном русском языке звуковому комплексу *мир* соответствует целый ряд значений («отсутствие войны», «вселенная», «сельская община» и т. д.). Впрочем, все многообразие значений сводится к двум основным смысловым комплексам: «покой; мирная жизнь; отсутствие конфликтов» и «вселенная; миропорядок; общество». Именно эти две группы значений различались в дореформенной орфографии: написание *миръ* соотносилось с отсутствием войны, спокойствием, мирной жизнью, а *миръ* — с вселенной или человеческим обществом. Однако исторически оба слова восходят к одному, означавшему нечто вроде «гармонии; согласия», и писалось это слово в древних памятниках одинаково. Иными словами, современные значения звукового комплекса *мир* можно рассматривать как модификацию некоего исходного значения, которое мы могли бы истолковать как «гармония; обустройство; порядок». Вселенная может рассматриваться как «миропорядок», противопоставленный хаосу, *космос*. Отсутствие войны также связано с гармонией во взаимоотношениях между народами. Образцом гармонии и порядка, как они

¹ Доклад на семинаре отдела по изучению наследия А.И. Солженицына 10 апреля 2013 года в ДРЗ. — *Ред.*

представлены в русском языке, могла считаться сельская община, которая так и называлась — *мир*. Общинная жизнь строго регламентирована, и любое отклонение от принятого распорядка воспринимается как своего рода «непорядок». Покинуть этот регламентированный распорядок и значит «вырваться на волю», получить возможность делать все, что хочется, поступать по своей воле (слово *воля*, восходящее к индоевропейскому корню со значением «желание», в славянских языках получило также значение «свобода»).

Можно полагать, что в архаичной модели мира *мир* соответствовал привычной норме, а *воля* — непредсказуемым отклонениям от нормы (упомянем сопоставление мира и воли в историческом аспекте в статье В.Н. Топорова²). Оно соответствует архаическому противопоставлению космоса и хаоса, порядка и анархии; *мир* выступает как «свое», обжитое, устроенное пространство, а *воля* — как пространство «чужое», неустроенное³.

1.2. Перевод Первоучителей

Однако, по-видимому, для русского языка использование для значений «покой, порядок, мирная жизнь» и «вселенная; общество» одного и того же звукового комплекса было результатом не стихийной семантической эволюции, а смелого переводческого решения Первоучителей Мефодия и Кирилла. Дело в том, что как в тексте Писания, так и в богослужебных текстах часто сопологаются греческие слова *εἰρήνη* «спокойствие, мирная жизнь» и *κόσμος* «вселенная; миропорядок; человеческое сообщество». В славянском переводе обоим греческим словам, четко различающимся по смыслу, было поставлено в соответствие одно и то же слово *мир*. Этот звуковой комплекс выражает оба смысловых комплекса и в современном русском языке.

В результате такого переводческого решения новое звучание обрели многие известные отрывки, которые можно слышать на богослужении. (Для ясности *мир* в значении «вселенная; человеческое сообщество» в следующих далее примерах будет писаться с буквой «і десятиричное» в соответствии с нормами поздней церковнославянской орфографии, а также дореформенной русской орфографии. Однако следует иметь в виду, что как в древних памят-

² См.: Топоров В.Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре, III. Мир и воля // Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1989. С. 43–60.

³ Ср. также наблюдение Ю.С. Степанова: «...соединение двух рядов представлений — “Вселенная, внешний мир” и “Согласие между людьми, мирная жизнь” — в одном исходном концепте постоянно встречается в культуре... “Мир” в древнейших культурах индоевропейцев — это то место, где живут люди “моего племени”, “моего рода”, “мы”, место, хорошо обжитое, хорошо устроенное, где господствует “порядок”, “согласие между людьми”, “закон”; оно отделяется от того, что вне его, от других мест, вообще — от другого пространства... где наши законы не признаются и где, может быть, законов нет вообще, где нам страшно» (Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 95).

никах, так и в современных текстах, напечатанных гражданской графикой, это слово пишется точно так же, как *мир* «отсутствие войны, спокойствие, мирная жизнь»). «Мир оставляю вам, мир мой даю вам: не якоже мир дает, Аз даю вам» (Ин. 14: 27; из 12 Евангелий); «Мира мірови у Господа просим» (прошение на ектенье); «Мир мірови Твоему даруй» (заамвонная молитва). По-гречески, разумеется, никакого созвучия в приведенных примерах нет. Это соположение созвучных слов проникло и в сферы, далекие от церковной жизни: можно вспомнить советский лозунг «Миру — мир».

В некоторых случаях совпадение звучания позволяет одновременно выразить оба смысла. Рассмотрим начинающий ектенью возглас «Миром Господу помолимся!». В греческом оригинале здесь используется слово *εἰρήνη*; иными словами, речь идет о молитве в согласии и мирном духе. Однако многие прихожане, слушающие славянское богослужение, понимают этот возглас несколько по-иному: «помолимся вместе, сообща» (т. е. в соответствии с пониманием *мира* как «сообщества людей»). Не случайно в некоторых молитвословах, напечатанных гражданским шрифтом, но делающих попытку снова различить *мир* и *мір*, в этом возгласе форма *міром* печатается с буквой «і десятиричное».

Заметим, что переводческое решение Первоучителей не было единственным возможным. Данные других славянских языков показывают, что можно было бы найти ресурсы для различного перевода двух греческих слов. Так, в польском языке смысл «отсутствие войны, мирная жизнь» передается словом *pokój*, а смысл «вселенная; человеческое сообщество» — словом *świat*. Собственно, и русские аналоги *покой* и *свет* вполне употребительны в соответствующих значениях: *весь мир* ≈ *весь свет*; *на душе мир* ≈ *на душе покой*.

2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ МИРА И ВОЛИ

2.1. Простор или уют?

Распад слова *мир* на два омонима несколько изменил противопоставление *мира* и *воли*. Если *мир* как отсутствие войны, вражды, беспокойства (*миръ*) целиком остается в сфере *лада* и гармонии, то *мир* как Вселенная (*міръ*) или общественное устройство вовсе не обязательно связан с гармонией. Когда мы говорим о мироздании в целом, то напрашивается ассоциация с *простором*. Так, напр., говорят о *бескрайних просторах Вселенной*.

Но *простор* устойчиво ассоциируется с *волей*. Приведем толкование соответствующего значения слова *воля* из словаря Даля: «данный человеку произвол действия; свобода, простор в поступках; отсутствие неволи, насилования, принуждения»⁴. Ассоциация *воли* и *простора* отмечалась многими

⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.; М.: Изд. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. Т. 1. С. 242.

авторами. Приведем рассуждение Д.С. Лихачева: «Широкое пространство всегда владело сердцем русским. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы. Тем, что воля вольная — это свобода, соединенная с простором, ничем не огражденным пространством»⁵.

Отношение к *воле* и *простору* в русской культуре издавна было амбивалентным. Холодный ветер простора и манил, и пугал. Наряду с тягой к большому открытому пространству, стремлением вырваться на *волю*, на *простор*, где есть где *разгуляться*, в русской культуре также представлена, хотя и менее ярко выражена, любовь к небольшим закрытым пространствам, к *уюту*⁶. На *просторе* человека могут подстергать различные опасности, и он стремится спрятаться, укрыться, отгородиться от них, найти *уютный уголок*, где ему было бы спокойно и ничего не грозило:

- Знаете, вечерами, безо всякой грозы, иногда наплывают такие серо-чёрные толстые низкие тучи, прежде времени мрачнеет, темнеет, весь мир становится неуютным, и хочется только спрятаться под крышу, поближе к огню и к родным⁷.

Отгораживаясь от «холодного ветра простора», человек надеется обрести душевный мир и покой.

В статье «Родные просторы» мы отмечали ряд характеристик, которые предъявляются к помещению, чтобы его можно было считать *уютным*⁸. Помещение должно быть теплым, небольшим по размерам, отгороженным от остального мира. *Просторную* или *прохладную* комнату вполне можно назвать *комфортабельной*, но не *уютной*. Хорошо, чтобы в комнате топилась печь или горел камин, — характерное выражение у *домашнего очага* сразу создает ощущение *юта*. Приведенный отрывок из «Ракового корпуса» иллюстрирует некоторые из названных характеристик *юта*: отгороженность (*спрятаться под крышу*), тепло и домашний очаг (*поближе к огню*). Кроме того, в нем отражено еще одно важное свойство *юта* — его связь с представлением о чем-то *родном*. В статье «Родные просторы» мы обращали внимание на то, что концепт *простора* в русской языковой картине мира естественным образом монтируется с лингвоспецифичным концептом *родного*,

⁵ Лихачев Д.С. Заметки о русском. М.: Сов. Россия, 1981. С. 8.

⁶ См.: Шмелев А.Д. «Широта русской души» // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 357–367; Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Родные просторы // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 338–347; Шмелев А.Д. В поисках мира и лада // Логический анализ языка. Космос и хаос. М.: Индрик, 2003. С. 64–72.

⁷ Солженицын А.И. Раковый корпус // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2012. Т. 3. С. 366 (Гл. 31).

⁸ См.: Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Родные просторы. С. 341–342.

что находит отражение в сочетаемости соответствующих слов. Но оказывается, что с понятием *родного* связаны не только *просторы*, но и *уют*. Так, часто уютным кажется *родной уголок*, где человека окружают *родные* (отсюда стремление *быть поближе к огню и к родным*). *Уют* создает ощущение защищенности и *покоя*.

Но в русской культуре издавна укоренена и ассоциация *покоя* не с *миром* и *ладом* и не с *уютом*, а с *простором* и *волей*. Часто бывает так, что человек убегает из беспокойного, суматошного и неуютного мира *на волю* или *на простор* и там обретает желанный *покой*. Собственно, об этом и говорят знаменитые пушкинские строки:

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег⁹.

Простор тогда никак не мешает *покою*; наоборот, он служит своего рода гарантией, что *покой* не будет нарушен неожиданным вмешательством со стороны. Поэтому по-русски вполне естественно звучит некрасовская формула *покой и простор*. При этом *простор* дает не только ощущение покоя, но и желанную свободу. Это и создает базу для замены противопоставления *мира* и *воли* объединением *покоя* и *воли*.

2.2. Примирение и смирение

Для русской языковой картины мира чрезвычайно характерна установка на принятие всего, что происходит в мире, «примирение с действительностью»¹⁰. Но характерно и то, что ключевое слово, служащее для обозначения этой установки, *примирение*, так же как и глагол *примириться*, входит в словообразовательное гнездо с вершиною *мир*. С точки зрения установки на «примирение с действительностью» достижение внутреннего *мира* (*умиротворенного* состояния духа, *покоя*) возможно лишь при условии *примирения* с внешним, окружающим *миром*, т. е. отказа от вражды с другими людьми и принятия всего, что вокруг происходит. При этом носитель такой установки часто сам для себя находит аргументы,

⁹ Из стихотворения А.С. Пушкина «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» (1834).

¹⁰ См.: Шмелев А.Д. Символические действия и их отражение в языке // Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 515–522.

Иногда эта установка даже характеризуется как «беспомощность и покорность судьбе, превосходящая все границы, — вызывающая изумление и презрение всего мира» (*Солженицын А.И. Россия в обвале*. М.: Русский путь, 1998. С. 166 (Гл. 29)).

почему «примирение с действительностью» возможно, разумно и необходимо:

- Остальные обязанности лечащего врача требовали только методичности: вовремя назначать анализы, проверять их и делать записи в тридцати историях болезни. Никакой врач не любит испускать разграфлённые бланки, но Вера Корнильевна примирялась с ними за то, что эти три месяца у неё были *свои* больные — не бледное сплетение светов и теней на экране, а свои живые постоянные люди, которые верили ей, ждали её голоса и взгляда¹¹.

Ср. также высказывания Солженицына о Пушкине (из эссе «Колеблет твой треножник»), показывающие, что «примирение с действительностью» в самом деле может рассматриваться в русской языковой картине мира как идеал:

- Вера его высится в необходимом, и объясняющем, единстве с общим примирённым мироощущением;
- относился к смерти примиренно, спокойно, с возвышением мысли;
- гармоничная цельность, в которой уравновешены все стороны бытия: через изведанные им, живо ощущаемые толщи мирового трагизма — всплытие в слой покоя, примирённости и света;
- Горе и горечь осветляются высшим пониманием, печаль смягчена примирением¹².

Наличие в системе представлений о мире установки на «примирение с действительностью» привело к интересному переосмыслению слов *смириться* и *смирение* в русле «народной этимологии». Эти слова, соотносимые с одной из важнейших христианских добродетелей, предполагающей отсутствие гордости и *умерение* каких бы то ни было претензий, этимологически восходят к корню *мер*, и в самых древних памятниках слова писались с буквой «ѣ»: *сѣмѣренъ*, *сѣмѣрити* «умерить, смягчить, подавить». Однако под влиянием созвучия со словами *примириться* и *примирение* и общей установки на «примирение с действительностью» они стали ассоциироваться с принятием окружающего мира таким, каков он есть, и писаться с буквой «и». Если исходный смысл *смирения* — отсутствие гордости, то в дальнейшем слово стало включать в себе идею примиренности. Характерен комментарий владыки Антония (Блума): «Мы привыкли думать о смирении как о состоянии челове-

¹¹ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 42 (Гл. 4).

¹² Он же. Колеблет твой треножник // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. Т. 3. С. 241, 247.

ка, который перестал видеть в себе что бы то ни было, что могло бы вызвать в нем тщеславие, гордость, самодовольство. Но смирение — еще нечто большее: это примиренность до конца, это мир со всем»¹³.

Впрочем, еще в начале XX века глаголы *примириться* и *смириться* различались управлением: говорили *примириться с кем-либо* или *с чем-либо*, но *смириться* (т. е. «умерить свою гордость») *перед кем-либо* или *перед чем-либо*. В настоящее время конструкция *смириться с кем-либо* или *с чем-либо* стала совершенно обычной¹⁴, и Александр Солженицын свободно использовал ее:

- И с умилением Олег почувствовал, что он вполне доволен своей долей, что он вполне смирен со ссылкой, и только здоровья одного он просит у неба и не просит больших чудес¹⁵.

До сих пор отглагольные существительные *примирение* и *смирение* имеют разные модели управления: *примирение с кем-либо* или *с чем-либо* звучит безупречно, а *смирение с кем-либо* или *с чем-либо* — несколько непривычно (лучше традиционное *смирение перед кем-либо* или *перед чем-либо*). Однако Александр Солженицын и здесь чутко следует за новыми языковыми тенденциями: в книге «Россия в обвале» в числе черт «русского характера» он выделил *доверчивое смирение с судьбой*¹⁶.

Не вполне обычной пока еще является и используемая в «Раковом корпусе» конструкция *смириться, что...*:

- Как это удивительно, что русский, какими-то лентами душевными припеленатый к русским перелескам и полям, к тихой замкнутости среднерусской природы, а сюда присланный помимо воли и навсегда, — вот он уже привязался к этой бедной открытости, то слишком жаркой, то слишком продуваемой, где тихий пасмурный день ощущается как отдых, а дождь — как праздник, и вполне уже, кажется, смирился, что будет жить здесь до смерти¹⁷.

¹³ Антоний (Блум), митр. О воплощении Христовом // Беседы о вере и Церкви. М.: Интербук, 1991. С. 185.

¹⁴ Показательно, Впрочем, что еще в 1960 году подобное управление казалось Лидии Чуковской обращаящим на себя внимание новшеством, и она отмечала в книге «В лаборатории редактора»: «Раньше мы писали: “смириться перед чем-нибудь” и “примириться с чем-нибудь”. Теперь в газетах читаем: “смириться с чем”», — и задавала вопрос в связи с явлениями такого рода: «Приобретение это или утрата для литературного языка и какую роль сыграл в этих переменах редактор? Что перешло в печать (а из печати на уста народа и из уст народа снова в печать) по недомыслию, невежеству или небрежности редактора, а что — по его убеждению?» (Чуковская Л.К. В лаборатории редактора. М.: Искусство, 1960. С. 63).

¹⁵ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 237 (Гл. 20).

¹⁶ Он же. Россия в обвале. С. 161 (Гл. 29).

¹⁷ Он же. Раковый корпус. С. 229 (Гл. 20).

Установка на *смирение*, предполагающее в числе прочего *примирение* со своим положением, может вести к бездеятельности и нежеланию что-либо предпринимать. Не случайно она вызывает отталкивание у людей активных и деятельных. Таков Вадим Зацырко из «Ракового корпуса»:

- Вадим... раздражался от этих разжигающих басенок о смирении... <...> Такая водянистая блеклая правдёнка противоречила всему молодому напору, всему сжигающему нетерпению, которое был Вадим, всей его потребности разжаться, как выстрел, разжаться и отдать¹⁸.

Но не только Вадим, в формировании взглядов которого решающую роль сыграло советское воспитание, но и герои, вызывающие явную симпатию автора, считают, что *смирение* противоречит *делу*. Так, мальчик Дема не видит в *смирении* ничего «дельного»:

- Дёма ходил, прихрамывая, и всюду искал именно тётю Стёфу, которая и посоветовать-то ему ничего дельно не могла, кроме как смириться¹⁹.

Олег Костоготов также очевидным образом противопоставляет *смирение* и *дельность*. Так, он размышляет по поводу разъяснений, которые ему дал Лев Леонидович, «хирург с волосатыми руками»:

- Или просто, верный своему врачебному сословию, этот дельный человек тоже лишь склоняет больного к смирению?²⁰

Надобно заметить, что в «Раковом корпусе» *смирение* и вообще «примирение с действительностью» в целом оценивается невысоко, оно примыкает к конформизму и противопоставляется борьбе за правду. Так, перед Елизаветой Анатольевной, у которой растёт сын, встает вопрос, «скрывать правду, примирять его с жизнью» или «нагружать правдой» (характерен и уверенный ответ Костоготова: «Нагружать правдой! — Олег уверенно вдавил ладонь в настольное стекло. Он так сказал, будто сам вывел в жизнь десятки мальчишек — и без промаха») ²¹. Показательно также, что отрицательный Русанов именно апелляцию к *смирению* демагогически использует как аргумент против хрущевской оттепели и начинающегося освобождения миллионов заключенных:

¹⁸ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 219 (Гл. 19).

¹⁹ Там же. С. 112 (Гл. 10).

²⁰ Там же. С. 326 (Гл. 28).

²¹ Там же. С. 400 (Гл. 34).

- Какое это безумие! — возвращать их! Зачем? Они там привыкли, они там смирились — зачем же пускать их сюда, баламутить людям жизнь?..²²

Ассоциативные связи с *миром* привели также к развитию представлений о *смирении* как об особом типе поведения — *мирного*, не буйного. Ср. такие выражения, как *присмиреть*, *усмирить*, *смирительная рубашка*, используемое в народной речи прилагательное *смиранный*, соответствующее общелитературному *смирный*²³. У Александра Солженицына используется глагол *усмираться* (несовершенный вид от глагола *усмириться*), образованный в соответствии с данной линией семантического развития:

- Он охотно приказал бы им замолчать, и особенно этому надоедному бурволосому с бинтовым охватом по шее и защемлённой головой — его просто Ефремом все звали, хотя был он не молод.
- Но Ефрем никак не усмирался, не ложился и из палаты никуда не уходил, а беспокойно похаживал средним проходом вдоль комнаты²⁴.

Существенно при этом, что все разнообразные представления о *смирении* (как о христианском отсутствии гордости, как о *примирении* с окружающей действительностью, как о *смирном* поведении) могут сливаться в единый нерасчлененный идеал. Так, Александр Солженицын, говоря о *доверчивом смирении с судьбой* как об одной из черт «русского характера», дал по этому поводу следующий комментарий:

- любимые русские святые — смиренно-кроткие молитвенники (не спутаем смирение по убеждению — и безволие); русские всегда одобряли смирных, смиренных, юродивых²⁵.

В этом комментарии очень показательно противопоставление *смирения по убеждению* и *безволия*: оно свидетельствует, что, хотя противопоставление *мира* и *воли*, возможно, еще живо в языковом сознании, *смирение* вовсе не означает отсутствия *воли* (понятно, что слово *воля* здесь имеет значение способности деятельно реализовать свои желания).

²² Там же. С. 171 (Гл. 14).

²³ Мы помним, что в стихотворении Н.А. Некрасова «Генерал Топтыгин» прилагательное *смиранный* применяется к медведю — ясно, что оно не предполагает наличия у медведя христианской добродетели *смирения*.

²⁴ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 16 (Гл. 2).

²⁵ Он же. Россия в обвале. С. 161 (Гл. 29).

2.3. Примирение и примиренчество

Следует заметить, что идеал «примирения с действительностью» был абсолютно чужд советской идеологии; как следствие, советский идеологический язык имел определенные особенности в отношении использования соответствующих слов. Разумеется, *смирение* вообще в нем отсутствовало; А. Вежицка заметила, что сочетание *смиранный коммунист* воспринимается как аномальное²⁶.

Если слово *смирение* и могло появиться в языке советской пропаганды, то только в качестве цитации и с явным неодобрением (напр., *поповские сказочки о смирении*). Ср. также пример из «Национального корпуса русского языка», в котором «проповедь смирения» рассматривается как несомненное свидетельство «реакционности» взглядов Федора Достоевского:

- Достоевский умел вызывать сочувствие читателя к обиде и боли маленьких людей, задавленных капитализмом, это и необходимо было ему для его основной цели, для пропаганды идей смирения перед существующим строем, для утешения страдающих, униженных и оскорбленных. Но он размахивал нищенской сумой не для того, чтобы возбудить в сердцах униженных и оскорбленных чувство гнева и жажды борьбы с властью имущими, а для проповеди смирения и покорности²⁷.

Но любопытно, что и *примирение* не приветствовалось, и если слово *мир* и некоторые его производные могли употребляться с положительной оценкой (напр., *борьба за мир*, *мирное сосуществование*), то слово *примирение* практически вообще не употреблялось, а его аналогом в советском идеологическом языке было слово *примиренчество*, носящее яркую отрицательную окраску (ср. также отрицательно окрашенные слова *соглашатель* и *соглашательство*). Напротив того, положительно окрашенным было слово *непримиримость*²⁸. С точки зрения советской идеологии человек должен быть *бескомпромиссным* и не должен *мириться* ни с врагами, ни с недостатками (подробное описание истории отношения к компромиссам в советское время и отражения этой истории в языке содержится в статье Е.Я. Шмеле-

²⁶ Wierzbicka A. Semantics, culture, and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. N.Y.; Oxford: Oxford univ. press, 1992. P. 194.

²⁷ Заславский Д.О. Против идеализации реакционных взглядов Достоевского // Культурная жизнь. 1947. 20 дек.

²⁸ Слово *непримиримость* могло использоваться с положительной окраской и вне советского идеологического языка: «С чеченами я был в казахстанской ссылке в 50-х годах. Там хорошо узнал и их непреклонный, горячий характер, их непримиримость к гнѣту и высокую боевую искусность и самодеятельность» (Солженицын А.И. Россия в обвале. С. 84 (Гл. 13)). Но тогда положительная окраска у него контекстно обусловлена, и с тем же успехом может появляться и отрицательная, как, напр., когда он говорит о *стандартной дореволюционной «освобожденческой» непримиримости* (Он же. Колеблет твой треножник. С. 227).

вой²⁹). Вот всего лишь один пример из статьи, опубликованной в газете «Пионерская правда» за 1937 год под шапкой «Сегодня 20 лет ВЧК — ОГПУ — НКВД. Пионерский салют зорким часовым и разведчикам Родины!»:

- Таким был Дзержинский — мужественный, бесстрашный, непримиримый к врагам³⁰.

Поскольку слова *согласие* и *примирение* в русском языке имели скорее положительные коннотации, в советском идеологическом языке появились слова *соглашательство* и *примиренчество*, носящие яркую отрицательную окраску. Соответственно, люди, склонные к поиску компромиссов, получили презрительные именованья *соглашателей* и *примиренцев*. Приведем определения этих слов из «Толкового словаря» под редакцией Д.Н. Ушакова: «Примиренец, (полит.). Человек, старающийся примирить, сгладить или скрыть классовые противоречия, занимающийся пособничеством деятельности оппортунистов, как правых, так и “левых”, пытающийся обезоружить партию большевиков в ее борьбе с оппортунизмом». «Соглашатель, (полит. презрит.). Оппортунист, ведущий политику соглашений, компромиссов с реакционной буржуазией, политику предательства интересов рабочего класса»³¹. Употребление указанных слов авторами, стремящимися выразить советскую идеологию, вполне соответствовало этим толкованиям; они были солидарны с персонажем повести Аркадия Гайдара «В дни поражений и побед», который «...не был даже как следует грамотен. Но это не мешало ему быть хорошим профессионалом-повстанцем, ненавидеть до крайности белых и горячо защищать Советскую власть. <...> Самую сильную брань считал он слово “соглашатель”»³². Евгения Гинзбург в «Крутом маршруте» вспоминает характерные «политические ругательства» того времени: «Соглашатели! Правовлацкие уроды! Троцкистские выродки! Примиренцы задрипанные!»³³

Такое отрицательное отношение к *примирению* было пересмотрено в постсоветскую эпоху, когда в реестр государственных праздников был даже внесен «день национального согласия и примирения»³⁴. Ср., впрочем, саркастический комментарий Александра Солженицына:

²⁹ См.: Шмелева Е.Я. О словах *компромисс* и *бескомпромиссный* // Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 196–203.

³⁰ Пионерская правда. 1937. 20 дек.

³¹ Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. Т. 3. С. 819; М., 1940. Т. 4. С. 349.

³² Гайдар А.П. В дни поражений и побед. Цит. по: Шмелева Е.Я. О словах *компромисс* и *бескомпромиссный*. С. 198.

³³ Гинзбург Е.С. Крутой маршрут. М.: Сов. писатель, 1990. С. 14.

³⁴ Вероятно, название праздника было ответом на существовавшую в русской эмиграции традицию по призыву владыки Антония (Храповицкого) отмечать 7 ноября «день непримиримости» (об этой традиции мне напомнила Марина Адамович; отмечу, что с 1990-го «день непримиримости» стали неофициально отмечать и в России).

- И вершина Примирения достиглась в день 80-летия большевицкого переворота. В юбилейном обращении Президента *даже не были вспомнены* тюрьмы ЧК-ГПУ и лагеря ГУЛАГа, — но нашлось место «понять и простить тех, кто совершил роковую историческую ошибку»³⁵.

3. ВОЛЯ И СВОБОДА

3.1. Исторические корни

В отличие от *воли свобода* предполагает как раз порядок, хотя порядок, не столь жестко регламентированный. Не случайно слово *свобода* этимологически связано со словом *свой*, т. е. в противопоставлении *своего*, освоенного и чужого, неосвоенного связывается именно со *своим* — т. е., в архаичных терминах, скорее с *миром*, чем с *волей* (элемент **fri-* со значением личной принадлежности используется в германских языках для обозначения как свободы, так и мира³⁶). При этом если *мир* в русской культуре концептуализовался как жесткая упорядоченность сельской общинной жизни, то *свобода* ассоциировалась скорее с жизнью в городе (недаром название городского поселения *слобода* этимологически тождественно слову *свобода*, отличаясь от него лишь вследствие диссимиляции губных). Но если сопоставление *свободы* и архаического *мира* предполагает акцент на том, что *свобода* означает отсутствие жесткой регламентации, то при сопоставлении *свободы* и *воли* мы делаем акцент на том, что *свобода* связана с нормой, законностью, правопорядком («Что есть свобода гражданская? Совершенная подчиненность одному закону, или совершенная возможность делать все, чего не запрещает закон», — писал когда-то Василий Жуковский). *Свобода* означает право делать то, что человеку представляется желательным, но это право ограничивается правами других людей; *воля* вообще никак не связана с понятием права. Не случайно словосочетание «Народная воля» стало названием террористической организации (в частности, именно на ней лежит ответственность за убийство императора Александра II), а название *Партия народной свободы* относилось к партии либерально мыслящих профессоров (другое название — *Конституционно-демократическая партия*).

Как уже говорилось, круг ассоциаций, которые возникли у слова *воля* и его производных, связан с широкими просторами, на которых можно делать что душе угодно, поскольку нет каких бы то ни было законов и правил, стесняющих свободу (примечательно, что ограничение свободы описывается в русском языке словами, связанными с теснотой, напр. *притеснять*).

³⁵ Солженицын А.И. Россия в обвале. С. 59 (Гл. 8).

³⁶ См.: Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М.: Радикс, 1994. С. 105.

Соответственно, и широкие просторы вызывают в сознании представление о *воле*, на которой можно *разгуляться*: «...нашли большое поле — / Есть разгуляться где на воле!»³⁷. Не случайно в русском языке есть устойчивое выражение *на вольном воздухе*, означающее «вне дома» или «вне города»:

- Илья Ефимович... любил, чтобы Чуковский читал и его гостям, в столовой или на вольном воздухе...³⁸
- Мне и самому за городом на вольном воздухе играть веселее³⁹.

Мы помним, что многие черты характера Обломова объяснялись тем, что он «получил воспитание и приобретал манеры не в тесноте и полумраке роскошных, прихотливо убранных кабинетов и будуаров, где черт знает чего ни наставлено, а в деревне, на покое, просторе и вольном воздухе»⁴⁰. В этой цитате из романа Ивана Гончарова соединяются представления о *покое*, *просторе* и *воле*, которые противопоставляются *тесноте кабинетов и будуаров*.

История некоторых выражений, восходящих к *воле* в значении «ничем не ограниченная свобода», заслуживала бы отдельного обсуждения. Так, слово *вольность* во второй половине XVIII и в XIX веке использовалось в значении «политическая свобода, независимость» (напр., у Александра Грибоедова: «Он вольность хочет проповедать!»⁴¹), а также для указания на особую льготу, преференцию (*Указ о вольности дворянства*). Однако оба этих значения устарели, и в настоящее время слово *вольность*, как правило, указывает на отступление от норм или правил (*поэтическая вольность*) — особенно часто, когда подразумеваются нормы приличия. Именно в соответствии с современными значениями использует слово *вольность* Александр Солженицын. Приведем примеры из романа «В круге первом»:

- Во всякое время от подъёма до отбоя Спиридон Егоров ходил по двору, охраняемому пулемётами, бесконвойно. Ещё потому начальство решалось на эту вольность, что у Спиридона один глаз вовсе не видел, а другой видел на три десятых.
- Свою короткопалую кисть Голованов плоско положил на барьер точно рядом, но не поверх клариной руки, этих вольностей невзначай он не применял⁴².

³⁷ Из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино» (1837).

³⁸ Чуковская Л.К. Памяти детства. М.: Время, 2007. С. 107.

³⁹ Маршак С.Я. Умные вещи: Сказка-комедия. М.: Дет. лит., 1966. С. 125.

⁴⁰ Гончаров И.А. Обломов (1859). Ч. 1, гл. 7.

⁴¹ Грибоедов А.С. Горе от ума (1828). Д. 2, явл. 2. Здесь вероятно влияние польского слова *wolność*.

⁴² Солженицын А.И. В круге первом // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2011. Т. 2. С. 176–177 (Гл. 26); 318–319 (Гл. 45).

3.2. *Воля* в советское время

Не останавливаясь отдельно на истории каждого из слов, входящих в словообразовательное гнездо с вершиной *воля*, обратим внимание на особенности семантического развития этого слова и его производных в советское время. Для языка советской пропаганды слово *воля* в интересующем нас значении было не характерно, а его производные, рисуя *привольную* жизнь в Советском Союзе, вообще игнорировали существование ГУЛАГа. Показательна известная цитата из песни «Широка страна моя родная...» на слова Василия Лебедева (Кумача): «Я другой такой страны не знаю, / Где так вольно дышит человек». В речи советских заключенных слово *воля* обозначало весь мир за пределами системы лагерей, и в таком употреблении отразилось представление о *воле* как о внешнем, постороннем мире (в английском переводе романа «В круге первом» выражение *на воле* иногда переводится просто как *outside*). Не случайно слово *воля* (и его производные *вольный*, *вольняшка*) в таком значении в основном употреблялось самими заключенными, а также говорящими, как бы становящимися на их «точку зрения» (так, в «Раковом корпусе» Лев Леонидович, сообщивший Костоглозову, что побывал, «там, где вечно пляшут и поют», на вопрос последнего: «И по какой же статье?» — отвечает: «Я — не по статье. Я — вольный был»)⁴³.

При этом представления заключенных о *воле* могли быть далеки от реальности:

- Из лагерного барака *воля* рисуется полной противоположностью бараку⁴⁴.

В частности, как неоднократно отмечается в произведениях Александра Солженицына, распространенным было представление, согласно которому все мужчины уже находятся в заключении, так что *на воле* их вовсе не осталось, за исключением работников карательной системы. Этот мотив повторяется и в «Раковом корпусе», и в романе «В круге первом». Приведем несколько примеров:

- Зэки были уверены, что на воле почти не осталось мужчин, кроме власти и МВД⁴⁵.
- Миллионам заключённых, им казалось, что жизнь на воле без них остановилась, что мужчин нет и женщины изнывают от избытка никем не разделённой, никому не нужной любви⁴⁶.

⁴³ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 328 (Гл. 28); зд. и далее курсив А.И. Солженицына.

⁴⁴ Там же. С. 429 (Гл. 36).

⁴⁵ Он же. В круге первом. С. 398 (Гл. 57).

⁴⁶ Там же. С. 98 (Гл. 17).

- Раньше, в лагере, прикидывая, скольких мужчин недостаёт на воле, уверены были арестанты, что только конвоир от тебя отстанет — и первая женщина уже твоя⁴⁷.

Впрочем, и *на воле* никто не имел представления о *лагерном мире*:

- Ну вот, он четверть часа рассказывал ей — и что же рассказал? Она снова ничего не понимала.
— Людмила Афанасьевна! — воззвал он. — Нет, чтоб тамошний мирвообразить... Ну, онём совсем не распространено представление!⁴⁸

При столкновении с *волей* человек, привыкший к лагерным порядкам, теряется перед отсутствием жесткой регламентации и строгого распорядка. Даже ссылка представляет собою *мир*, более «просторный», чем лагерь, но это *простор*, который дает чувство облегчения и освобожденности от пут:

- После лагеря нельзя было назвать ссыльный мир жестоким, хотя и здесь на поливе дрались кетменями за воду и рубали по ногам. Ссыльный мир был намного просторней, легче, разнообразней⁴⁹.

А вот *простор*, связанный с *волей*, пугает, воспринимается не как освобождение, а как необходимость подчиняться другому, еще более сложному порядку. *Воля* предстает как особый, сложный, непонятный и «чужой» *мир*. «Зачем такая изошрённая жизнь? Зачем в неё возвращаться?» — думает Олег Костоготов в «Раковом корпусе»:

- О, как трудно было возвращаться в этот мир! <...> И сгустилась перед ним вся сложность этого мира, где надо знать женские моды, и уметь выбирать женские украшения, и прилично выглядеть перед зеркалом, и помнить номер своего воротничка...⁵⁰

И потому Олег Костоготов хочет вернуться к жизни ссыльного, в которой он обрел освобождение от лагерных пут, но не связан по рукам и ногам регламентацией «вольной» жизни:

- ...Наконец хотел он только в свою Прекрасную Ссылку, в свой милый Уш-Терек! Да, *милый!* — удивительно, но именно таким пред-

⁴⁷ Он же. Раковый корпус. С. 227 (Гл. 20).

⁴⁸ Там же. С. 70 (Гл. 6).

⁴⁹ Там же. С. 227 (Гл. 20).

⁵⁰ Там же. С. 418, 420 (Гл. 35).

ставлялся его ссыльный угол отсюда, из больницы, из крупного города, из этого сложно заведенного мира, к которому Олег не ощущал умения приспособиться, да пожалуй и желания тоже⁵¹.

3.3. *Воля vs. свобода* («В круге первом»)

С другой стороны, в советское время новую жизнь обрело противопоставление *воли* и *свободы*. Это противопоставление является одной из текстообразующих оппозиций для романа «В круге первом». Рассмотрим наиболее существенные мотивы, связанные с этим противопоставлением.

Слово *простор* в романе сохраняет ассоциации со свободой (название главы «На просторе», повторенное дважды нержинское восклицание «оставьте мне простору!»); но в то же время появляются штрихи, свидетельствующие об обманчивости «простора» *просторных* помещений (*просторный* кабинет Абакумова и др.). *Просторы* и *просторные* помещения возникают на протяжении всего романа постоянно, когда обсуждаются темы свободы и несвободы.

Подлинной, духовной *свободы* на *воле* нет и быть не может. В частности, тюремщики сами несвободны:

- Свободу вы у меня давно отняли, а вернуть её не в ваших силах, ибо её нет у вас самих⁵².

Отсутствие свободы *на воле* связано с повсеместно господствующим страхом: человек боится лишиться свободы и сам себя ее лишает. Здесь действует общий закон: пока человеку есть что терять, он не может чувствовать себя свободным. Зато в заключении он снова обретает *свободу*, поскольку бояться ему больше нечего:

- ...Особенный тюремный лютый спор, каких не могло быть на воле с господствующим единым мнением власти...
- Да на воле — (глухо) — при наличии ЧК, кто с вами осмелится спорить? Когда же вы попадаете в тюрьму, вот сюда, — (звонко) — здесь вы встречаетесь с настоящими спорщиками...
- ...Только в тюрьме, а не на семейной *воле*, мужчина так свободен в мыслях, не связан в поступках и готов к жертвам!⁵³

Но выясняется, что и в тюрьме, а особенно на привилегированной «шарашке» с ее *просторными* залами и вестибюлями, человеку есть что терять.

⁵¹ *Солженицын А.И.* Раковый корпус. С. 226 (Гл. 20).

⁵² *Он же.* В круге первом. С. 103 (Гл. 18).

⁵³ Там же. С. 500 (Гл. 69); 474 (Гл. 65); 651 (Гл. 90).

А поскольку кругом стукачи, выясняется, что подлинной свободы нет и здесь. Отсюда недоумение, выраженное (правда, по другому поводу) Пряничковым:

- Неужели и в тюрьме нет человеку свободы? Где ж она тогда есть?⁵⁴

Отсутствие подлинной *свободы* уподобляет шарашку *воле*, и не случайно оговорка о *вольных* условиях шарашки («в вольных условиях шарашки, с мясной пищей и без надрывной мускульной работы»).

Однако остается надежда обрести *свободу* хотя бы в каторжном лагере, где терять будет уж точно нечего. Эта надежда жива и у Нержина, и у Хороброва:

- В лагерь он ехал с простодушной радостью, что хоть здесь-то будет говорить от души.
- ...Едучи в лагерь, Нержин и сам ощущал, что возвращается к важному элементу мужской свободы: каждое пятое слово ставить матерное.
- В каторжный так в каторжный, драть его вперегрёб, по крайней мере в весёлую компанию попаду. Может, хоть там свобода слова, стукачей нет⁵⁵.

Здесь обнаруживается другая сторона упомянутого выше закона: да, пока человеку есть что терять, он не может чувствовать себя свободным, но:

- ...Человек, у которого вы отобрали всё — уже не подвластен вам, он снова свободен⁵⁶.

Итак, мы видим, что для романа «В круге первом» чрезвычайно важным оказывается различие *воли* и *свободы*. *Воля* целиком относится к внешним обстоятельствам и противопоставлена заключению; *свобода* же по самому своему существу может быть только внутренней. При решении темы *свободы* в романе оказывается, что она почти несовместима ни с *волей*, ни с *покоем*. Пушкинское представление о *покое* и *воле* как замене *счастьем* отвергается в романе (впрочем, мы помним, что и Евгений Онегин, который думал, что «вольность и покой замена счастью», признает, что *ошибся* и за это и *наказан*).

⁵⁴ Там же. С. 32 (Гл. 5).

⁵⁵ Там же. С. 72 (Гл. 12); 713 (Гл. 96); 212 (Гл. 31).

⁵⁶ Там же. С. 103 (Гл. 18).

Здесь уместно отметить, что понятие *счастья* стало идеологемой в советское время, но многие персонажи Александра Солженицына относятся к ней скептически. В «Раковом корпусе» девушка Ася, которая, еще не зная, что ей отрежут грудь, убеждает мальчика Дему отказаться от ампутации ноги, бездумно повторяет восходящую к рассказу Владимира Короленко мысль «Жизнь дана для счастья». В следующей главке эту мысль иронически воспроизводит Костоглотов:

- «Ах, как хороша жизнь!.. Люблю тебя, жизнь! Жизнь дана для счастья!» Что за глубина!⁵⁷

В том же «Раковом корпусе» идеологему *счастье будущих поколений* решительно отвергает автор теории «нравственного социализма» Шулубин:

- ...Это тоже идол рынка — «счастье»! <...> Счастье — это мираж! <...> А тем более ещё так называемое «счастье будущих поколений». Кто его может выведать? Кто с этими будущими поколениями разговаривал — каким ещё идолам они будут поклоняться?⁵⁸

Нержин в романе «В круге первом», основываясь на происхождении слова *счастье* (о котором он прочел в словаре Владимира Даля), говорит:

- Мудрая этимология даёт нам очень низменную трактовку счастья⁵⁹.

Всем этим персонажам, возможно, не казалась бы «самоочевидной истиной» (*self-evident truth*) мысль американской «Декларации независимости», что к неотъемлемым правам (*inalienable Rights*) человека относятся свобода и стремление к счастью (*Liberty and the pursuit of Happiness*). *Счастье* в их иерархии ценностей занимало не очень высокое место, а *свобода* была неразрывно связана с готовностью к жертвам⁶⁰.

Именно погоня за внешним, чаще всего материальным благополучием лишает обитателей *воли* (*вольняшек*) подлинной, духовной *свободы*. Слова, относящиеся к *вольняшкам*, часто упоминаются в романе «В круге первом» в ироническом ключе:

⁵⁷ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 124 (Гл. 11).

⁵⁸ Там же. С. 371–372 (Гл. 31).

⁵⁹ Солженицын А.И. В круге первом. С. 47 (Гл. 8).

⁶⁰ Связь *свободы* и готовности пожертвовать благополучием составляет один из устойчивых мотивов творчества Александра Солженицына. Эту готовность можно видеть даже в песике Шарике из «Крохоток» («Не надо мне, мол, ваших костей, — дайте только свободу!..») (Солженицын А.И. Шарик // Собр. соч. М.: Время, 2006. Т. 1. С. 543).

- по вольняшечьему недомыслию
- доверчивых лопоухих вольняшек
- Вольняшки не знают цены вещам!
- ...Только зэк наверняка имеет бессмертную душу, а вольняшке бывает за суетою отказано в ней.
- преуспевающих, близоруких, не тёртых, не битых вольняшек
- ...Вольняги рассыпались по увеселительным заведениям. Конечно, довольно откровенное гадство.
- У вольняшек не было бессмертной души, добываемой зэками в их бесконечных сроках, вольняшки жадно и неумело пользовались отпущенной им свободой, они погрязли в маленьких замыслах, суетных поступках⁶¹.

Следует заметить, что нейтральное слово *вольный*, как правило, понимается в романе как относящееся к *воле* в ее противопоставлении ГУЛАГу (просто *вольные*, а также *вольные служащие*, *вольные сотрудницы*, *вольная уборщица*, *вольная девушка*, *вольный дежурный*, *вольная библиотека*, «вольная» одежда). «Традиционные» употребления (такие как *вольный ветер*) являются исключениями и тоже могут предполагать иронию, напр.:

- Честное слово, как будто вольный ветер подул! Пересылки! этапы! лагерь! движение!⁶²

На этом фоне выделяется использование слова *вольный* с непосредственной отсылкой к пушкинской эпохе в словах Нержина:

- Вот именно этого вида счастья — мужского вольного лицейского стола, обмена свободными мыслями без боязни, без укрыва — этого счастья ведь не было у нас на воле?⁶³

Здесь многое обращает на себя внимание: и употребление слова *счастье* без всякого отторжения, и слово *вольный* в «пушкинском» смысле (предполагающем, едва ли не в первую очередь, «обмен свободными мыслями без боязни»), и особенно то, что такая *вольность* прямо противопоставляется *воле*, поскольку *на воле* она невозможна.

Впрочем, слово *счастье*, употребленное Нержиным, в авторской речи все же отвергается. В главе «Ковчег» описываются воскресные вечера, когда на шарашке начинался «всеобщий отдых до утра». Основное свойство

⁶¹ Солженицын А.И. В круге первом. С. 36 (Гл. 6), 99 (Гл. 17), 395 (Гл. 56), 616 (Гл. 86).

⁶² Там же. С. 23 (Гл. 3).

⁶³ Там же. С. 403 (Гл. 58).

этих вечеров — всеобъемлющий *покой*, которого ничто не может потревожить (и мы опять видим противопоставление *покоя* внешнему *миру*, в котором *покоя* нет):

- В эти короткие часы внешний мир ни звуком, ни словом, ни образом не мог просочиться внутрь, не мог потревожить ничью душу. В том и был отдых, что весь внешний мир — Вселенная с её звёздами, планета с её материками, столицы с их блистанием и вся держава с её банкетами одних и производственными вахтами других — всё это проваливалось в небытие...⁶⁴

Этот *покой*, когда на шарашке царил «дух мужской дружбы и философии», когда, как говорится в следующей главе, «было особенно просторно мыслям», был обусловлен еще и тем, что заключенные «не обладали счастьем и потому не испытывали тревоги его потерять». Он характеризуется в конце главы следующим образом:

- Может быть, это и было то блаженство, которое тщетно пытались определить и указать все философы древности?⁶⁵

Но, как уже говорилось, *покой* и *простор* шарашки обманчив, ее *вольные условия* не дают подлинной свободы. Здесь можно усмотреть аллюзию к «Мастеру и Маргарите» Михаила Булгакова (с эксплицитной отсылки к этому произведению начинается каноническая версия романа «В круге первом»). И «Мастер и Маргарита», и «В круге первом» представляют собой рассказ о судьбе писателя, в обоих случаях во многом автобиографический. Мастер у Булгакова «не заслужил света, он заслужил покой»⁶⁶. Именно абсолютный *покой*, да еще с возможностью вольного дружеского общения, и составлял основу того *блаженства*, «которое тщетно пытались определить и указать все философы древности»⁶⁷. И здесь видно различие в жизненном выборе Мастера и Глеба Нержина: не принимая предложение Яконова, которое позволило бы ему остаться на шарашке, Нержин, в отличие от Мастера, отвергает *покой*, предпочитая *свободу*.

⁶⁴ Солженицын А.И. В круге первом. С. 375 (Гл. 53).

⁶⁵ Там же. С. 376 (Гл. 53).

⁶⁶ Слова *свет* и *покой*, как уже говорилось, служат синонимами к двум омонимам, возникшим в результате распада многозначного слова *мир*; но в цитируемой фразе *свет* выступает как символ, восходящий к основному значению «лучистая энергия, делающая мир видимым глазу».

⁶⁷ Солженицын А.И. В круге первом. С. 376 (Гл. 53).

4. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Обнаруживаемое в творчестве Александра Солженицына внимание к жизни слова, включающее внимание к сложившемуся в ходе истории кругу его ассоциативных связей, в полном смысле слова бросает вызов переводчикам произведений Солженицына на иностранные языки. Основная трудность заключается не в эксплицитных метаязыковых рассуждениях (напр., этимологических), когда в переводе можно использовать транслитерацию русского слова с минимальными пояснениями, как в выполненном Гарри Виллетсом переводе на английский язык диалога Рубина и Нержина:

- “Etymologically the Russian word for happiness has unmistakable connotations of ‘transience’ and ‘insubstantiality’. *Schast’e* comes from *se-chas’e* meaning ‘this hour’, ‘this moment’.”

“Sorry, my learned friend, it doesn’t. Look it up in Dahl. It comes from *so-chast’e*, the share a person wrests from life. Its peculiar etymology gives us a pretty sordid conception of happiness”⁶⁸.

Уже из этого отрывка видно, что самый существенный сдвиг в переводе вызван не необходимостью воспроизвести рассуждение об этимологии, а тем, что английские слова *happy* и *happiness* значительно менее «требовательны», нежели их русские аналоги *счастливый* и *счастье* (во многих случаях *happy* ближе к русскому *доволен*). Поэтому рассуждения на эту тему могут казаться англоязычному читателю «философией на пустом месте»⁶⁹.

Передача слов с корнем *мир* (со всем кругом ассоциаций), слова *простор*, не имеющего аналогов в западноевропейских языках (и его производных)⁷⁰, противопоставления *свободы* и *воли* требуют немало переводческого искусства⁷¹. Какие-то потери при переводе неизбежны, переводческое искусство состоит в том, чтобы свести потери к минимуму и попытаться каким-то образом их компенсировать. Представляется, что предварительный лингвистический анализ может помочь в переводческой работе.

⁶⁸ Solzhenitsyn A.I. In the first circle / transl. from the Russian by H.T. Willets. [N.Y.; L. et al.:] Harper Perennial, 2009. P. 37.

⁶⁹ См.: Белоусова В. Lost in translation // Новый мир. 2011. № 2. Цит. по: URL: http://magazines.russ.ru/novi_mi/2011/2/be16.html (дата обращения: 27.08.2013).

⁷⁰ Название главы «На просторе» переведено Гарри Виллетсом как *Out in the Open*. Основной смысл передан верно, но ассоциации со *свободой* и *волей* утрачены.

⁷¹ В английском языке для передачи смысла *свобода* также есть два слова: *freedom* и *liberty*; однако их смысловые различия совершенно иные, нежели у *свободы* и *воли*, и поэтому их противопоставление никак не может помочь в передаче противопоставления *свободы* и *воли*.

И.В. Дорожинская, Г.А. Тюрина

МОСКВА И МОСКВИЧИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Перспективы изучения темы¹

Перед исследователем, приступающим к изучению темы «Москва Солженицына», открывается несколько направлений работы. В тех произведениях, где Москва является местом действия, писатель создает живой и многоцветный образ города, при этом пейзаж, бытовые зарисовки, предметный мир служат решению определенной сверхзадачи, будучи наполненными иногда целыми соцветиями смыслов. Впрочем, городской пейзаж у Солженицына достаточно редок. Чаще образ Москвы создается точечно, малыми деталями, проходя через ткань повествования пунктиром. На это свойство художественного метода Солженицына — несколькими штрихами создать объемный, многоплановый образ — неоднократно указывали исследователи². В этом отношении тема Москвы дает богатый материал, ведь иногда она вводится в текст и вовсе имплицитно, как, например, в рассказе «Один день Ивана Денисовича».

Москва появляется в сознании некоторых героев и как символ. Например, в «Случае на станции Кочетовка» звучит традиционный для русской литературы мотив Москвы — как сердца России. Действие рассказа разворачивается, когда враг приближается к Москве («направления уже почти дачные»³). И «клешнит» сердце лейтенанта Зотова страшный вопрос: «...а не сдадут ли ещё и Москву? Зотов боялся так спросить — всё время об этом думал и старался не думать». Но при этом «сдать Москву ещё была не вся беда. Москву сдавали и Наполеону. Жгло другое: а — потом что?»⁴ За Москвой стоит вся Россия, а символ войны как всенародного бедствия связывается с об-

¹ Доклад на семинаре отдела по изучению наследия А.И. Солженицына 21 мая 2012 года в ДРЗ. — *Ред.*

² Ср. признание самого писателя: «Я сейчас стараюсь каждое лишнее слово выбрасывать. Если только можно без слова — выбрасываю» (*Солженицын А.И.* Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве (Париж, март 1976) // *Солженицын А.И.* Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1996. Т. 2. С. 423).

³ *Он же.* Случай на станции Кочетовка // *Собр. соч.*: в 30 т. М.: Время, 2006. Т. 1: Рассказы и Крохотки. С. 198.

⁴ Там же. С. 162.

разом Наполеона. Эту же символику писатель использует в «Августе Четырнадцатого», описывая трагические события гибели самсоновской армии⁵.

Тема Москвы у Солженицына дышит русской литературной традицией, тонко переключаясь с ней своими полутонами, продолжая и дополняя ее. Особо важным видится здесь диалог Солженицына с любимым им с детства Лермонтовым, чей очерк «Панорама Москвы» в значительной степени определил подход писателя к раскрытию этой темы⁶. В частности, Солженицын перенял и по-своему использовал сам прием панорамного описания города с высокой точки (заменив греческое слово *πανόραμα* русским аналогом «обозрение»⁷). Такие обозрения возникают и в романе «В круге первом», и в «Архипелаге ГУЛАГе», и в «Красном Колесе».

Развивая тему Москвы, Солженицын щедро наделяет своих героев моментами собственной биографии; это касается не только автобиографических персонажей. В 42-й главе «Августа Четырнадцатого» прощаются Сани и Коти с Москвой перед отправкой на фронт — отражение событий 1941 года, когда Солженицын, приехав на сессию в МИФЛИ, узнал о начале войны. И, несмотря на то что попытка Солженицына мобилизоваться в Москве не удалась, именно с этого сюжета начинается его путь на фронт. Этот же эпизод встречаем и в неоконченной повести «Люби революцию»⁸.

В романе «В круге первом» автор приводит Яконова к развалинам церкви Никиты Мученика, у которых стоял сам после возвращения из ссылки в 1957-м⁹. В рассказе «Случай на станции Кочетовка» некоторыми обстоятельствами своего собственного посещения предвоенной Москвы и пути на фронт Солженицын наделил и лейтенанта Зотова, и Тверитинова, при этом на периферии рассказа появляется и автобиографический персонаж, лейтенант с распадающимися волосами, чьи стихи так понравились Зотову¹⁰. В таких фрагментах сквозит авторское отношение к Москве.

С другой стороны, в «Одном дне Ивана Денисовича», где, по уже навсегда сложившемуся определению, лагерь показан «глазами мужика», мы и на

⁵ Солженицын А.И. Красное Колесо // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006. Т. 7: Узел I. Август Четырнадцатого. Кн. 1. С. 295. См. также: Тюрина Г.А. Тема Москвы в «Красном Колесе» // Жизнь и творчество Александра Солженицына: На пути к «Красному Колесу»: М-лы международн. науч. конф. Москва, 7–9 декабря 2011 / сост. Л.И. Сараскина. М.: Русский путь, 2013. С. 294–302.

⁶ О первом знакомстве с сочинениями Лермонтова см.: Солженицын А.И. Мой Лермонтов // Что читать. № 1. 2008. С. 86.

⁷ См.: Он же. Красное Колесо. Узел I. Август Четырнадцатого. Кн. 1. С. 361.

⁸ Об этом эпизоде Солженицын упоминает и в письме к Н.И. Зубову, опубликованном в комментариях к роману «В круге первом» В.В. Радзишевским. См.: Солженицын А.И. В круге первом // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2011. Т. 2. С. 804.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Солженицын А.И. Случай на станции Кочетовка. С. 163.

москвичей смотрим глазами Шухова. В том числе на тех, у которых «надутые щеки» и которые только и делают, что «ум выставляют», но при этом, по замечанию Тюриня, — «малограмотные», а по убеждению Шухова, «не понимают жизни»¹¹. Эти москвичи «друг друга издаля чувят, как собаки. И, сойдясь, всё обнюхиваются, обнюхиваются по-своему. И лопочут быстро-быстро, кто больше слов скажет. И когда так лопочут, так редко русские слова попадают, слушать их — всё равно как латышей или румын»¹². Сходное отношение к Москве, противопоставленной остальной России, мы часто будем находить в ранних произведениях Солженицына. В частности, в повести «Люби революцию», где Солженицын пишет, безусловно, о самом себе: в 1941 году московские студенты МИФЛИ казались ему «самыми-самыми талантливыми из всех сверстников по всему Советскому Союзу, — и Нержин изнывал от жажды познакомиться с ними и открыться, что он такой же талантливый. Но в ответ встречал только презрительные взгляды: в их привычной толпе он был непривычный, сразу отличающийся заочник, низшая раса, студент второго сорта»¹³.

Собственный опыт взаимоотношений с Москвой имеет огромное значение при работе писателя с этой темой. И говоря об источниках (а выявление источников, которые использовал Солженицын, создавая образ Москвы, — еще один увлекательнейший исследовательский сюжет), мы прежде всего должны назвать феноменальную память писателя. Когда же Солженицын пишет о Москве, которой знать не мог, о Москве 1910-х и 1920-х годов, он использует широкий круг документов: карты, справочники, газеты, фотографии, сверяя с ними свидетельства очевидцев.

Основой для создания городского пейзажа и бытовых зарисовок для Солженицына, без сомнения, стали старые фотографии. С конца XIX века открытые письма с видами улиц и памятников Москвы широко продавались. Их выпуск производился многими фирмами, например знаменитой полиграфической фирмой «Шерер, Набгольц и К^о» — вплоть до 1918 года¹⁴. Кроме того, некоторые детали в текстах Солженицына указывают (с высокой степенью вероятности) на работу со снимками, сделанными в 1913–1914 годах фотографом-любителем Эмилем Готье-Дюфайе¹⁵. С ними связан любопытный сюжет: 1910-е годы — время активного строительства в Москве, точнее перестройки центра города, которую по масштабу изменений вполне можно сравнить с той, что постигла Москву в последние десятилетия. Императорское Московское археологическое общество, очень озабоченное этим про-

¹¹ Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича // Собр. соч. Т. 1. С. 72, 105, 107.

¹² Там же. С. 91–92.

¹³ Солженицын А.И. Люби революцию: Неоконченная повесть // Солженицын А.И. Протеревши глаза. М.: Наш дом – L'Age d'Homme. С. 215.

¹⁴ См.: Шипова Т. Шерер, Набгольц и К^о // Фотограф. 1993. № 9/10. С. 31.

¹⁵ О нем см.: Шеляпина С.Н. Готье-Дюфайе // Генеалогический вестник (СПб.). 2010. Вып. 39. С. 15, 16.

цессом, задумало организовать фотовыставку «Москва уходящая» с целью запечатлеть и сохранить для потомков облик старой доброй Москвы. Выставка была запланирована на 1914 год, но, по-видимому, из-за начала войны так и не состоялась. Эмиль Готье-Дюфайе не был профессиональным фотографом, но, принимая активное участие в деятельности Археологического общества (трудясь над составлением его библиотеки и собирая предметы, связанные с историей Москвы), сделал более 500 снимков улиц и площадей, в том числе зафиксировал живые бытовые сцены, драгоценные для потомков. Сегодня эта коллекция, по счастью в полноте сохранившаяся, обычно критикуемая современными фотографами за отсутствие профессионализма, является одним из ценнейших источников. Ныне она по частям хранится в отделе из Российской государственной библиотеки, архиве Государственного музея архитектуры им. А.В. Щусева и архиве Центра историко-градостроительных исследований города Москвы. Каким путем эти материалы стали известны Солженицыну, установить пока не удалось, но именно они помогли писателю создать живой, подлинный образ Москвы начала XX века.

Этот словесный образ «уходящей Москвы» перекликается с художественным образом «уходящей Руси», задуманным почитаемым Солженицыным Павлом Кориним. Изображение же «новой» Москвы находим в рассказе 1966 года «Пасхальный крестный ход», в котором зримо явлено, во что за полвека превратилась Москва, представленная в «Красном Колесе» как сердце, хранительница православия в противовес равнодушному Петербургу. Ведь патриаршая резиденция в Перedelкине, хоть находилась и вне Москвы, была в то время центром церковной жизни столицы.

Особенной болью в сердце автора и читателя отдают удары колокола, звук которого в русской литературе традиционно воспринимается как живой язык Москвы: «Ударяет колокол над головой крупными ударами — но подменный: жестиные какие-то удары вместо полнозвучных глубоких»¹⁶.

Важнейшим аспектом изучения темы представляется эволюция образа Москвы. Он возникает в самых ранних произведениях, причем различия в восприятии Москвы Глеба Нержина («Люби революцию») и Сани и Коти («Август Четырнадцатого») разительны. Глеб Нержин приезжает в Москву «дождливеньким, хмуреньким утром»¹⁷ 22 июня 1941 года. Герой — ровесник Октября, осознающий себя человеком нового времени, нового поколения, которому чужды прежние представления о Москве как городе славной русской истории, центре православной культуры. Он, студент-заочник МИФЛИ, с наслаждением изучающий древние языки, древнюю историю, совершенно глух к прошлому Москвы, не связан с ним метафизически. Сквозь современный облик города Глеб не различает прежний: «Старой Москвы — с Китай-

¹⁶ Солженицын А.И. Пасхальный крестный ход // Собр. соч. Т. 1. С. 266.

¹⁷ Он же. Люби революцию. С. 213.

городской стеной, Храмом Христа и Иверской часовней, Нержин никогда не видел и не знал, знал только новую — сразу с двумя очередями метро, домом Совнаркома и корпусами А, Б, В, Г по улице Горького»¹⁸. *Не видел*, потому что и стена, и храм, и часовня уничтожены. *Не знал*, потому что воспитан в иной системе ценностей: «Всё поколение их родилось для того, чтобы пронести революцию с шестой части Земли на всю Землю»¹⁹.

Очевидное сюжетное сходство с «Августом Четырнадцатого» (главный герой – провинциал, студент, оказавшийся в столице в начале войны, добивается призыва) позволяет увидеть принципиальное отличие: Саня Лаженицын, органически связанный с русской историей, культурой, любит древнюю Москву, Глеб Нержин к ней равнодушен. Да и новая Москва «не волновала сердце», «переутомляла своей громоздкостью, но вполне годилась в качестве столицы великой страны»²⁰.

Главное для Глеба — процесс познания, необходимый для участия в предстоящей революционной работе. А потому самым притягательным местом в Москве является «стандартное здание МИФЛИ с наиболее нестандартно мыслящей молодёжью»²¹, сюда Нержин входил, «как во храм». Описание московской окраины, где находится эта святыня, окрашено настоящей поэзией: «... от сокольнического круга начиналось тихое и хрупкое: трамвайчик СК (Сокольничий кольцевой), парк, милое Ростокино с малодвижной Яузой и снова рощи за ней»²². И хотя лирическая интонация вскоре исчезнет за заботами Глеба о расписании занятий, жетонах в читальни, ордере на койку, в повествовании еще раз мелькнут «на ходу трамвая» прощальным лиризмом «сосны Сокольников, освежённые дождём»²³.

Улица Стромынка, где находится общежитие МГУ и МИФЛИ, лишена описания и какой-либо эмоциональной оценки. Это лишь необходимый топоним, как и позже упомянутая Преображенка. На первое место выходит факт, документальная точность. Московские улицы становятся незаметной сценой заметных исторических событий. Советские студенты на Стромынке слушают речь Молотова, испытывая ощущение «предстоящего великого боя», а рядом, на Преображенской заставе, другие советские люди бросаются опустошать сберкассы и магазины. «...Дух спартанской доблести, дух республиканского Рима курился в комнате ровесников Октября. Даже не гнев, а отвращение вызывало у них это свино-человеческое месиво в магазинах»²⁴. Примечательно, что деление на *этих* и *тех* никак не

¹⁸ Солженицын А.И. Люби революцию. С. 215.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. С. 216.

²⁴ Там же. С. 217.

связано с чувством Родины. Исторические, духовные ассоциации Нержина вне России, русской истории. Это наднациональное деление на идейных борцов, настоящих «граждан Союза» и обывателей, толпу. Героя само слово «Россия» «раздражало, когда им, кипарисно-ладанным, соломенно-берёзовым, пытались заставить молодое свежее слово “Революция”, дымившееся горячей кровью»²⁵.

В Москве «Августа Четырнадцатого» Саня не ощущает, что страна воюет уже четыре недели. Едва заметные штрихи говорят о войне. В повести «Люби революцию» Москва становится военной буквально на глазах героя. Нержин в первое же военное воскресенье видит, как «по Ростокинскому проезду куда-то неслись и неслись до вечера сотни как ошалевших пустых грузовиков»²⁶. В общежитии коменданты прилаживают светомаскировку. Вечером по всей Стромынке отключается электричество. Студенты идут ночью «пешком через всю Москву на комсомольское собрание на Моховую»²⁷. По радио читают грозные военные указы, а под утро город начинают сотрясать зенитки. Утренние газеты уже кричали о немецких оккупантах в Европе, а «на трамвайных остановках сыновья вырывались из рук плачущих матерей и молодёжки вскакивали на подножку»²⁸. Хотя театральные кассы все еще торговали билетами, «Нержину хотелось бы даже не видеть такого кошунства»²⁹.

Образ военной Москвы получает еще одно воплощение — в романе «В круге первом». Его создает художник Кондрашев-Иванов в портрете отличницы боевой и политической подготовки химического дивизиона. Портрет этот назван «Москва, сорок первый год». Не современную комсомолку, а настоящую Орлеанскую деву изобразил художник: «Голова была вскинута, безумные глаза видели перед собой что-то ужасное, непрощаемое что-то», энергичные руки готовы к борьбе, даже противоипритный костюм «виделся как латы рыцарских времён»³⁰. Но заказчики испугались картины, отказались от нее, ни разу нигде не выставили. В портрете девушки порыв сопротивления переходил через край, казался неуправляемым. За ненадобностью начальству картина будет стоять в мастерской Кондрашева «отвёрнутая к стенке». В этом портрете словно отражено ощущение Нержина первого военного московского дня, горячее желание Глеба воевать. Но его порыв натывается на «никак нельзя» в сокольническом военкомате, а в родном городе ему бросят в раздражении: «Когда вы будете нужны — родина вас позовёт»³¹.

²⁵ Там же. С. 215.

²⁶ Там же. С. 218.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 219.

²⁹ Там же.

³⁰ Солженицын А.И. В круге первом. С. 326.

³¹ Он же. Люби революцию. С. 224.

Саня Лаженицын перед уходом на фронт долго, осознанно, любовно прощается с Москвой. Он обходит дорогие места за один день, и пространство словно бесконечно расширяется, наполняя героя животворящей памятью. Глеб торопится из чужой ему Москвы: «Московские тротуары горели у него под ногами»³². Прощание Нержина с Москвой — невольное, по пути то в сокольнический военкомат, то на Казанский вокзал, а потому никак эмоционально не окрашено, а лишь перечислено, что он видит: башни Кремля над Александровским сквером, четверка коней Большого, памятник первопечатнику. Однако особым образом выделен в этом ряду заключительный объект панорамы: «Дальше и выше, по ту сторону большой площади, на высоте, в ветерке, в ярком июньском солнце чутко трепетал красный флаг меж двумя лежащими, из камня иссеченными нимфами над стройным многоэтажным зданием»³³. Нержин ошибочно полагает, что это Министерство иностранных дел, но это Лубянка. Флаг над прекрасным зданием тюрьмы — красноречивая доминанта Москвы.

Неоконченная повесть «Люби революцию» написана на шарашке в Марфине (в основном в 1948 году). Судя по развитию сюжета, новым расширенным вариантом повести стала стихотворная «Дороженька», сложенная в Экибастузском лагере (1952), где описаны арест героя на фронте и дорога в Москву. Интересно сопоставить путь к Лубянской площади в обоих произведениях. В «Дороженьке» повествование идет от первого лица, поэтому острее расставлены акценты в картине мира недавним офицером, теперь — арестантом:

Прощально стою пред чужою
Безумной враждебной Москвой...³⁴

Путь героя здесь — от сверкающего Белорусского вокзала, мимо Охотного Ряда с огнями Совнаркома, мимо четверки коней Большого театра, мимо памятника первопечатнику Ивану Федорову. Путь тот же, но как изменилась интонация, вернее, как ясно она определилась! За блистающими огнями герой чувствует ложь и враждебность, а «принесший России печать» согнулся, как кажется герою, от напрасных хлопот — ведь его труды свелись к созданию потомками «Краткого курса» истории партии. И сама Лубянка, и красный флаг над ней воспринимаются как зловещий образ:

Лежат две прекрасные нимфы
Над Домом Конца Дорог...

³² Солженицын А.И. Люби революцию. С. 219.

³³ Там же.

³⁴ Солженицын А.И. Дороженька // Солженицын А.И. Протеревши глаза. С. 174.

Меж ними — аленький вымпел,
Как гаршиновский цветок³⁵.

Эта же картина будет более развернуто повторена в романе «В круге первом» с недвусмысленный комментарием: «Красный флажок, освещённый из глубины крыши прожектором, трепетал в прорезе колончатой башенки над зданием Старой Большой Лубянки. Он был — как гаршиновский красный цветок, вобравший в себя зло мира»³⁶. Скульптуры на фасаде дополняют картину торжествующего холодного равнодушия власти к человеку: «Две бесчувственные каменные наяды, полулёжа, с презрением смотрели вниз на маленьких семяющих граждан»³⁷.

Таким образом, сама ошибка Нержина в том, какому ведомству принадлежит здание, становится зловещим символом. Красивый, увенчанный алым флагом дом, воспринимаемый героем в контексте облика новой столицы как апофеоз торжества Советской страны, оказывается не просто тюрьмой — могущественной твердыней Архипелага ГУЛАГа:

Лубянка! Взяла ты полмира!
Ещё одного — прими!..³⁸

В романе «В круге первом» эта мысль продолжена: дом назван «всемирно знаменитым зданием, собиравшим дань душ со всех континентов»³⁹. Москва оборачивается адом:

Калитку в чёрную пропасть
Пред мной отворяет страж⁴⁰.

Так же попадает сюда и Володин: со «сверкающей Лубянской площади» в «чёрные железные ворота», потом «чёрной подворотней» во двор, представляющий собой «дно колодца, четырьмя стенами зданий уходящего вверх»⁴¹. Геометрия двора одновременно отражает подлинный его облик и соотносится с архитектурой дантовского ада, с его гигантской воронкой. Здесь душе героя предстоит отрешиться от земных уз. Эта же мысль звучит в «Архипелаге...». Зэк Солженицын в лубянской тюрьме духовно прозревает, начинает

³⁵ Там же. С. 175.

³⁶ Солженицын А.И. В круге первом. С. 658.

³⁷ Там же.

³⁸ Солженицын А.И. Дороженька. С. 175.

³⁹ Он же. В круге первом. С. 658.

⁴⁰ Он же. Дороженька. С. 175.

⁴¹ Он же. В круге первом. С. 658.

понимать, в чем подлинная ценность жизни: «Как из ямы, с далёкого низа, с площади Дзержинского, к нам восходит непрерывное хриплое земное пение автомобильных гудков. Тем, кто мчится под эти гудки, они кажутся рогом торжества, — а отсюда так ясно их ничтожество»⁴².

Несмотря на документальную точность описания Лубянки, современный читатель не увидит скульптур на фасаде здания — они были утрачены в результате нескольких больших перестроек. Однако вид здания, каким оно было в 1946–1949 годах, отчетливо запомнился Солженицыну. Поэтому в «Архипелаге...» заключенный может, пока его ведут по коридору, увидеть «в каком-нибудь лестничном окошке... спины лубянских наяд, прилегших к колончатой башенке над самой площадью»⁴³, и, посчитав повороты, узнать, куда выходит окно камеры. Только так узник может соотнести внутреннее пространство тюрьмы с внешним пространством улиц и площади — «Голгофской Лубянской площади».

В самом «московском» произведении Солженицына, романе «В круге первом», действие происходит в 1949 году. Писатель предельно точно привязывает ко времени изображение конкретных улиц, домов, станций метро. Точность здесь соединена с символичностью. Так, решившийся на самоубийственный звонок Иннокентий Володин видит в новом здании Большой Лубянки нечто иное, нежели только здание МВД: «Эта серо-чёрная девятиэтажная туша была линкор, и восемнадцать пилястров как восемнадцать орудийных башен высились по правому его борту»⁴⁴. Володин ощущает себя торпедой, смертником, идущим на линкор. Привычные, мирные московские улицы становятся для героя полем битвы. Путь от кабинета в здании Министерства иностранных дел по Фуркасовскому, через Кузнецкий, Петровку, Охотный ряд, Моховую Володин совершает как круговой маневр «на своей торпедо, разворачиваясь получше»⁴⁵. И следом — не простой телефонный разговор из будки на «Арбатской», а сокрушительный выстрел смертника, грудь которого «распирало светлое отчаяние»⁴⁶.

Большое внимание писатель уделяет городскому быту. Как и в повести «Люби революцию», появляется общежитие МГУ на Стромьнке. Здесь живет аспирантка Надя Нержина. Если в повести Солженицын лишь упоминает, что в комнате «стояла семёрка кроватей»⁴⁷, выводя на первый план настроение и разговоры студентов, то в романе комната № 318, выходящая окном

⁴² Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956: Опыт художественного исследования // Собр. соч. М.: Время, 2010. Т. 4. С. 194.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Солженицын А.И. В круге первом. С. 15.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Солженицын А.И. Люби революцию. С. 216.

на улицу Матросская Тишина, описана очень подробно. По деталям интерьера угадываются черты личностей героинь. В комнате девушек-аспиранток «шатко высились плетёные этажерки с книгами»⁴⁸, посередине стояли два стола, на одном — «громоздко теснились книги, тетради, чертежи и стопы машинописного текста»⁴⁹, другой — бытовой, на нем хозяйки комнаты пишут письма, гладят, завиваются перед зеркалом. У одной девушки персидский коврик над кроватью, у другой — географическая карта, у кого-то аккуратно, «почти молитвенно» убранная кровать с подушками и подушечками, с кружевной накидкой, вышитые салфетки, а рядом — другая, растерзанная, с одеялом и простыней до пола.

Не менее традиционна передача через бытовые детали черт эпохи. В комнате тесно и неудобно: шесть кроватей и два стола оставляют лишь узкие проходы, умываться положено в конце холодного коридора, потому что дверной стены «место для умывального таза, отгороженное занавеской»⁵⁰. Девушки живут, считая копейки стипендии, невкусно и несытно едят в столовой. Но на первый план в описании выходит даже не теснота и бытовая неустроенность, а незримо разлитая в воздухе ложь. Утюги и плитки строго запрещены — ими пользуются нелегально, включая в патрон-«жулик», поэтому нужно предупреждать подруг специальным стуком о приходе «своих». В комнате бегают крысы, но для администрации их не существует. Чтобы прописаться в Москве, надо дать взятку в милиции. И хотя девушки оживленно обсуждают кавалеров, собираясь на свидание, ложь видна и тут. После войны мужчин в аспирантуре мало, «зияют только ямки чёрные в тех местах, где должны были двигаться и улыбаться их сверстники»⁵¹. Поэтому ухажера страшно спугнуть, нельзя признаваться при знакомстве, что ты «учёная баба», уж лучше назваться кассиршей в бане.

Да и чего стоят их диссертации? По два, по три раза они переписывали их, исходя из очередного колебания линии партии. И не важно, по какому предмету работа — по политэкономии, литературе или по химии.

Главное в том, что у каждой есть свой опасный секрет, который нельзя открыть даже подругам. Венгерка Эржика не может рассказать, что арестованы коммунисты, с которыми она была в антифашистском подполье, что от ее друзей-студентов, отозванных на родину, не приходит писем. Муза молчит о том, как два дня назад ее заставляли стать стукачкой, а Надя — о муже-зэке. Молчание и ложь порождены безвыходностью и страхом: правда обернется сломленной судьбой, арестом, смертью. Девушки обречены на внутреннее одиночество.

⁴⁸ *Он же*. В круге первом. С. 344.

⁴⁹ Там же. С. 345.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 351.

В повседневном облике города Солженицын не показывает ничего откровенно страшного. Напротив, свет, фонари, огни, сияние Москвы упоминаются в романе неоднократно. Из Марфина Нержин не раз видит «белесоватый столб света от Москвы»⁵². С окраинных улиц кажется, что «Москва вся — блещет, что она — ослепительна»⁵³. В начале романа Володин представляет, как «с десяти вечера снова засветятся тысячи и тысячи окон сорока пяти общесоюзных и двадцати республиканских министерств»⁵⁴. Эта противоречащая здравому смыслу еженощная иллюминация — еще одна черта противоестественной, лживой жизни Москвы, узаконенное потакание ночным повадкам Сталина: «Одному-единственному человеку за дюжиной крепостных стен не спится по ночам, и он приучил всю чиновную Москву бодрствовать с ним до трёх и до четырёх часов ночи»⁵⁵. Не раз в романе мелькают зарисовки освещенных улиц, оживленной толпы. Но не случайно сказочной феерией город кажется лишь заключенному инженеру Прянчикову, на один вечер вырвавшемуся из «монастырского уединения шарашки».

Повествуя о Наде Нержиной и жене Герасимовича, Солженицын открывает совсем другую Москву — тюремную, в связи с которой говорится о «горестной географии русских женщин»⁵⁶. Так, Надя научилась распознавать «всесоюзную Большую Лубянку и областную Малую, узнала, что следственные тюрьмы есть при каждом вокзале и называются КПЗ, побывала не раз и в Бутырской тюрьме, и в Таганской, знала, какие трамваи (хоть это и не написано на их маршрутных табличках) идут к Лефортовской и подвозят к Красной Пресне»⁵⁷. Печать тюрьмы лежит на судьбе женщин, не отказавшихся от своих мужей. Наталья Павловна Герасимович испытывает настоящее отчаяние от унижений на работе, угроз вышвырнуть из Москвы, притеснений и издевательств родственников и соседей. Наде предстоит мучительный выбор: порвать с мужем или «быть выгнанной... из университета, из общезжития, из Москвы»⁵⁸.

Есть в романе и лагерная Москва. Помимо марфинской шарашки Солженицын упоминает о многих местах, где за высокими заборами, за колючей проволокой ээки строят «достойную столицу непобедимой державы». Таков построенный ээками «на Калужской заставе, дом МВД, полукруглый, с башней»⁵⁹. Здесь, на лестничной площадке, прозревает Клара — девушка уз-

⁵² *Солженицын А.И.* В круге первом. С. 37.

⁵³ Там же. С. 252.

⁵⁴ Там же. С. 13.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 262.

⁵⁷ Там же. С. 263.

⁵⁸ Там же. С. 357.

⁵⁹ Там же. С. 36.

нает, что в привычном пространстве родного города спрятан лагерный мир. Мимо дома снуют машины, автобусы и троллейбусы останавливаются возле Нескучного сада, где находится «вахта лагеря, похожая на простую проходную строительства». Рядом копошатся какие-то люди в грязной одежде, и «никто из прохожих и проезжих не догадывался, что это — ээки»⁶⁰.

Тюрьма и лагерь невидимо присутствуют в пространстве Москвы, воплощаясь в конце романа в безобразный, зловещий символ — оранжево-голубой воронок с надписью «Мясо» на четырех языках, в котором ээков везут по московским улицам туда, где их ждут «кирка и тачка, голодная пайка сырого хлеба, больница, смерть»⁶¹.

Более подробно дом на Калужской заставе описан в «Архипелаге...». Ээк Солженицын попадает сюда после фронта, ареста, Лубянской тюрьмы, Ново-иерусалимского лагеря. Все прежние иллюзии развеяны. С крыши недостроенного дома повествователь смотрит на Москву. Эта панорама интонационно контрастирует и с будущим радостным видением города Саней и Котей в «Августе Четырнадцатого», и тем более с картиной-панегириком юного Лермонтова. Лишь обозначая видимое, Солженицын скупно перечисляет: Воробьевы горы, Канатчиковая дача, купола Новодевичьего, «туша Академии Фрунзе». Никаких эмоций, ассоциаций эти объекты у ээка не рожают. И заканчивает он свою панораму Москвы горькой иронией: «...а далеко впереди за кипящими улицами, в сиреновой дымке — Кремль, где осталось только подписать уже готовую амнистию для нас»⁶². Очевидно, Кремль не имеет ничего общего с дорогой сердцу святыней, он лишь символ жестокой власти. Раскинутая перед глазами ээка Москва оставляет его равнодушным, потому что «всё зло... было сплетено здесь»⁶³.

Символический Кремль появляется на страницах романа «В круге первом» как деталь убранства письменного стола прокурора Макарыгина. В его домашнем кабинете стоит «крупный чернильный прибор с изображением, чуть не в полметра высотой, Спасской башни с часами и звездой»⁶⁴. Над столом висит большой портрет Сталина, на этажерке — бюст Ленина, в застекленных шкафах — тома сводов законов, Большой и Малой советских энциклопедий, комплекты журнала «Советское государство и право» — все это в совокупности создает образ образцового, солидного руководителя. Но «книги держались не для чтения, а для почтения». Прокурор давно их не открывал — для судопроизводства ему достаточно небольшой папки с секретными инструкциями, а для удовольствия он читает скрытые от чужих глаз

⁶⁰ Там же. С. 261.

⁶¹ Там же. С. 719.

⁶² Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Собр. соч. М.: Время, 2010. Т. 5. С. 227.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Солженицын А.И. В круге первом. С. 458.

детективы. Да и кабинет не используется для работы — «в двух массивных чернильницах (как бы вышках кремлёвской стены) было сухо»⁶⁵. Но «служение закону» требует убедительного реквизита. Подлинный интерес хозяина — карьера и комфорт. И если пуста чернильница, то полон табачный «шкафик из карельской берёзы с многочисленными выдвигаемыми ящичками, в каждом из которых жил особый сорт папирос, сигарет, сигар, табаков трубочных и даже нюхательных»⁶⁶.

Жизненный успех Макарыгина подчеркивается тем, что он живет в том самом доме на Калужской. Его квартира кажется воплощением московского хлебосольства и уюта. Но сервизы и скатерти куплены за бесценок в разоренных войной Львове и Риге, драгоценный хрусталь — не старинное наследие семьи, а достался прокурору из конфискованного по судебным приговорам имущества. Статус гостей подчеркивает высоту положения хозяина дома: важный генерал-майор, зять-дипломат, другой зять — известный писатель, преуспевающий литературный критик, молодой референт в секретариате Президиума Верховного совета. Москва издревле славилась радушием, дружеством, благотворительностью и милосердием. Дом теперешнего московского вельможи не таков. Провинциальную подругу хозяйки сажают подальше от почетных гостей, заставляют «тише говорить и не с такой видимой жадностью кушать»⁶⁷. А друга Макарыгина по Гражданской войне с его замшелыми взглядами просто стыдятся. Собственно говоря, многие гости пришли сюда совсем не отдохнуть и развлечься. Генерал Словута снисходит до Макарыгина, чтобы потом блеснуть знакомством со знаменитым писателем, литературовед Голованов метит жениться на младшей дочери прокурора, Володин отбывает номер почетного родственника, Динэра с наслаждением играет роль знаменитой смелой женщины. «Государственный молодой человек», которого подруга Клары умоляет спасти умирающего в лагере отца, высказывается без церемоний: «Кому-то надо умирать и в лагере. И если подошла пора умирать, так не всё ли равно, где умирать?»⁶⁸

Клара ощущает фальшь и пустоту вечера. Она уже начала задумываться об открывшихся противоречиях, о двойной жизни Москвы, о настоящем и лживом в людях, в себе самой. И потому так пронзает ее мысль: «И неужели это сегодня утром? — сегодня утром! и в той же самой Москве! — был такой захватывающий разговор, восторженный взгляд голубоглазого мальчика, душу переворачивающий поцелуй — и клятва *ждать?*»⁶⁹ Судьба Клары не завершена, но очевидно, что девушка уже вырвана из самодовольно-вельможного мира.

⁶⁵ Солженицын А.И. В круге первом. С. 458.

⁶⁶ Там же. С. 457.

⁶⁷ Там же. С. 449.

⁶⁸ Там же. С. 467.

⁶⁹ Там же. С. 472.

Тема одновременно уходящих облика прежнего города и его нравственной атмосферы, невозможности любить новое обличье Москвы окрашивает еще одну панораму. Инженер-полковник Яконов после начальственного разноса бесчувственно бредет по предрассветной Москве. Неожиданно герой приходит к храму Никиты Мученика за Яузой, видит развалины колокольни, обрушившиеся ступени. Остро, с мучительным чувством утраты припоминает он, каким было это место 22 года назад. Тогда храм был цел, и с его площадки открывалось «самое красивое место в Москве»: «Река горела на солнце. Слева лежало Замоскворечье... почти под ногами в Москва-реку вливалась блестящая Яуза, справа за ней тянулся Воспитательный дом, за ним высились резные контуры Кремля, а ещё дальше пламенели на солнце пять червонно-золотых куполов храма Христа Спасителя»⁷⁰. Важнейшими наблюдаемыми объектами описание сходно с тем, что возникнет в «Августе Четырнадцатого». Саня и Котя восторженно смотрят от храма Христа, Яконов — на него, словно возвращая взгляд, замыкая круг. Что изменилось? Не только панорама, но сам герой. Совершая предательство за предательством, Яконов утратил веру и внутреннюю свободу. Символичен финал сцены. Изувеченная душа героя обращена к изуродованному пространству города, гармония и красота которого разрушены. По-прежнему «был далёк обзор с холма, те же были извивы реки», но уже нет куполов храма и видна кромка «долгого кругового забора внизу вокруг строительства будущего небоскрёба»⁷¹. Та, прежняя, Москва — уходит, как и предсказывала Яконову в далекой юности Агния.

Вернуть ту прежнюю, радостную, «родную» Москву может, изменившись, сам человек. Солженицын прошел этот путь. В автобиографической повести «Люби революцию» герой открывает для себя холодную, чужую Москву, к которой равнодушен; в романе «В круге первом» изображен город лжи; в «Архипелаге...» — центр зла. Но пройдя через голгофу Лубянской площади, обретя новую бессмертную душу зэка, Солженицын получает вместе с верой и знанием правды истинную свободу, — и тогда восходит к Москве «Красного Колеса» — своего вершинного произведения.

⁷⁰ Там же. С. 169.

⁷¹ Там же. С. 174.

А.С. Немзер

КОЛЕСО В КРУГЕ

Вопрос о присутствии в первом романе Солженицына его заветной книги, на первый взгляд, решается просто. Отвергнув предложение Веренёва, Нержин, по сути, провоцирует свое скорое изгнание из «первого круга». Главный герой романа предпочитает писательскую стезю (пусть ведущую сейчас в бездну ГУЛАГа) сулящей относительное благополучие, но иссушающей мозг математике; пишет же он книгу о русской революции. О том, что Нержин занят именно этим сюжетом, читатель узнает не сразу. Сперва автор сообщает, что беспорядок на рабочем столе, символизирующий «застывший ураган исследовательской мысли», был «*чернухой*», а «Нержин *темнил* по вечерам на случай захода начальства». Затем в той же главе Рубин спрашивает друга: «Ты — *своим* — занят?»¹ Местоимение указывает на «личный» характер занятий Нержина, но никак их не характеризует: в принципе, «своим» может быть не только литературный труд². Слушая Веренёва, «Нержин думал о тех мелко исписанных листиках, которые так безмятежно было насыщать, обложась бутафорией, под затаенно-любящие взгляды Симочки, под добродушное бормотание Льва. Эти листики были — его первая зрелость.

Конечно, завиднее достичь зрелости в своем исконном предмете. Зачем, кажется, ему головой соваться в эту пасть, откуда и историки-то сами уносят ноги в прожитые безопасные века? Что влечет его разгадать в этом раздутом мрачном великане, кому только ресницей одной пошевелить — и отлетит у Нержина голова?» (II, 59–61). Теперь мы понимаем, что «листки» героя связаны с новейшей историей, но указания на конкретный период еще нет. Читатель, обращающийся к роману впервые, вполне может предположить, что Нержин пишет о собственном недавнем прошлом, о пути своего поколения, двигавше-

¹ Солженицын А.И. В круге первом // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2011. Т. 2. С. 34, 36; далее ссылки на это издание приводятся в скобках; римские цифры означают тома, арабские — страницы; все выделения в цитируемых фрагментах принадлежат Солженицыну.

² Ср. сходную неопределенность в рассказе «Матрёнин двор»: «По ночам, когда Матрёна уже спала, а я занимался за столом...» (I, 121); «Лишь поздно вечером, когда я думать забыл о старике и писал своё в тишине избы...» (I, 132). «Заниматься» рассказчик мог как проверкой ученических тетрадей, так и сочинительством. Словосочетание «писал своё», не случайно возникшее в поворотной точке рассказа, безусловно, приближает читателя ко второму решению, но жестко его не акцентирует.

гося от юношеского энтузиастического идеализма через войну к сегодняшнему — лагерному — бытию, то есть нечто вроде повести «Люби революцию». Упоминание «мрачного великана» и исходящей от него смертельной угрозы такой гипотезе не противоречит: для советского государства поколенческая рефлексия «декабристов без декабря» так же опасна и преступна, как постижение большой истории, восстановление обогнанной и мифологизированной реальности, которым захвачен Нержин. Точка над «i» ставится в разговоре Нержина с Сологдиным. Узнав об отказе друга от перехода в криптографическую группу, Сологдин спрашивает: «Но если тебя сейчас отправят в лагерь... как же будет с твоей работой по Новому Смутному Времени? (Это означало — по революции.)» (II, 184). Вопрос наконец открывает читателю замысел Нержина и позволяет понять выбор героя. Там, где обиденное сознание видит противоречие (шарашка более благоприятна для творчества, чем лагерь, а Нержин готов ее покинуть), для опытных и непримиримых эзков его нет: разъяснения Нержина принимаются Сологдиным без возражений. На самом деле позиции собеседников далеко не тождественны. Свидетельством тому не только дальнейшее поведение Сологдина (согласие отдать властям шифратор, дабы таким образом выйти из тюрьмы), но и его первая реакция на решение Нержина: «Ты ведёшь себя не как исчислитель, а как пиит» (II, 179).

Нержин и дальше будет вести себя «как пиит», что точно соответствует центральной теме первого солженицынского романа — истории рождения писателя³. Эта скрытая тема определяет разработку обеих сюжетных линий романа — собственно нержинской и володинской (поэтически угадываемой Нержиным-персонажем в рождественские дни 1949 года и детально реконструируемой Нержиным-«автором» несколько лет спустя). Очевидно, что для романа о выборе писательской стези (осознании миссии) отнюдь не безразлично, каким сочинением герой-писатель занят⁴. Нержин, пишущий о русской революции, и Нержин, пишущий *нечто*, — качественно разные персонажи;

³ Подробнее см.: Немзер А.С. Жизнь и Поэзия в романе «В круге первом» // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2012. Вып. 1. С. 101–117. Публикуемая ныне статья тесно связана с предшествующей (это части одной — пока не завершённой — работы); отсюда необходимость повторов и отсылок, за которые прошу извинения у осведомленных читателей.

⁴ Так, судьба булгаковского Мастера определяется романом о Понтии Пилате, а Годунов-Чердынцев вполне становится собой не после дебютного сборника стихов или даже биографии Чернышевского, «заместившей» ненаписанную историю отца, но в процессе работы над книгой, которую можно отождествить с самим «Даром». Подобные — обнаруживающиеся в финалах — отождествления истории сочинения (или якобы не-сочинения) какой-то книги, посвященной жизни героя-автора, с явленным читателю текстом определяют смысловую структуру таких значительных и разных романов конца XX века, как «Ожог» Василия Аксенова, «Время и место» Юрия Трифонова, «Андеграунд, или Герой нашего времени» Владимира Маканина, «Закрытая книга» Андрея Дмитриева. Усматривать здесь исключительно влияние Набокова, на мой взгляд, значит существенно упрощать общее движение новейшей русской литера-

подцензурная и полная редакции «В круге первом» никак не тождественные книги⁵: во второй присутствие будущего «Красного Колеса» гораздо значимее и никак не сводится к указанию на литературный замысел Нержина.

Наставления, которые Сологдин дает Нержину «на дровах», зачастую воспринимаются как конспект эстетических принципов Солженицына. Если это так, то возникает вопрос: почему эти суждения доверены не протагонисту, а его наставнику, как показывает дальнейшее повествование, — сомнительному? Действительно, «способ узловых точек» (II, 185) соответствует композиционному принципу будущего — составленного из Узлов — «повествования в отмеренных сроках», только смотрят на эти самые «узловые точки» и «отмеренные сроки» персонаж и автор по-разному. Сологдин радуется, предположив, что Нержин «уже отказался сперва пятнадцать лет читать все книги по заданному вопросу», но для наставляемого им «пиита» решение это — вынужденное: «Отчасти — да, отчасти — где ж я их возьму?» Конкретизация полярных позиций происходит в споре о «тридцати красных томиках». Нержин убежден: «Понять Ленина — это понять половину революции. А где ж он лучше сказался, чем в своих книгах?» Тут-то негодующий Сологдин и предлагает «способ узловых точек»: «Охвати жизнь Ленина одним оком, увидь в ней главнейшие перерывы постепенности, крутые смены направлений — и прочти только то, что относится

туры. Так, в одной из «вставных новелл» романа Дмитриева (измышленных, как и все остальные, героем-рассказчиком, что и претворяет свою и чужие судьбы в «Закрытую книгу») умирающий филолог Плетенев (наделенный распознаваемым сходством с Тыняновым) размышляет о хозяевах страны, что «возомнили себя бессмертными». «Но тут они оплошали. Смерть не род наказания и болезнь не род наказания, скорее род назидания. Они поймут это вполне, когда окажутся в этих больших садах и в душевных, дурно пахнущих, натеменно занавешенных палатах... “А ведь сюжет... <...> И не случайный ведь, неизбежный сюжет. Кто-нибудь непременно сочинит роман или пьесу на этот сюжет... лучше роман. Пусть не сейчас сочинит, пусть потом... а жаль, что не прочту”». Маловероятно, что «реальный» Тынянов в предсмертном бреде разглядел будущего «неведомого романиста... со шкиперской бородкой» и «веселым и подвижным лицом» и дал ему несколько советов для будущей книги о «болезни как назидании» и неторном пути к выздоровлению. Да и умирал Тынянов от рассеянного склероза, а не в «раковом корпусе», который прямо (для не слишком понятливого читателя) упомянут в этом эпизоде; см.: *Дмитриев А.* Закрытая книга. М.: Вагриус, 2000. С. 19–20. Но органичная связь тыняновского романа о бессмертии Пушкина (и всякого поэта) и спасительной силе поэтического слова с прозой Солженицына (отнюдь не одним только «Раковым корпусом») увидена и запечатлена совершенно точно.

⁵ В предназначенной для подсоветского издания «лекарственной» редакции романа Солженицын был вынужден не только изменить сюжет, но и скрыть страсть Нержина к познанию истории (и существенно ослабить тему прошлого в володинской линии). В результате мотивная система подцензурной версии романа оказалась менее плотной, чем в окончательном тексте, в частности, связь нержинской и володинской линий оказалась почти не прописанной, а роль Нержина как «автора» романа (художника, разгадавшего побуждения Володина и воскресившего в слове этого сгинувшего в бездне человека) отменилась вовсе. Я не касаюсь здесь ни вопроса о том, какие смысловые приращения (наряду с очевидными утратами) возникли в редакции «лекарственной», ни тех изменений в тексте, что появились в 1968–1969, а затем и в 1978 годах: «...восстанавливая, я кое-что и усовершенствовал: ведь тогда мне было сорок, а теперь пятьдесят» (II, 7).

к ним. Как вёл он себя в эти мгновения? Тут — весь человек. А остальное тебе совершенно незачем». Иными — чуть раньше прозвучавшими — словами говоря, «первоначальная сильная мысль определяет успех всякого дела! И мысль должна быть — своя!» (II, 184–185). Нержин (и стоящий за ним Солженицын) вроде бы не отрицает важности «сильной» и «своей» мысли, но у него мысль эта должна вырасти из «материала». Найти «главнейшие перерывы постепенности» в жизни Ленина, конечно, необходимо, но для того потребно проштудировать «тридцать красных томиков... от корки до корки» (II, 184). Так и будет позднее строиться (воссоздаваться) личность Ленина (а равно и всех других исторических персонажей — от Николая II до Троцкого) в «Красном Колесе». Здесь равно значимы установка на полноту знания (которая и позволяет найти «узловые точки», иногда многим казавшиеся сомнительными, отнюдь не поворотными) и внимание к слову героя, его зафиксированной источниками (сочинениями, эпистолярием, дневниками, мемуарами современников) речи, в которой человек (во всяком случае — «письменный», выделенный из молчаливого большинства) открывается не меньше, а то и больше, чем в своих действиях⁶.

Отход Нержина от скептицизма (на сологдинском «языке предельной ясности» — «усугублённого неверия»), разумеется, ведет его к «свету истины», но иной, чем та, о которой говорит Сологдин. Старший герой полагает, что он-то (в отличие от мальчика Нержина) «душевно определился», но знание о «соотношении добра и зла в человеческой жизни» не мешает ему утверждать, что «проституция есть нравственное благо», а «в поединке с Пушкиным был прав Дантес», существовать «под закрытым забралом» и оправдывать отказ от прежде поставленной цели, который лишь «важно строжайше обосновать» (II, 180, 186)⁷. Предлагая Нержину сделать выбор (между добром

⁶ Уместно здесь напомнить о той огромной роли, что отведена в «Красном Колесе» несобственно-прямой речи как исторических, так и вымышленных персонажей.

⁷ Так, уже при первом появлении Сологодина обосновываются его дальнейшие метаморфозы. В ночном споре с Рубиным Сологдин, отодвинув забрало, клеймит Александра Невского, не допустившего «рыцарей — в Азию, католичество — в Россию», называет «святую Русь» (его прежнее определение) — «косопузой страной» и «страной рабов» и провоцирует решение своего противника (тоже приверженца «сильной» и «своей» мысли) «завтра с раннего утра припасть, принюхаться к следу этого анонима-негодяя, спасти атомную бомбу для революции». Мотивированный тем же яростным спором (и прямо противоположный по политическому смыслу) выбор Сологодина — «не давать им шифратора! не давать» — окажется временным: рискованно сыграв с Яконовым, инженер соглашается за пять недель (и даже за месяц) сделать «полный эскизный проект с расчётами в объёме технического» (II, 506, 509, 508, 571). Володина, вероятно, схватили бы и без помощи умников из шарашки, но споспешествует его выявлению (аресту, низвержению в ад) взаимная ненависть Сологодина и Рубина, подчиненных «своим» идеям, не желающих слышать друг друга (признавать в противнике человека со «своей» мыслью) и видеть мир в его многомерной сложности, превосходящей любые отвлеченные «правды». Такой мир открывается художнику, и потому Нержину дано не поймать предателя, не подстегнуть рвение в этом (или ином столь же постыдном) деле своего друга, но разгадать тайну человека, звонившего в американское посольство.

и злом), Сологдин не понимает, что выбор этот уже сделан, и потому Нержин не соглашается с допускаемой Сологдиным возможностью отказа от цели: «Отказаться сейчас — может быть и навеки отказаться» (II, 180, 186). Цель Нержина — воссоздание истории, для которого необходимо и просто знание, и умение слышать чужую мысль (не к одной лишь методике научной работы относится тезис Сологдина: «Сперва все мысли надо найти самому — и только потом сверять с книгами!» — 184)⁸, и интуиция, связанная с возможностью доверия к человеку вообще. За пилкой дров друзья дважды вспоминают свою первую встречу. Сперва Нержин рассказывает, как, пораженный «иконным ликом» новоприбывшего ээка, тут же ему открылся и в тот же день, «наслушавшись... евангельских откровений», закинул «карамазовский» вопросик «что делать с урками?»⁹. Чуть позже Нержин возвращается к давнему эпизоду, так сказать, при свете методологии Сологдина: «Значит, когда я спросил тебя, что делать с урками, я, не предполагая, применил к тебе метод узловых точек?» (II, 181, 185). Это, разумеется, шутка: Нержин не намерен писать биографию Сологдина, «узловую точку» он обрел случайно (и человек, и социум могут «раскрыться», в частности, и в самый заурядный момент), да и «узловым» миг узнавания стал не для истории Сологдина, а для истории Нержина, его пребывания «в круге первом».

Ироничная реплика Нержина — один из предложенных автором ключей к поэтике романа. Действие «В круге первом» укладывается в «отмеренный срок» — трое декабрьских суток (с вечера субботы по ранний вечер вторника) 1949 года. Но этот якобы обыкновенный временной промежуток — скрытая «узловая точка» в истории шарашки и ее обитателей (как покидающих «круг первый», так и в нем пока остающихся). Из этой точки видны не только будни спецтюрьмы (впрочем, напоенные особым — рождественским — светом) и ее прошлое, но и включенность «круга первого» в историю, его связь

⁸ Солженицын отлично знал противоположное искушение. В рассказе о юношеском чтении Сани Лаженицына («Август Четырнадцатого») трудно не ощутить автобиографическую ноту: «Он запутался в изобилии истин, он измучился от убедительности каждой из них. Пока было мало книг в руках, Исаакий твёрдо и хорошо себя чувствовал, с седьмого класса он считал себя толстовцем. Но вот дали ему Лаврова с Михайловским — как будто правильно, очень верно! Плеханова дали — опять-таки верно, да гладко, да кругло как! Кропоткин — тоже к сердцу, верно. А распахнул “Вехи” — и задрожал: всё напротив читанному прежде, но — верно! пронзительно верно!» (VII, 27).

⁹ Между прочим, не только Нержин поверил в Сологдина (сразу увидел в нем лучшее, осложненное, но не отмененное дальнейшим общением персонажей), но и Сологдин — в Нержина. Хотя был тогда «поражён... опрометчивостью» нового знакомого, а в пору основного действия досаждает: «Очень дурно, если меня легко прочесть. В лагере надо казаться заурядным» (II, 181). Принципы — принципами, но «опрометчивое» признание было взаимным, выросшая из него дружба — истинной. И Сологдин, и Рубин (пожалуй, в еще большей мере) не исчерпываются своими «сильными мыслями» и продолжающими их поступками (сюжетными функциями).

с иными кругами (адско-гулаговскими и формально «вольными»), его противоречивая роль в созидании (мысленном и действенном) будущего. Временная организация романа максимально близка тому принципу, что будет использован в Узлах «Красного Колеса»¹⁰.

Солженицын приурочивает действие «В круге первом» к середине позд-несталинского (послевоенного) периода¹¹, точно охарактеризованного по-этом, прошедшим войну, но странным образом избежавшим тюрьмы:

¹⁰ Кажется, это относится и к поэтике в целом: резко педалированная полифония (подробно проговоренные «правды» многочисленных героев-идеологов), постоянная мена стилевых регистров, неожиданные пересечения судеб персонажей, взаимосвязь «частного» и «исторического» планов, не говоря уж о теме рождения писателя (и его книги). Что же касается неизменной приверженности Солженицына к «временной концентрации» повествования, то должно подчеркнуть: прием этот в разных текстах служит решению разных художественных задач. В «Одном дне Ивана Денисовича» важно парадоксальное соединение типичности («Таких дней в его сроке от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три. Из-за високосных годов — три дня лишних набавлялось...») и неповторимости каждого из заурядных дней, внутренней насыщенности якобы «бессобытийного» времени. Ясно, что не каждодневно Шухову выдавалось столько «удач» (I, 114) и, тем более, что эти очень конкретные «удачи» не могли точно повторяться. Другие его дни были насыщены иными «малыми» событиями, но пустых вовсе не было, ибо жизнь не терпит пустоты. В «Матренином дворе», где описана вся история отношений героини и рассказчика (немногим больше полугода) существенны смены повествовательного темпоритма, переходы от цикличной мнимой бессобытийности (еще более, чем в «Одном дне...», ориентированной на фольклор) к убыстрению хода времени в сюжетобразующих фрагментах, причем эти перепады присущи как финальному этапу истории Матрёны, свидетелем которого был Игнатъич, так и всей ее жизни. Ср. «беглые» рассказы Матрёны о ключевых событиях ее судьбы (любовь Фаддея, его уход на войну, замужество, возвращение Фаддея, смерти детей Матрёны, обретение Киры, уход на войну Ефима...) и фольклоризированные характеристики «бессобытийного» времени: «Да. Да... Понимаю... Облетали листья, падал снег — и потом таял. Снова пахали, снова сеяли, снова жали. И опять облетали листья, и опять падал снег»; «И шли года, как плыла вода...» (I, 133, 135). «Отмеренные сроки» «Ракового корпуса» не только сравнительно с другими вещами растянуты, разделены (значимая временная лакуна между первой и второй частями), но и усложнены параллельным (но лишь с определенным моментом!) движением историй двух персонажей — Русанова и Костоглотова: здесь Солженицыну важна в первую очередь процессуальность, фиксация изменений, происходящих (или не происходящих) с героями и стоящей за ними страной (то ли выздоравливающей, то ли довольствующейся паллиативами и самообманом). Временной минимализм рассказов о единичном событии, «случае» мотивирован их сюжетной спецификой. Первое слово в заголовке «Случай на станции Кочетовка», безусловно, семантически нагружено, именно о «случаях» повествуется и в других опытах ранней «короткой» прозы Солженицына (терминологическая традиция подсказывает здесь слово «новелла», писатель, однако, понимал его иначе). Время, в которое укладывается «взрывной» сюжет, здесь сжимается в двое суток («Для пользы дела»), несколько часов («Случай на станции Кочетовка»), примерно полчаса («Правая кисть») или даже несколько минут («Как жаль»).

¹¹ Восьмилетия, если вести отсчет от победной «тюремной томительной весны», что «стала расплатной весной... поколения» Солженицына (IV, 216). Семилетия — если считать от лета – осени 1946 года, когда с военными и интеллигентскими вольностями было бесповоротно покончено.

Конец сороковых годов —
сорок восьмой, сорок девятый —
был весь какой-то смутный, смятый.
Его я вспомнить не готов.

Не отличался год от года,
как гунн от гунна, гот от гота
во вшивой сумрачной орде.
Не вспомню, ЧТО, КОГДА и ГДЕ.

В том веке я не помню вех,
но вся эпоха в слове «плохо».
Чертополох переполоха
проткнул забвенья белый снег.

Года, и месяцы, и дни
в плохой период слиплись, сбились,
стеснились, скучились, слепились
в комок. И в том комке — они¹².

Это время якобы отмененной истории, когда любые события — скрытое военное противоборство с «мировым империализмом», формально передоверенное азиатскому союзнику, идеологическое изничтожение недавнего балканского союзника (и подготовка его устранения), проработочные кампании, разоблачение и уничтожение как рядовых, так и еще недавно сановных «врагов народа» и т.п. — лишены статуса «событий». Они не имеют значения ни для кого, кроме очередных жертв, попасть в число которых может буквально каждый — от простого работяги до «всесильного» министра Абакумова. Ожидание собственной гибели разом мучительно страшно и — в силу полной иррациональности происходящего — параллельно «обычной» жизни. Так же как и ожидание новой войны, приближение которой не подлежит обсуждению или даже называнию. О скорой третьей мировой (что сделает единым земное пространство и окончательно остановит время, превратит его в неизменную вечность) сообщает Абакумову и грезит наедине с собой Сталин: «Начать можно будет, как атомных бомб наделаем» (II, 160). Об ужасе этой войны говорит Володину, словно подслушавший державного «ровесничка» (II, 438), дядюшка Авенир: «Но если сделают (атомную бомбу. — А.Н.) — пропали мы, Инок, никогда нам свободы не видать. <...> Да, это будет страшно... У них она не залежится... А без бомбы они на войну не

¹² Слуцкий Б. «Конец сороковых годов...» // Собр. соч.: в 3 т. М.: Худож. лит., 1991. Т. 2. С. 322.

смеют» (II, 444). Возникает эта тема в разговорах на шарашке. Но для обычных людей ее словно бы нет. История застыла. Будущее так же мертво, как настоящее.

Рубин, сохранивший настрой тридцатых годов с их интернационализмом и порывом в «последний и решительный бой», не знает, какие политические новости могут послужить перевоспитанию пленных немцев: «Но именно в декабре, кроме советско-китайских переговоров, и то затянувшихся, ну и кроме семидесятилетия Хозяина, ничего не произошло. А рассказывать немцам о процессе Трайчо Костова... было и стыдно, и не служило воспитательным целям» (II, 27). Да и ничего «нового» (как-то меняющего положение дел) в этой фальшивой судебной инсценировке не было. Рубину остается тешить себя соображениями об исторической целесообразности происходящего да фиксировать на карте флажками продвижение армии Мао.

Ситуация типологически схожа с описанной в «Октябре Шестнадцатого», когда стали «привычными» война (и на фронтах, где не видно существенных перемен, и в тылу, где ухудшение быта воспринимается как неприятная норма), локальные забастовки, думские порицания правительства, заговоры, общее ощущение, что так дальше продолжаться не может, и столь же общее сознание, что так будет всегда. Солженицын выявляет огромную скрытую энергию как в мнимой тишине последней имперской осени¹³, так и в беспросветной ночи советской зимы. Декабрь Сорок Девятого — Узел российской истории: что-то в ней сдвинулось, если стали возможными два «неприметных» события (с точки зрения здравого смысла бессмысленных и самоубийственных) — звонок Володина и выбор Нержиным писательской миссии. Об этом говорит Нержин рационалисту Герасимовичу, противопоставляя слово, что *разрушит бетон*, невозможному (во всех смыслах) военному перевороту¹⁴. «Здесь — тайна. Как грибы по некой тайне, не с первого и не со второго, а с какого-то дождя — вдруг трогаются всюду. Вчера и поверить было нельзя, что такие нероды могут вообще расти, — а сегодня они повсюду! Так тронутся в рост и благородные люди, и слово их — разрушит бетон» (II, 653).

Диалог Нержина и Герасимовича происходит «на задней лестнице»: «На всех стенах таились, густились невидимые картины крепостного художника» (II, 646). Если выбор места для рискованной беседы мотивирован конспираторскими навыками персонажей (как быстро понимают они сами, — довольно сомнительными), то упоминание картин может показаться если не излишней, то «проходной», неработающей деталью. Это не так: творения

¹³ Открывающая второй том Второго Узла (то есть композиционно и даже полиграфически маркированная) 38-я глава начинается словами: «Двадцать пятого октября после полудня...» (X, 9) — до захвата власти большевиками остался ровно год.

¹⁴ Параллель «несостоявшиеся заговоры 1916 года — план Герасимовича» будет рассмотрена ниже.

Кондрашёва-Иванова имеют прямое отношение и к разговору Нержина с Герасимовичем, и к скрытому присутствию заветного замысла Солженицына в его первом романе.

Картины Кондрашёва вызывают недоумение не только у сановных вертухаев, но и у искренне расположенного к художнику Нержина: «Зачем у вас так часто рыцари и рыцарские принадлежности? Мне кажется, вы переходите меру, хотя, конечно, Мите Сологдину это нравится. Девчёнка из химобороны у вас — рыцарь, медный поднос у вас рыцарский щит...» В ответ художник произносит страстную речь: «А к о г о не хватает нашему веку? Членов партии? Нет, уважаемый, — не хватает *рыцарей*!! При рыцарях не было концлагерей! И душегубок не было!» (II, 331). Монолог точно соответствует предшествующим экфрасисам работ Кондрашёва, рассказу о его рыцарском служении искусству, его эстетическим суждениям, неотделимым от суждений этических. Кондрашёв захвачен «сильной» и «своей» мыслью — его создания открывают истинную, как мнится художнику, реальность, которую исказили дурные живописцы (и, видимо, такие же деятели, подвизающиеся в других искусствах), заморочив голову неопытным зрителям. «Поймите, публика поддалась Левитану! Вслед за Левитаном мы привыкли считать нашу русскую природу бедненькой, обиженной, скромно-приятной. Но если бы наша природа была только такая, — скажите, откуда бы у нас взялись самосжигатели? стрельцы-бунтари? Пётр Первый? декабристы? народовольцы?» (II, 329). Их-то, «рыцарей», не слишком вдумываясь в различия «сильных» деятелей и в связанные с ними опасности, и хочет воззвать к жизни художник, властно преображая пейзажи, лица, предметы, ставя «над Добром и Злом» «пятиэтажные буквы» (II, 330). Потому и заветная его картина — вырастающий над бездной, парящий «в ореоле невидимого сверх-Солнца сизый замок святого Грааля», что вдруг открылся всаднику-рыцарю (II, 332).

Кондрашёв-Иванов пишет вожделенное обретение духовной вертикали. И даровано оно рыцарю. Солженицын откроет «Красное Колесо» скрыто трагическим мотивом утраты вертикали — юные герои удаляются от нерукотворного чуда, великого кавказского Хребта. Позднее вертикаль (видение гор, звездное небо) будет открываться некоторым персонажам «повествования в отмеренных сроках» — в их лучшие и/или роковые минуты. Но из мира, ввергнутого в войну, за которой логично последует революция (переворот), вертикаль уходит¹⁵. И рыцарям не дано ее восстановить. При рыцарях не было лагерей и душегубок, но последние рыцари не смогли спасти от них мир. «Старомосковский» богатырь (рыцарь в русском изводе) Самсонов

¹⁵ Подробнее см.: Немзер А. Диалог с русской классикой в «Августе Четырнадцатого» // Немзер А. При свете Жуковского: Очерки истории русской литературы. М.: Время, 2013. С. 823–838.

становится одним из виновников постигшей армию катастрофы, что в истории получила его имя. В «Октябре Шестнадцатого» Воротынцев слышит от генерала Нечволодова, что революция «у ж е п р и ш л а!». «И стоял против неё готовный рыцарь. Но — не звали его на помощь. Да и сам меч его был в землю врыт, и никакой руки не хватило бы вытащить его.

А если б и вытащить — так сгнил он остриём» (X, 438). Эту мизансцену, предсказание Нечволодова, поведанную им историю о несостоявшемся заговоре монархистов, надеявшихся спасти Россию от революции, но не сумевших донести свое слово до Государя, Воротынцев вспоминает в финальной главе «Апреля Семнадцатого», когда победный разлив революции стал бесспорной явью: «Вот тут, позади близко, за этими деревьями впечатывал Нечволодов: революция у ж е п р и ш л а! Она который год нас разносит — а мы всё не действуем.

Как говорили встарь: богомужественный воин» (XVI, 558).

Не касаясь пока проблемы заговора «верных», отмечу, что на челе «богомужественного воина» лежит печать обреченности. Рыцарь и его бесспорно благородные чаяния анахронистичны, неуместны, а потому и бессильны в той реальности, которая дана людям эпохи мировой войны и революции. Это касается и отчетливо эстетических (с сильным налетом стилизации) монархических проектов Ольды Андозерской, знатока и ценителя средневековой культуры. Потому Воротынцев не может вполне подчиниться наставлениям возлюбленной и почитаемого генерала.

Тот же флер стилизации окутывает картины (и чаяния) Кондрашёва-Иванова. А от стилизации недалеко до игры: недаром «рыцарская» эстетика импонирует Сологдину, с его двусмысленным (как выясняется) отношением к России и человеческому долгу, но неизменно афишируемым аристократизмом¹⁶. При глубокой симпатии к Кондрашёву, частичном признании его безусловно «сильной» и «своей» мысли, Нержин (и стоящий за ним автор) не верят в спасительность «рыцарского» искусства. Как не верят в аристократов, иные из которых подобны Сологдину, а иные — Яконову¹⁷.

¹⁶ Характерно, что, восхищаясь Достоевским, Сологдин вспоминает в первую очередь героев не только таинственно темных, зловещих, но и с выраженной аристократической (барской) статью: «Ставрогин! Свидригайлов! Кириллов! (сверхчеловеку-разночину отведено лишь третье место. — А.Н.) — что за люди!» (II, 180).

¹⁷ «Двойничество» этих персонажей намечает символический монтажный стык 25-й («Церковь Никиты мученика») и 26-й («Пилка дров») глав: повторяющийся зимний утренний пейзаж с ключевым, выделенным дважды в абзац, словом «светало». Тема эта организует всю главу 79 («Решение объясняется»), где происходит торг за шифратор. В укорицах, которые бросает Сологдину Рубин, звучит не только ярость фанатичного коммуниста: «Страна вам плоха! А не вы, богомольцы и прожигатели жизни, довели её до Ходынки, до Цусимы, до Августовских лесов?» (прямая отсылка к будущему Первому Узлу «Красного Колеса»). Что не отменяет частичной правоты в ответной не менее гневной реплике Сологодина: «Ах, уже за Россию вы болеете, убийцы? <...> А не вы её з а р е з а л и в семнадцатом году» (II, 174–175, 563–572, 506).

И точно так же не верят они в избранников иного рода, тех, кто владеет точным знанием, способен точно оценить вызовы изменившегося времени, готов ответственно рационализировать жизнь, изломанную долгим лихолетьем (всеобщим помрачением разума). Не кто иной, как Солженицын, напишет в «Августе Четырнадцатого»: «Лишь это узкое братство генштабистов да ещё, может быть, кучка инженеров знали, что весь мир и с ним Россия невидимо, неслышимо перекатились в Новое Время, как бы сменив атмосферу планеты, кислород её, темп горения и часовые пружины» (VII, 112).

Внутренний монолог Воротынцева сплавлен с авторской речью, дума же, которой писатель наделил своего любимого героя, не сводится исключительно к вопросу о правильном ведении войны. Война — во-первых, несчастье (Воротынцев, пройдя «самсоновскую катастрофу», к такому выводу приблизится), а во-вторых — частность. Ибо если война не завершится национальной катастрофой (как случилось в 1917 году), то за ней придет мир, требующий тех самых новых строительных стратегий, что открылись, увы, очень немногим. Об этом в другом эпизоде Первого Узла беседуют инженеры Архангородский и Ободовский. Последний не только разворачивает впечатляющие картины будущего страны, но и утверждает: «...Союз русских инженеров мог бы легко стать одной из ведущих сил России. И поважней, и плодотворней любой политической партии.

— И принять участие в государственном управлении?

— Да не прямо в государственном, собственно власть нам ни к чему. <...> Деловые умные люди не властвуют, а созидают и преображают, власть — это мёртвая жаба. Но если власть будет мешать развитию страны — ну, может, пришлось бы её и занять» (VIII, 440).

Разговор продолжается за обедом, в присутствии революционно настроенных молодых людей, которым равно ненавистны планы промышленного развития России (ведущего к обогащению эксплуататоров) и патриотизм, который «в этой стране... <...> сразу становится погромщиной!». На обвинения дочери Архангородский, отнюдь не забывший ни о своем еврействе, ни о зле антисемитизма, отвечает: «И всё равно... и всё равно... Надо возвыситься... И уметь видеть в России не только “Союз русского народа”, а...

Воздуха не хватило или кольнуло, но в паузу легко поддал Ободовский:

— ... а “Союз русских инженеров”, например».

Молодые не слышат, Соня Архангородская кричит о «чёрной сотне». И выведенному из себя отцу остается одно — предъявить страшную альтернативу. «Дрожа голосом, двумя ладонями, на рёбра поставленными, Илья Исакович показал:

— С этой стороны — чёрная сотня! С этой стороны — красная сотня! А посередине... — килем корабля ладони сложил, — десяток работников хотят

пробиться — нельзя! — Раздвинул и схлопнул ладони: — Раздавят! Расплющат!» (VIII, 448–449)¹⁸.

Так и случилось. Не удалось офицерам-«младотуркам» и «Союзу русских инженеров» вывести Россию из войны, уберечь от революции, обеспечить ее процветание. Вот и пришлось Ободовскому занять позицию в новой власти (оказавшейся хуже старой), ощутить бесплодность своих попыток делать дело и с ужасом признаться, что за два послереволюционных месяца «и весь наш рабочий класс... И весь народ наш... показал себя тоже саранчой» (XVI, 125). А Воротынцеву — уповать на близящийся съезд офицеров: «Сколь бы мало нас ни сплотилось, — ни это правительство, ни Совет не отнимут у нас последнего права: ещё раз побиться» (XVI, 559). Этого — не отнимут. Но и отстоять Россию не дадут.

Не в том дело, что не было в предреволюционной России порядочных, мужественных, умных, смелых, ответственных людей. Были — и не только горячо любимые Солженицыным Воротынцев и Ободовский. Дело в том, что как революции начинаются *не* в результате заговоров, так они заговорами и *не* останавливаются. При общем нестроении шансы «десятка работников» минимальны, а их попытки встать у власти (или близ нее) самоубийственны: либо в прямом смысле, либо в переносном — когда благородный и вedomый лучшими намерениями человек невольно начинает служить черному делу. Даже если происходит смена власти.

Об этом Нержин («Воротынцев 49-го») говорит «на задней лестнице» Герасимовичу («Ободовскому 49-го»), полагающему, что потенциальный «союз русских инженеров» («техно-элита») может «обыкновеннейшим дворцовым переворотом» (II, 650) спасти Россию и мир.

Не рассматривая подробно всех смысловых пересечений этого спора с «Красным Колесом», подчеркну два важных и взаимосвязанных обстоятельства. Герасимовичу возражает историк (и писатель), для которого принципиально значим как трагический опыт вполне конкретной русской революции, так и общая — всегдашняя — сложность социального бытия. Для него состоящий «из одних недочётов» проект Герасимовича — «урок нашему физико-математическому надмению: что общественная деятельность — тоже специальность, да какая! Бесселевой функцией её не опишешь!» (II, 651).

¹⁸ Выше на вдохновенную речь Ободовского о грядущем освоении северо-востока и подъеме России, население которой может к середине XX века составить «триста пятьдесят миллионов», Архангородский отзывается печальной репликой, готовящей его отчаянное пророчество: «Это в том случае <...> если мы не возьмёмся выпускать друг другу кишки» (VIII, 441). Необходимо отметить, что диалог отца и дочери Архангородских слышит Сонина «гимназическая подруга Ксения» (VIII, 442), то есть «литературная ипостась» матери Солженицына. Она не произносит ни слова, но ее присутствие в этой сцене принципиально важно: так Солженицын указывает на свою интимную (семейно-домашнюю) причастность былым спорам, которым еще не раз суждено повториться в других исторических контекстах.

Герасимович же, игнорирующий трагическую суть всего исторического процесса вкупе со сравнительно недавним опытом¹⁹, был подвигнут на своей проект рассказом Кондрашёва-Иванова о картине Корина «Русь уходящая», о которой сам рассказчик знает «с чужих слов» (II, 535).

Герасимович увидел картину Корина «резко, как сам написал», но открылось ему то, о чем говорил Кондрашёв, в рассказе которого интерпретация таинственного полотна не менее важна, чем описание запечатленных на нем людей. Сказав о «светящихся старорусских лицах мужиков, пахарей, мастеровых», исчислив других многочисленных и несхожих героев Корина, Герасимович подводит итог: «Самое страшное, что эти люди никак не сгруппированы. Распалась связь времён! <...> Они у х о д я т... Последний раз мы их видим...» (II, 536, 535). Это значит: той Руси-России, что когда-то была, больше нет.

Именно эту «идею» картины предьявляет Герасимович Бобынину: «На Руси были консерваторы, реформаторы, государственные деятели — их нет». Перечислив прочих «бывших», герой итожит: «...никого, никого их нет. Мохнатая чёрная лапа сгребла их всех за первую дюжину лет. Но один родник просочился через всю чуму — это мы, техно-элита. Инженеров и учёных, нас расстреливали всё-таки меньше других. <...> Мы занимались природой, наши братья — обществом. И вот мы остались, а наших братьев нет. Кому ж наследовать неисполненный жребий гуманитарной элиты — не нам ли?» (II, 585).

Недоговоренное Бобынину Герасимович скажет Нержину. Отнюдь (повторю) не случайно в ателье Кондрашёва-Иванова, в присутствии его невидимых в темноте, но сущих (почти как коринская «Русь уходящая») картин. И столь же закономерно Нержин в этом разговоре с раздражением вспомнит Замок святого Грааля и всадника, что будто бы «доскакал и узрел — ерунда! Никто не доскачет, никто не узрит!» (II, 652). Это не отрицание идеала, но отказ от утопического целеполагания, игнорирующего таинственную суть истории и сложность человеческой личности. Для Герасимовича и Кондрашёва Русь навсегда ушла, история кончилась, связь времен порвалась. Ее невозможно восстановить (вернуть исчезнувшие лица) — уповать надлежит на избранных, что волевым усилием создадут из сегодняшнего «ничего» грандиозное и прекрасное «нечто». То же — с небольшими поправками — можно сказать о двух других героях-идеологах, Сологдине и Рубине. Надежды Герасимовича связаны с техно-элитой, Кондрашёва — с рыцарством, Рубина — с «настоящими» коммунистами, Сологодина — с аристократами (по происхождению, духу, интеллекту), что смогут «под закрытым забралом» и, коли потребуется, откинув принципы, перехитрить и одолеть хамов.

¹⁹ Ср. выразительное обобщение в отповеди Нержина: «Да, мерзок наш режим, но откуда вы уверены, что у вас получится лучше? А вдруг — хуже? Оттого, что вы хорошо хотите? А может, и до вас хотели хорошо? Сеяли рожь, а выросла лебеда!.. Да чего там наша революция! Вы оглядитесь на... двадцать семь веков! На все эти виражи безмысленной дороги...» (II, 651).

Мотив «союза избранных» в романе многообразно варьируется: кроме «рыцарей» и «техно-элиты» это насельники Дантова лимба, с которым сравнивается шарашка, розенкрейцеры (шутливое именование математиков, «розенкрейцерский» соблазн преодолевает Нержин, отказавшись работать с Веренёвым), декабристы (Агния терпеть не может толстовскую Наташу, которая Пьера «не пустит в декабристы»; о невозможности повторить в советских условиях «декабристок» говорит в Лефортове жена Герасимовича; Кондрашёв — потомок декабриста, за которым в Сибирь последовала возлюбленная; в пушкинско-декабристской тональности описывается празднование нержинского дня рождения) (II, 23, 61, 172, 268, 327, 403–404). Эти то сближающиеся, то расходящиеся смысловые отражения братства свободлюбцев и «граждан мира», которых, по слову Нержина, обыгрывающему подлый советский штамп «борьба с космополитизмом», «правильно посадили» (II, 33), дороги Солженицыну, посвятившему роман «*друзьям по шарашке*». Но удовольствоваться любым подобием (сколь угодно широким и благородным) «круга первого» писатель не может. Как его герой, фактически провоцирующий свое изгнание из марфинского «почти рая» (II, 719).

Споря с Герасимовичем, Нержин настаивает на необходимости выхода из «круга первого», восстановления порвавшейся связи времен, возвращении тех лиц, что согласно трактовке Кондрашёвым и Герасимовичем картины Корина ушли навсегда. Этому восстановлению неуничтожимого прошлого будет посвящена книга Нержина — романский аналог «Красного Колеса». Но Нержин говорит Герасимовичу не о себе или, по крайней мере, не только о себе, он употребляет множественное число: «тронутся в рост <...> благородные люди». Откуда эта уверенность? Разгадку подсказывает ответная — совершенно справедливая — реплика Герасимовича: «Прежде того понесут ваших благородных кузовами и корзинами — вырванных, срезанных, усечённых...» (II, 653). Так заканчивается 90-я глава («На задней лестнице»), в заглавии следующей стоит самая известная дантовская строка — «Да оставит надежду входящий»; речь в ней идет об аресте и первом (никак не в шарашечном смысле!) круге тюремных мытарств Володина.

Что заставило преуспевающего дипломата шагнуть из своего — первого, здесь в советско-номенклатурном смысле — круга, пойти «торпедой» на чудовищный советский «линкор» (II, 15)? Простое открытие: не только жизнь, «но и совесть даётся один раз» (II, 424, 434). Что привело его к этому открытию? Проснувшееся *сыновнее* чувство, заставившее обратиться к архиву матери. Дневники мамы и письма ее подруг открыли Володину неведомый мир, неведомый язык, неведомые нравственные ценности: «Они всерьёз писали с больших букв: Истина, Добро и Красота; Добро и Зло; этический императив» (II, 431)²⁰. Фотоальбомы, театральные программки, газеты, «стихи неведомых

²⁰ Ср. требования Кондрашёва-Иванова.

поэтов», «безчисленные книжечки журнальных приложений» явили Иннокентию домашним образом исчезнувшую Россию «последнего предреволюционного десятилетия» (II, 432). И заставили думать о том, что с ней случилось. И что происходило со страной дальше. И что происходит с ней сейчас. Встреча с тверским дядюшкой довершила воспитание чувств — не столько рассказами о сегодняшней жизни обычных людей и «отмененном» советском прошлом, сохранившемся в развешанных по стенам газетах да дядюшкиной памяти, сколько тремя вопросами. Один задал Иннокентий, выслушав рассказ о расстреле демонстрации, пытавшейся поддержать Учредительное собрание, и разгоне этой самой *учредилки* матросиками с пистолетами и в лентах:

«— И мой отец?!

— И твой отец. Великий герой Гражданской войны. И почти в те самые дни, когда мама... уступила ему... Они очень любили лакомиться нежными барышнями из хороших домов. В этом и видели они сладость революции» (II, 447).

Но дядюшка не только ответил, но и задал два вопроса. Первый, повторяющий Герцена, — обращенный к каждому человеку: «Почему любовь к родине надо распространять и на всякое её правительство? Пособлять и дальше ему губить народ?» Второй — тоже общечеловеческий, но насыщенный для Володина очень конкретным и интимным смыслом: «А ты никогда не ощущал правоту этой истины: грехи родителей падают на детей?.. И от них надо отмываться?» (II, 447). Вопросы слились с еще одним, не заданным дядюшкой, но навеянным разговором с ним: что будет, если «они» все-таки сделают атомную бомбу? Дядя считал, что это невозможно, но коли случится, «никогда нам свободы не видать» (II, 444). Узнав, что бомбу на днях украдут, Володин отвечает на проклятые вопросы звонком в американское посольство, выходит не только из элитного «круга первого», но и из того, что чертил Кларе «на просторе», еще до поездки в Тверь: «Вот видишь — круг? Это — отечество. Это первый круг. А вот — второй. — Он захватил шире. — Это — человечество. И кажется, что первый входит во второй? Нич-чего подобного! Тут заборы предрассудков. Тут даже — колючая проволока с пулеметами. Тут ни телом, ни сердцем почти нельзя прорваться. И выходит, что никакого человечества — нет. А только отечества, отечества, и разные у всех...» (II, 313). И грехи отцов, за которые должно платить. Этой притче о себе предшествует неожиданное признание Володина, напоминающее суждение Кондрашёва о «Руси уходящей», как и оно, варьирующее роковое открытие Гамлета: «Жизнь — распалась» (II, 312). Восстановление связи времен и восстановление единой жизни — две стороны одной задачи.

Нержин-персонаж ничего не знает о человеке, звонившем в американское посольство. О нем знает Нержин — скрытый автор романа «В круге первом», Нержин, поэтически угадавший неизвестного, наделивший его именно такой биографией, такими семейными связями, такими чувствами и думами, увидевший в нем своего «брата». Он делает неведомого дипломата своим

ровесником: Нержин празднует тридцатилетие, Володин на Лубянке трижды отвечает на протокольный вопрос: «Год рождения? — Тысяча девятьсот девятнадцатый» (II, 665, 671, 680). Володин буквально «рожден революцией»; о происхождении Нержина в романе не сообщается, но стоящий за героем Солженицын безусловно понимал, что мезальянс его родителей (пусть не столь разительный, как у матроса и барышни из хорошей семьи, пусть выросший из истинной любви, а не из большевистской нахрапистой причуды) если не прямо обусловлен бурей 1917 года, то многим ей обязан (этот мотив ощутим в «Апреле Семнадцатого»). Как и Нержин, Володин в 1949 году сирота. Для того чтобы искупить грех отца, потребен не разрывный отказ от него (что может быть передано примерно так: «Я не отвечаю за это погубившее мою мать и мою родину чудовище»), но глубокое сыновнее чувство. Не меньшее, чем у тех, кому посчастливилось родиться в достойной семье, а платить досталось «только лишь» за грехи отечества (от которых, как известно, тоже совсем не трудно отмахнуться). Приводит же Нержин угаданного (сотворенного) им Володина к провалившемуся, но наделенному огромным духовно-историческим смыслом подвигу *своим* путем — через восстановление связи времен, воссоздание и осмысление истории семьи, слитой с историей страны. Той *продолжающейся* истории, узловую (поворотную) точку которой автор романа «В круге первом» смог разглядеть в застывшем безвременье 1949 года. Весьма вероятно, что благодаря неизвестному, которого должны были выявить узники «круга первого». Пройдя гулаговский ад, Нержин тоже *выявляет* этого неизвестного — воскрешает писательским словом того, кто, казалось бы, бесследно сгинул в бездне. И это не «отступление» от заветного замысла (книги о русской революции), но внутренне необходимый шаг к его воплощению. Роман «В круге первом» строится на сложном переплетении «нержинской» (автобиографической) и «володинской» (созданной писательским воображением) линий, рассказов о том, как люди, «рожденные революцией» и оставшиеся сиротами, историю ищут, восстанавливают и стремятся вывести из якобы predeterminedного небытия. Не прихоть автора, спешащего «проговорить всё», но внутренняя логика текста, его смыслообразующая тема и рожденная ею поэтика обуславливают постоянное появление в романе «В круге первом» ключевых проблем, мотивов, психологических, исторических, философских контраверз и даже (в какой-то мере) героев «Красного Колеса».

И последнее. Уже не о «Колесе в Круге», но о «Круге в Колесе».

«Пути последнего ночного провожания часто ложились через Александровский сад.

Как-то Ксенья сказала:

— Здесь я люблю гулять. Во время самой революции тут гуляла.

А уже вот недавно, изменяясь голосом:

— Я здесь... мечтала... Смотрела на маленьких детишек, и...

Призналась.

Но ведь и Саня хотел — именно! именно сына!

И открылось говорить о нём — как уже о существе.

О непременно нашем...»

Помолившись в Иверской часовне Божьей Матери о соединении «проч-
но и навсегда», юная чета вновь идет мимо Александровского сада:

«И опять — о том же, о нашем.

Как они будут жить — для него.

Как будут его воспитывать. Вкладывать всё лучшее. Доброе... <...>

Война, — но от любви, от веры в продолжение жизни — такая крепость!

Есть ли что-нибудь на свете сильнее — линии жизни, просто жизни, как
она сцепляется и вяжется от предков к потомкам» (XVI, 367, 369).

Завершая «Красное Колесо» роковым «Апрелем Семнадцатого», писатель
ввел в этот Узел мотив чаемого рождения сына Ксеньи Томчак и Сани Лаже-
ницына. Думаю, здесь позволительно, нарушая литературоведческие прили-
чия, сказать: Солженицын написал о своем будущем рождении. О рождении
мальчика, которому не дано будет увидеть отца, у которого будет совсем не
такое детство, что грезилось его родителям, которому выпадут все главные
злосчастья русского XX века. Этот мальчик впитает то доброе, чем держится
могучая линия жизни, и поведаст миру историю своей семьи и своей стра-
ны — напишет «Красное Колесо». Мне видится здесь отчетливая переключка
с романом о том, как этот (в «Апреле Семнадцатого» еще не родившийся) вы-
росший и много горя изведавший мальчик в непроглядной советской ночи
обрел свой путь — покинул «круг первый», чтобы стать писателем.

А.А. Баранович-Поливанова

«МЕЛКО ПЛАВАЕТ ХЕМИНГУЭЙ»

В финалах повести Эрнеста Хемингуэя «Старик и море» и романа Александра Солженицына «В круге первом» присутствует сходный горький сарказм в изображении людей, которые не понимают, да и не стараются понять драматизм тех явлений, свидетелями которых они оказываются.

Вот концовка повести «Старик и море»:

«В этот день на террасу приехала группа туристов и, глядя на то, как восточный ветер вздувает высокие валы у входа в бухту, одна из приезжих заметила... длинный белый позвоночник с огромным хвостом на конце, который вздымался и раскачивался на волнах прибора...

— Что это такое? — спросила она официанта, показывая на длинный позвоночник огромной рыбы...

— Tiburon, — сказал официант. — Акулы. — Он хотел объяснить ей все, что произошло (...а именно, как старик, обессиливший и почти умирающий, после многодневной схватки с акулами добрался до берега с рыбой, от которой акулы по пути оставили только скелет...).

— Вот не знала, что у акул бывают такие красивые, изящно выгнутые хвосты!

— Да и я не знал, — согласился ее спутник¹.

Дело тут даже не в том, что хвост меч-рыбы туристы принимают за хвост акулы, а в том, что за непониманием ситуации людьми, далекими и от героя повести, и от его мира, стоит трагедия всей жизни старика Сантьяго². Как сказал Солженицын по другому поводу, тут обнаруживает себя «немыслимая пропасть человеческого непонимания»³.

А вот как заканчивается «В круге первом»: «...машина (в которой эковезут из шарашки. — А.Б.-П.)... остановилась на перекрестке. На этом скрещении был задержан светофором тёмно-бордовый автомобиль корреспондента газеты “Либерасьон”, ехавшего на стадион “Динамо” на хоккейный матч. Корреспондент прочел на машине-фургоне:

¹ Хемингуэй Э. Старик и море // Собр. соч.: в 6 т. М.: Нугешиинвест, 1993. Т. 5. С. 57–58.

² В этой связи см.: Антоний Сурожский (Блум), митр. Внутренняя устойчивость // Труды. М.: Практика, 2002. С. 305–306.

³ Солженицын А.И. Раковый корпус // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2012. Т. 3. С. 289; далее ссылки на это издание даются в скобках, римские цифры означают тома, арабские — страницы.

Мясо
Viande
Fleisch
Meat

Его память отметила сегодня в разных частях Москвы не одну такую машину. Он достал блокнот и записал тёмно-бордовой ручкой: «На улицах Москвы то и дело встречаются автофургоны с продуктами, очень опрятные, санитарно-безупречные» (II, 719–720). Нарочитый повтор («тёмно-бордовый» автомобиль и «тёмно-бордовая» ручка) указывает, что иностранный корреспондент так же далек от понимания сути происходящего, как туристы в повести Хемингуэя.

Соположение двух финалов не покажется таким уж парадоксальным, если мы вспомним, что Солженицын, нечасто упоминающий в своих произведениях писателей-предшественников, о Хемингуэе вспоминает и в «Раковом корпусе», и в романе «В круге первом», и в «Архипелаге ГУЛАГе».

Что же общего у Хемингуэя и Солженицына — писателей с такими непохожими судьбами, с таким разным мироощущением и мировоззрением? Они принадлежали к разным поколениям, к разным литературным традициям. Но в советской России, как и на Западе, Хемингуэй был властителем дум не одного поколения.

Если попытаться понять, что сближает этих писателей, то стоит отметить, что Солженицын идеально соответствовал представлениям Хемингуэя о том, что делает писателя писателем. В «Зеленых холмах Африки» Хемингуэй, размышляя о Флобере, пишет: «...писателя выковывает всякая несправедливость» и дальше: «Он не видел войны, но видел революцию и Коммуну. Пережить революцию для писателя и суметь об этом написать еще важнее. <...> Гражданская война в этом смысле может дать писателю еще больше. <...> Стендаль видел войну, и Наполеон научил его писать, Наполеон учил всех, но мало кто научился». Достоевского, по мнению Хемингуэя, писателем сделала Сибирь⁴.

Размышляя о «Севастопольских рассказах» Толстого, Хемингуэй подчеркивал, какое огромное преимущество получает писатель, если он прошел войну. Война, по его мнению, одна из важнейших тем и, естественно, тема, о которой труднее всего написать правдиво.

Недаром Солженицынскую премию в 2009 году получает Виктор Астафьев, в том числе, за самую правдивую книгу о войне — «Прокляты и убиты». Здесь ощутимо то же отношение к войне (как торжеству предательства, бездарности, бойне), что и в романе Хемингуэя «Прощай, оружие» (само заглавие говорит за себя).

В «Смерти после полудня», наблюдая корриду, Хемингуэй снова думает о войне, о том, что это фундаментальная тема, о которой надо писать и писать книги, а не газетные заметки, позволяющие показать только подобие правды. О своей нелюбви к журналистам заявляет и герой романа «Фиеста (И восходит солнце)», сам журналист. Сходную оценку встречаем и у Солженицына: в романе «В круге первом» бывший фронтовик Щагов с неодобрением и усмешкой слушает, как весело распевают гости в доме прокурора: «И на эмке драной / С кобурой нагана / Первыми вступали в города» (II, 470–471). Возможно, эта нелюбовь к журналистам за поверхностный, самонадеянный взгляд (а то и просто ложь) и у много работавшего в газете Хемингуэя, и у Солженицына связана с тем, что оба прошли войну.

Если, как считал Хемингуэй, писательство Толстого сформировала война, а Достоевского — каторга, то Солженицына сделали писателем и война, и лагерь — «колесо истории» прокатилось по нему дважды.

В автобиографической книге «Бодался теленок с дубом» Солженицын вспоминает, что в начале ноября 1961 года специально задерживается в Москве, «для чтения самиздатовского “По ком звонит колокол”», полученного на три дня: «До той поры я и Хемингуэя ни одной строчки не читал»⁵. Зато герои Солженицына — Рубин («В круге первом») и Вега («Раковый корпус») — Хемингуэя читают.

Впрочем, «автобиографический» Глеб Нержин на предложение Рубина прочесть Хемингуэя отвечает: «Слушай, я не могу разобраться с людьми, зачем мне быки?» (II, 37). Ироничная оценка американского писателя звучит и в «Раковом корпусе»: врач-онколог Вера Гангарт, мысленно продолжая разговор с Костоготовым, развивала «свою теорию о мужчинах и женщинах. Хемингуэевские сверх-мужчины — это существа, не поднявшиеся до человека, мелко плавают Хемингуэй. (Обязательно буркнет Олег, что никакого Хемингуэя он не читал, и даже гордо будет выставлять: в армии не было, в лагере не было.)» (III, 292). Со сходной интонацией говорится о Хемингуэе в цитированном выше фрагменте книги «Бодался теленок с дубом». Словом, приязни к американскому писателю Солженицын не обнаруживает.

Однако в книгах Хемингуэя Солженицына могли привлечь те главные вопросы, что постоянно задают себе его герои. Это вопросы о смерти и насилии, возникающие при переоценке собственной жизни, в особенности — на грани жизни и смерти. Персонажи Хемингуэя и Солженицына думают о

⁵ Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 22. Герой автобиографической повести Солженицына «Люби революцию» Нержин юношей мечтал об испанской войне. Напомню, что в СССР переводились и издавались многие сочинения Хемингуэя, но роман «По ком звонит колокол» был официально открыт советскому читателю лишь в 1968 году. Причиной долгого цензурного запрета было правдивое изображение жестоких расправ республиканцев (в том числе — коммунистов) с их противниками, особенно возмущавшая лидеров испанской коммунистической партии.

смерти как о расплате («счет всегда приходит»⁶), мучительно размышляют не только о ценности отдельной человеческой жизни, но и о смысле существования человека на земле.

Так, герой романа «По ком звонит колокол» Роберт Джордан все время задает себе всегдашние хемингуэвские вопросы — о праве человека посягнуть на жизнь другого человека ради каких бы то ни было благ, пусть даже это будут блага для миллионов. И о праве на убийство, когда оно превращается в убийство организованное. Роман «По ком звонит колокол» интересен тем, что Джордан оказывается связующим звеном между стихийным народным движением со всеми его темными, страшными отклонениями и организованной работой, направляемой людьми, уже почти ничего общего не имеющими с тем же народом и осуществляющими диктатуру. Столкновение этих двух начал — народной воли и воли диктатора — и вызывает у Джордана колебания и сомнения, их разрешение он сознательно откладывает до победы народа. Но народ не побеждает, герой умирает, а Хемингуэй в итоге уходит от отчетливой постановки проблем.

Едва ли не главная тема Хемингуэя — смерть и человек непосредственно перед лицом смерти. Она звучит в рассказах «Смерть после полудня», «Снега Килиманджаро», в романе «По ком звонит колокол», в повести «Старик и море». Писателя и самого швыряло из благополучной Америки то на Первую мировую, то в Испанию — близость смерти он вполне мог чувствовать на собственной шкуре.

И в «Раковом корпусе» тема человека, находящегося непосредственно перед лицом смерти, остается, наверное, главной. Солженицын показывает, как по-разному люди «глядят ей в лицо», оказываясь *в то же время равными перед смертью*.

Когда Русанова настигает болезнь, советский чиновник не воспринимает ее как возмездие (так бывает и с некоторыми героями Хемингуэя). Он пытается отмахнуться как от смерти, так и от ощущения личной вины или ответственности: не хочет слышать сообщения жены о возвращении из лагеря Родичева, в аресте которого он виноват. Свежая газета, в которой сообщается о смене Верховного суда, повергает его в отчаяние. После укула Русанову снится мучительный сон о погубленных им людях (III, 161, 164, 182, 183–189).

Свою болезнь и близкую смерть воспринимает как «незаслуженную» геолог Вадим Зацырко. Он думает о том, как необходимы ему еще хотя бы два месяца для завершения работы. В итоге «...Вадим постановил для себя не мечтать о продлении жизни, не мечтать о выздоровлении... а сжаться, работать и оставить людям после себя новый метод поиска руд.

Так, искупив свою раннюю смерть, он надеялся умереть успокоенным» (III, 217).

Вадим и в больницу долго не ехал, стремясь довести свою работу до конца, и не заглядывая в будущее. Сходные чувства испытывает в романе «По ком звонит колокол» Джордан: «Для меня это уже не так важно, поскольку мост будет взорван»⁷.

Оба героя понимают, что от смерти не уйти и надо это как-то принять: «Перед смертью, перед пантерой смерти... уже прилегшей рядом, на одну койку с ним⁸, Вадим, человек интеллекта, должен был найти формулу — как жить с ней по соседству? <...>

А верно было — признать статистику: что кому-то надо умирать и молодым. Зато умерший молодым остается в памяти людей навсегда молодым. Зато вспыхнувший перед смертью остается сиять вечно. <...> Ждала его Галка в экспедиции и мечтала выйти за него замуж, но и на это он уже права не имел, и ей он уже достанется мало.

Он уже никому не достанется.

Такова цена, и платить сполна. <...> Он тоже ведь готовился и обрѣк себя не брать, а отдать — но не по мелочам... а вспышкой подвига — сразу всему народу и всему человечеству!» (III, 216–217, 219).

Едва ли не самый важный пример человека перед лицом смерти — Ефрем Поддубев. Он человек примитивно приземленный, пекущийся только о том, где бы побольше заработать, о смерти и смысле жизни никогда не задумывался. Не желая признать, что у него рак, Поддубев вовремя не приехал на операцию, но болезнь не отступила, пришло время, когда «Ефрем Поддубев больше не мог себе врать и не врал. Он сознался, что у него — рак. <...>

Итак, что ж было прикидываться? За раком надо было принять и дальше — то, от чего он жмурился и отворачивался два года: что пора Ефрему подышать. <...>

Но это можно было только выговорить, а ни умом вообразить, ни сердцем представить... Как же это будет? И что надо делать? <...>

Вот тут его и замотало от окна к двери по пять часов в день и по шесть. Это он бежал искать помощи. <...>

...Но ничуть ему не становилось ясней, чем же надо встречать смерть. Придумать этого было — нельзя. Услышать было — не от кого. И уж меньше всего ожидал бы он найти это в какой-нибудь книге» (III, 90–91). Да и не читал Поддубев в жизни ничего, кроме брошюр по обмену опытом, и в больнице

⁷ *Он же.* По ком звонит колокол // Собр. соч. М., 1993. Т. 4. С. 124. Можно предположить, что геолога Зацырко и Джордана объединяет готовность пренебречь собственной жизнью ради целей разрушительных. Вадим хочет во что бы то ни стало завершить работу о методе поиска руд с помощью радиоактивных вод; вероятно, и руды, которые ищет Зацырко, радиоактивны, то есть необходимы для производства ядерного оружия.

⁸ Умирающему герою «В снегах Килиманджаро» в последнюю минуту чудится, что смерть — гиена, что навалилась на его походную койку и придавила его.

не стал бы читать, если бы не подсунил ему Костоглотов «синюю книжку»: «Целую жизнь он прожил, а такая серьезная книга ему не попадалась <...>

Еще вчера заметил Ефрем такое название: «Чем люди живы?» До того это название было вылеплено, будто сам же Ефрем его и составил. Топча больничные полы и думая не назвав, — об этом самом, он ведь и думал последние недели: чем люди живы? <...>

Как будто что в него вошло и повернуло там. И где раньше были глаза — теперь глаз не было. И где раньше рот приходился — теперь не стало рта»⁹ (III, 92–93). В предшествующей жизни, когда бросал женщин, если б кто-нибудь стал ему доказывать, что он плохо поступает, удивился бы, «а вот по этой чудной книге так получалось, что Ефрем же во всем и виноват» (III, 94).

В гораздо меньшей степени, чем Поддуев, судит себя умирающий герой «Снегов Килиманджаро». У Хемингуэя некогда сильный и талантливый, но совершенно опустошенный человек продает себя богатой женщине, которая его любит. В поисках сильных впечатлений они едут на охоту в Африку; от какой-то пустынной царापины у героя начинается гангрена. В предсмертном полузабытьи припоминается ему вся жизнь, все, что было и что могло быть, но не сбылось. Не написана главная книга — о войне, о бессмысленной жестокости, неоправданных потерях, бездарном командовании... Герой сознает, что во всем виноват сам. Он загубил талант, «не давая ему никакого применения, загубил изменой самому себе и своим верованиям, загубил пьянством... ленью, сибаритством и снобизмом, честолюбием и чванством, всеми правдами и неправдами... вместо того чтобы применять его, он торговал им»¹⁰.

Когда в «Раковом корпусе» Костоглотов рассказывает о случаях самоисцеления, не кто-нибудь, а Поддуев произносит: «Для этого надо, наверно... чистую совесть» (III, 121). Он мужественно начинает судить себя и понимает, что пришла заслуженная расплата. Недаром позже Поддуев вспомнит слова заключенного-мальчонки, у которого он отказался засчитать не до конца выполненную работу: «И ты будешь умирать, десятник» (III, 178; ср. в романе Хемингуэя «Прощай, оружие»: «...от расплаты не уйдешь»).

Так, став перед судом своей совести, Поддуев вырастает во весь свой человеческий рост. Он не только прокручивает свою жизнь, но хочет, как и Шулубин, несмотря на бесплодность прожитой жизни, чем-то остаться после смерти.

А что потом? «Хоть что-нибудь свое пронести бы через смерть. <...> И четыре удара втолковывали ему: Умер. — Ефрем. — Поддуев. — Точка. Умер. — Ефрем. — Поддуев. — Точка.

⁹ Нет ли здесь отголоска пушкинского «Пророка»? Человеку накануне смерти под действием «книги» становится видно, слышно, понятно, что недоступно остальным — «и он к устам моим приник» и «открылись вещи зеницы».

¹⁰ Хемингуэй Э. Снега Килиманджаро // Собр. соч. Т. 2. С. 294.

И так без конца. И сам про себя он стал эти слова повторять. И чем больше повторял, тем больше отделялся от самого себя, от Ефрема Поддубова, обреченного умереть. И привыкал к его смерти, как к смерти соседа. А то, что в нем размышляло о смерти Ефрема Поддубова, соседа, — вот это вроде умереть бы было не должно» (III, 179). (Подобное проговаривает Шулубин: «осколочек Мирового Духа» не должен исчезнуть — III, 404.)

Нечто похожее чувствует и герой Хемингуэя Гарри, которого, как бы бездарно он ни растратил жизнь, не оставляет надежда на милосердие («Снега Килиманджаро»). Уже в агонии у него появляется своеобразное представление о бессмертии: ему кажется, что самолет, которого, рассчитывая на помощь, так ждала его жена, наконец прибыл. Гарри уже на самолете, но вместо того чтобы лететь в направлении города, где героя должны спасти, летчик направляет машину в сторону ослепительной снежной вершины Килиманджаро, и умирающий понимает, что именно туда он должен прибыть, что именно там-то его и ждет Бог (западная вершина Килиманджаро, как сказано в эпиграфе, на языке племени масаи — «дом Бога»¹¹). («В доме Отца моего обитателей много» — Ин. 14: 2).

Возвращаясь к разговору Нержина с Рубиным о людях и быках, стоит вспомнить признание Хемингуэя: он занялся изучением боя быков, потому что больше всего в жизни его интересовала смерть, и именно смерть насильственная. Хемингуэй сближает искусство матадора с искусством театральным. Он говорит, что бой быков — это не спорт в англосаксонском понимании, а Трагедия; в отличие от актера матадор, исполняя роль, имеет партнером смерть и ставит на карту жизнь.

Писательская судьба Солженицына всегда строилась по законам «полной гибели всерьез» — писать в лагере и в ссылке было нельзя, писатель заучивал наизусть сочиненное, после ссылки тщательнейшая конспирация — любая строчка могла грозить приговором. После выхода «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицын приступает к созданию «Архипелага ГУЛАГа». И тут преследование начинает грозить не только автору, но и всем тем, кто помогал ему — материалами, перепечаткой, хранением, передачей. На этом фоне может не показаться такой уж странной переключка в сюжетах «Ракового корпуса» и романов Хемингуэя «Прощай, оружие» и «Фиеста (И восходит солнце)».

Олег Костоглотов приезжает в ташкентскую больницу почти умирающим. В 13-м — «раковом» — корпусе больницы Костоглотов проходит курс облучения, ему назначают серию инъекций — гормонотерапию. Опухоль начинает сокращаться, у Костоглотова появляются шансы на выздоровление, но лечение и его продолжение грозит лишить его возможности по настоящему любить женщину, завести семью («продолжить себя»), порой

¹¹ Там же. С. 342.

ему кажется, что это «хуже смерти». Прочитав о последствиях химиотерапии, он отказывается от уколов.

Обстоятельства и персонажи, изображенные в связи с этой темой, как будто повторяют сюжетную линию романа «Фиеста (И восходит солнце)». Герой «Ракового корпуса» может оказаться неполноценным мужчиной, как и — получивший на войне тяжкое ранение — хемингуэевский Джейк Барнс. При этом, как и Барнс, Костоглотов способен на большое чувство. И он то «крутит» с медицинской сестрой Зоей (герой «Фиесты» также знакомится с Брэт в госпитале), то понимает, что по-настоящему любит Веру Гангарт, что сюжетно соотносится с другим романом Хемингуэя — «Прощай, оружие», где Фредерик Генри во время войны встречается в госпитале с Кэтрин Баркли — старшей сестрой. Кэтрин, как и Вега, потеряла на войне жениха и до встречи с героем ощущает себя заживо погребенной¹².

Две эти линии объединены в «Раковом корпусе», и, наверное, не случайно героиня романа произносит: «Мелко плавает Хемингуэй» (III, 292).

Наконец, и Хемингуэй, и Солженицын обращаются к теме соотношения жизни и смерти человека с Началом Божественного творения и с концом света.

И тут, говоря о переключках Хемингуэя и Солженицына, нельзя не выделить радикальных расхождений. Сам Хемингуэй и его герои принадлежат к так называемому потерянному поколению. От ощущения бессмысленности жизни они пьют, кидаются на поиски приключений и не видят никакой перспективы.

Жизнь героев Хемингуэя проходит в соответствии со словами Екклесиаста, взятыми эпиграфом к роману «Фиеста (И восходит солнце)» — «*Род проходит, и род приходит, а земля пребывает* вовеки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется; к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь»¹³. Остается только земля — людей и все остальное «пожирает» Гольфстрим, прекрасный и безучастный, который был еще до сотворения человека и продолжает оставаться неизменным после индейцев, испанцев, британцев, американцев и всех кубинцев...

Образ вечного потока как символического воплощения вечного повторения («ничего нового не будет») для Хемингуэя особенно важен: это поток, «в котором все, что существует в человеческой жизни, страдание и жесто-

¹² «Он был очень славный. Я должна была выйти за него замуж, а его убили... его убили, и теперь все кончено», — рассказывает она о погибшем женихе (*Хемингуэй Э. Прощай, оружие* // Собр. соч. Т. 2. С. 196).

¹³ *Он же. Фиеста (И восходит солнце)*. С. 25 (курсив мой. — А.Б.-П.)

кость... нищета и богатство... жертвы и мученики... все тонет и растворяется, теряя всякое значение так же, как пустые презервативы наших больших страстей, перегоревшие лампочки наших открытий, пальмовые ветви наших побед вместе с ученическими тетрадами... пробками, перегоревшими лампами, дохлыми крысами»¹⁴.

Кончается цитируемый Хемингуэем в эпитафии фрагмент Екклесиаста: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем».

Напротив, герои «Ракового корпуса», и прежде всего Костоглотов, отчетливо приходят к пониманию смысла жизни и даже смерти. Олег, несмотря на его болезнь и страшную судьбу, умеет сопереживать чужому горю, надежен способностью деятельной любви.

Демка относится к Олегу как к старшему брату — к нему можно обратиться со своей заботой, посоветоваться. По просьбе Демки и чтобы доставить тому радость, Костоглотов идет в зоопарк и пишет с вокзала открытку. В разговоре в больничном саду он старается поддержать Шулубина, а после операции заглядывает к нему в палату и пытается хоть как-то облегчить его мучения: «Алексей Филиппыч, будете жить! Держитесь, Алексей Филиппыч!» (III, 404). Накануне выписки Олег разговаривает с нянечкой Елизаветой Анатольевной, высланной «как социально вредный элемент» из Ленинграда в 1935-м — муж ее арестован, и она уже давно не имеет от него никаких известий. Елизавета Анатольевна объясняет, почему читает только «старые французские романы» и не может читать русских: «...все литературные трагедии мне кажутся смехотворными по сравнению с тем, что переживаем мы» (III, 401). Обращенные к ней слова Костоглотова (и его мысли о Елизавете Анатольевне) полны сочувствия и понимания: «Значит, сынишка в ссылке родился? <...> И теперь на вашу зарплату надо его поставить, а на высшую работу не берут? Везде попрекают? <...>

Жили бы в одном городе — он мог бы этой женщине чем-то помочь. Сына направить» (III, 400, 403).

Наиболее радикально Костоглотов отличен от хемингуэевских людей потерянного поколения в последних главах, особенно — в «Первом дне творения». Противопоставление тем отчетливей, что сперва выписавшийся из больницы герой, как раз словно человек из потерянного поколения, торопится наверстать все, чего был лишен и во время болезни, и раньше — на фронте, в лагере, в вечной ссылке. Он ест шашлык, пьет вино, покупает мороженое, думает идти к Веге, фактически назначившей ему свидание, у него в кармане еще и адрес Зои. Он заходит в универмаг, но именно тут спохватывается: «...куда ж делось то чистое розовое утро, обещавшее ему совсем новую прекрасную жизнь? <...>

¹⁴ Hemingway E. Green hills of Africa. P. 126–127.

Где ж разменял он сегодня свою цельную утреннюю душу? В Универмаге... Ещё раньше — пропил с вином. Ещё раньше проел с шашлыком» (III, 420).

Слыша от Елизаветы Анатольевны о равнодушии людей к бедам других, «пока не трахнет нас самих», о том, что нынешние писатели не пишут о страданиях, «что переживаем мы», Костоготов начинает испытывать стыд, «что выше памирских пиков вознес он эту пытку» — свою мужскую несостоятельность. «...Что надо женщине от мужчины? не меньше — чего? Как будто на одном этом заострилась жизнь. Как будто без этого не было на его родине ни мўки, ни счастья.

Стыдно стало, но и спокойней гораздо» (III, 401, 402).

В этом разговоре, а сразу следом в эпизоде с Шулубиным выясняется, что чужие беды смывают с Костоготова свою. Он как будто выходит на совсем другой, предначертанный ему высокий путь, путь забвения себя и любви к ближнему. В результате читатель начинает угадывать в Костоготове автобиографического героя, видит воплощенное в нем стремление Солженицына писать правду о чужом горе и страданиях.

На этом пути никто не застрахован от ошибок — ни человек вообще, ни конкретный Олег Костоготов: «В первое утро творения — кто ж способен поступать благорассудно?» (III, 406). Хотя в «довеске» жизни «он хотел бы теперь перестать ошибаться» (III, 409). Выбранный путь самоотречения труден, не свободен от соблазнов: к примеру, Олег «безстыдно» засматривается на фотографии девушек в витрине, в трамвае к «беленькой» студентке «его прижало всем телом... он чувствовал всю её» (III, 413, 437).

Он не свободен от колебаний. Выбравшись из универмага, где купил всего-то уют для друзей по ссылке, он чувствует, что так устал, словно целый день покупал и покупал «суетные вещи»¹⁵, так что хочется ему лечь где-нибудь у речки и «очиститься» (III, 420, 421).

И хотя с самого начала затаенно ему больше всего хотелось к Веге как к самому близкому человеку в городской вселенной, он понимает, что ехать к ней — это значит идти на обман и требовать от нее больше, чем от себя. «Нет, надо быть мудрее девчѣнки. Надо ехать на вокзал» (III, 438).

Недаром на пути самоотречения он сталкивается с человечностью, то есть устройством мира по заповеди Христа, в самом неподходящем для того месте — в комендатуре. У коменданта «очень приятный радушный голос», он не в форме, а в костюме, ведет себя с Олегом подчеркнуто добродушно и расположено («подобного тона Олег отроду в НКВД не слыхивал»), что вызывает у того ответную благожелательность. Комендант как будто торопится сообщить, что «скоро это всё кончится. <...> Отметки. Ссылка. Ко-мен-дан-ты!» (III, 434–435). Именно здесь Олег удивляется себе, «как неблагодарен человек».

Главным для Костоглотова становится благодарность Богу, творящему вновь целый мир как будто для него одного. Хотя предпоследняя глава названа «Первый день творения», но в ней перед Олегом как будто в сжатом до предела виде проходят все шесть дней творения.

Выйдя из больницы, первое, что он видит, — «молодой зеленеющий мир». Он поднимает голову и видит небо, на котором еще не видно солнца, облака «черезо все небо» — «лишь для немногих, запрокинувших головы, может быть — для одного Олега Костоглотова» — и «ладья ущерблённого месяца». «Это было утро творения! Мир сотворялся снова для одного того, чтобы вернуться Олегу: иди! живи!» (III, 405–406). Этот Новый мир диаметрально противоположен хемингуэевскому, где, по словам Екклесиаста, «нет ничего нового под солнцем».

Но уже здесь появляется предзнаменование того, что мир, создаваемый для Костоглотова, — это не мир любви мужчины и женщины — «чистая луна была — не молодая, не та, что светит влюбленным» (III, 406). Ева не будет создана из «ребра» Олега. Вега останется для него «чудом духовности» (как антилопа Нильгау в ташкентском зоопарке). Чуть позже, войдя в чайхану, он обращает внимание на то, что здесь не бывает женщин, и задумывается: «Всё было ново для него в этом первом дне новой жизни, всё надо было понять. Собираясь отдельно, хотят ли мужчины этим выразить, что их главная жизнь идёт и без женщин?» (III, 409; ср. сборник рассказов Хемингуэя «Мужчины без женщин» («Men without women», 1927)).

Зайдя в аптеку, Костоглотов видит множество предметов, которые, может быть, и видел когда-то в «вольной жизни», но «сейчас затруднялся назвать или вспомнить, для чего они», ему на глаза попадают «травы в пакетиках с объяснением их действия. В травы Олег очень верил...» (III, 414). В контексте главы о «творящемся заново мире» здесь опять можно вспомнить первую главу книги Бытия: «И произвела земля зелень, траву. Сеющую семя по роду ее» — день четвертый. В шестой день «и сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле». Наконец, во второй главе «Господь образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей». Тут вспомним, как Олег отправляется в зоопарк и читает таблички на клетках животных. Однако одна из клеток — с табличкой «макака-резус» — пуста. «А в объявлении, наспех написанном и приколотом к фанере, говорилось:

“Жившая здесь обезьянка ослепла от бессмысленной жестокости одного из посетителей. Злой человек сыпанул табака в глаза макаке-резус”.

И — хлопнуло Олега! <...> Как будто это ему в глаза насыпали!» Его поражает и сила слова: «Больше всего простотою ребёнка хватало написанное за сердце. Об этом неизвестном, благополучно ушедшем человеке не сказано было, что он — антигуманен. О нём не было сказано, что он — агент

американского империализма. О нём сказано было только, что он — *злой*. И вот это поражало: зачем же он просто так — *злой*? Дети! Не растите злыми! Дети! Не губите беззащитных!»

Костоглов замечает: «Уж было объявление прочтено и прочтено, а взрослые и маленькие стояли и смотрели на пустую клетку» (III, 424–425). Возможно, и не так, как героя, но и окружающих, оказывается, пронзает чужая боль.

Костоглов идет из зоопарка, потрясенный словами о просто «злом человеке». Не сопоставимо ли это с повестью «Старик и море», где Сантьяго доконали акулы, но не о морских же хищниках идет речь.

В финале «Ракового корпуса» Костоглов чувствует и мыслит иначе, чем предписывает набор комплексов обделенного человека потерянному поколения. Хоть и выходит Олег в апреле из больницы «на довесок жизни» (после того как он, как ему представляется, «умер в январе»), но он выходит как новое высокое творение Бога (новый Адам?). С первых шагов открывается ему для него одного созидающийся новый мир, где герою дано соприкоснуться с божественными творениями всех дней, встретить цветущий урюк, который напечалит его о Рождестве («Как в комнате северного дома стоит украшенная елка со свечами...», «Чудо было задумано и чудо нашлось»), и отсюда символично выстроится путь самоотречения, отказа от близости с женщиной ради любви к ближнему, сочувствия, сострадания. Сам Солженицын, выйдя из ташкентского «ракового корпуса», приносит свою жизнь в жертву писательскому служению, которое и для его героя есть единственная возможность деятельного отклика на боль сотен тысяч таких, как Елизавета Анатольевна.

Эпиграфу к роману Хемингуэя «По ком звонит колокол» (взятому из медитации Джона Донна: «Человек не остров сам по себе, а часть суши») предшествуют слова: «Все люди, все человечество — творения одного автора и составляют один фолиант. Когда один человек умирает, глава из книги не бывает вырвана, она пересказывается (переводится) новыми лучшими языками, и каждый человек должен быть так переведен... и потому колокол, который звонит перед службой, призывает не только священника, но всех прихожан, всех нас...»¹⁶

Именно так — не колоколом даже, а набатом — прозвучали солженицынские «Архипелаг ГУЛАГ», «В круге первом», «Раковый корпус», где, кроме прочего, слышен и диалог с прозой Хемингуэя.

¹⁶ Donne J. Meditation 17 // The Norton anthology of English literature / ed. M.H. Abrams. 6-th. ed. N.Y.; L., 1993. Vol. 1. P. 1123 (пер. мой. — А.Б.-П.).

Л.И. Сараскина

«ОБУСТРОЙСТВО» ПРОТИВ «ПЕРЕСТРОЙКИ»

*Идейный конфликт 1990-го
глазами художника и власти¹*

Вырвавшись на простор центральной печати, «Архипелаг ГУЛАГ» обрушился на мир как лавина: главы печатались в «Даугаве», «Волге», «Литературном Киргизстане»; полностью книга ожидалась в «Советском писателе», и несколько других издательств боролись за право печатать всё, немедленно, хоть бы и одновременно, и всем вместе. Солженицына же не покидало ощущение: как такой текст может легально читаться в СССР? Казалось, сотрудники КГБ должны отрядами ходить по домам подписчиков и отбирать у них эти полтора миллиона книжек.

Но СССР уже был другим: никто по домам не ходил и ничего не отбирал. Старый агитпроп на партсобраниях еще пел свою прежнюю песню: «В печать просочились произведения врага нашего строя Солженицына» — а в стране бушевала «эпидемия» журнальных публикаций. В 1990 году «Новый мир» печатал роман «В круге первом» и повесть «Раковый корпус», «Звезда» — «Август Четырнадцатого», «Наш современник» — «Октябрь Шестнадцатого», «Нева» — «Март Семнадцатого», «самое петроградское сочинение», уведомляя заодно, где появятся «Август...» и «Октябрь...».

Дальше — больше. Слово вылетело, обрело плоть, да и поезд шел вразнос. Опасно полыхали пожары перестройки — национальные волнения, конфликты на Кавказе, в Средней Азии, Прибалтике с участием войск и применением оружия. Обнажились катастрофы с землей, водой, едой; все громко трещало и обваливалось. В Рязани или Вологде местные держиморды еще могли выгнать с работы учительницу за вольные разговоры на уроке литературы о Платонове, Набокове, Оруэлле, — а Солженицыну шли сотни писем от сотрясенных читателей «Архипелага...», и намечались переводы его на узбекский, армянской, грузинский языки. Летом 1989-го вся страна неотрывно, две недели подряд, сидела у телевизоров и смотрела Съезд народных депутатов — и то, как говорил А.Д. Сахаров о

¹ Доклад на семинаре отдела по изучению наследия А.И. Солженицына 3 октября 2012 года в ДРЗ. — *Ред.*

преступной войне в Афганистане, и каким драматическим было его столкновение с орущим залом: «Горжусь своей ссылкой в Горький за критику этой позорной авантюры, извиняться мне не в чем». Президиум Съезда во главе с Горбачевым не мог унять злобствующих депутатов; обвинитель Сахаров под стоячую овацию скандировал лозунг «Держава — Коммунизм — Родина».

А преданный Горбачеву помощник А.С. Черняев, получивший в те месяцы от «своих» прозвище «последний редут», писал в дневнике 3–21 января 1990 года: «Я все больше прихожу к тому же (с моим-то опытом, в котором вся жизнь и политика упирается в Горбачева): пока он не сбросит с себя “коммуниста, верного социалистическим ценностям”, перестройку ему больше не двинуть, ибо общество далеко ушло от этой концепции, а “партия” цепляется за нее, чтобы тянуть все назад — к социализму без Сталина и репрессий, к “тому самому”, что был “в основном построен”... Кстати, Ельцин заявил, что он баллотируется в Верховный Совет РСФСР и хочет стать ее президентом! Думаю, что он встанет на этот путь. А Горбачеву этот пост в России уже не доверяют! Вот так: Ельцин будет пожинать плоды великого исторического поворота, которому все — и мир, и Россия — обязаны Горбачеву... И везде рушится комдвижение. Новая, новая эра наступит... Решительнее, смелее надо уходить от стереотипов ленинизма — иначе останемся в хвосте мировой истории. А Горбачева еще прочно держат за фалды “страхи” из прошлого. Он скорее инстинктом и душой рвется на новые просторы, а разумом не охватывает всего... или боится “делать выводы” — политические»².

На что же и на кого же опирался Горбачев в этот опаснейший момент? Ближайшие к нему люди делали безрадостный вывод: народ не может простить ему пустых полок и беспорядков, перестроечные партийцы — лицемерных объятий с Лигачевым; интеллигенция — заигрывания с националистическими силами. И все они вместе видели, что Горбачев утратил чувство управляемости процессами, не знает, куда идет, и не очень понимает, что происходит. «Даже мне, пропитанному политикой, хочется спрятаться от жизни и носить пистолет в кармане в качестве опоры душевного успокоения» (А.С. Черняев). И общая стратегия горбачевской гласности слишком напоминала Высочайший манифест Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка», когда в октябре 1905 года он вроде бы дал стране свободу, но хотел, чтоб ею пользовались по его усмотрению. Большевики сразу объявили Манифест обманом и призвали все левые силы его игнорировать.

² Черняев А.С. Совместный исход: Дневник двух эпох, 1972–1991 годы. М.: РОССПЭН, 2010. Здесь и далее дневник А.С. Черняева цит. по: URL: http://www.gwu.edu/~nsarchiv/rus/text_files/Chernyaev/1990.pdf (дата обращения: 13.08.2013).

С самого начала перестройки резко обострились межнациональные отношения. Уже с 1986 года наблюдаются столкновения между группами молодежи в Якутске, массовые беспорядки на улицах Алма-Аты, есть убитые, тысячи раненых. Применены войска. События в Алма-Ате — сигнал о том, что дружба народов, триумф ленинской национальной политики, трещит по швам. В 1987-м манифестации крымских татар, требования автономии, манифестации в Прибалтике, демонстрация в Нагорном Карабахе. В 1988-м — дальнейшее обострение кризиса в Нагорном Карабахе. Митинги в Баку, погромы и резня в Сумгаите, забастовки в Степанакерте. В Вильнюсе провозглашено образование «Саюдиса». Огромная демонстрация в Риге против нахождения Латвии в составе СССР; забастовки в Армении, митинги и блокада аэропорта в Ереване. Власть издает указы о неотложных мерах по наведению порядка, в ответ — митинговый марафон в Прибалтике, Азербайджане, Армении. Начинается национальное движение в Молдавии. Горбачев в новогоднем обращении к народу убеждает, что все идет по плану, что начинается второй этап политической реформы, и обещает гармонизацию межнациональных отношений. Это обещание будет повторяться из года в год. 1989-й: требования суверенитета в Молдавии, многодневные митинги в Грузии под лозунгами «Долой Российскую империю!», в Тбилиси направлены войска, проходит спецоперация, 16 человек погибли. Горбачев призывает учиться работать в условиях демократии. И опять обостряется ситуация в Нагорном Карабахе. Литва принимает Декларацию о суверенитете республики. Начинаются столкновения на национальной почве в Узбекистане, в Фергане, столкновения в Казахстане, усиление сепаратистских настроений в Молдавии, Литве, Латвии, Грузии, Азербайджане, где уже вовсю говорят о праве на собственную государственность. Республики Прибалтики объявляют незаконным свое присоединение к СССР. Политбюро сознает, что в ряде республик уже не владеют обстановкой. Начинают задумываться о законе, предусматривающем право на выход из СССР.

Горбачев предлагает новый Союзный договор, обновление Федерации и настаивает, что надо в качестве выхода из положения крепить единство КПСС, полагая, что как раз коммунистическая партия есть интегрирующий фактор. Очень скоро выяснится, что это фундаментальная ошибка Горбачева.

На дерзких московских митингах о Горбачеве говорили теперь как о «заходящей звезде, свет которой еще чуть-чуть виден на Западе». Как больно все происходящее напоминало сцены из «Красного Колеса». И Черняев записывает: «Солженицын “Март 17-го”. Газеты, газеты. Вот сегодня в “Комсомолке” за 22 марта — о распаде комсомола. На TV видно, как общество-то рушится... А на Пленуме ЦК хватаются за идола прошлого. Лигачев требует в Устав: цель — коммунизм! И устроил на Политбюро истерику, что опять не

учли его предложение (записали лишь “коммунистическую перспективу”). Поразительная вещь: журналы, даже газеты, даже TV полны умных рассуждений о сути и судьбах марксизма, социализма, ленинизма... А этой серости во главе КПСС с теоретической подготовкой ВПШ образца 50-х годов на все наплевать. “Коммунизм — цель”. “Марксизм-ленинизм” — идейная основа партии! И ты хоть лопни. А ведь в Политбюро таких... да все, кроме двух, трех! Но оно определяет дух политики. Оно».

В приватном разговоре с Черняевым Горбачев признавался, что обычно, читая настоящую талантливую вещь, увлекается не сюжетом, а языком, словом и часами может думать над одной фразой. Черняев: «Я ему говорю по этому случаю: тогда вы Солженицына должны любить... У него не только в каждом слове, а в пространстве между слов — глубина и тайна русского смысла. Молчит Горбачев. Не читал ни “Октября 16-го”, ни “Марта 1917-го”».

12 июня 1990 года Верховным Советом СССР был принят закон «О печати и других средствах массовой информации», в котором прямо говорилось, что «цензура массовой информации не допускается»³. По новому закону предварительная цензура рассматривалась всего лишь как услуга, оказываемая Главлитом на добровольной и безвозмездной основе. Печать и информация уходили из-под власти партаппарата, ощущавшего теперь полное свое бессилие. «Записка Идеологического отдела ЦК КПСС о неотложных мерах по укреплению партийной печати» от 2 апреля 1990 года была тревогу: «Принципиально меняется ситуация, в которой предстоит работать КПСС, ее комитетам и организациям, партийной прессе. Принятие Закона о печати и других средствах массовой информации, становление многопартийной системы требуют пристального учета политической перспективы, оперативных упреждающих действий. Идущий в обществе процесс усиления независимости Советов от партии неизбежно скажется на изменении существующей структуры печати, особенно городской и районной. Пока эти газеты являются органами партийных комитетов и местных Советов народных депутатов. Однако в условиях многопартийности и при соответствующем изменении состава депутатского корпуса местные Советы могут взять городские и районные газеты полностью под свой контроль. Это означает, что райкомы, горкомы КПСС окажутся без своих печатных органов»⁴.

Расширение гласности лишало компартию огромного пласта той печати, которая управлялась парторганизациями и влияла на формирование общественного сознания. ЦК КПСС, за подписью Горбачева, в оперативном

³ См.: Закон «О печати и других средствах массовой информации». Верховный Совет СССР. 12 июня 1990. № 1552-I (ВВСС 90-26) // URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_37800.html (дата обращения: 13.08.2013).

⁴ См.: Пресса в обществе (1959–2000): Оценки журналистов и социологов. Документы. М.: Изд-во Моск. школы политич. исследований, 2000. Цит. по: URL: <http://evartist.narod.ru/text25/001.html> (дата обращения 13.08.2013).

порядке принимал неотложные меры по спасению партийной печати, в том числе и за счет рекламно-коммерческой деятельности партийных изданий. Низовым партийным изданиям разрешалось до 50 процентов газетной площади отводить под рекламу — общественную, бытовую, семейную, событийную и иную. При разумном подходе, полагал генсек, внимание к коммерческой стороне дела не только не должно нанести ущерба содержательным, идейно-нравственным моментам, но, напротив, должно повысить возможности гуманизации партийной прессы.

Но тогда эти «неотложные меры» казались спасением утопающих. В центральные газеты взамен старых, застойных кадров направляли «прорабов перестройки» — но почти всегда это тоже были люди, проверенные работой в высоких партийных структурах. Так, в марте 1990-го главным редактором «Литературной газеты», которой в течение 26 (!) лет (1962–1988) руководил А.Б. Чаковский, неумолимый гонитель Солженицына, стал Ф.М. Бурлацкий, в послужном списке которого была и деятельность в отделе ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями соцстран, и участие в авторском коллективе «Морального кодекса строителя коммунизма» (1961), и серьезное сотрудничество (политический обозреватель) с газетой «Правда». Но — Ф.М. Бурлацкий, в отличие от старой гвардии, не был догматиком и с готовностью поступался коммунистическими принципами во имя нового мышления.

Факт тот, что в апреле 1990-го «Литературная газета» и ее новый главред «с запоздалым бесстрашием» (А.И. Солженицын) обратились в ЦК КПСС с ходатайством о восстановлении гражданской и юридической справедливости в отношении изгнанника. В январе 1990-го вернули советское гражданство М.Л. Ростроповичу и Г.П. Вишневецкой — они ответили твердо: не вернемся раньше Солженицына. И добавили: он, конечно, вернется, только когда с него снимут гнусное звание изменника родины, за что тогда полагался расстрел! Человек, перед которым все мы должны преклониться, — и с этим тавром! Немыслимо!

В середине августа «Известия» опубликовали сообщение о возвращении гражданства 23 эмигрантам. В списке значились: В. Аксенов, Г. Винс, Г. Владимов, В. Войнович, М. Восленский, И. Геращенко, И. Глаголев, А. Карягин, Л. Копелев, В. Корчной, Ю. Новиков, Ю. Орлов, Р. Орлова, О. Рабин, И. Ратушинская, И. Резметс, Н. Руденко, А. Солженицын, Н. Солженицына, В. Тарсис, В. Чалидзе, И. Шахназаров, И. Шелковский.

Трудно было не удивиться Солженицыну, обнаружив и себя в этом списке. Во-первых, почти все из перечня уехали по своей воле, через ОВИР, и были *эмигрантами*, в то время как он был *изгнанник*. Во-вторых, помимо лишения гражданства, он был обвинен по пресловутой 64-й статье, которая продолжала на нем висеть. В-третьих, его вышвырнули за границу через арест и депортацию, и извинений за это насилие ему никто не принес.

Половинчатое восстановление в правах не должно было сбить с толку. За годы изгнания ни один представитель власти не вступил с ним в контакт ни в какой форме — ни письменно, ни устно, ни прямо, ни через посредников. Значит, до тех пор, пока прокуратура СССР не снимет обвинение и Президиум Верховного Совета не выразит ясного отношения к указу от 13 февраля 1974 года о выдворении, нечего и разговаривать о возвращении гражданства. Но власть не собиралась публично признавать свои ошибки. «Всегда двусмысленный и нерешительный, Горбачёв не мог отважиться на такой шаг... На это — Горбачёв идти не хотел, не пошёл»⁵.

Солженицын и на расстоянии двух океанов чувствовал горбачевскую нерешительность и его всегдашние колебания. Но оказывается, тут было еще и упрямство, и непреклонность. Черняев: «Горбачев и здесь опоздал. Это надо было сделать два – два с половиной года назад, когда такую акцию приписали бы ему лично. А сейчас уже никто не видит в этом его заслуги. Да и в самом деле, это результат самой логики времени. Он ей положил начало, но с ним ее уже не связывают. Между прочим, мы (я, Шахназаров, Яковлев, Арбатов) давно приставали к нему с Солженицыным, еще когда Политбюро было в форме и в силе. А он на ПБ говорил: никогда! хотя сам много раз учил нас никогда не говорить “никогда”».

Кажется, теперь генсеку было вообще не до Солженицына. Гласность, вызвав необратимую цепную реакцию, сметала всё на своем пути. Сложилась опасная ситуация, которая случается на скользкой дороге, — неуправляемый занос. Справиться с ним, особенно неопытному водителю, очень трудно. Когда машина выходит из-под контроля и становится совершенно неуправляемой, только везение может спасти рулевого. Горбачеву явно не везло, и его государственную машину заносило вбок с пугающей скоростью. 1 мая на Красной площади демонстранты освистали генсека, обругали КПСС и режим: «Кремлевский Чаушеску», «Из Политбюро — на тюремные нары». Черняев: «Исторический день... Впервые на площади митинг, а потом шествие, но с требованиями и предупреждениями вместо “ура, да здравствует”. После того как сошла первая, официальная волна демонстрантов, на площадь ввалилась вторая волна “московских клубов избирателей” с лозунгами “Долой Горбачева”, “Долой КПСС — эксплуататора и грабителя народа”, “Долой социализм”, “Долой фашистскую красную империю”, «Свободу Литве”, “Партия Ленина, прочь с дороги” и т.п. Горбачев и другие стали спускаться с Мавзолея под улюлюканье и хохот, сопровождаемые криками: “Позор”, “Пошляки”. Красную площадь покрыл оглушительный свист. Вот такая ненависть... Горбачев звонил мне вечером, ругался: хулиганы, мурло».

⁵ Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2003. № 11. С. 66. (Ч. 4, гл. 14.)

Власть, которую публично освистывают во время праздничного парада, была обречена — вблизи это виделось яснее ясного. Эмоции «обкомовского происхождения» помочь уже не могли. Как не могла помочь серая пена старой партийной риторики, которой перестройщики во главе с Горбачевым пытались прикрыть прорехи перестройки. Как ничем уже не мог помочь гнев архитектора перестройки на средства массовой информации, которые, во-первых, «распоясались» и не выказывают никакого уважения Президенту страны, во-вторых, злорадно транслируют поразительную неблагодарность советских людей Горбачеву и, в-третьих, свидетельствуют, что единению народа с руководством наступил конец.

И снова та же самая навязчивая параллель: «Дочитал в “Неве” очередную порцию “Март 1917-го” Солженицына. Прямо-таки хрестоматия о том, как происходят революции. И очень все похоже. Думаю, мы приближаемся к русскому 1791 году!.. Очень все напоминает то, о чем пишет Солженицын про 1917 год» (Черняев).

Плоды гласности, умноженной на нерешительность и попытку усидеть на двух стульях, неумолимо настигали автора перестройки. Визит Горбачева в Китай (май 1989) спустя 30 лет после поездки Хрущева, попытка нормализации советско-китайских отношений драматически совпали с массовыми антикоммунистическими выступлениями молодежи, которые были подавлены китайской армией 3 июня на площади Тяньаньмынь. Массовое бегство граждан ГДР в ФРГ, тяжелые беспорядки в Восточной Германии, крах репрессивного режима Э. Хонеккера привели к падению Берлинской стены. Бесславный конец социалистических режимов в Восточной Европе дал старт окончательной десоветизации Польши, Венгрии, Румынии, Германии, Болгарии.

И еще весной 1989-го, в дни выборов народных депутатов СССР, возник вопрос об отмене идеологической и политической монополии КПСС, то есть 6-й статьи Конституции СССР. В ней значилось: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу. Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма. Все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР».

Борьба за отмену 6-й статьи союзной Конституции шла в острых прениях умеренного крыла сторонников перестройки во главе с Горбачевым и радикалов (Межрегиональная депутатская группа), требовавших полного и немедленного уничтожения советской политической системы. Рупором

радикалов стали журнал «Огонек», газеты «Московские новости», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты». В результате бурной полемики, массовых митингов и прочих акций протеста, а также призывов к всеобщей политической забастовке монополия КПСС была отменена, и отныне 6-я статья Конституции звучала в свободной редакции: «Коммунистическая партия Советского Союза, другие политические партии, а также профсоюзные, молодежные, иные общественные организации и массовые движения через своих представителей, избранных в Советы народных депутатов, и в других формах участвуют в выработке политики Советского государства, в управлении государственными и общественными делами». С сентября 1989 года в вузах СССР перестали преподавать марксизм-ленинизм. Принятый в октябре 1990-го закон «Об общественных объединениях» по факту признал возникшую в стране многопартийность.

И хотя уже был учрежден пост президента СССР и его занял Горбачев, в затылок ему дышал радикальный политик Б.Н. Ельцин. В 1987 году он резко выступал против маятника перестроечной политики, критиковал членов ЦК КПСС, за что впал в немилость. В 1988-м он вновь обвинил Политбюро в бездеятельности и множественных ошибках. В 1989-м был избран народным депутатом СССР по Московскому округу; в 1990-м — народным депутатом РСФСР. Когда в мае 1990 года на выборах главы Верховного Совета РСФСР Горбачев доказывал, что Ельцин не достоин быть избранным на этот пост, его вроде и слушали — однако Б.Н. победил в первом же туре. Новый глава Верховного Совета заявил, что Россия будет самостоятельна во всем, ее решения должны быть выше союзных. Так началась война суверенитетов, в поединке сошлись два лидера — Горбачев и Ельцин, и это противостояние лишь усилило хаос в стране.

2

2–13 июля 1990 года прошел XXVIII съезд КПСС. Ему суждено будет стать последним — уже в следующем году КПСС упразднят вместе с СССР. Накануне съезда Горбачев собрал свою команду в резиденции Ново-Огарево и разоткровенничался — в том смысле, что жизнь одна и ее не жалко отдать за что-то стоящее, что он ни о чем не жалеет: раскачал такую страну. «Кричат: хаос, полки пустые! Партию развалил, порядка нет! А как иначе? История иначе не делается. И как правило, такие большие повороты сопровождаются большой кровью. У нас пока удалось избежать ее. И это уже колоссальное достижение. И весь мир теперь размышляет в духе нового мышления. Это что? Так себе? И все ведь — к человеку, все в русло цивилизаторское. А дефициты и полки пустые переживем. Колбаса будет. Ругают, клянут! 70 процентов аппарата ЦК и самого ЦК против меня, ненавидят. Не делает это им чести: если

поскрести — шкурничество. Не жалею ни о чем и не боюсь. И на съезде не буду ни каяться, ни оправдываться» (Черняев).

И пока Горбачев выступал в американских университетах, где его называли великим человеком, уникальным деятелем и большим мыслителем, пока он упивался аплодисментами и восторгами студентов и политиков, в Москве на крестьянском съезде выступал Лигачев и уже открыто называл президента СССР предателем, развалившем страну и социалистическое содружество. Слова, что он, Лигачев, будет бороться за коммунизм до конца, тоже тонули в аплодисментах. И в то же самое время от писателей, театральных деятелей и нечиновных коммунистов шли в Кремль телеграммы и звонки — индивидуально и целыми организациями люди хотели выйти из компартии. Поступали сведения, что творческие союзы собираются скопом избавиться от партийных билетов. Независимая пресса публиковала заявления своих сотрудников, что в РКП они не пойдут. Встречаясь с ультралевыми и национал-патриотами, Горбачев уже привычно выслушивал их грубости, сносил махровые оскорбления, но пытался и с ними находить общий язык, предавая при этом всех, кто бросался его защищать. Помощники умоляли его оставить пост в партии, доказывали, что выход из партии для него означает быть выше всех партий, а значит, свободным от нападков и оскорблений.

Разница между тем, каким он был *там*, и каким оказывался *здесь*, была огромна — *там*, в Европе и в Америке, он мог позволить себе искренние слова, политические фантазии, блестящие экспромты. *Здесь* он ловчил, поминутно пятился назад и тащил, будто свою кожу, красный идеологический шлейф. Встречаясь с рабочими, говорил: «КПСС — это партия рабочих. Идеология ее — от рабочего класса». Его сторонники пребывали в полной растерянности. В официальных докладах говорил одно, а под угрозой забастовок и под давлением левых опять вспоминал о «социалистическом выборе». Агентура КГБ доносила с мест, что Нобелевская премия мира для Горбачева (он был удостоен высокой награды в октябре 1990-го «в знак признания его ведущей роли в мирном процессе, который сегодня характеризует важную составную часть жизни международного сообщества») оценивается большинством населения негативно. Влиятельнейшая британская газета «Таймс» писала о нем: «Превозносимый в мире и проклинаемый у себя дома». И в самом деле: лауреат получал десятки писем и телеграмм крайне обидного содержания: «Господин Генеральный секретарь ЦК КПСС, поздравляю с премией империалистов за то, что Вы завалили СССР, продали Восточную Европу, разгромили Красную армию, отдали все ресурсы Соединенным Штатам, а средства массовой информации — сионистам». Или: «Господин нобелевский лауреат, поздравляем Вас за то, что Вы пустили свою страну по миру, что добились премии от мирового империализма и сионизма, за предательство Ленина и Октября, за уничтожение марксизма-ленинизма».

...В течение десяти дней выступления делегатов XXVIII съезда сводились к бессмысленным лозунгам «дать отпор», «призвать к ответу» и клятвам в верности учению Ленина. «Скопище обезумевших провинциалов и столичных демагогов. Настолько примитивный уровень, что воспринять что-то, кроме ВПШ'овского “марксизма-ленинизма”, они просто не в состоянии. Все иное для них предательство. В лучшем случае — отсутствие идеологии... Масса жаждет крови, требует заслушивать каждого члена ПБ, чтоб превратить съезд в экзекуцию» (Черняев). Стенографический отчет занял семь томов, пять тысяч страниц печатного текста. Редкие здравые выступления о необходимости спасти не партию, а народ и государство тонули в трескучей партийной риторике. Горбачев же в отчете съезду говорил о революционном рывке во всех сферах жизни. От имени редакционной комиссии предлагалось принять политическую резолюцию КПСС, в которой бы решительно осуждались участвовавшие нападки на Ленина и его учение. Активная защита «вождя мирового пролетариата» от циничной клеветы и шельмования вменялась каждому коммунисту и каждому честному человеку как их священный долг. Качели раскачивались все сильнее.

Внутренние разногласия на съезде были столь сильны, что утвердить новую программу компартии не удалось. Кризис в партии также был столь глубок, что сторонники реформ уже не хотели ассоциировать себя и свою политику с КПСС. Когда 12 июля 1990 года Ельцин заявил о выходе из КПСС, одна часть Кремлевского дворца съездов взорвалась аплодисментами, а другая осуждающе зашумела и засвистела. Однако рейтинг Б.Н. неуклонно рос, опережая рейтинги и Горбачева, и Рыжкова, и Бакатина, и Шеварднадзе. Основатель и главный редактор еженедельника «Аргументы и факты» В.А. Старков, опубликовавший результаты опроса, выгодного не для Горбачева, а для Ельцина, чуть не поплатился должностью: в иные моменты «Горби» начисто забывал, что сам дал прессе свободу слова.

Все видели, насколько он одинок и изолирован — после выступлений к нему уже никто не подходил и ничего не спрашивал: нобелевский лауреат одиноко шел за кулисы в сопровождении своего охранника. Его жалели уже публично — в газетах и на телевидении, повторяя всякий раз, как это печально, когда приходится жалеть главу государства. Ельцин, перехватывая инициативу, везде, где это у него получалось, обращался к согражданам с призывом: «Давайте спасать то, что еще можно спасти в России, над которой провели такой недобросовестный эксперимент».

Однако несмотря на глубокий системный кризис внутри партии, Горбачев был переизбран генеральным секретарем партии на второй срок. Одновременно стали создаваться альтернативные партии, независимые от КПСС. Под шумок, как это и бывает всегда, происходила номенклатурная приватизация — ее планы не декларировались и не обсуждались на съездах и пленумах. Ее цель — растворить недвижимость и денежные ресурсы КПСС в

сети коммерческих структур, управляемых доверенными лицами на правах собственников, — достигалась тихо и только между «своими». Гостиничные комплексы, виллы, дачи, санатории, гаражи, издательства, типографии, административные здания, загородное хозяйство — все это передавалось на баланс неких акционерных обществ и совместных предприятий за бесценок. В странах со льготными налоговыми законами, в офшорных зонах всего мира КПСС создавала АО, переводя на их счета деньги из бюджета СССР. За короткий срок были созданы тысячи СП и АО со смешанным капиталом на миллиардные суммы в рублях и долларах. В печати появятся шокирующие данные: к моменту распада СССР «ум, честь и совесть эпохи» развалила бюджет страны, наделала долгов на 86 млрд. долларов, вывезла из страны сотни тонн золота⁶.

Позже аналитики признают 1990 год трагичным и для страны, и для Горбачева. Великая и благородная идея — избавить страну от сталинизма и тоталитаризма, построить справедливое общество «с человеческим лицом» — оказалась несбыточной мечтой. Гласность, в которую с невиданным азартом бросилось общество, развязала мощные протестные силы, которые слишком долго копились и потому, может быть, устремились к хаосу и разрушению. Идеологические качели, которые Горбачев применил как технологию управления, полагая, что быть одновременно и с «вашими», и с «нашими» — это значит быть сразу со всем народом, себя не оправдали: первый президент СССР лишился доверия и уважения всех групп населения. Оказалось также, что реформировать тоталитарный строй в формате «шаг вперед, два шага назад», сохраняя старые кадры и старые лозунги, невозможно.

В жесткой советской системе атрофировались возможности саморазвития; закосневшие методы и способы управления, привычные «правила игры» с партийной риторикой и монополией на руководство всеми сторонами жизни работали только на самосохранение. Горбачев на своем опыте проверил слова Ленина о том, что только самоубийцы, взяв власть, готовы разрешить свободу печати и свободу слова — трагедия перестройки подтвердила иезуитскую правоту этого тезиса. Коммунистический порядок изначально был несовместим со свободой слова — замечу, это понятие так и не вошло в риторикку перестройки. Сохранить однопартийную систему, при этом разрешив обществу свободную рефлексию на самого себя, оказалось невозможным: режим яростно сопротивлялся преобразованиям, становясь их непримиримым врагом. Горбачевский лозунг «КПСС — авангард перестройки» оказался опаснейшей иллюзией: партийный монолит был самым большим тормозом реформ. Очень скоро об этом напишет Солженицын, понимая, что

⁶ См. об этом, напр.: Галух А. Десять лет назад на последнем в истории съезде КПСС Борис Ельцин вышел из партии // Факты и комментарии. 2000. 12 июля; URL: <http://fakty.ua/111040-desyat-let-nazad-na-poslednem-v-istorii-sezde-kpss-boris-elcin-vyshel-iz-partii> (дата обращения: 13.08.2013).

проверенного рецепта избавления от ленинско-сталинского коммунизма у человечества не имеется. «БЛИЖАЙШЕЕ. Часы коммунизма — своё отбили. Но бетонная постройка его ещё не рухнула. И как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его развалинами»⁷.

3

На этом лихорадочном, чреватом большими бедами политическом фоне глава правительства РФ И.С. Силаев 18 августа 1990 года обратился к писателю через «Советскую Россию» (ту самую, что кряду два десятилетия изливала на него мутные потоки) с письмом-приглашением приехать в Россию в качестве его *личного гостя*. «Обращаясь с этим письмом к Вам, великому сыну народа русского, я руководствуюсь прежде всего нашей общей любовью к многострадальной российской земле и ее народу. Вы в своих произведениях на весь мир произнесли Слово о России, ее судьбе в жестоком и беспощадном XX веке... Обновление России, возвращение ее к истинным человеческим и духовным ценностям — вот наша цель. Мы знаем, что это — и Ваша цель... Вы не будете связаны по приезде сюда никакими обязательствами, касающимися Вашей дальнейшей судьбы. Программа же Вашего путешествия будет названа Вами, а моя миссия заключается в оказании Вам содействия»⁸.

Солженицын воспринял это письмо как плохо скрытую политическую игру — ельцинская сторона пытается разыграть его карту против Горбачева. Надо ли ему, писателю, ввязываться в крутую и склочную политику, ведь в системе властных отношений, как ему виделось, ничего не изменилось. Если отдаться целиком политике — надо ехать немедленно, размышлял А.И. «И толкаться на московских митингах? на трибунах между Тельманом Гдяном и Гавриилом Поповым?.. Я политическую роль сыграл в то время, когда глотки были совсем одиноки. А теперь, когда их множество?..»⁹

Ответ был передан через ТАСС сразу нескольким центральным газетам и появился в «Комсомольской правде». «Для меня немисливо быть гостем или туристом на родной земле — приехал и уехал. Когда я вернусь на родину — то чтобы жить и умереть там. В свой возврат я верил и в самые безнадежные годы... Вы пишете, что моё “слово дошло нынче и до нашей родины”. Отнюдь нет. Тормозят отчаянно. “Архипелаг ГУЛАГ”, книгу о наших миллионных страданиях, продают только на валюту в гостиницах для иностранцев да в

⁷ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию?: Посильные соображения // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхн.-Волж. кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 538.

⁸ См.: Советская Россия. 1990. 18 авг.

⁹ Солженицын А. И. Угодило зёрнышко.... С. 67. (Ч. 4, гл. 14.)

“берёзках”. Это ли не издевательство? Да простому человеку никаких моих книг не достать и в Москве, что ж говорить о широких просторах, которые и *есть-то* Россия?.. Я не могу обгонять свои книги. Десятилетиями оклеветанный, я должен стать понятен моим соотечественникам, и именно не в одной столице, но — в провинции, но в любом глухом углу»¹⁰.

Высказывая слова благодарности главе российского правительства, Солженицын призывал очистить Русский Общественный Фонд от клеветы, снять судимости с его сотрудников, а сам Фонд легализовать. «Так — я не поехал в момент наивысших политических ожиданий меня на родине. И уверен, что не ошибся тогда. *Это было решение писателя, а не политика.* За политической популярностью я не гнался никогда ни минуты»¹¹. В стране найдется совсем немного людей, кто, во-первых, поверит «решению писателя, а не политика», а во-вторых, поймет его и одобрит.

В ответе Солженицына И.С. Силаеву, опубликованном в «Комсомольской правде» (24 августа) и в «Советской России» (25 августа), были и такие строки: «Болями нашей страны я и живу всегда. И как раз сейчас окончил статью: мои посильные (и сколько мне доступно извне) соображения о нынешнем состоянии страны и возможных и необходимых мерах, как я их понимаю. Вот неизвестно, “найдётся ли бумага” в СССР для дешёвого и массового издания этой брошюры»¹².

«Советская Россия», оставаясь на ортодоксальных коммунистических позициях (ее, в память о письме Нины Андреевой, называли «вечной Ниночкой» и рупором ультралевых сил), этого абзаца как будто не заметила и откликнуться не пожелала. А вот «Комсомольская правда» (с 1 декабря 1990 года она перестанет быть органом ЦК ВЛКСМ и превратится во «всесоюзную ежедневную газету») вычитала из ответа Солженицына будоражащую новость: писатель только что закончил публицистическую работу о нынешнем состоянии страны. В тот же день, 24 августа, в Вермонт позвонил В.А. Фронин (с 1986 по 1988 год заведующий отделом ЦК ВЛКСМ, с 1988 по 1995-й главный редактор «Комсомольской правды») и предложил немедленно издать статью массовым тиражом 22 млн. экземпляров при цене номера — 3 копейки. Газета отважно приняла статью — не читая, по одному только имени автора. Тут же взялась за дело «Литературная газета», тоже не читая и не зная содержания. Трудно было вообразить более льготный для автора и более демократичный для читателя режим публикации.

В ситуации, когда в стране все уже обваливается, Солженицын начинает работать над статьей, которую назовет «ОБУСТРОЙСТВОМ». Ухо человека,

¹⁰ Он же. Ответ главе Российского правительства // Солженицын А.И. Публицистика. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. Т. 3. С. 345.

¹¹ Он же. Угодило зёрнышко... С. 67. (Ч. 4, гл. 14.) Курсив мой. — Л.С.

¹² Он же. Ответ главе Российского правительства. С. 345.

пишущего, говорящего и думающего на русском языке, в состоянии уловить разницу между ПЕРЕСТРОЙКОЙ и ОБУСТРОЙСТВОМ.

По Далю, перестройка сродни ломке: «Перестройки да ломки хоть кого разорят»; «На всякую перестройку кладу вполтину больше против сметы».

Устроить — приводить в порядок, улаживать. ОБУСТРОИТЬ значит создать необходимые условия для обеспечения чего-либо; сделать пригодным для пользования, охватить устройством целое, закончить дело, завершить процесс всеохватно. В слове «пере-стройка» отчетливо слышен радикализм процесса, в «об-у-стройстве» — улаживание последствий радикализма.

Проект «обустройства» был выдвинут против проекта «перестройки» и ее уже очевидных губительных последствий. Радикализм деклараций и нерешительность в их осуществлении осознавался как вдвойне опасный.

В конце августа готовый набор статьи «Как нам обустроить Россию?: Посильные соображения» (Солженицын работал над ней все лето) был отослан в Париж, в «УМСА-Press», второй экземпляр набора «живьем» отвезли в Москву родственники писателя. 18 сентября 1990 года работа вышла в «Комсомольской правде» и в «Литературной газете», тираж которой составлял более 4 млн. (статья была сверстана на четырех страницах газеты в виде 16-страничной брошюры). Общий тираж вместе с «Комсомольской правдой» приближался к 28 млн. экземпляров. Гонорар за свою статью Солженицын перечислил в пользу жертв Чернобыля. У Солженицына было ощущение большого сделанного дела, но он не сомневался, что последует и «большой хай».

Еще в февраля 1990-го он записал: «Каждый день, каждый вечер и утро по-новому разбираю, перекладываю, гадаю: мой долг и мои возможности по отношению к происходящим в России событиям. Ясно, что мое разъяснение Февраля практически опоздало: уже тот опыт никого не научит к нынешнему Февралю. (Но хоть написано будет о Девятьсот Семнадцатом! Кто б это *сейчас* взялся потратить на то 20 лет?) А зато я опоздал к событиям сам? А — что б я там сейчас изменил? много ли сделали Блок или Бунин в 1917? И даже Льва Толстого, доживи он до Семнадцатого, — кто бы в той суматохе слушал? Короленко же не послушали. Моё место — заканчивать мои работы. Когда-то раньше, в тюрьмах, мне представлялся конец коммунизма как великое сотрясение, и сразу новое небо и новая земля. Но это было в самой сути невозможно, и стало вовсе невозможно после того, как коммунистическая система прогноила все тело нашей страны... А пути — все равно надо искать»¹³.

Он полагал, что программная работа о современной России после прорыва «Архипелага...» должна быть услышана. Мысли — как может строиться Россия на выходе из коммунизма — копились у него десятилетиями и уходи-

ли корнями в послевоенные тюремные камеры, в споры 1945–1946 годов¹⁴. При этом он — издали — видел, что Россия переживает период как будто и гласный, но еще далеко не свободный. Многие проблемы не вменялись ни в перестройку, ни в гласность; властная номенклатура, общество, миллионы читателей были не готовы к откровенному разговору «с последней прямой». «По приходящим публикациям видел же я, как, как боялись затронуть Ленина или большевизм *в целом*. Из писем в “Книжное обозрение” тоже выступали закоряченные обломки и даже массивы коммунистического воспитания. И вот надо было настаивать на преемственности *государственного* сознания, без чего невозможна мирная эволюция, — но отклонить же “преемственность” ленинской партийной власти. И надо было, пока не поздно, остеречь от безответственных черт парламентских демократий — но разве наших истосковавшихся и голодных людей напугаешь возможными пороками демократического общества? казалось им: дай только демократию! — и сразу наедемся, приоденемся, разгуляемся! Наконец, и сам язык статьи. Нельзя отдаться затрёпанному газетному языку, к которому уже так деревянно привык советский читатель политической литературы. Пишу сочнее и ярче, в духе того волнения, без которого нельзя говорить о сегодняшней советской обстановке, — и слишком увлёкся выразительностью лексики. “Мы на последнем докате” — настолько катастрофичным уже тогда казалось и мне, как многим, состояние страны, — я ещё не предполагал, какие же запасы развала нам предстоят»¹⁵.

Больше всего его тревожил — при маятниковых стратегиях Горбачева — уже вполне созревший и явственно видимый издали распад Советского Союза. Внутри страны эта тема, несмотря на колоссальные национальные противоречия, которые не спасала пресловутая «дружба народов» и «ленинская национальная политика», была почти что запретная: разговоры такого

¹⁴ «Прослушка», добытая «оперативным путем» в 1965 году у физика Н.И. Кобозева, зафиксировала мнение Солженицына о возможном распаде СССР. «Меня поражает, что либеральные русские люди не понимают, что надо расставаться с республиками, не понимают, что надо смотреть сознательно... Либеральные люди. Я им говорю, что Украина — всё, должно отойти. “Нет, нет”. Ну, Украина — спорный вопрос. О правобережной, безусловно, разговаривать даже не о чем, пусть идет. А в левобережной по областям надо делать плебисцит и разделить по количеству населения. Но какой разговор — Закавказье, Прибалтика! В первый же день хотите — кто куда хочет, ради Бога! Только решите вопрос по финансовым расчётам. Что нам предстоит? Это будет ужас, если начнется развал у нас на Западе, да еще совместится с центральным! Я вообще не знаю, что будет. Полный развал. Интересно, что армяне, как и грузины... Это республика, которая подвергается такому жестокому контролю, как и многие другие. Допустим, как Прибалтика или Украина. А вместе с тем она достаточно самобытна и может избрать полу-румынский путь. У армян есть течения, желание освободиться, как у румын» (Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М.: Родина, 1994. С. 10–11).

¹⁵ Там же. С. 62–63.

рода «разжигали национальную рознь», возбуждали социальную ненависть и приравнивались к экстремизму. Солженицын видел, что крушение Советского Союза необратимо и неизбежно; его волнение росло с каждым днем по мере того, как росла угроза обрушения Исторической России. «Однако поди предупреди — и власти, и общество, и особенно тех, кто мыслит державно, гордится мнимым могуществом необъятной страны. А ведь государственный распад грохнет ошеломительно по миллионам судеб и семей»¹⁶.

В предвидении развала он призывал думать вперед, чтобы предотвратить разорение людей и их быта, облегчить неизбежные перемещения, озаботиться выбором новых мест, получением жилья и работы. Нужно было не упустить из вида права тех людей, кто останется на старых местах. Он показывал, как бесплодно и бессмысленно потрачено перестроечное время, которое ничем, кроме гласности, не было ни обеспечено, ни застраховано от губительных разрушений. При всем этом статья-брошюра подавалась автором не как единственно верный рецепт, а как одна из возможных точек зрения, как посильные соображения — и с вопросительным знаком в заголовке («Комсомолка», с досадой замечал Солженицын, умудрилась обронить вопросительный знак, и это сильно меняло тон, вносило категоричность, которой в брошюре не было).

«Историческое событие! Всё сказал! Всё влил — и с какою силой!» — так оценил брошюру М.Л. Ростропович телефонным звонком из Вашингтона. Солженицын имел все основания надеяться, что его «посильные соображения» станут основой или хотя бы предлогом для широкого всенародного обсуждения. Такая дискуссия, если бы она и в самом деле полноценно состоялась, могла бы на деле проверить градус гласности, а также желание власти заглянуть в ближайшее будущее своей страны.

Но — не тут-то было. В своем дневнике Черняев зафиксировал любопытное наблюдение: «Солженицын: брошюра в “Комсомольской правде” и в “Литературной газете”. Разговор Игнатенко с М<ихаилом> С<ергеевичем> о Солженицыне: в истории останутся он... да В.И. Ленин уйдет, а вот вы оба там будете. Зачем мелочиться?!» Руководитель пресс-службы Горбачева В.Н. Игнатенко хотел, видимо, польстить своему шефу, поставив на одно призовое место в истории двух нобелевских лауреатов: «перестройщика» и «обустройщика». Но, как скоро даст понять Горбачев, им двоим в процессе реформирования России тесно: «обустройщик» в ней не помещается.

Во-первых, президент СССР яростно возмутился предсказанием автора брошюры о неизбежности распада СССР. Он публично выступил в Верховном Совете и заявил, что дважды, и очень внимательно, с карандашом в руках, прочел брошюру и был крайне разочарован: «Солженицын хотя и великий человек, но мне чужды его политические взгляды. Брошюра *нам* целиком

не подходит, со всеми ее мыслями». Во-вторых, он «изгнал» Солженицына не только из ближайшего будущего, но даже и из актуального настоящего. В-третьих, новым местом «ссылки» Горбачев назначил писателю прошедшее время, ибо тот «весь в прошлом». В-четвертых, назвавшись демократом и радикалом, Горбачев присудил Солженицыну тяжелую политическую статью — ибо тот «проявил себя монархистом». В-пятых, умело спровоцировал негативные выступления депутатов Верховного Совета из союзных республик. «В поддержку вождю выступили и два депутата-украинца, выразившие гнев “всего украинского народа” против моих братских инсинуаций, и один депутат-казах. В самом Казахстане бурней: в Алма-Ате демонстративно сжигали на площади “Комсомолку” с моей статьёй. И публично — этим и завершилось всё “обсуждение”»¹⁷.

Но и это еще не все. Предсказание (но ведь никак не мечта!) неизбежного распада СССР с пожеланием сохранить союз трех славянских республик и Казахстана побудило Горбачева не просто замять обсуждение, но и запретить — в духе прежнего монопольного права — какие бы то ни было публичные дискуссии в связи с «Обустройством». Солженицын знал наверняка, что «Комсомолке», «Литературке» и вообще всей прессе была дана команда не печатать отзывов на его брошюру, вообще ее не обсуждать и не напоминать о ней. Старый партийный прием замалчивания, который так хорошо был знаком Солженицыну по 1960-м и 1970-м, пригодился вновь, несмотря на все достижения гласности, допустившей в печать Оруэлла, Замятина и даже «Архипелаг...». Секретариат Горбачева пытался загладить «шероховатости». «От их имени главред “Комсомолки” Фронин позвонил к нам в Вермонт. Мнение секретариата: “Важно, чтобы Президент и великий писатель сохранили добрые отношения!” И — как же их *сохранить*, если ещё никаких и не было? “Да, но важно на будущее”»¹⁸.

Тем временем редакция «Комсомольской правды» успела сообщить автору брошюры, что приходят сотни писем и газета намерена печатать подборки из номера в номер. «Но лишь в одном-двух номерах проскочили густые, горячие, разнообразные читательские отзывы — и тут же оборвались. (Через два месяца, в конце ноября, обсуждения недосмотренно вдруг всплыли ещё раз и опять угасли.) Еще в декабре самодовольно надутый “Коммерсант” изрёк плоско-близорукую рецензию. (Месяцем позже дошли до нас отклики украинских газет — эмигрантских и советских. Слитно: бескрайняя ярость и непробивное невежество.)»¹⁹

Солженицыну было понятно, почему брошюра возмутила националистов-сепаратистов Украины и Казахстана — они ни в каком случае не же-

¹⁷ Там же. С. 64.

¹⁸ Там же. С. 67.

¹⁹ Там же. С. 64.

ляли оставаться в составе СССР. Русские националисты и большевики-державники, напротив, и слышать не хотели о предстоящем развале Империи. А депутаты-демократы, разгоряченные политической каруселью, вообще предпочитали об этом не думать: Империя, если и падет, то только завтра, а на митинг надо идти уже сегодня. Оставались миллионы простых читателей, подписчиков и покупателей газет, но никто не предлагал и не давал им высказаться печатно.

Тогда казалось, что многомиллионный тираж ухнул в бездну, провалился в бездонный колодезь. Выводы из этого громкого провала были очевидны. Горбачев со скрипом, но все же пропустил в печать «Архипелаг...», потому что это было советское прошлое. Ужасное, отвратительное, но прошедшее, отношения к которому он сам как будто не имел и своей вины в кошмарах ГУЛАГа не чувствовал. Брошюра же касалась самого что ни на есть настоящего, а также ближайшего будущего той страны, которой он руководил и как генсек, и как президент, — но речь в ней шла совсем не о тех путях возрождения, совсем не о тех основах построения жизни народа и государства, которые он декларировал. То есть Солженицын своим «Обустройством» вторгся в сценарий перестройки и подверг его серьезнейшей ревизии. Предрекая развал советской империи, он как будто бы выдергивал эту империю из-под президента, оставлял его без места и объекта власти. Именно в этом поле и были выстроены границы гласности — проект «Обустройства» перекрывал кислород проекту «Перестройки», которая, в свою очередь, вся была нанизана на старые партийные лозунги. Солженицын сказал об этом с присущей ему иронией: «*Лапа Партии по-прежнему лежала на Гласности*»²⁰.

И по-прежнему лапе партии, как это было при «развитом социализме», покорно повиновались СМИ: вся система агитпропа, при всей его перестроенной дерзости, вела себя когда надо послушно и подведомственно.

История с брошюрой показалась Солженицыну точно такой же, как и вообще вся перестройка: много шума вокруг да около, много звона и спецэффектов, но мало толку. При огромности тиража, при режиме наибольшего благоприятствования для печати — и такой скромный результат. Ему будто хотели сказать: у нас свобода, хотите напечатать свои размышления — пожалуйста; мы вас напечатаем не глядя и не читая (и не такое печатаем), но не надейтесь стать у нас властителем дум и строителем всеобщего счастья. Эти места уже заняты, эти должности давно разобраны, вакансий нет.

Вывод Солженицына был весьма горьким — одна из самых грустных страниц в «Зернышке»: «Прошли месяцы — получал я разрозненные письма от них (читателей. — Л.С.) в Вермонт (много писем в те годы и пропадало на советской почте). И кто писал с большим пониманием, а кто — с полным недоумением. А публично — почти и ни звука даже от тех заметных публици-

стов, журналистов, на кого не действовал запрет высказаться... А остальное *Общество*? Удивлялись и моим набатным предупреждениям, — с чего это я? И моей тщательной разработке государственных структур, — кому это сейчас нужно?.. Вот это равнодушие многомиллионной массы — оно ощутимо и ответило мне. В том, что я — за океаном, оторвался от реальной советской жизни? не толкусь там на митингах? Или в том, что со всем сгустком моего накопленного исторического опыта и красноречия — я пришёл со своим “Обустройством” слишком рано? Да, не опоздал, а — рано... Уже немало лет жил я с невесёлым одиноким чувством, что в тяжком знании забежал от соотечественников вперёд — и нет нам кратких путей объяснения. Между тем — вот это и была моя реальная попытка *возврата* на родину. Заодно и проверка — нужен ли я там сейчас? услышат ли меня? спешить ли вослед — развивать и воплощать сказанное? — Ответ был: нет, не нужен. Нет, не услышали. Государственные размышления — это что-то слишком преждевременное для нас»²¹.

Реальная попытка возврата на родину через аналитическую брошюру не удалась. Проверка на свою нужность стране в этот ее роковой момент дала отрицательный результат. Самый большой и глубокий вклад, который, как он полагал, он мог сделать в современность, был как бы и принят, но лежал без дела и движения: никто не захотел увидеть в «Обустройстве» спасительную национальную программу. Солженицын сопоставил два эпизода: 1973 год, когда он написал и отправил по инстанции «Письмо вождям...». Коммунистические вожди тогда не пошевельнулись, «свои» накинута с гневом, Запад — с насмешками. 1990 год — «Обустройство», и перестроечная власть без труда заглушила обсуждение, «свои» накинута с яростью, Запад — с насмешками (карикатуры в западной прессе изображали его в ленинской кепке — дескать, приехал спаситель на Финляндский вокзал со своими тезисами провозглашать очередную революцию).

Народ — безмолвствовал в обоих случаях.

Но если бы до писателя доходили те понимающие и сочувствующие читательские голоса тех, кто гласностью пользоваться не мог и высказывался приватно, он бы смотрел на случившееся не так мрачно. Его читали, над его сочинениями думали и цену им знали. Приведу фрагмент из дневника А.С. Черняева от 9 октября 1990 года. «Дочитал “Март 1917-го” Солженицына. Гениальное сочинение — всё предсказал. Думаю, у будущих поколений представление о нашей Великой революции будет формироваться по “Красному Колесу” Солженицына, как у многих поколений о войне 1812 года — по “Вой-не и миру” Л.Н. Толстого».

И вообще, все было не столь безнадежно: не все «свои» были горазды только на гнев и ярость. Осень 1990-го дала неплохой отечественный уро-

²¹ Там же. С. 65–66.

жай: в октябре Рязанский городской совет депутатов избрал Солженицына почетным гражданином Рязани — провинция училась действовать без санкций столицы. Писатель благодарил земляков, среди которых прожил 12 лет, и желал им мудрых решений, которые бы помогли и жить, и дышать. Но и столица не отставала — как будто хотела компенсировать писателю обструкцию при обсуждении его статьи. 11 декабря 1990 года Совет министров РСФСР единогласно постановил наградить Солженицына Государственной премией в области литературы и искусства за книгу «Архипелаг ГУЛАГ», о чем и сообщила газета «Советская Россия» в тот же день.

И в тот же день письмом на имя председателя Комитета РСФСР по государственным премиям лауреат от нее отказался. «Я считал бы немыслимым и невозможным принять государственную премию за эту книгу — при том, что большинство нашего народа ещё не имело возможности её достать и прочесть, её малые тиражи продаются на чёрном рынке по бешеным ценам. А тысячи и тысячи бывших ээков доживают свою жизнь или вообще без пенсии или на нищенской, так как каторжный труд в лагерях им не зачтён в трудовой стаж. При таких условиях — для всех них получение мной премии было бы горькой иронией. Но шире того: в нашей стране болезнь ГУЛАГа и посегодняя не преодолена — ни юридически, ни морально. Эта книга — о страданиях миллионов, и я не могу собирать на ней почёт»²².

Это — публиковать было можно; гласность позволяла. «Отказ от премии» был напечатан без промедления в «Известиях» и в «Советской России» и был перепечатан другими газетами без каких бы то ни было последствий.

4

И все же необходимо ответить на вопрос: была ли какая-то конкретная причина, из-за которой Горбачев решил употребить все свое влияние, чтобы в момент, когда цензуры в печати фактически уже не существовало (в конце декабря 1991 года будет принят закон РФ «О средствах массовой информации», прямо запретивший цензуру²³), добиться запрета на обсуждение «популярных соображений» Солженицына? Как именно они вредили (если и в самом деле вредили) перестроечным планам Горбачева?

Было бы несправедливо оставить в стороне проблему адресата брошюры Солженицына. Кого именно он подразумевал под местоимением «НАМ» — «Как нам обустроить Россию?» Кто эти «МЫ» в названии подглавки — «Мы на последнем докате»? Кто эти «НАС» в утверждении «Нет у нас сил на окраи-

²² Солженицын А.И. Отказ от премии за «Архипелаг ГУЛАГ» // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 3. С. 350.

²³ См.: Закон РФ «О средствах массовой информации» (Закон о СМИ). 27 декабря 1991. № 2124-1 // URL: <http://www.consultant.ru/popular/smi/> (дата обращения: 13.08.2013).

ны... Нет у нас сил на Империю!» Очевидно: местоимения первого лица множественного числа, которые употребляет Солженицын в своих «посильных соображениях», вряд ли могут относиться ко всем без исключения гражданам СССР, поставленным перед выбором своего пути. Солженицын это прекрасно понимает, исключая из совокупности потенциальных «обустройщиков» сразу несколько категорий населения: русских националистов, коммунистов, советских патриотов с их, допустим, ложным патриотизмом. «Я с тревогой вижу, что пробуждающееся русское национальное самосознание во многих доле своей никак не может освободиться от пространнодержавного мышления, от имперского дурмана, переняло от коммунистов никогда не существовавший дутый “советский патриотизм” и гордится той “великой советской державой”, которая в эпоху чушки Ильича-второго только изложила последнюю производительность наших десятилетий на бескрайние и никому не нужные (и теперь вхолостую уничтожаемые) вооружения, опозорила нас, представила всей планете как лютого жадного безмерного захватчика — когда наши колени уже дрожат, вот-вот мы свалимся от бессилия»²⁴.

Далее к перечню возможных противников «обустройства» автор добавляет также и тех, кто «попугайски повторяет “мы гордимся, что мы русские”», и тех, кто гордится победой в «советско-германской войне» (то есть в Великой Отечественной, как эту войну называли и продолжают называть в СССР большинство населения), и тех, кто, проживая в союзных республиках, не желает отделяться от России («оставшиеся» должны будут объявить о своем отделении сами, чтобы «не длить взаимное обременение»²⁵). Главными противниками «обустройства» Солженицын называет «номенклатурную бюрократию, многомиллионный тунеядный управительный аппарат, костенящий всю народную жизнь» и «гранитную громаду КГБ», которая «тоже не пускает нас в будущее»²⁶. А еще — «десятки тысяч образованцев», которые «огрязнены лицемерием и переметчивостью», и трубадуrows гласности, с их грязными устами, «которые десятилетиями обслуживали тоталитаризм», и всех уголовных преступников, и акул нарождающегося капитализма, «вращенных в мутном советском подводи», и православных иерархов, которые во дни всеобщей нищеты не спешат отказываться «от признаков богатства, которыми соблазняет власть»²⁷.

Всех тех, кто не хочет терять империю (пусть и по разным причинам), набирается очень и очень много. Ну, а как же власть? О действующей, реальной власти (то есть о президенте СССР М.С. Горбачеве) брошюра не упоминает, ибо речь здесь идет о власти ближайшего и недалекого будущего.

²⁴ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? С. 542.

²⁵ Там же. С. 548.

²⁶ Там же. С. 552–553.

²⁷ Там же. С. 566–567.

Брошюра намечает только рисунок приемлемого государственного строя: он должен вести не к вырождению народа, а к его расцвету, учитывать традиции и жажду устойчивого порядка, которому способствует постепенная демократия, которая строится снизу.

Можно представить себе, что чувствовал Горбачев, когда читал статью Солженицына. Ему в этот момент всего пятьдесят девять лет, это даже еще не пенсионный возраст, и он вовсе не геронтократ, кем еще совсем недавно были его несколько предшественников. Он полон сил и желания работать на своем посту — президента СССР. Он автор перестройки и инициатор гласности, которая как раз и дала шанс Солженицыну напечатать свои произведения на родине после двадцатилетнего запрета. Однако его существование как президента СССР полностью проигнорировано в статье, и его личность растворена среди всех тех групп «несогласных», которые в ней перечислены, — ибо он и коммунист, и номенклатурный бюрократ, и трубадур гласности с именем Ленина на устах, и советский патриот. Но даже не это главное.

А главное вот что: в те самые дни февраля 1990 года, когда Солженицын начинает обдумывать, в чем его долг и возможности по отношению к происходящим в России событиям, Горбачев проводит Пленум ЦК КПСС, где выработывается Платформа ЦК КПСС к XXVIII съезду партии: «КПСС считает необходимым развитие договорного принципа строения Союза»²⁸. То есть идет выработка приемлемого для всех Союзного договора, который ставит своей целью сохранение СССР. «Надо разработать проект Союзного договора и опубликовать его. И основательно, без спешки обсудить в прессе, в обществе — везде. В частности, и для того, чтобы все увидели, чем грозит народам выход из Союза»²⁹. Надо ставить вопросы так, убеждает он членов Политбюро, чтобы нейтрализовать желание уходить из СССР.

Трудно не увидеть, что намерения Горбачева по сохранению СССР были кардинально противоположны тому, что он прочтет в брошюре Солженицына уже через полгода.

Еще через месяц, на Третьем съезде народных депутатов СССР, Горбачев вновь настойчиво и горячо подтвердил свою приверженность целостности страны. «В последнее время возникла опасность распространения националистических, шовинистических и даже расистских лозунгов. С этим надо бороться беспощадно, применяя всю силу Конституции, законов страны»³⁰. Прибалтийские республики одна за другой объявляли свою независимость от СССР, а Горбачев призывал в Кремль их руководителей и убеждал от-

²⁸ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 5–7 февраля 1990. М.: Политиздат, 1990. С. 370.

²⁹ Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М.: Апрель-85, 1995. С. 95.

³⁰ Там же. С. 97.

казаться от политического безрассудства, напоминая об исторически сложившихся связях, дружбе и сотрудничестве народов (притом что генерал и народный депутат СССР В.И. Варенников предлагал везде где надо ввести чрезвычайное положение, прямое президентское правление, войска, чтобы «изолировать руководство», осуществив все это под предлогом обращения «патриотических сил»).

В апреле «Правда» опубликовала письмо М.С. Горбачева и Н.И. Рыжкова руководству Литвы о необходимости отмены решений, противоречащих Конституции. Риторика всех апрельских выступлений прямо отсылала оппонентов к опыту Ленина, который «допускал возможность федерации разного типа, с различным уровнем взаимосвязей между национальными образованиями, готовыми объединиться в союз»³¹. В том смысле, что такой союз не ущемлял бы ничей независимости, а создавал бы новый этаж, федерацию равноправных республик. Но кого в 1990 году убеждала апелляция к собранию сочинений В.И. Ленина?!

А летом того же года состоялся «парад суверенитетов»: РСФСР, Литва, Узбекистан, Молдавия, Украина, Грузия, Туркмения, Армения, Таджикистан. Полным ходом шел процесс провозглашения суверенитетов автономий в составе России; принимались решения об изменении (повышении) статуса автономных образований. В августе Союз Балтийских государств заявил, что не считает возможным участвовать в разработке Союзного договора. Б.Н. Ельцин, со своей стороны, всячески укреплял такую позицию, разъясняя, что надо поскорее разрушить вертикальный жесткий стержень и идти к развитию горизонтальных связей. «В том виде, в каком Советский Союз существовал до сих пор, он исчерпал свои возможности, — говорил Горбачев, выступая в августе в Одесском военном округе. — Но это не оправдание для его развала, сепаратизма, а побудительный мотив для глубокого его преобразования на новых началах. Народам страны предстоит принять решения, в полном смысле судьбоносные для живущих поколений советских людей, с огромными последствиями для будущих поколений. Подготовка нового Союзного договора идет широким фронтом и строится таким образом, чтобы были учтены все мнения и интересы, чтобы он был результатом глубокой научной, общественно-политической проработки»³².

«Комсомольская правда» и «Литературная газета» опубликовали брошюру Солженицына как раз в те дни — между двумя этапами «парада суверенитетов» — когда проект Союзного договора президент СССР направил для обсуждения в Верховные советы республик и когда Верховный Совет СССР принял закон, подтверждающий приоритет союзных законов над республиканскими. Именно эти документы, полагал Горбачев, должны всенародно

³¹ Там же. С. 103.

³² Там же. С. 111–112.

обсуждаться. Выступая на сессии Верховного Совета СССР, он сказал: «Пусть нас не пугают новоявленные борцы за суверенитеты... Народ надо еще спросить. На Украине это сделали в самые критические моменты, и не было меньше 70 процентов тех, кто высказывался за сохранение и обновление Союза. И так везде»³³.

24 ноября на всенародное обсуждение был вынесен Союзный договор, который готовился с величайшим трудом и который предусматривал создание Союза Суверенных Советских Республик — нового СССР. За неделю до 1991 года по инициативе президента СССР Четвертый съезд народных депутатов СССР принял постановление о проведении референдума по вопросу о союзном государстве. Вопрос ставился так: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, у которой будут в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности?» Ответ должен был быть однозначным: да или нет. Референдум состоится 17 марта 1991 года, в голосовании примут участие 80 процентов населения, и 76 процентов (113 512 812 человек) из них скажут «да». «Нет» скажут 21 процент.

На какой-то миг Кремлю показалось, что это победа. Солженицын же назовет референдум очередным беспомощным шагом Горбачева, нервическим поиском народной поддержки. «При расшатанной всей обстановке в стране — что мог весить, какую опору представить референдум? Как поверхностно провели его — так за полгода его результат и смысл»³⁴.

Тем не менее на фоне подготовки к референдуму статья Солженицына, естественно, была воспринята властями страны как карта из другой колоды, которая путает и портит всю игру. Можно было понять Горбачева: соображения и предложения Солженицына совершенно не вписывались в концепцию сохранения СССР, которая с таким трудом рождалась в Кремле. Понятно, почему генсек так яростно возмутился предсказаниями о неизбежности распада СССР; при этом он не запретил чтение и распространение брошюры, а пресек сколько мог ее обсуждение — ведь на повестке дня стояло обсуждение Союзного договора, за которым маячил референдум. Лапа партии лежала, как можно видеть, не на гласности как таковой. Длань президента лежала на попытке помешать продвижению Союзного договора.

«Публично — почти ни звука даже от тех заметных публицистов, журналистов, на кого не действовал запрет высказаться»³⁵, — сетовал, как мы помним, Солженицын. И все же серьезные публичные обсуждения его статьи имели место. Они проходили открыто — в аудиториях, актовых залах вузов,

³³ Союз можно было сохранить... С. 119.

³⁴ *Солженицын А.И.* Угодило зёрнышко... С. 68. (Ч. 4, гл. 14.)

³⁵ Там же. С. 65.

библиотеках научных учреждений в формате круглых столов. Другое дело, что попасть в печать им было действительно в тот момент непросто. Так, стенограмма обсуждения в интеллектуальном клубе Института философии АН СССР «Свободное слово» от 12 ноября 1990 года будет опубликована только в 2010 году, спустя 20 лет³⁶. «Воодушевлены, разочарованы, смущены» — так назовут публикацию ее участники, отражая в заголовке лишь малый спектр всех впечатлений.

Валентин Толстых, доктор философских наук: «Появление эссе А.И. Солженицына вызвало в мире самое противоречивое отношение — от восторгов до протестов. Все пять лет перестройки Солженицын молчал, не выражая своего мнения по поводу происходящих в стране изменений и процессов. Теперь “вермонтский отшельник” высказался — и что же? Одни его пророчеством воодушевлены, другие — разочарованы или по крайней мере смущены. Многих этот документ застал врасплох, вверг в состояние растерянности. И знаете — чем? Не конкретностью своих предложений по “обустройству России”, каковые замечены и довольно активно обсуждаются. А своей целостностью, всеохватностью, попыткой представить “русский вопрос” не только как национальный, но и общемировой вопрос. Это интеллектуальный вызов всей нашей, складывающейся на наших глазах и при нашем непосредственном участии “перестроечной”, весьма противоречивой и пестрой идеологии. Ценность этого документа-проекта в том, что он приглашает и позволяет подняться на новый уровень осмысления общественного процесса, происходящего у нас под именем “перестройка”, как выясняется сейчас, не очень-то определенного в своих целях и будущих очертаниях».

Вадим Межуев, доктор философских наук: «Как мне представляется, ведущей для Солженицына идеей, лежащей в основе всех его предложений, является идея национального возрождения России. Обвиняя коммунистов в том, что они насильственно свернули Россию с ее национального пути развития, вызвав тем самым небывалый моральный кризис общества, писатель видит ее спасение в возвращении к своим национальным корням и истокам. Главный вопрос, который ставит и решает Солженицын, — вопрос о том, что есть Россия как национальное образование и каким образом это национальное должно проявиться в ее политическом, экономическом и культурном устройстве. Национальный вопрос здесь решающий, определяющий все остальные, заключающий в себе как бы внутренний критерий всех возможных и желаемых преобразований. Но именно в выдвигании этого критерия на первый план и заключена основная трудность, поскольку процесс национального самоопределения России еще далеко не закончен в наши дни».

Кирилл Разлогов, доктор искусствоведения: «Какое это имеет отношение к тому, что происходит. Думаю, что косвенное, поскольку Россия много-

³⁶ Литературная газета. 2010. 15 сент. № 36.

кратно, со времен патриарха Никона, доказала свою способность противостоять попыткам, условно говоря, модернизации. Разбилась столыпинская попытка модернизации, разбилась октябрьская попытка что-то изменить, разобьется еще одна попытка. И каждый раз это превращается как бы в нечто новое, свое, но на той же самой базе. Если и нынешняя попытка модернизации разобьется, то мы должны исходя из этого текста признать, что у России нет будущего, что она обречена, что наше смутное время потряхнет ее и вместо четвертой части мира останется огромное количество мелких кусочков».

Леонид Греков, издатель: «Посильные соображения Солженицына не стыкуются с реальной жизнью. Возьмите, скажем, его рассуждение о том, что Россия должна разделиться. Почему? Чтобы не было перемеса, не было перемола национальностей, но ведь вся история России состоит из перемола и перемеса!»

Андрей Герасимов, кинорежиссер: «В эссе ярко зафиксирована сегодняшняя ситуация, но вызывают недоумение и разочарование попытки заглянуть в будущее, даже ближайшее будущее. Я думаю, что сегодня совершенно непродуктивно искать национальные корни глубоко в истории — кто где жил, чья земля исконная, чья нет... Солженицын так или иначе, по-своему аргументированно, обосновывает авторитарный способ управления, сохраняет иерархию республик, говорит о президентской форме власти».

Карл Кантор, кандидат философских наук: «Солженицын радуется распаду советской “империи” и призывает преодолеть “имперское мышление”. А я этому распаду радуюсь лишь постольку, поскольку он свидетельствует о пробуждении самостоятельности народов, но и опасаясь, предвижу бедствия для всех народов, если распад Союза дойдет до обособления каждой республики. Сепаратизм нарастает, он захватил и Россию — страну многонациональную, многоэтническую. Теперь от республиканско-национального сепаратизма дело дошло до этнического сепаратизма внутри республик. Даже малочисленные народы ставят вопрос не только о национально-культурной автономии, но и о самостоятельной государственности. Цепная реакция сепаратизма может вызвать цепную реакцию в автономных боеголовках ракет. Не попасть бы нам из огня да в полымя. Поэтому заявляю открыто, что я — “империалист” в том смысле, что считаю гибельным распад Советского Союза, который все называют “империей”. Слова гимна “Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь” не были полной неправдой. Сегодня мы обращаем внимание лишь на то, что на самом деле не вполне свободный и не вполне нерушимый. Но что великая Русь сплотила и что, получая нечто от сплоченных народов, она еще более дала всем им, — это ведь правда. Правда и то, что в нашей стране потерпел крах не коммунизм, а злая подделка под него, хотя даже и в ней вопреки заповедям в самих народных низах проявлялись черты коммунизма. Поэтому я не могу

согласиться с Солженицыным, который крушение тоталитарного строя в нашей стране отождествляет с крушением коммунизма».

Валерий Подорога, доктор философских наук: «Так называемая идея “имперского сознания”, которую тут защищают, меня просто потрясает. Я абсолютно не понимаю такой мотивации. Мы обсуждаем статью Солженицына и не обсуждаем ГУЛАГ? Статья на тему “обустройства России” заслоняет то реальное, единственное дело, которое сделал Солженицын. Проект, который мы обсуждаем, лично меня ни к чему не побуждает. У нас все осталось в том же виде. ГУЛАГ — вот наша проблема, а не обустройство России».

Абдусалам Гусейнов, доктор философских наук: «Если сейчас наша страна расколется на 15 или больше национальных частей, то открывающаяся перед ней перспектива весьма печальна. И аналогии здесь следует искать не в свободно объединяющейся Европе, а скорее в политически нестабильной и голодающей Африке. Кажется, Солженицын хорошо это понимает. Национальная идея стала в настоящее время самым мощным катализатором общественной энергии людей. Во всяком случае, она оказалась более значимой и реальной, чем религиозные и социальные идеи. Солженицын за то, чтобы разрушить коммунистический железобетон, но он очень обеспокоен, как бы всем не погибнуть под его развалинами. В соединении национальной идеи и идеи государства состоит, как я понимаю, одна из существенных линий программы Солженицына, ее социологическая и историческая глубина».

Игорь Масленников, кинорежиссер: «Я с восторгом воспринял сочинение Солженицына. Другое дело — его несколько архаичные предложения, ссылки на земства. Это трудно оценить, потому что я не знаю, что такое земства. Он, вероятно, отстал от нашей жизни, но как гений чувствует, нюхом чувствует главную нашу беду, то, что мы уже развалились. Поверьте, все уже развалилось. Сейчас самое время собирать, восстанавливать, заново строить и обустраивать».

Через год после этого обсуждения, в декабре 1991-го, после 69 лет существования, Советский Союз распадется на 15 государств. Споры об этом — то как о катастрофе, то как об освобождении из-под гнета — продолжаются, и им нет конца. Выплыли наружу, вскрылись все тяжелые последствия этого события и многие политические спекуляции вокруг него. В центре споров, естественно, остаются и «поисильные соображения» Солженицына, названные вроде бы архаичным для русского уха начала 1990-х словом «обустройство», которое мгновенно стало современным и рабочим.

НЕВИДИМКА «НОМЕР ОДИН»

Николай Иванович Зубов на Тарханкуте

*Вступительная заметка
и примечания Н.Д. Солженицыной*

Первое, что написал А.И. Солженицын в изгнании, без надежды на публикацию в обозримом будущем, — 14 очерков «Невидимок» (1974–1975). Больше ста тайных помощников населяют эти очерки, каждому из них кланяется автор с благодарностью и тревогой: «Сел писать эти страницы — и все вызываемые памятью мои соратники, сотрудники, помощники, почти все ещё живые и угрожаемые, обступают меня тёплыми тенями, вижу глаза и вслушиваюсь в голоса — внимательнее, чем это было в пылу сражения»¹. Первый очерк Солженицын посвятил Николаю Ивановичу Зубову. Больше трех лет, с марта 1953-го по июнь 1956-го, провели они бок о бок в ссылке в ауле Кок-Терек Джамбульской области на юге Казахстана. «Помощь Николая Ивановича в самые одинокие минуты моей разгромленной погиблой жизни и сочувствие приехавшей осенью Елены Александровны — были поток тепла и света, заменивший мне всё остальное человечество»². После роспуска политической ссылки Солженицын перебрался в среднюю Россию, Зубовы — в северо-западный Крым. Их дружба, встречи, переписка продолжались еще 18 лет, вплоть до изгнания Солженицына из СССР. Когда, еще 20 лет спустя, А.С. вернулся на родину, Зубовых он уже не застал — Елена Александровна умерла в марте 1976 года, Николай Иванович — в январе 1980-го.

Но живы люди, хранящие яркую память о Николае Ивановиче Зубове и его «Ласочке» Елене Александровне. В очерке об Н.И. в связи с драматической судьбой пьесы «Пир победителей» упомянута Ирина Валерьевна Куклина. Ее дружба с Зубовыми началась в 1965 году в Крыму. О ней и ее муже Анатолии Яковлевиче Куклине написал А.С.: «Полюбил я этих молодых. Совсем из другого поколения (“инфанты” закодировали мы их с Люшей), пришли они в моё литературное подполье, которому уже было четверть века, пришли всего на один эпизод, всего одну пьесу спасти — а не заплатят ли за то разорением жизни?»³

¹ Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 414.

² Там же. С. 406.

³ Там же. С. 413.

Тот «эпизод» разыгрался в 1970–1971 годах, но Ирине Куклиной суждено было, видно, спасти не только пьесу, которую Солженицын считал навсегда утраченной. Летом 2012 года И.В. сообщила мне, что обнаружила около 200 фотоотпечатков, сделанных Солженицыным, которые она получила от Н.И. Зубова в конце 70-х годов и о которых совершенно забыла (они обнаружили при последнем переезде). История этих снимков берет начало в Кок-Тереке, где Зубов и Солженицын вместе увлекались фотографией: «Едва мы с Николаем Ивановичем стали на “вольной” службе зарабатывать уже не лагерного масштаба деньги, мы, как два повзрослевших мальчика, осуществили свою давнишнюю мечту: купили по фотоаппарату»⁴. И позже, уже покинув ссылку, А.И. отовсюду посылал Николаю Ивановичу свои снимки. И.В. Куклина передала в архив Солженицына в Троице-Лыкове две коробочки из-под фотобумаги с черно-белыми фотографиями 6×9 см, всего 200 шт. На снимках — Кок-Терек, Мильцево, Рязань, Байкал, Ангара, Енисей, Ока, Кавказ, Владимир, Суздаль, Москва, Ленинград, Рига, Таллин, Тарту, Вильнюс, Михайловское, Тригорское, Псков, канал Москва — Волга, Углич, Переславль-Залесский. На обороте большинства отпечатков — карандашные пояснения рукой Александра Исаевича.

Получив этот драгоценный возвратный дар Николая Ивановича из рук Ирины Валерьевны, я попросила ее записать все, что она помнит о нем, Елене Александровне и общении с ними. И вот мы публикуем рассказ И.В. Куклиной.

Недавно набрела я в Интернете и на воспоминания свидетельницы жизни Зубовых в Крыму, тогда еще совсем юной. Ее впечатления так непосредственны и ярки, что я решаюсь предложить выдержки из них нашим читателям: это Ирина Хроль, девочкой бывшая в детском саду вместе с внуком Зубовых.

В 2003 году в симферопольском издательстве «Таврия-Плюс» вышла книга «Отношения сердец», где впервые была опубликована сохранившаяся часть переписки Николая Ивановича и Елены Александровны Зубовых. Книга вызвала большой интерес исследователей и читателей, обнаружилось много новых материалов, и вскоре вышло второе издание: Отношения сердец: Крымские герои произведений А.И. Солженицына / сост. С.Н. Пушкарев. Симферополь: Магистр, 2004. — 288 с.: ил.

⁴ Там же. С. 407.

И.В. Куклина

«ГЛЯДЯ НА ОДНУ И ТУ ЖЕ ЗВЕЗДУ...»

Судьба свела Александра Исаевича Солженицына с Николаем Ивановичем и Еленой Александровной Зубовыми¹ в ссылке, в Кок-Тереке, и они стали его добрыми друзьями и помощниками на долгие годы. Солженицын описал их в «Архипелаге», в «Раковом корпусе» (Кадмины) и в книге «Бодался теленок с дубом» (очерк «Николай Иванович Зубов»)². И герой его очерка выписан столь достоверно и с такой теплотой, что становится близок и интересен любому, даже и не знакомому с ним читателю. Что уж говорить о тех, кому судьба также подарила возможность подружиться с Н.И.

Моя семья начала посещать поселок Черноморское (бывшая Ак-Мечеть), где после ссылки поселились Зубовы³, еще в 1965 году. Первой поехала туда моя мама с почти трехлетней внучкой и с рекомендацией к Зубову от его друга и моего коллеги филолога-классика проф. Аристиды Ивановича Доватура, тоже сидельца ГУЛАГа которому Н.И. спас в лагере жизнь, устроив его медицинским статистиком⁴. Я же тем летом поехала на античные раскопки

¹ Зубовы — Николай Иванович (1895–1980), врач-гинеколог, многолетний сиделец ГУЛАГа (1942–1956) и его жена Елена Александровна (1903–1976), библиограф, в ГУЛАГе с 1943 по 1956 год.

² Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. III, гл. 6; Он же. Раковый корпус. Гл. 20, 22, 29, 34, 35; Он же. Бодался теленок с дубом. Невидимки. Очерк 1. Николай Иванович Зубов.

³ Черноморское — приморский поселок городского типа на западной оконечности Крыма, Тарханкутском полуострове. Историческое название — Ак-Мечеть, измененное в 1944 году после депортации крымских татар.

Зубовы уехали из Кок-Терека на два года позже Солженицына: «При советских порядках и всякому человеку стронуться с места — гири мешают, а какво бывшему ээку — да не реабилитированному?.. Ээка и вовсе никто нигде принимать не хочет. Долгая переписка, запросы, — наконец согласились дать доктору Зубову место в Ак-Мечети (теперь Черноморском) — захолустном посёлке в северо-западном голом Крыму. В 1958 стронулись и со всеми тяготами поехали» (Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом. С. 409).

⁴ Доватур Аристид Иванович (1897–1982), филолог-классик, историк, исследователь греческой эпиграфики, римской историографии, истории Северного Причерноморья; в ГУЛАГе с 1935 по 1947 год. Солженицын пишет о нем в «Архипелаге...»: «...профессор Аристид Иванович Доватур... Петербуржец, румыно-французского происхождения, классический филолог... Оторвали его от Геродота и Цезаря... и посадили в лагерь. В душе его всё ещё — недоистолкованные тексты, и в лагере он — как во сне. Он пропал бы здесь в первую же неделю, но ему покровительствуют вра-

в археологическую экспедицию в соседнюю Евпаторию и оттуда навещала своих по выходным (было мне тогда двадцать шесть лет).

И далее практически каждое лето, даже в холерный год⁵, мы всей семьей, а после 1972 года даже и со второй дочкой, проводили лето в Черноморском. Несмотря на окружающую городок степь, условия для отдыха были совсем неплохие, без больших затрат, только добираться было трудно. Чистое море, песчаный пляж без большого скопления народа, парк возле моря, частные дома вокруг с фруктовыми садами, с сараями и летними кухнями, снять комнату недорого и у самого моря не составляло труда, с питанием не было особых проблем, хотя приходилось готовить самим. А главное — мы сразу сдружились с Зубовыми и встречались чуть не каждый день. Хотя Н.И. был тогда уже далеко не молод, но по-прежнему легок на подъем, водил нас на долгие прогулки вдоль моря, много рассказывал, а рассказчик он был превосходный, делился опытом конспирации, секретами переплетного мастерства, описывал разные свои жизненные ситуации. Днем мы приходили к нему по очереди читать неподцензурную литературу, вечером чаевничали и беседовали на открытой террасе, увитой диким виноградом. Внешне Н.И. был похож на Петра Ильича Чайковского. Елена Александровна была на восемь лет моложе Н.И., но уже не выходила из дома, сильно располнела, обзавелась чуть не двадцатью блохастыми кошками, которые прыгали на стол во время еды. Ей было физически тяжело, и она часто говорила: «Пора умирать». На вопрос, как же она оставит Н.И., отвечала жестко: «И ему пора умирать!» Н.И. по глухоте своей этого не слышал. Она по-прежнему была для него Ласочкой, он преданно за ней ухаживал и, видимо, всё хозяйство было на нем, но летом всегда были помощники — приезжали погостить Зара из Баку, Зина из Москвы (фамилий не помню, знаю только, что тоже бывшие сидельцы). И очень много помогала старикам их соседка Галина Николаевна Чувашова.

Н.И. давал нам читать письма Александра Исаевича (особенно запомнилась открытка с радостным сообщением о рождении первенца — Ермолая),

чи, устроили на завидную должность медстатистика, а ещё два в месяц не без пользы для лагерных свеженабранных фельдшеров поручают Доваттуру читать им лекции! Это в лагере — по латыни! Аристид Иванович становится к маленькой досочке — и сияет, как в лучшие университетские годы» (*Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. III, гл. 18*).

⁵ Холера появилась в СССР летом 1970 года, сначала в Батуми, затем в Одессе, Астрахани, Крыму, была зарегистрирована в сопредельных странах: Иране, Ираке, ОАР, Индии, Пакистане, Афганистане. Были предприняты масштабные медицинские и профилактические действия. Пароходам запрещено было заходить в города, где были больные холерой, в больших очагах был введен карантин. Для установления карантина на Крымском полуострове было привлечено 9400 солдат, 26 вертолетов, 22 катера. Эпидемия холеры прекратилась в ноябре.

и вполне возможно, что если бы их не забрала Решетовская⁶, он отдал бы их нам, как отдал «Пир победителей». Историю сохранения «Пира...» А.И. описал в «Теленке»⁷, а вот отданные нам фотографии как-то пролежали под спудом, забытые из-за переездов, отъездов, переселений и «всплыли» вот только недавно, в июне нынешнего года.

Елена Александровна умерла года на четыре раньше Н.И. Он регулярно ездил к ней на могилу, посадил там цветы, а кладбище было далеко в голой засушливой степи, поэтому приходилось возить туда воду для полива — сколько мог он унести в руках. Я несколько раз ездила с ним и помогала привезти побольше воды. И даже здесь Н.И. проявил свой пытливый ум: он вкопал вокруг могилы продырявленные консервные банки, чтобы вода не уходила сразу бесследно в песок, а задерживалась у корней цветов (аналог израильскому капельному орошению). По сильной летней жаре поездка была чрезвычайно тяжелой, приходилось еще идти пешком от автобуса, а зимой в степи очень сильные и холодные ветры, но у Н.И. была потребность навестить свою Ласочку и побеседовать с ней. Мне он по-медицински спокойно рассказывал, какие процессы происходят с ее телом. И самое важное — он надеялся лежать рядом с ней после своей смерти. К сожалению, ко времени его кончины в 80-м году старое кладбище закрыли, и никакие ходатайства и просьбы не смогли предотвратить посмертную разлуку. Н.И. лежит далеко от Е.А., на новом кладбище. Хочется надеяться, что как когда-то разлученные в ГУЛАГе любящие супруги умели мысленно соединиться, глядя на одну и ту же звезду в одно и то же время, так теперь их души соединились на небе.

Последние годы, оставшись без Е.А., Н.И. начал болеть, боролся мужественно с приступами склероза. Всё меньше оставалось друзей, которые раньше были у него частыми гостями. Последней была уже моя мама, терпеливо и мужественно ухаживавшая за Н.И. в кризисные часы.

В конце 70-х мы уже перестали ездить в Черноморское, и о последних годах Н.И. я узнала из писем Галины Николаевны, его доброй соседки. По ее словам, Н.И. стал более открыто справлять религиозные обряды, вечером перед сном долго молился перед иконой, очень реально смотрел на свою будущую кончину и оставался таким же добрым и безотказным до последней

⁶ О своих письмах к Zubовым Солженицын вспоминал: «Из ташкентской раковой клиники (позже — из Торфопродукта, ещё из Рязани) я писал им частые, обильные, сочные письма, каких никому никогда больше за всю жизнь. <...> Весной 1971 Н. Решетовская, с которой мы уже были врозь, взяла в МВД пропуск и на несколько дней заехала к Zubовым погостить. Я сам, письмом, обременительно просил Zubовых, чтоб они её приняли, надеясь на смягчающее благородное влияние их... Она забрала у Н.И. почти всю пачку моих писем к ним» (*Солженицын А.И.* Бодался теленок с дубом. С. 406, 412). Ныне письма Солженицына к Zubовым за 1953–1962 годы находятся в РГАЛИ, в фонде А.И. Солженицына.

⁷ *Солженицын А.И.* Бодался теленок с дубом. С. 412–414.

минуты. «Однажды в беседе с ним, — пишет Г.Н., — я ему сказала, что такой голове и такому сердцу не место в земле, нужно жить. Он плакал».

Перед смертью Н.И. пришло письмо от Решетовской. Она по его просьбе прислала пленку с записью музыки, которая, как он хотел, звучала бы на его похоронах. Но подходящего магнитофона не было, пленка, как пишет Г.Н., была какая-то особенная. На похоронах было много народа, так как в поселке Н.И. любили, и в основном — его коллеги из больницы, пациентки и ученики. Врач-анестезиолог произнес от всей души очень трогательную речь.

Сама Г.Н. признается, что может о Н.И. говорить бесконечно. В 1992 году она прочитала в «Новом мире» очерк А.И. Солженицына о Зубове (из «Теленка»)⁸ и пишет, что просто смаковала текст, — так всё правдиво и откровенно описано, — и даже прослезилась, когда А.И. упомянул о перочинном ноже. Эта привычка иметь специальное приспособление для ножика на всех брюках сохранилась у Н.И. на всю жизнь, и часто, как пишет Г.Н., выручала в хозяйстве. Цитата из письма: «Я очень рада, что благодаря хорошему верному другу А.И.С. жители нашего поселка еще раз добрым словом вспомнят Н.И.».

Н.И. завещал Г.Н. все свое имущество и библиотеку, но поскольку появился родной внук Сережа и поселился в квартире Зубовых, Г.Н. посчитала, что он не будет заниматься вандализмом и сохранит память о деде, и не выполнила распоряжения Н.И. А внук выкинул всё во двор вместе с фотографиями, письмами и другими ценными вещами. Многие из архива Г.Н. спасла, кое-что отослала знакомым и друзьям Н.И., адреса которых знала (записные книжки деда Сергей также сжег). Переписка Н.И. и Е.А. была предложена Н. Бобрышевой, племяннице Е.А., которая жила в Архангельске. Та отказалась и посоветовала сжечь. Были письма Н.И. к Е.А. и дочери из лагеря на маленьких клочках бумаги, — Г.Н. сдала их в местный архив. Н.И. собирал материалы и писал историю Ак-Мечети — их Г.Н. передала в поселковый музей. Рукопись «Крутой маршрут» Е. Гинзбург (по которой и я начинала познавать и осознавать режим) Г.Н. вернула Сергею, хоть и не сомневалась, что он растопит ею печку. Он многое сжег, в том числе и приспособление для переплета книг. У Г.Н. осталась переплетенная Николаем Ивановичем книга, и еще у многих — ноты С. Рахманинова, также переплетенные на этом станке.

О Сереже Г.Н. написала, что он дважды женился, уже тогда у него было пятеро детей, он работал в кооперативе, торговал сувенирами на базарной площади, менял часто личный автомобиль и был очень своей жизнью доволен. Абсолютно ничего родственного с Н.И. И Г.Н., получив новую трехкомнатную квартиру, вообще перестала туда, на Почтовую улицу, ходить, чтобы не переживать горя и разочарования.

⁸ «Новый мир» печатал книгу «Бодался теленок с дубом» в 1991 году, в №№ 6–8, 11 и 12 (очерк «Николай Иванович Зубов» — в № 11).

По моей просьбе (а вернее, по переданной мною просьбе Александра Исаевича) Г.Н. сходила (в конце июля 90-го) в КГБ, но оказалось, что их отделение образовалось лишь в 1978 году, а архив Н.И. был изъят раньше областным КГБ⁹. Через пару недель из Симферопольского КГБ ответили, что никаких дел, касающихся Зубова, у них нет и они предполагают, что обыск делали гэбисты из Москвы. Они уверяли Г.Н., что обыск проводился по всей форме, с понятыми и протоколом в двух экземплярах. Если бы был на руках протокол изъятия или хотя бы копия, то они помогли бы всё вернуть. Но к сожалению, ничего этого не было, да даже и точную дату обыска никто не помнил. Так всё и кануло. Я писала А.И. об этом в одном из писем.

Как и Александр Исаевич, Н.И. оставил глубокий след в моей жизни, и я всегда помню о них. Хотелось бы закончить словами из стихотворения В.А. Жуковского:

...Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были¹⁰.

⁹ Солженицын пишет в очерке о Зубове: «В ночь моего ареста с 12 на 13 февраля к Зубовым пришли чекисты с обыском. О, злыдни, когда же вы отвяжетесь? Подробностей не знаю, но так это представить легко: стук, и тревога измученного арестантского сердца, беспомощная старость, накинутые халаты, Н.И. почти полностью глух, сколько окидывается жизнь — 40 лет — 50 лет — 60 лет — всё те же чекисты, всё те же обыски» (*Солженицын А.И.* Бодался теленок с дубом. С. 414).

¹⁰ Последние строки стихотворения В.А. Жуковского «Воспоминание» (1827).

И.А. Хроль¹

[«ОН СТАРАЛСЯ БЫТЬ ПОЛЕЗНЫМ ЛЮДЯМ...»]

«Он старался быть полезным людям, это давало ему радость». Эти слова А. Хейли, автора романа «Аэропорт», составили эпитафию на надгробии Николая Ивановича Зубова. Так завещал сам покойный, но при условии: «Если это сочтут справедливым». И это тот самый доктор Зубов, которому Александр Солженицын доверил свою писательскую судьбу и саму жизнь. И не ошибся.

С 1958 года жил в пгт. Черноморском Человек... <...> ...В памяти старожилов Черноморского остался подвижный моложавый старичок, — просто «доктор Зубов»: белая-белая голова, бородка клинышком, прищур глаз, живых и чутких, и всегда быстрая, легкая не по возрасту походка... Незаменимый в глухомани врач-гинеколог, да, кажется, и вовсе незаменимый в среде, традиционно дефицитной, изолированной не только от элементарных социальных благ, но, прежде всего, — от знания о самой себе.

Со стороны он казался чудаковатым в необъяснимой своей человечности ко всем и всему, что его окружало. И трогательностью отношения к своей супруге, Елене Александровне, и даже в том, что... «под ручки» с ней (и это в глухомани!) каждый вечер шел к набережной «смотреть солнечный закат». О каком-то прямо-таки фантастическом (по меркам глубинки, но, думается, и не только глубинки) трепетно-уважительном отношении доктора к женщинам в поселке легенды ходили. Если при нем входила в помещение женщина, — и пусть она только школьница, — седой как лунь доктор непременно подымался со стула, и стоя приветствовал входящую, и снова сам присядет только после нее, а если мест нет — свое уступит... И что-то еще на уровне мифа-сплетни о нем шепотком передавали друг другу местные жители: то ли сидел доктор за что-то, «да на самих Соловках!», то ли сослан сюда, в Черноморское. А вот за что — даже и не шептались. Поговаривали, но, кажется, незлобиво, — скорее, из любопытства...

<...>

¹ Приводим очерк в существенном сокращении и с перестановками. Полный текст очерка «Солженицын и Тарханкут...» см. на сайте «Проза.ру» (Ирина Хроль): URL: <http://www.proza.ru/2012/04/17/1181> (дата обращения: 28.06.2013).

У памяти свои тропы — и она по-своему разворачивает временную призму: в нашу детсадовскую дошколятскую группу приводят новенького — кудрявого казашонка. Это я теперь-то знаю, что казашонка. А дошколята 60-х и не представляли, что это такое и бывают ли вообще такие мальчишки. Но то, что мальчик не такой, как все (что и привлекало к нему детвору), — это и шестилетки почувствовали: с казашонком безнадежно возьтятся воспитательницы и нянечки, с ним хочет дружить детвора, а задира-новичок дружбе предпочитает кулаки.

Не помню, кто забирал Сережку Зубова из детсада. Мне же, после того как я была «забрана», — еще час приходилось поджидать маму во дворе ее работы. А просто через дорогу от маминой работы — Сережкин дом, и это «обстоятельство» ненадолго сдружило нас. Мы гоняли по улице и в соседнем сквере при старой церкви, а иногда забегали и к Сережке домой. Тогда-то и состоялось мое первое знакомство с супругами Зубовыми — Николаем Ивановичем и Еленой Александровной, Сережкиными дедушкой и бабушкой. Но конечно, в мои-то шесть с половиной лет не они заинтересовали меня. А была я поражена, да просто шокирована так называемой их «квартирой» в длинном бараке с множеством соседских крылечек и верандочек. Я прибежала к маме и изумленно, взахлеб рассказывала: «А Сережкин дедушка в библиотеке живет!..» — Для шестилетнего ребенка из захолустья это уж действительно было бог весть какое несоответствие! И даже с детским начальным представлением о семейном быте. До сих пор вижу комнату, которую — именно «как в библиотеке!» — от порога до противоположной стены пересекают книжные стеллажи до потолка. И еще — маленькие вышитые подушечки. И они, кажется, повсюду: на подоконнике, на столе и стульях, на полках между книг... И на каждой, — к моему великому восторгу, — кошки, кошки, кошки!..

Не помню, как объяснила мама библиотечный уклад в небиблиотечном жилище моего детсадовского товарища, но остался в памяти обывательский интерес скучающего захолустья к Сережкиному деду. И как в конце рабочего дня даже на «маминой работе» кто-то, выглянув в окно на поселковый «бродвей», с улыбкой обязательно отмечал: «Ну, пошли, пошли уже Зубовы на прогулку...» Незлобиво. Но «случая» такого не пропускали.

Потом как-то вдруг Сережка ушел из детсада. Взрослые говорили, что, мол, сдали мальчишку в специнтернат, и вздыхали с облегчением. И почему-то жалели стариков...

<...>

Уже давно выплескивались на обывательский суд поселка рассказы о проблемах Зубовых с их внуком-подростком. Поговаривали, что, выбивая из стариков деньги, тринадцатилетний внук и кулаки распускает, и чем только не грозит им.

В те годы и мне встречался на улицах Черноморского диковатый сутулый подросток с насупленным исподлобья взглядом, руки глубоко в карманах брюк, задиристый и неуправляемый даже на людях... И вспоминался кудрявый казашонок Сережка...

А лицом к лицу свиделась с этим же Сережкой спустя лет 20: я уже работала в районной газете и собирала свой первый материал о докторе Зубове. Так и довелось мне еще раз побывать в той самой квартирке-«библиотеке» уже покойных стариков, поразившей меня в дошколятском возрасте. Теперь здесь хозяйничал Сережка — уже «славный» в поселке своими «предпринимательскими» разборками с партнерами и многодетностью от двух или трех жен... И в дедовской квартирке уже и в помине не было ни стеллажей, ни книг (соседи говорили с болью — всё внук продал), и вместо многочисленных подушечек, вышитых Еленой Александровной, и любимых стариками кошек в неопрятной и пустой комнатухе кричала и ссорилась Сережкина детвора, с кухоньки-верандочки огрызалась их мать, и сам он, угрюмый и раздраженный, о деде вспоминать не хотел и «знать ничего не знал». И у меня больше не появилось желания приходить сюда снова. Здесь ничто уже не напоминало о докторе и его благоверной супруге... А в скором времени прошел слух, что Сережка погиб под Евпаторией — то ли под машину попал, то ли «доспорился» с кем-то... Похоронила его какая-то из жен, кажется, в Симферополе...

<...>

Прошли годы... И маленький, седой как лунь «доктор Зубов» (только так и величали его в поселке) молодой подпрыгивающей походкой вошел в мой восьмой класс — в кабинет русской литературы старенькой поселковой школы. Вошел в качестве гостя литературного факультатива. Принес пластинки с голосом Шаляпина и еще кого-то... Не помню: тронул ли меня тогда Шаляпин, но на доктора я почему-то смотрела во все глаза. Он что-то рассказывал о певце, о Серебряном веке... Но только и помню очень странный взгляд доктора — как-то «в себя», что ли, очень серьезный, но и не строгий: словно видит что-то такое, о чем пока ты и знать не знаешь, но, может быть, так-то и лучше... Он обращался к нам, школярам, на «вы» и отвечал на наши вопросы уважительно, как равным себе собеседникам... И при этом словно вслушивался во что-то свое, незримо стоящее за спиной.

То были годы 1968–1969-й. И об этом времени слишком многое, недосказанное взрослыми, подростковое воображение дорисовывало с большущими вопросительными знаками. Вел доктор Зубов и в десятых классах какие-то факультативы под названием «Обо всем стыдном» — по тому времени уж очень... провокационным. Девчонки-старшеклассницы тайком хихикали на переменах, отгородившись стайками от мальчишек и малышни...

«Ужасный» секрет старшеклассниц из школы моего детства рассекретил сам Александр Исаевич Солженицын: «Каждую весну всё продолжает, на-

верное, Николай Иванович вести свой короткий курс с десятиклассницами, чтоб они жизней не покалечили...»²

Конечно, никто лучше и достовернее не знал и уже не расскажет о докторе Зубове, чем Александр Солженицын... Для меня же в одно ощущение невосполнимой утраты сплелись расплывчатые сюжеты детства и ставшие доступными солженицынские очерковые образы Зубовых. Сполна хлебнув периферийной «свободы слова» на районном журналистском поприще, — сожалею, что как журналист я поздно пришла к ним, дорогим мне людям. Не хватило лишь шага, крупинки знания, — да просто времени, чтобы оглянуться, задержать на миг водоворот бесконечных своих проблем...

А Николай Иванович Зубов жил среди нас...

Или мы — параллельно с ним? И наши параллели не раз пересекались, и даже не зная об этом, мы уже были богаче. От своего таланта «быть полезным людям» доктор Зубов наполнил реальным содержанием безропотную глубинку нашу.

² «Бодался теленок с дубом». С. 414. Нам кажется уместным привести здесь письмо Зубова Солженицыну об одном из таких «факультативов»:

«4 января [1968]

Милый Саня! Сегодня получил Вашу открытку от 26.XII (праздничная задержка от перегрузки почты). И ранее открытку Нат<альи> и Вашу тоже получили. — Пожалуйста, держите нас в курсе дел с “Р<аковым> к<орпусом>”.

Ответы мои на заданные девушками вопросы прилагаю. Разговор происходил в нашей комнате, что для большинства было привычно (наши музыкальные понедельники в течение 2 зим). Понимаю, что только в исключительных случаях можно провести такую встречу вне официальной обстановки (вне классной комнаты), но мне кажется, что и эта (домашняя) обстановка, и то, что я не видел ясно их лиц, — все это способствовало непринужденности разговора — устного с моей стороны, письменного с их. Конечно, разместить 20 человек в комнате 16 м² не так просто, — но я заранее расставил табуретки, положил на них доски, накрыл полковиками. Словом — на полу не сидели.

Вот, кажется, и все.

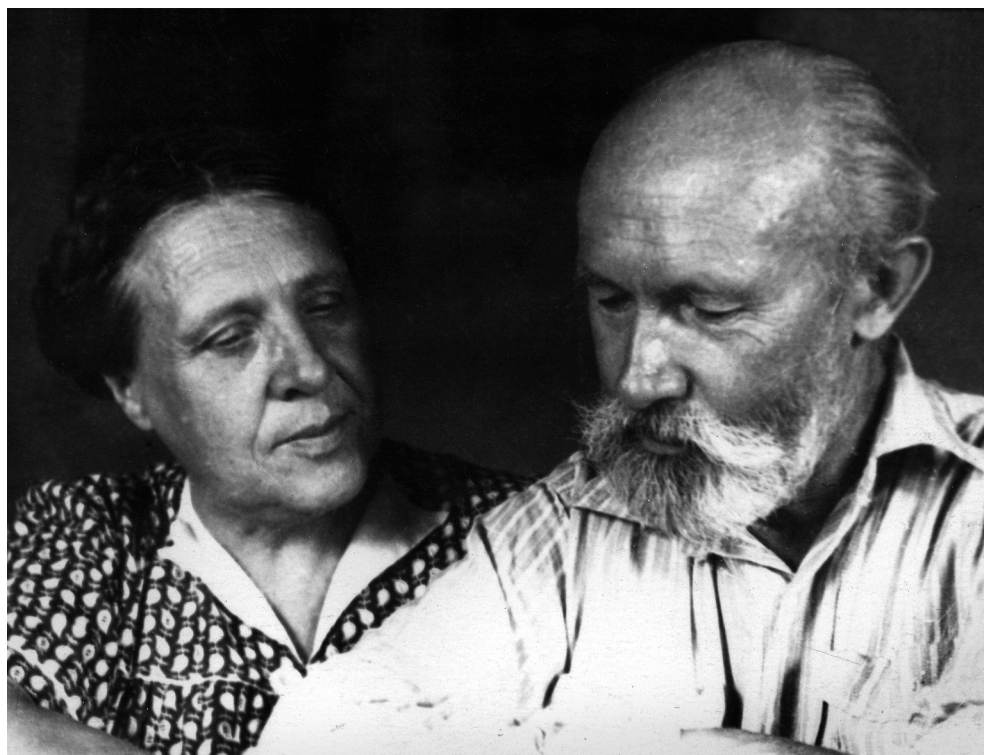
Всего, всего лучшего, — а особенно с “Р<аковым> к<орпусом>” — очень я эту вещь ценю.

Обнимаю вас обоих. *Н.И.*

P.S. Несколько опасаясь, что такие подробности Вас могут шокировать. Однако имейте в виду следующее: 1) Я говорил уже не со школьниками, а с окончившими школу (зимой я отказался от такого разговора). 2) Я руководился их вопросами, заданными свободно, анонимно. Следовательно, я не навязывал им излишне-подробных сведений, я только отвечал на вопросы, “о которых мы в классе между собой говорили уже”.

После беседы на улице встречал я матерей, слышавших оживленные разговоры дочерей, вернувшихся с беседы. Все они благодарили меня за эту беседу, вспоминали, как невежественны были когда-то сами, какой испуг вызывало у них даже первое появление менструации. Их классная руководительница всегда почти бывала на музыкальных вечерах. Но тут они просили, чтобы она не приходила. Правда, она не особенно популярна у них была (по-моему — незаслуженно)».

И.А. Питляр.
Москва. Вторая половина 1960-х гг.

Е.А. и Н.И. Зубовы. Аул Кок-Терек (Казахстан, Джамбульская обл.). 1956
Архив А.И. Солженицына

А.И. Солженицын и Н.И. Зубов. Рязань. 1958.
На пути из Кок-Терека в Крым Зубовы заехали к Солженицыну
Архив А.И. Солженицына

В.В. Туркина

ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ КНИГИ Б. САРНОВА «ФЕНОМЕН СОЛЖЕНИЦЫНА»¹

Александр Исаевич Солженицын — выдающийся русский характер, которому счастливится быть осуществленным в России раз лет в 300.

Д. Самойлов

Десятого декабря 2012 года в Доме актера, что на старом Арбате, должна была состояться презентация книги Бенедикта Сарнова «Феномен Солженицына».

Давших заранее согласие выступать набралось больше десятка, в маленьком зале собралось слушателей 35–40, но презентация не состоялась из-за неожиданного трагического события: на глазах у всех собравшихся умер Марлен Кораллов. Вот так, приехал поддержать Сарнова, сидел в первом ряду — большой, красивый, эlegantный — и потерял сознание, остановилось сердце. Молодые активно пытались помочь, скорая, как всегда, приехала не скоро.

Не спасли, а может, и было это невозможно.

Но до случившегося успел Сарнов сказать несколько слов о книге, рискованно назвав ее своей «итоговой». Не подумав, что эта книга может вызвать сомнения в достоверности всего им ранее написанного.

А книга эта в некотором смысле уникальна. Написана она как бы известным профессиональным критиком, эрудитом, библиофилом, что подразумевает наличие у автора вкуса, слуха, способности понять литературное произведение и по возможности объективно оценить его. Но, к сожалению, на страницах «Феномена...» все это отсутствует. Уникальность же работы Сарнова в том, что в ней собраны все (или почти все) слухи, предположения, факты, сплетни об Александре Исаевиче Солженицыне, особенно связанные с какими-нибудь скандалами. В общем, не просто книга о писателе, а «энциклопедия» всех качеств А.И. как художника, историка, политика и человека,

¹ Сарнов Б.М. Феномен Солженицына. М.: ЭКСМО, 2012. – 848 с. Далее ссылки на это издание даются в тексте в скобках.

что кажутся Сарнову и его единомышленникам дурными. Единомышленниками же в большинстве оказались люди обиженные, закомплексованные или вообще не заслуживающие доверия (Белоцерковский — увы, я знаю, что я пишу), или психически неполноценные (Сидорченко — я имела случай с ним столкнуться), или писатели, имеющие склонность писать пасквилы, или просто КГБ с его лжеинформацией.

Почти все 848 страниц фолианта посвящены разоблачению нашего большого (а для многих великого) писателя Александра Исаевича Солженицына, попытке показать его «истинное лицо» и «трансформацию» его художественного дара под давлением «вождизма», «политических амбиций» и «националистических претензий» — вплоть до полного самоуничтожения. Главные доказательства: «полный провал» эпопеи «Красное Колесо» (впрочем, Сарнов целиком ее читать не стал, и так все ясно) и встреча с Путиным.

О том, что с Солженицыным уже все радикально решено, многочисленными исследователями его творчества (у нас и за границей), литературные критики, учителя школ, где изучаются книги писателя, да и просто читатели, вероятно, пока еще не знают. Вот и продолжают свое бесполезное занятие. До чего дошло: и музей за музеем открывают, и Большую Коммунистическую улицу в Москве переименовали в улицу Александра Солженицына, а в Париже его имя получил чудный сквер с розарием.

Интересно было бы страница за страницей проследить методы сбора и обработки материала, доказательств, свидетельств, исследований предшественников, что привели Сарнова к таким сокрушительным выводам. У меня к каждой странице с нападками на А.И. есть комментарий, свидетельство, воспоминание.

Но «нельзя объять необъятное». Поэтому ограничимся пока несколькими замечаниями, исправлением ряда неточностей и прояснением двух-трех ситуаций, неловкости которых автор, видимо, не заметил. Конечно, придется его и огорчить.

Я не буду (или почти не буду) искать поддержки у серьезных исследователей творчества Солженицына, а постараюсь опираться на собственный опыт личного общения с лицами, упоминаемыми Сарновым, — в том числе с моей кузиной Натальей Алексеевной Решетовской и с самим (анти)героем книги Александром Исаевичем.

Эти контакты очень помогают понять и объяснить многое, использованное Сарновым как разоблачающий материал. Да и сам Сарнов, если бы он поближе знал некоторых журналистов и издателей, развернувшихся на Западе, вероятно, не стал бы их цитировать, а кому-то так безоглядно доверять. Не взялся бы он объяснять то, что объяснить просто не может, а именно сложную, запутанную историю людских отношений в издательстве «УМСА-Press» и редакции газеты «Русская мысль», разворачивавшуюся много лет и

в меняющихся условиях. (Тут надо хотя бы знать финансовую сторону жизни этих издательств.)

К свидетельствам Владимира Аллоя² надобно относиться с осторожностью: был он хорошим и одаренным человеком, но с неустойчивой психикой, с истерическими болезненными взрывами. Я наблюдала это у себя дома, в Нью-Джерси, Володя у нас останавливался. В своих издательских неудачах (трудности были реальными!) он винил окружающих, которые были перегружены своими проблемами, тоже угрожающе реальными. Кончилось все трагически, Аллой покончил с собой во время тяжелой депрессии.

Как и Сарнов, Володя не видел, что люди бывают разного масштаба (себя, правда, ставил высоко), что имеют свой собственный жизненный опыт (в данном случае — жизни на Западе), свои пристрастия, свое трудовое прошлое и свои планы на будущее. Выдержки из его книги³, перепечатанные Сарновым (с. 361–367), красноречиво говорят об этом. Сарнову же эти цитаты нужны для того, чтобы доказать «вождизм» Солженицына, существование «вермонтского обкома», способного ставить «своих» людей во главе радиовещания на Восточную Европу, на посты директора «Радио Свобода» в Вашингтоне или редактора «Русской мысли» в Париже, рекомендовать, кого брать, а кого не следует брать на работу (!). Предполагать, что А.И. мог поставить «своего человека» во главе, скажем, Радиокomiteта, совершенно дико, такие решения принимались в сферах абсолютно недоступных. Для этого надо иметь очень смутные представления и о Солженицыне, и об американской администрации. (Видно, наша остаточная советская провинциальность неистребима.) О «случае с Мишей Михайловым» (даже в пристрастном пересказе Сарнова никакого участия Солженицына не обнаруживающем) Аллою как будто бы рассказал очень сочувствующий ему Ричард Пайпс, которого с ходу Володя называет просто «Дик».

Если из постройки, созданной Аллоем и еще подцементированной Сарновым, вынуть один большой кирпич — она рухнет. И пора это сделать. Хотя жалобы и доносы по начальству были в ходу среди бывших советских граждан, ныне госслужащих в Америке, администрация все же старалась разбираться по существу и принимать решения независимо от личных пристрастий.

Внимание! Вынимаем «кирпич»: Ричард Пайпс — не только профессор Гарварда, автор книг по русской истории (расстроивших своей антирусскостью А.И.), известный советолог, написавший блестящую статью о комму-

² Аллой Владимир Ефимович (1945–2001), издатель, историк, журналист. Эмигрировал из СССР в 1975 году, работал в издательстве «YMCA-Press», возглавлял издательство «Пресс либр» («Presse libre») при газете «Русская мысль», выпускал периодические издания «Минувшее», «Лица», «Звенья», «Невский альманах», «Ярославский альманах», «Постскриптум».

³ Аллой В. Записки аутсайдера // Минувшее: Ист. альм. СПб.: Феникс; Atheneum, 1997–1998. Вып. 21–23.

низме, на Западе не принятую, но и референт, то бишь советник, по русским делам в конгрессе, а несколько лет и сотрудник Белого дома. Так что перестановки в высших этажах власти и взятие или не взятие на работу в низших прежде всего касались его. В 1973 году в Нью-Йорке меня безо всякой протекции, просто за основательное знание Самиздата, взяли на работу в контору, когда-то отколовшуюся от «Радио Свобода», занятую и печатанием, и, главное, распространением свободной прессы. Там я работала почти 30 лет. И когда, уязвленное своей непопулярностью, издательство Чалидзе («Chalidze publications») нажаловалось где-то в верхах, что якобы под влиянием А.И. я плохо распространяю их книги, кто же приехал разбираться? — сам Пайпс. Провел свое расследование, прошел и к начальству, под конец заглянул ко мне, посмотрел, как я в поте лица утрамбовываю на полках книги и тихо отбыл. А ведь на А.И. был кровно обижен за публичную критику и неоднократно это высказывал.

Ну, и не было никаких «интриг» Солженицына, якобы стремившегося, чтобы Бориса Шрагина⁴ не взяли на «Радио Свобода», как было сообщено Сарнову в кулуарах радиостанции в Мюнхене в 1987 году кем-то, кого он точно не запомнил (ценное свидетельство!), но реплику запомнил отлично (с. 367–368). А.И. полемизировал со Шрагиным в статье «Наши плюралисты», но начальство на радио наверняка статьи не читало. Шрагин и работал благополучно на «Радио Свобода» — с какого года, к сожалению, не помню.

Так или иначе, но ни Борис, ни его жена Наташа Садомская никогда мне на эти «интриги» не жаловались, все разговоры и споры (подчас — резкие) были на другие темы: Борис, например, ратовал за ранний марксизм, мы возражали.

Но то далекие от Сарнова эмигрантские истории, в которых совсем немудрено запутаться. Начинается же книга сюжетом, разворачивавшимся на глазах автора, — появлением в «Новом мире» повести «Один день Ивана Денисовича», шумным ее успехом, поддержкой Солженицына нашими вольнодумцами из писателей.

Но уже в этот лирический рассказ вкраплены для равновесия отрезвляющие замечания. «Не закружилась бы у Александра Исаевича голова от обрушившейся на него мировой славы...» (с. 16). Или: «Такая очевидная слепота нашего кумира, явно порожденная его упоением собой и своей мессианской ролью...» (с. 37). Или выписка из «Новомирского дневника» А.И. Кондратовича: «Ужасно огорчило письмо Солженицына, которое показал А.Т. Выясняется, что он до юбилея (иначе А.Т. не получил бы письмо сегодня, на второй день после 50-летия) разослал под копирку это письмо. <...> А послание

⁴ Шрагин Борис Иосифович (1926–1990), философ, публицист, правозащитник. Эмигрировал из СССР в 1974 году. Сотрудничал с «Радио Свобода», преподавал в колледжах и университетах Новой Англии.

такое: он благодарит всех почтивших его юбилей и готов отдать себя “служению читающей России”. <...> ...Солженицын, умный человек, выглядит во всем этом смешным. Разослать до юбилея?» (с. 33).

Конечно, Сарнов, воспроизведя здесь удачно найденную для его общего замысла запись Кондратовича, не стал ссылаться на объяснение этой истории, напечатанное в журнале «Знамя», без сомнения ему известное, из которого ясно, что Солженицын и не писал, и не рассылал свою благодарность «до юбилея». Начиналось оно так: «В примечаниях к “Рабочим тетрадам” Александра Твардовского («Знамя», 2003, № 10, стр. 176, прим. 5) дано неверное истолкование эпизода, участницей которого мне довелось быть. Я — та самая Вероника, которую упоминает А.Т. Твардовский в записи от 16 — XII — 68): мол, 12 декабря Вероника принесла в “Новый мир” копию письма Солженицына в “Литгазету”...»⁵

Расскажу эту историю подробнее. Дело было так. 11 декабря 68-го А.И. исполнилось 50 лет. Доброхоты распространяли по Москве его размноженную фотографию с поздравлением, страна посылала телеграммы в «Новый мир», а те, кто знал домашний адрес, в Рязань.

В этот день я была там и вместе с членами семьи принимала телеграммы. Александр Исаевич сидел, как всегда, за закрытой из проходной комнаты дверью и работал. Никакого застолья не намечалось, 12-го собирался приехать Копелев.

Телеграммы начали приносить с утра (тогда был такой порядок — приносили на дом) сперва поштучно, потом десятками. В проходной комнате на рояле стояла огромная чаша (размером с большой таз), куда телеграммы после прочтения складывались. Этим занималась я. Хорошо помню телеграмму от Лидии Корнеевны Чуковской: «Вашим голосом заговорила сама немота...» И дальше все слова, будто выбитые на камне. Холодок прошел по спине.

Александр Исаевич всегда был против подарков, считал это баловством и навязыванием чужого вкуса, но не все слушались. Елизавета Денисовна Воронянская прислала тяжеленный ковер, который мне пришлось, отдуваясь, вернуть на почту.

Вечером за низеньким столиком в общей проходной комнате попили чайку (без А.И.) с двумя старушками, сестрами Гарасевыми, которые чем-то помогали Александру Исаевичу и подружились с семьей, и с Леночкой Фроловой, ученицей рязанской школы. Неожиданно приехала незнакомая всем старшая Великанова («теща демдвижения», как ее шутя называли) с младшей дочерью Машей, решив таким образом сделать дочке подарок к ее шестнадцатилетию. Дело в том, что когда ей самой исполнилось шестнадцать лет, мать возила ее посмотреть на Толстого в Ясную Поляну.

⁵ Штейн В. По поводу комментария к «Рабочим тетрадам» А. Твардовского // Знамя. 2004. № 5.

Александра Исаевича вытаскивать не стали, а напоили Великановых чаем.

Одновременно в коридоре шли объяснения с Сергеем Мюге, который, узнав, что теща поехала в Рязань, купил пол-литра и рванул туда же, рассчитав, что за широким застольем бутылка будет не лишней.

Так и проходил мирно и в трудах день рождения, но к ночи выяснилось, что А.И. собирается через несколько дней в Москву, а это не входило в планы Натальи Алексеевны. И последовала тяжелейшая сцена с упреками и слезами, потом у нее и голова разболелась.

Где-то ночью А.И. написал благодарственное письмо всем его поздравившим и рано утром проводил меня на вокзал. Я обещала ему, что отнесу письмо в «Литгазету» (так, для проформы) и в «Новый мир», чтобы там получили его первыми, а не из Самиздата. Что я и сделала.

Некому больше вспомнить об этом дне, о расстроенном юбиляре, тщетно пытавшемся успокоить жену, о матери Натальи Алексеевны, моей тете Марусе, которая страдальчески шептала мне: «Она карманы ему выворачивает, всё какие-то записочки ищет». Теперь в этой квартире живут чужие люди, квартиру перестроили, дверь из проходной комнаты в кабинет-спаленку замазали, дырку в потолке, просверленную с верхнего этажа для прослушки, заштукатурили.

Эту дыру обнаружил сам А.И., когда стоял за конторкой (от долгого сидения болела спина) и писал и ему на голову посыпалась побелка.

Резко усилившаяся в 1973 году энергичная деятельность КГБ по дискредитации Солженицына очень пригодилась впоследствии Сарнову.

По «голосам» начали читать «Архипелаг...», и немедленно были приняты меры. В Чехии заказали журналисту Ржезачу книгу «Спираль измены Солженицына». Провели работу с самыми близкими в прошлом друзьями А.И. и его первой женой — фигурантами по следствию 1945 года, приведшему к осуждению Солженицына и его главного корреспондента и единомышленника Николая Виткевича.

Конечно, Сарнов понимает, что ни одного слова о Солженицыне ни в печати, ни по телевидению не могло появиться без санкции и «творческой» деятельности КГБ. Но как удержаться, когда можно по их подсказке намекнуть, а потом и прямо написать, что А.И. *доносчик* и что он *назвал* имена друзей на допросах?

На 18 страницах (482–499) Сарнов пишет об аресте А.И. и следствии 1945 года. Анализирует (как бы не веря автору), что об этом сообщает Солженицын в «Архипелаге...», и приводит большие цитаты из первой книги Н.А. Решетовской с главой о следствии (здесь уже с полным доверием)⁶.

Все обвинения, догадки, разгадки столько раз повторялись в книгах «оппонентов» (вежливое слово), а скорее облыгателей А.И., что повторять их скучно. Но ссылались-то они на первую книгу Решетовской («организованную» КГБ, с приставленным от АПН редактором К.И. Семеновым, за которого она вышла замуж в 1974-м, вскоре после высылки Солженицына), а вот ее итоговую книгу, шестую, без помощи КГБ написанную⁷, — не прочли. Может — по лени?.. А в книге этой многое ставится на свои места.

Цитирую: «О выступлении Виткевича я услышала по западному радио 1 февраля (1974 года. — В.Т.). Сначала в таком контексте: “Один из персонажей, упоминаемых в ‘Архипелаге ГУЛАГе’, Николай Виткевич, обвинил Солженицына в ложном доносе на него и в том, что автор без разрешения упоминает его в своей книге”.

А через какое-то время, в тот же день, услышала, что Виткевич сказал... что Солженицын оклеветал на следствии “не только своего друга, но и собственную жену”!!!!?? “Свидетельство тому — фотокопии допросов Солженицына, датированные 26 февраля и 5 апреля 1945 года, которые были показаны Виткевичу *компетентными инстанциями*”⁸.

Тут требуется некоторый комментарий. Все протоколы допросов были написаны рукой следователя Езепова, так что спутать характерный почерк А.И. с езеповским Виткевич никак не мог, даже при всем доверии к «*компетентным инстанциям*», которые обратились к нему за помощью.

Цитирую книгу Решетовской далее: «...Виткевич, как и сам Солженицын, был арестован на основании данных из фронтовой переписки. А значит, вины Солженицына здесь никакой нет! ...Когда у меня, спустя полгода, восстановятся контакты с Виткевичем, прерванные еще в канун 1965-го, на мой прямой вопрос, к нему обращенный, — посадили бы его, веди себя Саня на следствии иначе, — Виткевич, не задумываясь, ответил: “Да”. Так что абсолютно прав был Солженицын, который в своем заявлении от 2 февраля сказал: “...отлично знает он (Виткевич. — Н.Р.), что от моих показаний не пострадал никто, а наше с ним дело было решено независимо от следствия и еще до ареста: обвинения взяты из нашей подцензурной переписки (она фотографировалась целый год) с бранью по адресу Сталина, и потом — из ‘Резолюции № 1’, изъятой из наших полевых сумок, составленной нами совместно на фронте и осуждавшей наш государственный строй”⁹.

Здесь надобно добавить, что никто из фигурантов (переписка велась между шестью, и копии писем все были у следователя на столе) не был аре-

⁷ Она же. АПН — я — Солженицын: (Моя прижизненная реабилитация). Рязань: Поверенный, 2004.

⁸ Там же. С. 60. Курсив мой. — В.Т.

⁹ Там же. С. 60–61; см. также: *Солженицын А.И.* Заявление прессе (2 февраля 1974) // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1996. Т. 2. С. 68.

стован и даже вызван на допрос. В число переписывающихся входил и шестой, Власов. В письмах упоминался его друг Касовский. Таким образом, следствие не могло впервые услышать о Касовском от Солженицына. Так что повторяющиеся по крайней мере два раза Сарновым взволнованные вопросы: «Так назвал или не назвал?» — очень эмоциональны, но бессмысленны. Все имена из переписки известны следователю еще до первого допроса.

Почему-то у Сарнова вызывает подозрение тот факт, что Солженицын спрашивает в письмах к родным, всё ли в порядке с женой и друзьями. Но это более чем естественно: его ведь допрашивают по переписке не только с Виткевичем, но и с женой и с друзьями, — следовательно «старался... накинуть удавку на всех, кому ещё когда-нибудь писал я или кто когда-нибудь писал мне, и нет ли у нашей молодёжной группы какого-нибудь старшего направителя»¹⁰. Солженицын знал уже по опыту общения с сокамерниками, из их историй, что метла органов метет всех подряд, правых и виноватых. Может быть, Сарнов этого не знает до сих пор?

Кстати, Виткевич был с Солженицыным в одной шарашке, потом, после освобождения, переехал в Рязань, где жили Решетовская и Солженицын, и никаких претензий к А.И. не предъявлял. Правда, Виткевич считал, что «погорели» они с Солженицыным по-глупому, что надо забыть юношеское бунтарство и навестывать потерянное время, делая карьеру. А Солженицын ничего не хотел забывать, ни единой раны, нанесенной России, ни загубленных ее граждан, да к тому же изменил свой взгляд и на Ленина и собирался обо всем этом писать! Вот и рассорились в канун 1965 года.

Как же удалось КГБ в 1974-м, после публикации «Архипелага...», заставить Решетовскую, Виткевича, Симоняна, самых близких, выступить против Солженицына?

Виткевич не мог допустить, чтобы с таким трудом сделанная карьера (он, если не ошибаюсь, даже докторскую защитил и стал завкафедрой) была разрушена.

Кирилл Симонян имел свои несчастные особенности, в 1952 году за них привлекался, и, вероятно, с тех пор был «на крючке» у КГБ. Перед смертью передал А.И., который уже был в Вермонте, что его шантажировали, заставили написать «мерзкую брошюру». Спрашивал, может ли «Саня» когда-нибудь простить его.

Да, Солженицын и сам понимал это с самого начала и мне говорил: «Я за Кирку всегда молюсь».

И то, что Сарнов и тут что-то старается комментировать, предполагает, что Солженицын пишет в «Зернышке...» слишком много о Симоняне, и, де-

224 ¹⁰ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956: Опыт художественного исследования // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2010. Т. 4. С. 132.

сказать, очень «невнятно», в то время как «несомненный факт», что в 1945 году в «его показаниях какой-то компромат на Кирилла все-таки был» (с. 490), — кажется кощунственным. Следствию и своим уточняющим комментариям (и откуда такой опыт?) Сарнов без какого-либо давления на него уделяет больше внимания, чем Решетовская под давлением КГБ.

Решетовская в своих телеинтервью и в первой книге «В споре со временем» была в прямом сговоре с КГБ. Почему? По одной причине, цитирую опять из ее последней книги:

«Я знаю, что Александр Исаевич ведет себя так, как будто бы у него никогда не было никакой другой жены, кроме Светловой. И я хочу, очень хочу, активно хочу выхода моей книги».

«Сотрудники АПН, имевшие отношение к моей книге, немедленно прореагировали на произошедшее (высылка Солженицына на Запад. — В.Т.): как можно шире рекламировать мою книгу! Как можно скорее ее издавать! <...> И меня склоняют к тому, чтобы я дала интервью телевидению АПН». «22 февраля меня поселяют в гостинице “Россия”. <...> А в интервью вдруг — непредусмотренный вопрос: “Наталья Алексеевна, Вы видели телеинтервью с Виткевичем? Вы верите ему?”

— Я не могу не верить Виткевичу, — немедленно отвечаю я.

<...> И вот в телеинтервью... сразу вслед за моим “Не могу не верить Виткевичу!” на экране вдруг оказывается сам Виткевич с “Архипелагом...” в руках, произносящий: “В этой книге на каждой странице можно найти противоречие с истиной”».

«Тем временем заканчивалась подготовка моей книги к печати. <...>

А тут еще прибавилась необходимость осветить тему следствия Солженицына 45-го года. Дело в том, что по западному радио уже читался первый том “Архипелага”, где была глава “Следствие”. Редактор уверял меня, что я не имею права пройти мимо этой темы, и давал понять, что это отчасти является условием выхода моей книги. <...> И у меня родился даже как бы исследовательский интерес»¹¹.

Вот, собственно, откуда и родилась та «информация», которая так прельстила Сарнова.

«Оформлена» она тем методом внедрения в читательские мозги порочащих А.И. сведений, который будет применяться и дальше.

В первый раз Сарнов что-то упоминает с сомнением, как было это и с «доносами», а потом, на следующих страницах, пишет уже без сомнений, как о факте.

Он выписывает из статьи Владимира Максимова в «Правде» цитату по поводу гибели Елизаветы Денисовны Воронянской, сдавшей КГБ рукопись «Архипелага...». Воронянская должна была по настоянию Солженицына ее

¹¹ Решетовская Н.А. АПН — я — Солженицын. С. 66–69.

сжечь, но рука не поднялась, пожалела. Сарнов пишет: «...в тот момент, когда на него (Солженицына. — В.Т.) обрушилось известие о постигшей его беде... реакция его была», по словам Максимова, такая: «она обманула меня — она наказана». Но Максимов никак не мог знать реакции Солженицына «в тот момент», ибо увиделся с ним спустя почти год после трагического события, уже в Цюрихе, в присутствии Наталии Дмитриевны, и о Воронянской ни слова сказано не было. Сарнов же, процитировав, мнимой корректности ради замечает: «Владимир Емельянович Максимов... не самый объективный свидетель» (с. 329), что не мешает ему еще дважды привести эту хорошо «запомнившуюся Максиму реплику» (с. 339 и фотовклейка).

И вот вы раскрываете книгу на вклейке с фотографиями, где запечатлены некоторые лица (события), иногда важные для судьбы Солженицына, но часто — лишь для концепции Сарнова. Быстрый читатель только фотографии и смотрит. Фотография Елизаветы Денисовны, под ней текст: «На известие о ее трагической гибели Александр Исаевич отозвался так...» — и дальше знакомая нам реплика, но уже без ссылки на В.Е. Максимова. Сарнов надеется, что теперь это крепко забито в читательское сознание и не вызывает сомнений.

А как изобретательно использует Сарнов текст справки референта Хрущева Лебедева, связанной с хлопотами Солженицына о разрешении постановки его пьесы в «Современнике», где в декабре 1962-го уже и читка прошла, и роли распределили. К несчастью, по времени это почти совпало с чудовищным разносом, который Хрущев учинил на известной кремлевской встрече с «творческой интеллигенцией».

Сарнову хочется, чтобы верноподданнический казенный стиль справки Лебедева с пересказом ходатайства А.И. был воспринят читателями как письмо самого Солженицына. Да еще в такое, мол, время!

Но чтобы читатель не ускользнул, не усомнился (ведь Лебедев Солженицына не цитирует), Сарнов в той же вклейке под портретом Лебедева дает цитату из справки — уже как *прямую речь* Солженицына — вдруг читатель не заметит подтасовки! И еще раз, для верности — на странице 474.

Множество раз, с готовностью и доверием, даже не делая попытки проверить сообщаемое, цитирует Сарнов статьи и книги любого автора, лишь бы тот «выставлял счет» Солженицыну. Вот приводит он (с. 737) слова украинского политконсультанта Юрия Левенца в изложении известного «поклонника» Солженицына Евгения Киселева (Левенец сообщает, что когда-то опубликовал новую версию убийства Столыпина): «Меня даже покойный Солженицын потом специально в Москву пригласил... Мы ездили к нему в гости на дачу в Троице-Лыково». Увы-увы, Левенец — Киселев — Сарнов! — никогда не приглашал Солженицын человека по имени Левенец в Москву и никогда не был господин Левенец в гостях в Троице-Лыково. Ну что за малость, подумаешь?! — ведь Солженицын-то «покойный»...

Среди любимых информаторов Сарнова, разумеется, и А.Д. Синявский, чье имя теперь уж и не упоминается без приставки «оппонент Солженицына».

Мне грустно обращаться к этой теме, но что поделаешь? В 1974 году я была в Париже на какой-то конференции участников нашего демдвижения, был там и Андрей Донатович с женой Марией Розановой. Они не так давно приехали в Париж из Москвы поездом, с большим багажом, с архивом, иконами и даже старинным гарнитуром мебели. (Розанова как-то сказала: «Только нам и Солженицыну разрешили взять с собой архив», — что было неправдой: Солженицыну не разрешили.)

Я смотрела на тихого Андрея Донатовича с умилением: наконец-то он на свободе! И собиралась пойти вечером его послушать в какой-то дом старших, из первой эмиграции — Андрея Донатовича зывали в гости и собирались компаниями слушать его интересные рассказы. Но какие-то доброхоты, смущаясь, предупредили меня, что в конце всех своих рассказов Синявский обязательно говорит что-нибудь дурное о Солженицыне, например, что он сам себе устроил высылку, что он сексот и т.д. В общем, сплошная диффамация. С чего это? Старики слушали, не верили и считали, что это «личная антипатия или попросту зависть». Я, конечно, никуда не пошла и все раздумывала, что когда кто-то хочет скрыть свои грехи, он навешивает их на другого, чтобы пустить интересующихся по ложному следу.

Намного позже я узнала об этих «грехах» Андрея Донатовича из его же книги «Спокойной ночи» и из письма Сергея Хмельницкого «Из чрева китова», напечатанного в 1986 году в журнале «22» (№ 48) и повторенного в 1992-м в журнале «Континент» (№ 71). Тогда стали ясны и отъезд с привилегиями, и постоянные, неотступные диффамации. Хотя в них было, вероятно, и что-то личное.

Стремление создать образ отрицательный «во всех отношениях» настолько овладело Сарновым, что ему приходится ничем не брезговать, даже приемами желтой прессы, ведь поставлена четкая задача: создать портрет Солженицына со всеми возможными слабостями и «провалами», с «трансформацией» личности — как писателя, как политика, историка, «вождя» и «пророка», наконец, как человека, страдающего «физиологическим» антисемитизмом. Правда, тут возникает подозрение, что это навязчивая идея Сарнова, плод его болезненной мнительности и чувствительности — уж очень часто обращается он к национальному вопросу, везде ему чудится «душок», везде он разделяет людей по национальному признаку.

Очень раздражает Сарнова, что Солженицын протестует против подмены «советский» на «русский»: «На Западе до сегодняшнего дня безграмотно и беспечно взаимозаменяют слова “советский” и “русский”. На самом деле

эти слова прямо противоположны по смыслу»¹². «...Понятия эти не только противоположны, но враждебны. Соотношение между ними такое, как между человеком и его болезнью. Но мы же не смешиваем человека с его болезнью, не называем его именем болезни и не клянем за нее»¹³. Сарнов цитирует эти слова Солженицына (с. 674) и затем тратит уйму страниц и цитат, доказывая, что — и правильно: а разделы Польши, а кавказские войны? И не обидно ему, что в предвзятой западной прессе поносят русских. А, мол, они советскими стали, потому что еще Иван Грозный и Петр Первый положили начало появлению их дурных качеств. Тут вам и А.К. Толстой, и Волошин, прямо-таки историческое исследование с литературными подтверждениями (с. 678–688). «Всё дело в том, — заключает Сарнов, — что у нашей страны ДУРНАЯ НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ». И дурные черты, «вошедшие в плоть и кровь, в *генотип* российского человека» определили наш XX век (все шрифтовые выделения Б. Сарнова).

Году в 80-м я с тяжелым сердцем смотрела на огромную, хорошо организованную, богато оформленную демонстрацию украинцев на 5-й авеню в Нью-Йорке. Вероятно, это была годовщина спровоцированного на Украине голода. И огромные транспаранты, где в этом обвиняли русских.

Почему же, почему русскому человеку (да и любому честному и отзывчивому) не относиться к этому поношению болезненно, не напоминать, что во время советской власти все были жертвами, и русские не меньше остальных, а численно и поболее: рассказывание, раскулачивание, подавление крестьянских восстаний и заводских бунтов танками и пулеметами.

Объемные цитаты уже из статей А.И. должны у Сарнова играть саморазоблачительную роль — показывать несостоятельность и даже «пошлость» политической мысли Солженицына. Но тут «бабка надвое сказала»: то, что не нравится Сарнову, может даже очень понравиться читателю и сподвигнуть его перечитать (время подошло!) или прочитать впервые «Жить не по лжи!» и «Письмо вождям...». Весьма актуальное в наши дни чтение!

Длинные цитаты из произведений Солженицына и привлеченные для сравнения (та же тема или ситуация, но освещенная иначе, «достовернее», «правдивее») отрывки из произведений старых русских классиков и писателей советского времени читать интересно (давно не читали, уже пора). Но сопоставление их чаще всего не кажется доказательным; короткие «подсказки» Сарнова навязчиво тенденциозны. Выводы иногда ошеломительные.

¹² Солженицын А.И. Заявление о суде над Владимиром Осиповым (25 сентября 1975) // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 2. С. 306.

¹³ Он же. Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм» (23 мая 1989) // Солженицын А.И. Публицистика. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. Т. 3. С. 337.

Так, о Матрене («Матренин двор») Сарнов сетует, что она неумеха: и огородик могла бы завести с огурчиками и зеленью, и картошку удобрить, и поросенка выкормить (да поросенка-то нужно зарезать!), и не ходить задаром работать (ну, прямо обвинения ее золовки). И все это «не потому, что была она *праведница*, а потому, что по самой своей природе она — *раба*», — резюмирует Сарнов (с. 135; курсив Сарнова).

В рассказе «Случай на станции Кречетовка», в повести «Раковый корпус», в романе «В круге первом» выбирает Сарнов те эпизоды и положения, тех героев, которые кажутся ему наиболее уязвимыми, с «фальшивинкой» и игрой «в поддавки», — силится показать, насколько Солженицын как художник небезупречен.

Так, образы Русанова и Авиеты у него сплошной соцреализм и схема (с. 209–211), объяснения А.И. в счет не идут, хотя они очень интересны: «Говорят: фельетон. Согласен, — да. Говорят: фарс. Согласен, да. Но вот в чем дело: фельетон-то не мой, фарс-то не мой. <...> Речь Авиеты состоит из цитат из произведений известных ведущих критиков», — говорил Солженицын на обсуждении «Ракового корпуса»¹⁴.

Увы! Советская власть сформировала обретающие в нашей действительности эти живые «схемы», да, они и до сих пор встречаются. Может, это на «Аэропортовской» и не видно.

Ночные кошмары Рубина в романе «В круге первом», его жгучее раскаяние (предал любимого двоюродного брата «во имя Партии») Сарнову хотелось бы передать Нержину. Дескать, «так было бы честнее», потому что прототип Нержина — Солженицын, а он ведь в юности тоже верил в Ленина и Революцию, не только Копелев (Рубин). Позвольте, но А.И. никогда не состоял в партии и даже в юности ничего не делал во имя этой партии.

Сарнов упрямо считает, что Солженицын Рубина «оглушил», и даже «оболванил». И что в этом сыграло большую роль то, что тот еврей (!). — Вот так продолжается этот навязчивый, болезненный мотив, думаю, в изрядной мере обусловивший появление книги Сарнова.

В романе, естественно, ничего подобного нет. И «правда жизни» соблюдена, и обаятельный Рубин не оболванен и был принят самим Львом Зиновьевичем до появления романа в печати.

Я не оговорила. Переделав «Круг-96» на «Круг-87», Солженицын, прежде чем показать Твардовскому, дал читать роман своим «персонажам» — Копелеву и Панину, чтобы оставить текст, неопасный для каждого. Было это в январе 1964-го. Пока друзья читали, Солженицын работал в московских библиотеках, а жил у моего хорошего друга Валентина Маликова на Хо-

¹⁴ Слово пробивает себе дорогу: Сб. ст. и док-тов об А.И. Солженицыне. 1962–1974. М.: Русский путь, 1998. С. 294. В этой связи см. интересное письмо Е.Б. Тагера о «Раковом корпусе»: Вопросы литературы. 1991. № 11/12. Ноябрь–дек. С. 83.

рошевском шоссе. Панин попросил сделать какие-то скромные изменения, а у Копелева оказалось довольно много замечаний, и я возила листки романа ему и обратно на Хорошевку, честно в них не заглядывая.

В коридорчике с выставленного туда диванчика поднимался Валя, небритый, с красными глазами: по ночам читал роман. И на вопрос: «Ну, как?» отвечал: «Эх, пулемет бы мне!» Увы, ушел из жизни мой свидетель несколько лет тому назад.

(Он много претерпел от нашего диссидентства. Работал редактором в издательстве «Искусство» и пытался провести через пороги цензуры роман Аркадия Белинкова об Олеше. Даже аванс выбил. Роман напечатать не удалось, и мнительный Белинков и его жена Наталья начали вешать на честнейшего Маликова всех собак. Тому было обидно до слез. Пишу это в защиту покойного Валентина Ивановича. Злые слухи у нас прилипчивы.)

Мне необходимо защитить теперь уже от Сарнова и моих близких любимых друзей Илью Соломина, и отца Александра Шмемана, и незабвенную Лидию Корнеевну Чуковскую. Сами себя они защитить уже не могут.

Они любили А.И., переживали все перипетии его судьбы как свои, спорили с ним, когда были не согласны, негодовали на лживые нападки, сыпавшиеся на него, писали опровержения, а Сарнов превратил то, о чем они говорили и что писали (выборочно, вне контекста, естественно), в антисолженицынские дубинки.

Илью Соломина, сержанта, бывшего под начальством А.И., нашли в маленьком городке на севере от Бостона, взяли у него интервью о буднях дивизиона, о выводе батареи из окружения, напечатали в «Известиях». Сарнова, как и его друга и предшественника по «свержению кумира» Г. Бакланова, раздражает все хорошее, что говорит Илья о своем комбате. Илья всегда свидетельствовал, что А.И. солдаты любили за его четкость и организованность и чувствовали себя как за каменной стеной. Сарнов сам интервью Ильи не «драконит», а передает слово фронтовику Г. Бакланову, который бурно сомневается: «Так было ли окружение?» (с. 785). Он с возмущением пишет, что не воевал Солженицын на передовой в окопах, а его батарея звуковой разведки (наводившая огонь нашей артиллерии) стояла в 3 км от передовой. (Интересно — что, А.И. сам себя туда назначил?)

Особенно Бакланов негодует, что на одной из фотографий А.И. стоит в длинной шинели с разрезом (это потрясло и Сарнова). Разве в такой шинели можно было сидеть в окопе? И действительно, после ватника и портянок в обозе, после чужой шинели с обожженной полкой раздобыл-таки А.И. себе офицерскую шинель по размеру, уверена, что в преддверии нелегального приезда на несколько дней молодой жены. (Все это зафиксировано на фотографиях, моя сестрица этого никогда не упускала). Было им по двадцать пять лет!

А вообще-то Александр Исаевич в одежде был аскетичен, донашивал вещи до конца. В Кремле на приеме, где Хрущев представил его приглашенной интеллигенции, был в каждодневном шевиотовом костюме с закручивающимися лацканами и в ботинках, залатанных красной резиной. Их с изумлением рассматривал сидящий рядом молодой художник, который мне об этом и рассказал.

Потом уже, когда можно было позволить себе одежду по вкусу, А.И., который не любил носить костюмы, галстуки и шляпы, дома ходил в любимой многострадальной кофте, а на выход в пиджаках-куртках со многими карманами, ведь он всегда носил с собой блокноты, ручки, карандаши. Сарнов этого не упускает и пишет о «френчах» с усмешкой, но особенно глумливо о том, что А.И., выступая пред большими аудиториями, не стоит как столб, а позволяет себе делать какие-то жесты. (На фотографиях во вклейке это отражено.)

И ведь правда, я была на выступлении Солженицына перед профсоюзами и Джорджем Мини в Нью-Йорке и до сих пор помню, как А.И., говоря, что политика должна быть направлена «не так», положил руку плашмя на кафедру, «а так» — и поставил руку на локоть, острием ладони вверх. И почему-то никто не возмутился (Сарнова там не было), а все захлопали.

На странице 786, после интервью с Ильей Соломиным, Сарнов или сам моделирует, или кого-то пересказывает, но без кавычек, от себя:

«Но когда А.И. опубликовал свой двухтомник “Двести лет вместе”, потрясенный содержанием этого его труда, Соломин сказал ему:

— Саня! Зачем ты это сделал?

— Я хотел помирить два народа, — ответил тот».

(Вот уж действительно предосудительное намерение.) Был ли такой разговор? и когда? — Сарнов нам не сообщает. А вот с нами (моим мужем и мной) разговор был у Ильи дома, когда мы к нему приехали в 2006 году и пожили у него. Через два года мы опять были в Америке, до него на этот раз не доехали, правда, часами разговаривали по телефону. Илья жил в домах для иммигрантов, населенных приехавшими из Одессы и Харькова милыми, но воинственными евреями, которые корили его за дружбу с А.И., особенно после издания двухтомника «Двести лет вместе», но он не поддавался. Мне он твердо сказал: «Это не антисемитская книга», и я порадовалась его самостоятельности и мужества.

Чуковские в Москве очень помогали А.И. в опасное время, когда его могли тихо устранить. Корней Иванович посчитал, что жить у него на даче будет для А.И. безопаснее. По Москве ходили фантастические слухи (специально распускаемые?), однажды ко мне прибежал приятель Борис Р. с ужасной вестью, что Солженицын убит. И мы на ночь глядя поехали в Переделкино и успокоились, только когда увидели силуэт А.И. в окне. Елена Цезаревна Чуковская стала незаменимой его помощницей, а Лидия Корнеевна одарила

его своей искренней дружбой. Не так давно были опубликованы переписки Лидии Корнеевны с Алексеем Ивановичем Пантелеевым и с Давидом Самойловым¹⁵. И тому и другому она много писала о Солженицыне, делилась своей радостью от свиданий с ним, от чтения его прозы и статей, тревожилась за его судьбу, иногда ворчала на него, уж очень он был неудобно четкий и неожиданный. Но всегда признавала его правоту, его правду, иногда и горькую. Собственно, расхождение у них было одно: он был верующий, а она считала себя неверующей. Но побольше бы у нас было таких «неверующих», Лидия Корнеевна была безупречна во всем, и душа ее была «христианкой».

Авторитет Лидии Корнеевны (как и отца Александра Шмемана) настолько непоколебим, что для Сарнова их опасения, сомнения, иногда несогласие в чем-то с А.И. являются козырной картой.

Трудно было цитировать Лидию Корнеевну, потому что она в одном и том же письме могла написать о своих сомнениях и тут же восторгаться каким-нибудь поступком А.И. или тем, что она прочла, его языком. Сарнов возмущается такой «амбивалентностью» и однажды, разогнавшись, называет это шизофренией, потом, спохватившись, берет резкое слово обратно.

С цитированием «Дневника» отца Александра было проще, можно было составить сплотку из одних только озабоченно-критических его размышлений — это очень впечатляет.

Правда, все удивительно глубокие замечания отца Александра о природе таланта Солженицына, о его правоте в той правде, которую он высказывает в лицо Западу («тон» слишком резок, думает о. Александр, привыкший к западным стандартам высказывания «правды», а потом сам срывается на такие резкости, что куда там Солженицыну!), — Сарнову приходится опускать, они бы ему решительно помешали.

Но теперь почти все исследователи творчества Солженицына ссылаются на оценки и объяснения отца Александра, а «критика», выписанная Сарновым, нигде не упоминается. Вероятно, не в сарновской сплотке, а в контексте критические суждения понимаются по-другому. Да и сам отец Александр, пытаясь понять те или иные реакции А.И., провидчески восклицает: «Или же все это от непомерности Зла, с которым он борется и которое действительно захлестывает мир?»¹⁶

Отец Александр писал дневник для себя, не для печати, иначе бы он по-другому выражал свои страхи и сомнения в отношении любимого им А.И., а какие-то резкие и возмущенные высказывания о некоторых наших диссидентствующих и вовсе бы опустил.

¹⁵ Д. Самойлов — Л. Чуковская: Переписка (1971–1990). М.: Новое литературное обозрение, 2004; Л. Пантелеев — Л. Чуковская: Переписка (1929–1987). М.: Новое литературное обозрение, 2011.

¹⁶ Шмеман А., *прот.* Дневники. 1973–1983. М.: Русский путь, 2009. С. 153.

Но все, что он пишет об А.И., невероятно интересно и ждет своего серьезного исследования.

Больше всего А.И. похож на себя в «Горной встрече»¹⁷, там он занят в основном, как и намеревался, общением с отцом Александром, открыт ему, заботлив и внимателен.

«Невероятное нравственное здоровье. Простота. Целеустремленность. <...>

Несомненное сознание своей миссии, но именно из этой несомненности — подлинное смирение.

Никакого всезнайства. Скорее — интуитивное всепонимание. <...> Там, где он, — там сама Россия. Для него это так ясно, что ясным становится и мне»¹⁸, — записал отец Александр об их первой встрече в Швейцарии и ни в чем не ошибся.

Всего через год-полтора отец Александр с болью увидел «другого» А.И. (сарновская сплотка). Во-первых, за это время он понял, что А.И. не «небожитель», как вначале ему хотелось верить (самая высокая планка!), а прикован к родине: «Его сокровище — Россия и только Россия, мое — Церковь»¹⁹.

И отношение к старообрядчеству. Для отца Александра это был религиозный тупик, для А.И. — мужество и стойкость старой России.

Солженицын действительно был «другой», да нет, тот же, но в другой обстановке и времени, а именно — с головой ушедший в работу, окончательно заваленный книгами и письмами, на которые он был не в силах отвечать. Принятый в штыки Западом (и Запад не любит правду о себе!), травмируемый своими, сокративший до минимума общение с людьми. Отцу Александру это кажется несправедливостью по отношению к людям, нетерпением и мнительностью. Но он видел, откуда это шло: «Целеустремленность человека, сделавшего выбор. Этим выбором определяется то, что он слушает, а что пропускает мимо ушей. Слушает, берет, хватается то, что ему нужно. На остальное — закрывается»²⁰.

Отец Александр вспоминает, как А.И. сказал ему о Ленине: «У нас много общего. Только принципы разные. В минуты гордыни я ощущаю себя действительно анти-Лениным. Вот взорву его дело, чтобы камня на камне не осталось... Но для этого нужно и быть таким, каким он был: струна, стрела... Разве не символично: он из Цюриха — в Москву, я из Москвы — в Цюрих...»²¹

Солженицын любил совпадения.

¹⁷ Там же. С. 98.

¹⁸ Там же. С. 100, 101.

¹⁹ Там же. С. 183.

²⁰ Там же. С. 101.

²¹ Там же. С. 102.

Сарнов «сходство с Лениным» многократно обыгрывает, проявляя странную художественную глухоту. На вопрос интервьюера: «...Даже в Ленина вы вкладываете как бы часть самого себя»? — А.И. отвечает: «Что-то от собственного опыта обязательно вкладывается, оно вкладывается в кого угодно... В этом и состоят возможности искусства, что человек использует собственный опыт для точной угадки и воссоздания всяких других людей... Но это совсем поверхностное утверждение, что я пишу его из себя. Я пишу его только из него, но его, как любого, как Русанова, как Шухова, как любых персонажей, как Яконова в “Круге”, Поддубева в “Корпусе”, я не могу описать без того, что я сам достиг уже какого-то психологического и житейского уровня, что я могу понять другого человека в его обстановке, в его задачах»²².

Как и других своих героев, А.И. писал Ленина «изнутри», он отдал персонажу некоторые свои черты, какие у исторического Ленина, может быть, и не были так же ярко выражены (работоспособность, отношение к времени, целеустремленность). Отсюда «сходство». Разнятся, однако, не только «принципы», но и сами души, недаром ощущал себя А.И. «анти-Лениным»: А.И. — верующий и любящий Россию. Как написал М. Пришвин: «Быть русским, любить Россию — это духовное состояние»²³. Ленин же был воинствующим атеистом и любовь к России никак и ни в чем не выказывал.

Входить в образ, да еще в Цюрихе! Это тоже невероятное совпадение! А.И. долго готовился к этому воплощению (для книги, для книги!). Где-то году в 69–70-м Ростропович пригласил А.И. в Большой театр, где он дирижировал оперой «Евгений Онегин», Татьяну пела Галина Павловна Вишневская. А.И. взял меня с собой, мы пришли в театр загодя. Нормальные люди в таком случае идут в буфет и едят бутерброды. Но А.И. ходил по фойе, приговаривая: «Так, Ленин, наверное, проходил здесь, потом спускался по этим ступенькам, потом сюда» и т.д. С нами был «вечно живой» Ленин.

(В антракте нас отвели в артистическую уборную, там обсыхал совершенно мокрый от напряжения Ростропович, он бросился к А.И., потом вытащил какой-то пакет: «Посмотри, что я тебе привез!» (он недавно ездил за границу). В пакете была кофта из верблюжьей шерсти, которая немедленно была примерена на А.И. под восторженные крики Ростроповича:

— Красавец! Посмотрите, как ему идет!

А.И., который терпеть не мог подарков, да еще и примерок, тут растерянно-ласково улыбался.)

²² Солженицын А.И. Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве (Париж, март 1976) // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 2. С. 427–428, 429.

²³ Пришвин М.М. Собр. соч.: в 6 т. М., 1957. Т. 6. С. 714.

Одиноко высится в начале книги Сарнова «вершина» творчества Солженицына, «Один день Ивана Денисовича». Второй вершины (общепризнанной), «Архипелаг...», — почти нет (вот так исследование!), только замечания о нескольких «недочетах». В то время как «Архипелаг...» вызвал в печати всего мира массу отзывов (pro et contra), статей, исследований. «Архипелаг...» проломил стену молчания Запада о жестокости советской действительности, и начали читаться и переиздаваться книги о лагерях и тюрьмах России, напечатанные на Западе до солженицынских: книги Кравченко, Солоневича, Марголина и др.

Третьей вершины — десятилетнего «Красного Колеса» — тоже нет, за исключением упоминания убийства Столыпина Богровым. Сарнову это интересно только потому, что Богров еврей. Да, Сарнов считает эту «тягомотину» (по его выражению) провалом. Между тем историк и политолог Ричард Пайпс, очень обиженный на А.И. и не раз резко нападавший на него, — говорил своим студентам в Гарварде: хотите знать правду о русской революции — читайте «Красное Колесо» Солженицына (свидетельство аспирантки Пайпса Анны Гейфман).

А о четвертой вершине, о публицистике А.И., Сарнов пишет только с возмущением.

И уж конечно ни звука о том, что Солженицыным был создан Фонд помощи политзаключенным, куда идут все деньги от издания «Архипелага...» на всех языках мира. Для создания «образа» писателя Сарнову это тоже не понадобилось. Поразительно, что кого-то из нашей интеллигенции раздражает существование солженицынского Фонда, неужели потому, что сами никогда ему не помогли?

Изумляют уничижительные сарновские определения важных качеств А.И. Речь ведь идет об умении смотреть вокруг глазами делателя, предлагать какие-то решения, какую-то программу действий. Некоторые представители нашей интеллигенции (и не худшие) сетуют, что не помогли А.И. позитивной критикой. Может быть, хотели подправить его личность по своему образу и подобию? Но никто из них не понял помощь более естественным образом — встать рядом, предложить свою программу или вместе подумать, что делать. Правда, для этого необходимо было иметь смелость идти до конца, несмотря на сокрушительные потери в привычной, как-то состоявшейся жизни. Упрекать за вынужденную осторожность никого не следует. Но почему из-за своей слабости до такой степени яриться на А.И. за его мужество, за его необходимость думать одному за всех и действовать одному за всех. Что же делать, если, по слову Лидии Гинзбург, «творческая способность принуждает, как закон, и мучит, как совесть»²⁴. Слово Солженицыну: «Этим письмом («Письмом вождям...». — В.Т.) я тоже беру на себя тяжёлую ответственность

²⁴ Гинзбург Л.Я. Человек за письменным столом. М.: Сов. писатель, 1989. С. 480.

перед русской историей. Но не взять на себя поиска выхода, но ничего не предпринять — ответственность ещё бóльшая»²⁵.

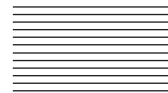
Книга Сарнова кончается выписками из дневника отца Александра Шмемана. И мы прибавим цитату оттуда: «Все эти дни, в промежутках между бесчисленными делами, пишу мою “апологию” Солженицына. Пишу с увлечением. У меня с С<олженицыным> свои “счеты”. Но низкие нападки на него... столь именно низменны, что все остальное отходит на задний план. Это желание — упростить, огрубить, эта все пронизывающая инсинуация — отвратительны...»²⁶

Как точно эти слова о. Александра характеризуют книгу Сарнова.

²⁵ *Солженицын А.И.* Письмо вождям Советского Союза (1973) // Солженицын А.И. Публицистика. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 186.

²⁶ *Шмеман А., прот.* Дневники. С. 494.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

ПРЕМИЯ 2013¹

Решение жюри

Литературная премия Александра Солженицына 2013 года решением жюри от 13 февраля 2013 присуждена Максиму Альбертовичу Амелину за новаторские опыты, раздвигающие границы и возможности лирической поэзии; за развитие многообразных традиций русского стиха; за обширную просветительскую деятельность во благо изящной словесности.

Павел Басинский

Борис Любимов

Виктор Москвин

Валентин Непомнящий

Людмила Сараскина

Александр Солженицын

Наталья Солженицына

Никита Струве

Церемония награждения

*Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
15 мая 2013*

*Выступления: Л.И. Сараскина, П.В. Басинский,
Б.Н. Любимов, А.Э. Скворцов, М.А. Амелин*

Л.И. Сараскина, член жюри:

Уважаемые гости! Дорогие друзья!

Литературная премия Александра Солженицына 2013 года присуждена Максиму Альбертовичу Амелину «за новаторские опыты, раздвигающие гра-

¹ Об истории Литературной премии Александра Солженицына и ее лауреатах за 1998–2012 годы см.: Солженицынские тетради. М.: Русский путь, 2012. Вып. 1. С. 251–302. — Ред.

ницы и возможности лирической поэзии; за развитие многообразных традиций русского стиха; за обширную просветительскую деятельность во благо изящной словесности».

Моя задача — обосновать и оправдать это решение в глазах литературной общественности и насколько возможно порадовать преданных поклонников лауреата.

Биография Максима Амелина, сорокатрехлетнего уроженца г. Курска, занимает в Википедии всего несколько строк: окончил коммерческий колледж, служил рядовым срочной службы в Российской армии, учился в Литературном институте в поэтическом семинаре Олеси Николаевой. Но вот уже более пятнадцати лет личность Максима Амелина — поэта, переводчика, критика, эссеиста, издателя, автора ярких поэтических книг — поражает воображение всякого, кто знаком с широтой его творческого диапазона, ощутил его поэтическую энергию, осознал объем его литературного дарования.

Приведу фрагмент его поэтической биографии:

Мне тридцать лет, а кажется, что триста, —
испытанного за десятерых
не выразит отчетливо, речисто
и ловко мой шероховатый стих.
<...>

Меня пригрела мачеха-столица,
а в Курске, точно в дантовском раю,
знакомые еще встречая лица,
я никого уже не узнаю.

Никто — меня...²

Однако «мачеха-столица» стала для Максима ласковой матерью и за минувшие годы сумела заметить и разглядеть поэта из Курска. Она не раз награждала его литературными премиями — большими и малыми, и сам поэт обрел известность и уважение как читателей, так и собратьев по перу.

Мой коллега Павел Басинский, поздравляя Амелина через «Российскую газету», назвал его человеком из русского XVIII века, который он, Максим, больше всех веков и любит. «То есть таким человеком в камзоле и напудренном парике, которому в поэзии и вообще в культуре все внове, все интересно,

² Амелин М. «Мне тридцать лет, а кажется, что триста...» // Амелин М. Гнутая речь. М.: Б.С.Г., 2011. С. 150–151.

но и все нуждается в немедленном развитии»³. Хотя я с удовольствием представляю Максима в напудренном парике и в бархатном, например фиолетовом, камзоле, украшенном вышивкой, галуном и золотыми пуговицами, мне он видится скорее человеком из русского XXI века, ближе к его середине. Ибо непременно, преодолев нынешний культурный раздрай, появятся в России люди, для которых отменное знание латыни и древнегреческого языка будет не изумляющей экзотикой, как теперь, а нормой. И соединение в одном человеке стольких литературных специальностей тоже будет уже не исключением, а возвращением к высокой культурной норме, ныне утраченной.

Что первично в творчестве Максима Амелина, а что вторично? Кто кому помогает — лирический поэт переводчику античных поэтов или переводчик лирическому поэту? Мне кажется, в случае Максима обе эти ипостаси существуют гармонично и неразрывно. Сборник Амелина 2011 года, куда включены стихи, переводы, статьи и эссе, называется «Гнутая речь». Заголовок символичен. Мне подсказали специалисты, что на языке санскритской поэтики «гнутая речь» — это термин, обозначающий изошренную выразительность и необычность языка в отличие от приемов естественного описания. Амелин это свойство поэзии прекрасно осознает: «Поэзия — словесное искусство, особым образом построенная гнутая речь со скрытым смыслом, по определению древнеиндийских теоретиков. <...> Поэзия приподнята над обыденностью, поэтому язык ее необычен. Даже самые простые слова, попадая в стихотворение, открывают сложные грани смысла»⁴.

Амелин пишет: «Меня всегда раздражала усредненность языка как советских, так и антисоветских поэтов. Лет в семнадцать я понял, что необходимо вернуть в поэзию утраченный торжественный тон, от элегии сделать шаг в сторону оды... Современность в поэзии, на мой взгляд, должна проявляться вовсе не в реалиях сегодняшнего быта, насильственным образом втянутых в поэзию, а именно в новизне композиции, языка и стиля. Стихотворчество — производство штучное, и мир одинаковых вещей, по мне, не для него»⁵.

Задам риторический вопрос: многих ли мы знаем семнадцатилетних юношей, кто задается такими вопросами? Многие ли мы знаем семнадцатилетних юношей, кто всерьез болен античностью? А Амелин уточняет: «У арабов и персов в Средние века хотящих быть поэтами обучали так: за десять лет надо было выучить 20 тысяч бейтов, сочиненных предшественниками, а за следующие десять — их забыть. Только после этого поэт мог считаться готовым к созданию чего-то своего. У меня в этом смысле была неплохая

³ Басинский П. Человек из XVIII века // Российская газета. 2013. 24 февр.

⁴ Амелин М. Поэзия и современность // Амелин М. Гнутая речь. С. 292.

⁵ Он же. «Я работаю на стыке XVIII столетия и современности. И это совсем не постмодернизм»: [беседа с А. Мартовицкой]. Цит. по: URL: http://www.kultura-portal.ru/tree_new/cultpaper/article.jsp?number=524&rubric_id=1000188 (дата обращения: 27.03.2013).

подготовка, поэтому забывать приходится приличное количество стихов на русском, английском, латыни, древнегреческом и ведическом санскрите»⁶.

Ныне стихи самого Амелина переведены на два десятка языков.

Я открыла для себя феномен поэта Амелина, когда прочитала его переводы избранной лирики Гая Валерия Катулла Веронского в книге 1997 года. «Кажется, в меня вселилась душа Катулла, как в Энния — душа Гомера»⁷, — рассуждал Максим Амелин, первокурсник Литературного института, впервые взявшись за перевод *своего* поэта. Катулл, гуляка праздный, вдохновлял Амелина своей легкостью, естественностью, веселой эротикой. Катулл-моралист увлек Амелина своей рассудительностью, вкусом к материям высоким. Катулл-мудрец тоже не прошел мимо Амелина, но, вселившись в душу переводчика, вместе с ним постигал мир человеческих отношений.

Так родилось стихотворное признание Амелина *своему* Катуллу:

Мой Катулл! поругаемся, поспорим,
просто так посидим — с Фалерном туго;
ничего, — как-нибудь и с этим горем:
поглядимся, как в зеркало, друг в друга.
<...>

Ты, наверно, лет десять не был в Риме:
тоги нынче не в моде — на смех курам.
Да, таким же — с глазами голубыми,
долговязым, губастым, белокурым —

я тебя представлял, когда в тетради —
от бессмертия к жизни — строки сами
проступали. — Давай, союза ради,
мой Катулл, обменяемся сердцами!⁸

Как вообще возникает замысел переводить Катулла? Откуда дерзость? Ведь Катулла переводили десятки русских поэтов начиная с Третьяковского. Однако Афанасию Фету, например, не помешал гениальный пушкинский перевод послания «К мальчику» («Пьяной горечью Фалерна / Чашу мне наполни, мальчик!»), и он создает свою версию этого послания⁹. Завораживающий, полный радостного хмеля перевод Семена Раича «К Лесбии» («Лесбия!

⁶ Амелин М. «Я работаю на стыке XVIII столетия и современности. И это совсем не постмодернизм».

⁷ Цит. по: Сумм Л. Второй свиток // Новый мир. 2006. № 4. То же: URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/4/su13.html (дата обращения: 27.03.2013).

⁸ Амелин М. «Мой Катулл! поругаемся, поспорим...» // Амелин М. Гнутая речь. С. 27.

⁹ См.: Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений / под ред. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1986. С. 113.

время летит! / Пламенем нашей любви / Крылья ему подожжем!..») не остановил следующие поколения поэтов — А. Фета, А. Пиотровского, С. Шервинского¹⁰. Не остановило это и Амелина, который подошел к своей работе и как поэт-лирик, и как языковед-античник, и как филолог-стиховед, и даже как биограф своего героя, хотя Катулл — поэт без биографии, о нем не сохранилось никаких достоверных сведений. Полное собрание стихотворений и отрывков, принадлежавших Катуллу, вышедшее в издательстве «Время» в 2005 году, стало новой вехой поэтического и переводческого мастерства нашего лауреата. И я с волнением читаю знаменитое четверостишие Катулла из «Третьего свитка», те самые строки, что идут от бессмертия к живой, пульсирующей жизни:

Ненавидя — люблю. —
 Спросишь, как вытворяю такое? —
 Знать бы, — вымучен сам
 тем, что творится со мной¹¹.

Есть старинное мнение, будто истинный поэт ощущает себя современником всех когда-либо живших поэтов. Амелин как раз из таких — он с мировой литературой состоит в близких, очень близких отношениях. Можно бы сказать — он с ней на дружеской ноге, но тут дело не просто в дружбе (курил с Байроном, выпивал с Эдгаром По¹²). Амелин ее подданный и данник, архивист-антиквар и реаниматор. Ощущая себя железного века — *насынком*, он то и дело убегает в *век золотой*, где на вольной воле создает свои «ожившие статуи».

В литературном досье Амелина — переводы с латыни смеховой «Приаповой книги» и переводы с древнегреческого победных песен Пиндара. С помощью поэтических средств родного языка Амелин возвращает античную лирику от холодной филологии к чувственному восприятию.

Псалмы Давидовы, поэзия старообрядцев, грузинский поэт Николоз Бараташвили, «счастливейший поэт времен Екатерины» Василий Петров, многоликий русский XVIII век, который Амелин называет загадочной Атлантидой и необработанным алмазом, и многое, многое другое входит в орбиту его интересов.

Он возвращает доброе имя графу Дмитрию Ивановичу Хвостову, за творчеством которого закрепилась весьма нелестная слава. «Не имея привычки доверять ругательным надписям, где бы они ни находились, будь то на заборе

¹⁰ См.: Там же. С. 109.

¹¹ *Катулл*. Лирика / пер. с лат. М. Амелина. М.: Время, 2005. С. 126.

¹² См.: «Кто тропку к двери проторил, / К дыре, засыпанной крупой, / Пока я с Байроном курил, / Пока я пил с Эдгаром По?» (*Пастернак Б.* «Про эти стихи», 1917).

или в книге, я решил проверить, справедливо ли то позорное клеймо, которым отмечен Хвостов?» — пишет Амелин в статье «Граф Хвостов: писатель и персонаж»¹³. Амелин проводит тщательную инвентаризацию всей хвостовианы и хвостовиады — пародий, эпиграмм, сатир, притч, язвительных насмешек и анекдотов — и делает остроумный вывод об уникальном месте своего героя в истории российской словесности: граф Хвостов — *учитель великих русских поэтов от противного*. А проживи граф Хвостов еще лет сто — быть ему классиком поэзии абсурда.

Вообще, Максим Амелин, не замеченный в каких бы то ни было политических баталиях и в сомнительном, как он выражается, гражданском пустословии, проявляет истинные бойцовские качества, когда сражается со всем, что враждебно поэзии. Будучи сам блестящим филологом, Амелин страстно восстает против воинствующих структуралистов и формалистов, называя их маньяками-потрошителями и расчленителями. Гражданским подвигом поэта сегодня Амелин называет работу с русским языком, расчистку его от грязи, мусора и прочих наслоений былых эпох.

Татьяна Бек в новомировской статье о книге стихов Амелина «Холодные оды», используя формулу Юрия Тынянова «архаисты и новаторы», назвала Максима «ярчайшим в своем поколении архаистом-новатором»¹⁴. Не стану спорить с этим очевидным утверждением. Но скажу еще и о другом. Уже давно вошло в оборот выражение Осипа Мандельштама, что акмеизм определяет *тоска по мировой культуре*. Поэт стремится выйти за пределы того культурного круга, в котором он оказался в силу случайности своего рождения. Он хочет отзываться на культуру всего мира. Это та самая всемирная отзывчивость, которую мы знаем по нашим классикам XIX столетия. Максим Амелин и в своих стихах, и в своих переводах (чаще всего с языков, которые он отменно знает), и в своих филологических штудиях, и в своей энергичнейшей издательской деятельности стремится осуществить несбывшиеся мечты поэтов XX века о творческом приобщении к мировой культуре. К счастью, у современного поэта для этого куда больше возможностей.

В течение тринадцати лет (1995–2008) Амелин возглавлял петербургское издательство «Симпозиум», где ему удалось осуществить замечательные культурные проекты — впервые изданы на русском романы Пола Боулза, Дугласа Коупленда, Ромена Гари, Эльфриды Елинек, Умберто Эко, Питера Хёга и других авторов. Усилия издательства по переводу и публикации книг французских авторов были отмечены почетным дипломом программы «Пушкин»

¹³ Амелин М. Граф Хвостов: писатель и персонаж: Вместо вступительной статьи к «Избранным сочинениям графа Д.И. Хвостова» // Амелин М. Гнутая речь. С. 277.

¹⁴ Бек Т. Сев на Пегаса задом наперед, или Здравствуй, архаист-новатор! // Дружба народов. 1997. № 11. То же: URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/1997/11/bek.html> (дата обращения: 13.08.2013).

Министерства иностранных дел Франции. Благодаря «Симпозиуму» вышло в свет десяти томное собрание сочинений Владимира Набокова — американский период (в 5 томах) и русский период (в 5 томах).

Друг нашей Премии Андрей Семенович Немзер высоко оценил это первопроходческое издание: «Кажется, — пишет Немзер, — ни один классик XX века еще не издан с таким тщанием, артистизмом и... таким вниманием к просвещенному ценителю словесности, как Набоков-Сиринь»¹⁵. Вот именно эти качества — тщание, артистизм и внимание к просвещенной словесности — характеризуют и творческий почерк Амелина.

С 2008 года Максим Амелин — главный редактор «Объединенного гуманитарного издательства» («ОГИ»), которое занято многопрофильными экспериментальными проектами: отечественной и переводной прозой, поэзией, биографиями, мемуарной и детской литературой.

Любовь Борисовна Сумм, преподавательница латыни в Литературном институте, на страницах журнала «Новый мир» назвала Максима «человеком, своей кровью склеивающим далекие эпохи, несводимые крайности индивидуального дарования и массового сознания»¹⁶.

Сам Амелин полагает, что перевод древних — почти ритуальное действие, своего рода воскрешение из мертвых. Весьма достойное занятие для поэта.

Напоследок — еще немного поэзии.

— У случайных стихов особый
аромат и особый вкус, —
точно дымчатый чай со сдобой
пьешь из чашечки белолобой
в окружении нежных Муз.

— Пей, но знай: все это в рассрочку,
и за все: за снедь и за чай,
за «подлейте-ка кипяточку»
и за каждую эту строчку —
не отвертись — отвечай...¹⁷

Максим Амелин отвечает, то есть честно платит по кредиту, — новыми стихами, переводами, книжными изданиями, всем своим творчеством.

Жюри Литературной премии Александра Солженицына сердечно поздравляет Максима Альбертовича и желает ему удачи на пути поэтического

¹⁵ Немзер А. Живой Сиринь — живой пример // Время новостей. 2001. 23 марта. № 51.

¹⁶ См.: Сумм Л. Второй свиток. Цит. по: URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/4/su13.html (дата обращения: 25.07.2013).

¹⁷ Амелин М. «У случайных стихов особый...» // Амелин М. Гнутая речь. С. 28.

оживления древних статуй. Может быть, пройдет совсем немного времени, и Максим захочет сказать:

Мне сорок пять, а кажется, что тыща...

П.В. Басинский, член жюри:

Максим Амелин родился в 1970 году в Курске. Окончил коммерческий колледж. Служил в армии. Учился в Литературном институте. Его стихи и статьи публиковались в журналах «Грани», «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Арион», «Вопросы литературы» и многих других. Автор книг стихов «Холодные оды»¹⁸, «Dubia»¹⁹, «Конь Горгоны»²⁰, собрания стихов, статей и эссеистики «Гнутая речь».

Переводчик с древнегреческого (Пиндар), латыни (Катулл, «Приапова книга»), итальянского (Антонио Вивальди), грузинского (Николоз Бараташвили, современные поэты), украинского (Василь Махно) и других языков. Составитель избранных сочинений графа Д.И. Хвостова²¹, А.Е. Измайлова²², С.Е. Нельдихена²³. Он переведен на английский, армянский, венгерский, вьетнамский, грузинский, итальянский, испанский, китайский, латышский, немецкий, польский, португальский, румынский, сербский, французский, хорватский и другие языки. В 90-х годах создал издательство «Симпозиум», где печаталась «умная» книга. С 2008 года главный редактор «Объединенного гуманитарного издательства». Живет в Москве.

Но все это — сухие факты, хотя и впечатляющие масштабом творческой работы сороклетнего человека. Более живописно определение жюри премии: «...за новаторские опыты, раздвигающие границы и возможности лирической поэзии; за развитие многообразных традиций русского стиха; за обширную просветительскую деятельность во благо изящной словесности».

Но и этого мало, чтобы объяснить природу этого человека, которого я знаю уже немало лет и который всегда меня не удивлял — изумлял! Это не просто поэт, критик, переводчик и один из самых энергичных издателей нашего времени, но и прежде всего личность, собранная в какой-то цельный сгусток творческой энергии, которая — и это в нем, быть может, самое главное — направлена не только внутрь себя, но и вовне, питает не только лири-

¹⁸ Амелин М. Холодные оды. М.: Symposium, 1996.

¹⁹ Он же. Dubia. СПб.: ИНА-Пресс, 1999.

²⁰ Он же. Конь Горгоны. М.: Время, 2003.

²¹ Избранные сочинения графа Д.И. Хвостова / вступ. ст., сост. и примеч. М. Амелина. М.: Совпадение, 1997.

²² Измайлов А.Е. Избранные сочинения / вступ. ст., сост. и примеч. М. Амелина. М.: ОГИ, 2009.

²³ Нельдихен С.Е. Органное многоголосье / сост., подгот. текстов и примеч. М. Амелина. М.: ОГИ, 2012.

ческое «я» поэта, но и электризует собой достаточно обширное пространство вокруг. Иногда он кажется мне человеком из русского XVIII века, который он больше всех веков и любит. То есть таким человеком в камзоле и напудренном парике, которому в поэзии и вообще в культуре все внове, все интересно, но и все нуждается в немедленном развитии.

Потому что варварство же кругом просто невозможное! Народ же ничего не знает! Культурных подвижников мало или они дремлют! А в государстве большим людям дела до этого нет! Воруют, именища себе прикупают, анафемы! И нет на них «осударевой» трости — так бы и бил, и лупил бы по выгнутому их раболепным спинам!

Максим — человек запредельно далекий от политики. Но он, как верно выразился о нем автор предисловия к его книге «Гнутая речь» Артем Скворцов, — «человек государственный»²⁴. Потому что мыслит широко, масштабно и неравнодушно.

О стихах его ничего не скажу. Я ими восхищаюсь как стихотворным произведением, «выгнутым» в нечто совершенно своеобразное и ни на что не похожее. Но я лично люблю стихи попроще и «подушевнее». Не согласен я и с важной для него мыслью, что «если в стихотворении отсутствуют элементы эспериментаторства, оно не состоялось» (из его речи при вручении премии журнала «Знамя»). Тем не менее два таких разных писателя, как Майя Кучерская и Захар Прилепин, пишут о его стихах:

«Сегодняшняя поэзия легко разложима на три, от силы четыре поэтические манеры. Максим Амелин — поэт, чей голос распознается сразу, потому что его манера — пятая»²⁵.

«Тут кто-то написал, что “читать Амелина — это труд”. Я бы добавил: полезный труд. Нет, серьезно, я, когда читаю стихи Максима Амелина, всегда как-то даже горжусь собой: вот, думаю, я занимаюсь делом, а не ерундой какой-нибудь»²⁶.

Все это — чистая правда. Как и то, что он перевел на русский наиболее полного Катулла и что его переложение знаменитого «Мерани» Николоза Бараташвили вызвало бурную полемику в России и даже в Грузии, разделив аудиторию на пламенных сторонников и серьезных противников нового русского перевода (а ведь «Мерани» переводил еще Пастернак!).

Он, на мой взгляд, блестящий критик с мощным филологическим бэкграундом. Хотя диссертаций не писал и вряд ли напишет. Он критик парадоксальный. Например, поклонник стихотворного эксперимента, он счита-

²⁴ Скворцов А. Труды и дни Максима Амелина // Амелин М. Гнутая речь. С. 8.

²⁵ Кучерская М. Беседа с поэтом Максимом Амелиным о статусе поэзии, садах с павлинами и славном Якове Брюсе (13 сентября 2004) // URL: <http://dokopost.ru/99/174> (дата обращения: 25.07.2013).

²⁶ Прилепин З. Книгочет: Пособие по новейшей литературе, с лирическими и саркастическими отступлениями. М.: АСТ, 2012.

ет, что «эксперимент не есть самоцель, но только средство для достижения необходимого эффекта наибольшей выразительности». А что если «наибольшая выразительность» достигается наименьшими внешними усилиями, самыми традиционными средствами? — спрошу я его. И он, несомненно, что-то ответит, как всегда — азартно и умно. Он, убежденный в том, что не только материал, но и задача поэзии — это сам язык, однако, не принимает формалистов и структуралистов. Они, по его мнению, разлагают поэзию, как труп, а это организм живой. Вообще, в его взглядах много парадоксов.

Но больше всего я люблю Максима за то, что он — деятель. Он любит не только свое, но и чужое. Вернее, чужое для него — это тоже свое, как бы родненькое, которое нужно обогреть, накормить, прилично одеть и вывести в свет к людям. Заветная мысль Максима — переиздание не самых главных, полузабытых русских поэтов и прозаиков с достойным комментарием. А то ведь забудут! Потеряем свой ларец с жемчугами! «Придуримся и по миру пойдем», как говорит домовенок Кузя в одноименном мультфильме, такой же неугомонный и рачительный хозяин чужого добра.

Когда мы с ним в Смоленске выступали в библиотеках, он бегал по городу, дымя сигаретой в аристократическом мундштуке, в длинном, до пят, плаще и зорко смотрел вокруг. Всё ли на месте?! Кремль на месте?! Картины в художественном музее висят как надо?! Собрание достойное?! И страшно радовался, что и Кремль на месте (поляки не взорвали, мы не растащили), и картины в музее высокого уровня и очень правильно висят.

Поздравляю, Максим!

Б.Н. Любимов, член жюри:

«Катавасия на Фоминой неделе» — так называется одно из стихотворений Максима Амелина. Учитывая, что мы собрались здесь на Фоминой неделе — так можно было бы назвать и наше действие сегодняшнее.

Первый раз я обратил внимание на совсем молодого еще Амелина примерно в том году, когда и была учреждена Литературная премия Солженицына. В одном из его стихотворений я встретился с графом Хвостовым. С Хвостова и начался мой интерес к Амелину. Мы диалектику учили не по Гегелю и историю литературы тоже. Я вспоминаю, когда мне было одиннадцать лет, мы переехали на новую квартиру и мой отец-библиофил расставлял книги русских поэтов... Он всегда ставил книги не по алфавиту, а по хронологии. И так вот я историю литературы и узнал: Сумароков, Василий Майков, Херасков, Державин, Богданович... Потом Языков, Баратынский, а после публикации в «Новом мире» и Вяземский, и Алексей Константинович Толстой — так они появлялись и в поэтическом сознании Максима Амелина, примерно так мой отец расставлял книги в библиотеке.

И каждый раз ты думаешь о том, как прав был гоголевский Осип, когда говорил: «В хозяйстве и веревочка пригодится». В поэтическом хозяйстве и

граф Хвостов, конечно же, пригодится. И это как раз в то время, когда кто только не старался демократическим копытом лягнуть геральдического поэтического льва. А Амелин собирал их и кого мог — издавал. Так же как он путешествует по истории русской литературы (и не только русской, об этом сегодня уже шла речь, — а можно вспомнить и о его интересе к грузинской поэзии, к поэзии Украины) — так же он путешествует по миру.

Я всякий раз, когда попадаю в Рим, начинаю с утра бормотать его строчку: «Ты однажды утром проснешься в Риме...»²⁷ А уж если я на пароме путешествую от Поццуоли до Искьи, то, конечно, все стихотворение Амелина здесь годится. Но не надо представлять себе его таким туристом с тросточкой, как называл покойный Хрущев покойного же Виктора Некрасова. В том-то и дело, что если в одном стихотворении вам встретятся Израиль, Эллада и Рим, то можете не сомневаться, что на следующей странице появится куда более близкое Коломенское. Пожалуй, в Петербурге ему и холодно, и тесно... А вот в Москве, например, он утверждает: «Здесь жил Тишинский рынок»²⁸ (и я свидетельствую, он прав). Я точно знаю, я жил неподалеку от Тишинского рынка — это пространство моего детства. Он видит, как цветет жасмин на Бронной и Малой Никитской, и я свидетельствую — цветет (это пространство моей старости).

Он наблюдателен, цепок, и его поэзия живет живой жизнью. Можно говорить совсем старыми терминами о соединении в его поэзии всемирной отзывчивости и почвенничества, а можно вспомнить и формулу Вячеслава Иванова: родное и вселенское. Его вселенское становится родным, а его родное приобретает вселенский размах. Это касается и его исследовательской деятельности. Ну конечно, сердце радуется, когда ты как бы вместе с ним приобретаешь древнее издание «Опытов» Востокова. И в этом же стихотворении появляются имена его предшественников: Бонди, Гаспарова и Боброва. А я, вспомнив его название «Веселая наука», думаю не только о том, кому принадлежат эти слова, но вспоминаю и строчки замечательного стиховеда и пушкиниста Бориса Викторовича Томашевского, еще 90 лет назад писавшего: «Потому и весело работать над стихом, что в нем всё еще не ясно». Я думаю, что за 90 лет ясности в поэзии не прибавилось, и Максиму Амелину еще долго будет очень «весело работать над стихом» — и над собственными текстами, и над переводами. А нам — следить за его критической деятельностью.

Я, конечно же, как и многие читатели, жду, а когда же в его поэтической библиотеке появится веселое имя Пушкин. Ну, во-первых, Богу — Богово, а «Пушкину — Непомнящего». А во-вторых, его отношение к Пушкину мне напоминает отношение верующего к Богу — Его имя не произносится всуе. Это моя догадка. Это говорит о целомудрии. Ну и наконец, он живет не в

²⁷ Амелин М. «Ты однажды утром проснешься в Риме...» // Амелин М. Гнутая речь. С. 124 (курсив М. Амелина).

²⁸ Он же. На смерть Тишинского // Там же. С. 46.

XVIII–XIX веках, а в наше время. А в нынешнем столетии поэты его возраста еще не переживают «второе рождение», по словам Пастернака, еще всё впереди. Кто знает, может быть, появится и Александр Сергеевич не в стихотворении, так в исследовательском труде Амелина.

Я всегда слежу за тем, кто из животного мира обитает в стихах того или иного поэта, и грустно, что пока не нашел моей любимой собаки — может, нет еще такого стихотворения или мне не подалось. Зато есть птицелов, зато есть птицы, которыми полон поэтический мир Амелина. А его стихотворение «Возвращение Птицелова» заставляет вспомнить и раннее стихотворение Багрицкого «Трудно дело птицелова», а появившийся там неожиданно Суворов опять-таки напоминает раннее стихотворение Багрицкого о Суворове. Простив Амелину отсутствие в стихах собаки, я прощаю ему пока и отсутствие Александра Сергеевича Пушкина.

Думая о поэтах, я всегда выбираю и свое любимое стихотворение, под которым я бы подписался под каждой строчкой. И любимое стихотворение — «Господи, суди мои дела...». А вот любимую строчку я повторяю всё чаще и чаще, особенно в последние три года. Когда начиналась перестройка начала 1980-х годов, именованная «великими реформами», Иван Сергеевич Тургенев с горестным изумлением заметил: «Выползают на свет божий разные гниды, в лицах которых мы, к сожалению, слишком часто узнаем своих знакомых»²⁹. Я думаю, что каждый из нас за последние три года пережил такое состояние... Мы видим, как дамы просто приятные или дамы приятные во всех отношениях стремятся превратиться в гоголевских ведьм, как пустопорожние, но безобидные Бобчинский и Добчинский или Макдональды Карловичи и Сысой Пафнутьевичи, о которых и не слышно было, стараются надеть на себя маску Вия, как Макар Девушкин, минувя станции, ну, скажем «Фома Опискин», «Голядкин», «Человек из подполья», оказывается прямо-таки Смердяковым... А обратного движения от Смердякова к Макару Девушкину почему-то нет... И вот тут на помощь приходит строчка из раннего стихотворения Максима Амелина: «Я из другого текста...»³⁰ Иногда я думаю, не слишком ли высокомерно это сказано. Ну что ж, высокомерие — не грех, если есть высокая мера. Высокая мера и отличает Амелина-поэта, Амелина-критика, Амелина-переводчика и Амелина-издателя. И разве не для того, чтобы эта высокая мера жила в сознании русского литератора, русского критика, русского читателя, русского мыслителя, и задумывалась премия Александром Исаевичем Солженицыным, премия, носящая его имя и присужденная поэту Максиму Амелину.

²⁹ Из переписки И.С. Тургенева с И.П. Анненковым (1856–1862) // URL: http://dugward.ru/library/turgenev/annenkov_perepiska.html (дата обращения: 31.07.2013).

³⁰ Амелин М. «Маленький город этот на вид — верблюда...» // Амелин М. Гнутая речь.

А.Э. Скворцов, филолог, литературный критик:

Дорогие друзья!

Выступать последним на высоком собрании одновременно сложно и легко. С одной стороны, трудно говорить после точных и глубоких речей, произнесенных другими ораторами. С другой — обращаться к аудитории легко, поскольку сегодняшний лауреат столь многогранен, что за несколько минут осветить все стороны его деятельности едва ли под силу даже самому проницательному наблюдателю. Поэтому постараюсь быть кратким и упомяну всего три обстоятельства, характеризующие Максима Амелина, человека и профессионала.

Прежде всего, хотелось бы отметить адекватность формулировки решения жюри. Премия вручается «за новаторские опыты, раздвигающие границы и возможности лирической поэзии; за развитие многообразных традиций русского стиха; за обширную просветительскую деятельность во благо изящной словесности». Пред нами действительно *homo cultus*, в равной степени мощно проявляющийся во всех названных областях, — а ведь любой из них с лихвой хватило бы на полноценную творческую жизнь.

И здесь нельзя не сказать, что даже такие впечатляющие своим широким охватом гуманитарные интересы и таланты лауреата — лишь надводная часть айсберга. Сложись его судьба несколько иначе, он мог бы стать историком, искусствоведом или музыкальным критиком, ибо познания его, без преувеличения, поистине энциклопедичны. Но своим домом он избрал словесность, где центром оказалась русская поэзия. Символическое хозяйство лауреата велико. В нем нашлось место всем наукам, дисциплинам и занятиям, так или иначе связанным с языком богов: истории литературы, лингвистике, библиофильству, книгоизданию, филологии, художественному переводу и многому другому. В его понимании нет поэзии без многознания и учености, но и они сами по себе мертвы без поэтического вдохновения. Все, к чему прикасается Максим Амелин в пространстве культуры, становится живым, радостным, захватывающе интересным и остроактуальным.

Наконец, последнее. Нарисованный здесь портрет может создать впечатление, будто перед нами попавший в современный мир античный титан, никогда не ведающий отдыха. Имея возможность неоднократно наблюдать нашего героя в разных обстоятельствах, в том числе и в домашней обстановке, могу засвидетельствовать, что в обыденном смысле он действительно почти не отдыхает. Чтобы представить себе главреда «ОГИ» часами возлежащим на диване перед телевизором, надо обладать исключительно развитым воображением. Однако и ему не чуждо ничто человеческое. Только отдых его — просто смена сферы культурной деятельности. От повседневной редакторской работы он переключается на филологические разыскания, которые помогают делать переложения Пиндара, Гомера или Катулла,

а древность в свою очередь питает родники его собственной оригинальной поэзии. И в результате подобной праздничной «праздности» Максима Альбертовича, по сути представляющей собой неустанное осмысленное и продуктивное движение по лабиринту мировой культуры, выигрывает культура русская — и все мы.

Поздравляем тебя, дорогой Максим! Мы за тебя рады!

М.А. Амелин:

Прежде всех прочих слов мне хочется поблагодарить жюри литературной премии, носящей имя крупнейшего русского писателя и мыслителя XX века Александра Солженицына, за крайне неожиданный для меня выбор, за высокую честь быть удостоенным этой награды после видных деятелей литературы и науки, подвижников русского языка и культуры. От осознания этой сопричастности я даже чувствую себя несколько неловко, в глубине души страшась оказаться не слишком достойным или сломиться под тяжестью упавшей на меня ответственности. Ответственности за прошлое русской поэзии, за ее настоящее и, возможно, будущее.

Поэзию как область приложения умственных и душевных сил я не выбирал, она выбрала меня сама и заставила служить себе истово и преданно. По крупицам собирая малодоступные творения старых русских поэтов, вчитываясь в них и размышляя над ними, я пришел к однозначному выводу, что карта нашей поэзии предельно неточна, что на большей части ее законной территории расположен историко-литературный ГУЛАГ, куда ссылались все неугодные на протяжении нескольких веков, а те языковые богатства, которые там сокрыты, никак или почти никак не используются.

В юности сильнейшее впечатление на меня произвела «Философия общего дела» Николая Федорова, быть может наиболее целостная и оригинальная мыслительная система из произросших на русской почве. Мне показалось, что его идеи вполне могут быть применимы не только в деле освоения космоса, но и в отношении всей предшествующей поэзии, осознаваемой как единый и тесно связанный между собой зримыми и незримыми жилами живой организм, в котором не должно быть победителей и побежденных, любимцев и изгоев, ставших таковыми зачастую лишь в силу ложных теорий, недальновидных утверждений современников или избирательной памяти потомков.

История русской поэзии, представавшая в идеологическом литературоведении бесконечным батальным полотном, явилась передо мной скорее общим хором пусть и неравносильных, но весьма разнообразных голосов, каждый из которых по-своему славословит Творца и творение. Сторонники противоположных мнений о поэзии, суждений о ее языке и взглядов на сущность поэтического вещества, шишковисты и карамзинисты, славянофилы и западники, оказались различными частями единого тела Адамова, без ко-

торых оно не является полным, а значит, и дальнейшая преемственность может не состояться, дав неожиданный сбой.

Особенно трепетным отношением и подлинной любовью я проникся к поэтам допушкинской поры, оказавшимся для меня отнюдь не литературными ископаемыми, а верными собеседниками и учителями. Русский поэтический XVIII век, изъясняющийся на необыденном, необычайно весомом и емком языке, на самом деле был огромной плавильней и кузней едва ли не всего грядущего разнообразия форм и жанров, видов и традиций, до сих пор так или иначе проявляющегося в нашей поэзии. Языковая архаика оказалась такой живой и мощной, что я не смог мимо нее равнодушно пройти, не поддавшись заложенным в ней очарованию и силе.

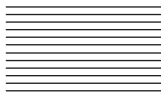
В искусстве, в отличие от промышленного производства, нет прогресса. В своих стихотворных опытах я стараюсь говорить о болях и радостях современного мира языком торжественным и нерабским, показывая недопроявленные возможности его смысловых и стилистических регистров. Усредненность языка для поэзии, на мой взгляд, не менее губительна, чем серость чувств и убожество мыслей. Те формальные новшества, которые я пытаюсь вводить, так же как и языковые, лишь наследуют хорошо забытым находкам и развивают упущенные направления. Экспериментаторство ради экспериментаторства, взятое в отрыве от многовековых традиций национальной поэзии, само по себе, оставляет меня равнодушным.

Русский язык настолько гибок и многолик, что перевести на него при желании можно самую сложную поэтическую мысль, добиться не только смыслового, но и формального тождества. Многолетние занятия стихотворным переводом, в основном с мертвых языков, убедили меня в этом, в то же время дали понять, как трудно вернуть древних поэтов от бессмертия к жизни, вырвать из рук холодной вечности и представить нашими современниками. Ведь главное — не просто перетолмачить оригинал, но по возможности наделить переводимого поэта особым, ни на кого не похожим голосом, пусть и с легким иноязычным акцентом, пересадить на новую почву.

Воскрешение незаслуженно забытых поэтов прошлого — обязанность ныне живущих. Только тогда ты можешь рассчитывать на беспристрастность потомков, если своими руками по мере сил сделал что-либо для того, чтобы вызволить из небытия хотя бы одного предшественника. Взяв на вооружение эту простую мысль, я считаю своим долгом всеми доступными мне средствами бороться за восстановление справедливости в отношении несправедливо оболганных и невинно осужденных прежних поэтов, писать о них непредвзято, не обращая внимания на устоявшиеся мнения и расхожие заблуждения, издавать и продвигать их сочинения. Убежден, хорошая поэзия не устаревает, наоборот, настаивается и с течением времени приобретает новые смыслы.

Современное человечество едва ли не во всех своих проявлениях идет по пути наименьшего сопротивления и экономии средств. Опыт и осмысленная работа больше не являются составляющими нового искусства. Его приверженцы перестают видеть своей целью создание произведения как законченного целого, отделенного от своего создателя, смещают акценты с внутреннего на внешнее в погоне за внехудожественными эффектами. Всеобщая глобализация, увы, коснулась и поэзии. Стихотворная продукция все чаще становится лишенной не только национальной, но и индивидуальной принадлежности, отличается безликостью языка и размытостью всех естественных составляющих.

Известно, что великая китайская поэзия пришла в упадок после того, как потеряла связь с предшествующей традицией, когда люди перестали понимать многозначность иероглифов и начали считать только первый план. Не хотелось бы, чтобы подобная участь постигла и нашу. Утраченную связь времен восстановить нелегко. Опыт прошедших веков показывает: отсутствие исторической памяти грозит катастрофами в настоящем и будущем. Задача художника в современном мире — способствовать ее восстановлению и сбережению.

«МЫ ВСЕ МИЛОСТЬЮ БОЖИЮ ПОКА ЖИВЫ И ЗДОРОВЫ, А ТАМ КАК БОГ ДАСТ»

*Новые сведения о фронтовом пути И.С. Солженицына,
отца писателя
(1914–1918)*

*Публикация, подготовка текста,
предисловие и примечания Г.А. Тюриной*

Сегодня ночью у нас была настоящая гроза...

Крестный слышал такое ее объяснение:

— Это вишь-ты, брат, в Дарданеле-то палят, так оно, значит, того, тучи и получаются.

— Да как же это? Ведь Дарданела эта далеко, как-жись?

— Далеко-то далеко, да это ведь, брат, для тучи — плевое дело!

*М.А. Карпова — З.А. Карпову
Москва, 10 марта 1915*

Предлагаемый вниманию читателей материал — выдержки из фронтовых дневников и переписки полковника (впоследствии генерал-майора) Зосимы Александровича Карпова (1858–1943) — связан с семейной историей Александра Солженицына и бросает дополнительный свет на «военные» главы «Красного Колеса». В 1914–1915 годах З.А. Карпов командовал дивизионом 1-й гренадерской генерал-фельдмаршала графа Брюса артиллерийской бригады, в составе которой служил отец писателя, Исаакий Семенович Солженицын. Объемная (497 листов) машинопись, озаглавленная «Из фронтовых дневников полковника Зосимы Александровича Карпова», включившая его ежедневные отчеты о военных буднях с июля 1914 года по январь 1917-го, была передана в 2012 году в архив Александра Солженицына Наталией Георгиевной

Холодовской¹. Среди реликвий ее семьи — еще один уникальный артефакт: изумительной художественной работы складень, преподнесенный сослуживцами полковнику Карпову в 1916 году (см. вклейку между с. 312–313 наст. изд.). Среди пяти десятков подписей офицеров, выгравированных на обороте складня, присутствует и имя Исаакия Солженицына².

Для обработки материала были использованы фонды Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки, документы архива Александра Солженицына в Троице-Лыкове. Выявленные в них факты позволили уточнить и дополнить сведения, сообщаемые Карповым, откомментировать и подготовить к печати избранные фрагменты этого текста. Приносим глубокую благодарность Владимиру Емельяновичу Андреенкову³, Наталии Дмитриевне Солженицыной и сотрудникам указанных хранилищ за помощь в этой работе.

* * *

Документальное свидетельство жизни и военном пути Исаакия Солженицына (1891–1918) сохранилось совсем немного, причины тому — и краткость его жизни, и жестокие потрясения XX века, заставившие жену закопать в землю бесценные для нее боевые ордена мужа, и испытания, выпавшие на долю его единственного сына. Тем дороже каждое письменное слово об отце писателя и каждый предмет, связанный с его именем.

Биографы Солженицына, приводя скудные сведения об Исаакии Семеновиче, ориентируются на его литературный портрет в эпопее «Красное Колесо». Действительно, всю свою сыновнюю любовь и преданность писатель вложил в образ Сани Лаженицына, в работе над которым он опирался на рассказы матери и родных (дяди Ильи, сводного брата отца⁴, и тетки Ирины,

¹ Н.Г. Холодовская (1928–2012), внучка З.А. Карпова, художник, график, член Союза художников СССР. Более 20 лет была художественным редактором издательства «Детская литература», иллюстрировала книги для детей, с 1973 года — на творческой работе. Специализация Н.Г. Холодовской — сухая пастель, основной предмет изображения — природа в ее разнообразных состояниях. Созданные ею картины находятся в частных собраниях Москвы, Токио, Падуи, Вероны, Генуи, Венеции, а также в Музее современного искусства Падуи.

² В записях Карпова и на обороте складня его фамилия представлена в другом варианте, а именно «Салжаницын» (как она писалась в документах Исаакия Семеновича). В публикуемых фрагментах этих текстов мы сохраняем такую форму, но в своей сопроводительной статье будем использовать написание, принятое ныне.

³ Муж Наталии Георгиевны Холодовской (р. 1930), художник, член Московского союза художников с 1962 года. Его картины находятся в фондах Государственной Третьяковской галереи, Государственного Русского музея, художественных музеях Тулы, Орла, Кемерово, Могилевском областном художественном музее, частных собраниях в США, Франции, Италии, Швейцарии и других стран.

⁴ Илья Семенович Солженицын (1902–1975) в «Красном Колесе» изображен под именем Евстрата.

невестки матери⁵). Изображение в эпопее военных реалий и обстоятельств пребывания Исаакия Солженицына на фронтах Первой мировой основано на изучении автором многочисленных документов, воспоминаний и свидетельств современников, а также на собственном военном опыте (служба в артиллерийском дивизионе, путь которого в 1944–1945 годах поразительным образом повторил линию движения 1-й гренадерской артбригады). В 1964-м, еще находясь на гребне волны официального признания после публикации «Одного дня Ивана Денисовича» и имея доступ в государственные архивы, писатель получил возможность познакомиться с фондом 1-й гренадерской бригады в Центральном государственном военно-историческом архиве (ныне Российский государственный военно-исторический архив).

Фонд бригады составляют оперативные и строевые документы, приказы, журналы военных действий, тетради записей о состоянии боевых комплектов батарей, схемы расположения телефонной связи, донесения и полевые книжки офицеров, в их числе отчеты командира бригады Н.Н. Бельковича, командира 2-го дивизиона З.А. Карпова, бригадных адъютантов Штадена, Загорского, Викторовского, Звонкова, Внукова, Свирбутовича, Кондратьева (РГВИА. Ф. 3673. Оп. 1. 1-я гренадерская артиллерийская бригада). Далеко не все документы бригады сохранились, тем не менее их фонд в РГВИА весьма обширен. В центре внимания Солженицына были в первую очередь документы 3-й батареи бригады, в которой служил его отец, а также записи в книгах приказов, донесения и полевые книжки офицерского состава бригады. Выписки из документов, сделанные писателем в архиве, заполняют несколько конвертов картотеки «Красного Колеса».

В конверте с надписью «1-я гренадерская артиллерийская бригада» находятся по преимуществу выдержки из книг приказов начала войны (июль – август 1914), и ее конца (март 1917 – февраль 1918), схемы подразделений и карты передвижения войск. Бесценной находкой писателя стали несколько абзацев в журнале военных действий за октябрь 1916 года, сделанные рукой его отца (записи от 6 и 19 октября⁶). Кроме этого фрагмента, имя Исаакия Солженицына присутствует в материалах за 1917 год: в частности, в приказе за № 537 о награждении его орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (объявлен по бригаде 5 мая 1917), о включении подпоручика Солженицына в бригадный комитет (июнь). Фигурирует он и в журналах военных действий 1-го дивизиона в июле 1917-го (5 июля встречал на позиции наблюдательного пункта 3-й батареи комбрига Черепанова).

С особой тщательностью выписаны Солженицыным военные отчеты 3-й батареи за август 1917-го, в это время в ее расположение приезжала Таисия

⁵ Ирина Ивановна *Щербак* (?–1980), жена Романа Захаровича *Щербака*, брата матери писателя. В «Красном Колесе» изображена под именем Ирины Томчак (Ори).

⁶ Даты в документах здесь и далее приводятся по старому стилю.

Щербак, в походной церкви в фольварке Узмошье 23 августа состоялось венчание будущих родителей писателя. Запись об этом сделана на обороте свидетельства о рождении Исаакия Солженицына. Это свидетельство, запрошенное Исаакием в Ставропольской духовной консистории в 1911 году в связи с поступлением в Харьковский университет, — единственный официальный документ, сопровождавший его на фронте. Вместе с «Выписью из метрической книги» о его смерти, выданной по запросу семьи в 1919-м, оно хранится ныне в архиве Александра Солженицына (оба документа переданы писателю родными после его возвращения из казахстанской ссылки, в 1956 году)⁷.

Текст дневников полковника Карпова, на протяжении трех лет ежедневно аккуратно и обстоятельно фиксировавшего все подробности бытования бригады, писателю известен не был. Более полувека 12 тетрадей с этими записями недвижно хранились в архиве его семьи, в 1970-х его дочь Мария Зосимовна Холодовская (1898–1989) сделала машинописную копию текста с добавлением фрагментов переписки Карпова, записей и выдержек из писем воевавшего в той же бригаде его сына Константина и его друзей, собственных воспоминаний о поездке к отцу на фронт в декабре 1914 года⁸. Оригиналы дневников вместе с другими материалами семейного архива М.З. Холодовская, по свидетельству ее детей, в 1978 году передала в отдел рукописей РГБ, где они составили фонд № 749 «Волковы, Бертье де ла Гард, Карповы». Ныне он насчитывает 42 единицы хранения (по преимуществу — письма и фотографии), но записей З.А. Карпова среди них нет, а потому основным источником публикации послужила машинопись М.З. Холодовской. Этот новообретенный источник в полноте подтверждает правдивость и органичность созданной художником в «Красном Колесе» картины военной жизни, позволяет дополнить и уточнить некоторые обстоятельства первых двух лет фронтовой жизни Исаакия Солженицына.

В 1981 году М.З. Холодовская составила два варианта биографического очерка об отце⁹. На их основе приводим краткие сведения о жизни З.А. Карпова и его родных.

⁷ Впервые тексты этих документов опубликованы в биографии Александра Солженицына. См.: *Сараскина Л.И.* Солженицын. М.: Мол. гвардия, 2009. С. 28, 75–76. В 2011 году они в числе других материалов архива писателя экспонировались в Музее рукописей Мартина Бодмера в Женеве. См.: *Alexandre Soljenitsyne: Le courage d'écrire / sous la direction de G. Nivat.* Genève: Éd. des Syrtes, 2011. P. 327–331.

⁸ Из текста, составленного М.З. Холодовской, следует, что ее отец вел дневник до последнего дня пребывания на фронте, т. е. до сентября 1917 года, однако последние тетради (по-видимому, две) были утрачены или уничтожены самим Карповым.

⁹ Оба написанных М.З. Холодовской текста имеют конкретных адресатов. Один был ответом на просьбу историка и писателя Ф.М. Лурье, другой — В.Н. Щелкачева, физика, в 1930-х годах репрессированного за религиозные убеждения, впоследствии много лет трудившегося в Московском нефтяном институте (ныне Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина).

* * *

Зосима Александрович Карпов родился в 1858 году в Харьковской губернии. Его отец, Александр Иванович Карпов, потомственный дворянин, георгиевский кавалер, участник Кавказской войны, умер, когда сыну было семь лет, через год от туберкулеза умерла и мать. Мальчика поместили во французский пансион в Ахтырке, в десятилетнем возрасте он поступил в Нижегородскую военную гимназию¹⁰, затем был направлен в Павловское военное училище¹¹, которое окончил по 1-му разряду в мае 1878 года. Произведен в прапорщики и назначен на службу в одну из бригад Александропольской крепостной артиллерии¹². В 1880 году в звании поручика прикомандирован к морской батарее в составе войск, действовавших в Закаспийском крае. 12 января 1881 года с морской картечицей участвовал во взятии штурмом отрядом Михаила Скобелева крепости Геок-Тепе¹³, после чего Ахалтекинский оазис был присоединен к России¹⁴. За проявленное отличие награжден орденом Св. Владимира 4-й степени и в августе 1881-го назначен заведующим вооружением укрепления Геок-Тепе; после перенесения этого вооружения в основанное на месте туркменского поселения укрепление Асхабад откомандирован в 20-ю артиллерийскую бригаду во Владикавказ.

Был бригадным адъютантом, заведовал учебной командой, председательствовал в суде общества офицеров. В 1895 году произведен в капитаны, в 1901-м — в подполковники с назначением командиром батареи 1-й артиллерийской бригады в Вязьме, в 1903-м назначен командиром 3-й батареи

¹⁰ Учебное заведение (Новгородский кадетский корпус) было основано волей Николая I в 1834 году; в 1866-м корпус был переведен в Нижний Новгород и преобразован в военную гимназию. В 1882 году переименован в Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус. Распущен в 1918 году.

М.З. Холодовская сообщает, что, поскольку родных у Зосимы Карпова не было, он пребывал в гимназии неотлучно и даже каникулярное время проводил за учебой, при этом был компанейским и дружелюбным юношей (хотя первое время товарищи его дразнили, т. к. он умел говорить только по-украински и по-французски).

¹¹ Пехотное военное училище в Петербурге, существовавшее с 1829 по 1917 год.

¹² Александрополь — древний армянский город Кумайри, в ходе Русско-персидской войны 1804–1813 годов вошедший в состав Российской империи, в 1837-м переименован в честь жены Николая I Александры Федоровны. В советское время назывался Ленинакан, ныне — Гюмри.

¹³ Ныне туркменский город Гёкдепе, главная его достопримечательность — развалины обширного укрепления, построенного текинцами для обороны оазиса от русских войск.

¹⁴ В результате Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 годов в состав Российской империи добровольно вошли также Мервский и Пендинский оазисы Туркмении с городом Мервом и крепостью Кушка. См., напр.: *Березовский В.* Завоевание Туркмении: Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг. СПб., 1899.

Кавказской резервной артиллерийской бригады в Пятигорске. В 1910 году произведен в полковники и назначен командиром 2-го дивизиона 10-й артиллерийской бригады, дислоцировавшейся в Нижнем Новгороде. В январе 1913 года поставлен командиром 2-го дивизиона 1-й гренадерской генерал-фельдмаршала графа Брюса артиллерийской бригады, славного боевого соединения, ведущего свою историю с 1811 года. С 1866 по 1914 год бригада входила в состав Московского военного округа.

«В походах и делах против австро-германцев находился с июля 1914»¹⁵, когда 1-я гренадерская артиллерийская бригада — еще в ходе мобилизации — в составе Юго-Западного фронта была направлена в Галицию для задержания врага. За руководство действиями дивизиона и хорошее управление огнем («что способствовало решительному поражению германской пехоты») в декабре 1914 года полковник Карпов награжден Георгиевским оружием. Приказом главнокомандующего Западным фронтом от 4 января 1916 года был назначен командиром 111-й артиллерийской бригады. 6 декабря 1916-го «за военные отличия произведен в генерал-майоры с утверждением в занимаемой должности». 11 сентября 1917 года «дедушка» и «отец родной» (так называли командира любившие его подчиненные) по болезни эвакуирован в Москву и больше в армию не возвращался.

Сохранилось удостоверение о назначении бывшему генерал-майору Карпову казенной пенсии, которой он так и не получил. Существовать было не на что, и шестидесятилетний воин начал свою гражданскую «карьеру» с должности вольнонаемного писца канцелярии податного инспектора, затем окончил курсы налогового дела и до конца 1927 года работал по счетной части в Бюро школьных экскурсий, а затем в Центральном музейно-экскурсионном институте в Москве¹⁶. В адресе по поводу проводов на пенсию Карпов именуется «рыцарем товарищества и культуры», который делал «большую, трудную и скучную работу». Там же коллеги писали: «...каждое наше с Вами деловое свидание давало нам какую-то сумму тепла, как-то будило чувство уважения к человеку вообще, ибо вся Ваша работа, строго деловая, не была, однако, сухой, ибо за ней Вы видели живых людей...»¹⁷

Замечательные человеческие качества Карпова не были препятствием для доноса одного из соседей, по которому его как бывшего царского генерала в очередной раз лишили пенсии. Все же друзьям удалось Карпова

¹⁵ Эта и две следующие цитаты из сохранившихся наградных документов З.А. Карпова приведены М.З. Холодовской.

¹⁶ Собственно говоря, это одно и то же предприятие. Центральное бюро школьных экскурсий при Главполитпросвете (прежде — внешкольный отдел Наркомпроса под руководством Н.К. Крупской) начало свою работу летом 1920-го, через год на базе бюро образовался Центральный музейно-экскурсионный институт, который разрабатывал главным образом вопросы организации и методику проведения школьных экскурсий.

¹⁷ К сожалению, М.З. Холодовская не указала дату этого адреса.

отстоять, так что конец жизни он провел на своем дачном участке, помогая детям и внукам, которые его очень любили. Он с большим увлечением и успехом разводил цветы и ухаживал за садом (хотя, по замечанию дочери, разбивал свои цветники порой «на какой-нибудь мусорной куче») и снискал у одной из своих знакомых прозвище «Франциск Ассизский в генеральском мундире». Умер Зосима Александрович в Москве в марте 1943 года.

Среди близких друзей Карпова упоминаются прославленный летчик, герой войны, основоположник высшего пилотажа Петр Николаевич Нестеров (1887–1914) и поэтесса и переводчица Мария Валентиновна Ватсон (1887–1932), впервые подарившая русскому читателю приключения «рыцаря печального образа»¹⁸.

Примечательны и семейные связи Карпова. Рано оставшись сиротой, он мало знал об истории семьи, но верил преданию, что его дед по линии отца тоже был военным и служил на Кавказе в одно время с отправленным туда в первый раз Лермонтовым. Гораздо больше сведений о родных его жены, Марии Александровны Бертье де Лагард¹⁹ (1864–1942), с которой Зосима Александрович познакомился в 1885 году во Владикавказе и прожил 57 лет. Ее дедом по линии матери был художник Лев Александрович Волков (†1852), живший в Москве, но тесно связанный с Кавказом. Его дочь Глафира (1829–1907) вышла замуж за военного Александра Александровича Бертье де Лагарда (†1889), дедом которого был брат будущего наполеоновского маршала, еще при Екатерине II переехавший в Россию и получивший хутор под Севастополем²⁰. Их дочь Мария, будущая жена Зосимы Александровича, родилась в Сухуми, училась в Тифлисской гимназии, после окончания переехала во Владикавказ, где и встретила молодого офицера-артиллериста З.А. Карпова. В 1890-х в разных городах, куда Карпов переводился по дол-

¹⁸ Первое издание полного (и переведенного с испанского) «Дон Кихота» на русском языке вышло в свет в 1907 году.

¹⁹ В документах встречается три варианта написания этой фамилии: Бертье де Лагард, Бертье-Делагард, Бертье де ла Гард.

²⁰ Степень родства мужа Глафиры Волковой с братом маршала, указанная М.З. Холодовской, вызывает сомнение. В ее генеалогических построениях присутствует явная путаница (во всех упоминаемых ею семьях было по многу детей, и разобраться в них весьма затруднительно). Скажем особо о племяннике А.А. Бертье де Лагарда Александре Львовиче (1842–1920) — инженере, археологе, историке, выдающемся исследователе Крыма, вице-президенте Одесского общества истории и древностей, члене Московского археологического общества, члене-корреспонденте Императорской Археологической комиссии и множества других ученых сообществ, стоявшем у истоков культурного освоения Крыма, в частности, будучи военным инженером, он участвовал в строительстве портов, водопроводов и железных дорог. См. о нем: Андросов С.А. Жизнь и деятельность А.Л. Бертье-Делагарда в документах Государственного архива Автономной Республики Крым // Культура народов Причерноморья (Симферополь). 2001. № 25.

гу службы, у них родилось трое детей: дочери Александра и Мария и сын Константин, появившийся на свет в 1893-м.

Наиболее продолжительное время на одном месте, с 1903 по 1910-й, семья прожила в Пятигорске, затем три года в Нижнем Новгороде, далее — Москва. Младшая дочь Мария Зосимовна (в замужестве Холодовская, будущий «семейный архивист») начала обучение в нижегородской гимназии, в 1916 году окончила гимназию в Москве и поступила в художественную школу К.Ф. Юона²¹, но весной 1917-го школа была закрыта. С 1919-го Мария Зосимовна работала в Румянцевском музее, с 1920 по 1958-й — в его Гравюрном кабинете, она автор и составитель книг, посвященных истории гравюры и ее мастерам²². Еще будучи гимназисткой, она познакомилась с другом своего брата Константина — Исаакием Солженицыным.

* * *

Эта дружба началась в пятигорской классической мужской гимназии²³. Учебу в ней сын хуторянина Солженицына начал в 1902 году (тогда она еще называлась «прогимназией»), крайне неохотно отпустил его отец от хозяйства учиться, и Исаакий был старше своих одноклассников. Годом позже, в 1903-м, после переезда Карповых в Пятигорск, в это же учебное заведение поступил и Костя, начальным образованием которого занималась мать. Совместное пребывание мальчиков в гимназии продолжалось семь лет, невозможно с уверенностью указать, когда именно зародилось их дружество. В 1910 году их пути разошлись: Солженицын окончил курс и вернулся на отеческий хутор, а Карпов уехал с семьей в Нижний Новгород, так что доучиваться ему пришлось в нижегородской мужской гимназии. Товарищи снова встретились в Москве, куда Карповы переселились в январе 1913 года. К этому времени Исаакий уже полгода учился на втором курсе физико-математического факультета Московского университета после успешного окончания первого курса историко-философского в университете Харьковском.

²¹ Юон Константин Федорович (1875–1958) в 1900 году открыл в Москве вместе с художником И.О. Дудиным частную художественную школу «Студия Юона», которая существовала до 1917 года. В этой школе учились В.А. Ватагин, В.И. Мухина, В.А. Фаворский и другие известнейшие советские художники. См., напр.: Константин Федорович Юон: Столетие со дня рождения (1875–1975): каталог / коллектив авт., вступ. ст. И.Т. Ростовцевой. М.: Сов. художник, 1976.

²² Список печатных научных работ М.З. Холодовской насчитывает более 60 наименований. Это статьи в журналах и сборниках, книги, альбомы и монографии о творчестве В.А. Фаворского, К.В. Кузнецова, И.А. Соколова, А.Д. Гончарова, Н.И. Купреянова и др.

²³ Учебное заведение с большой историей. Оно выросло из организованного в 1850 году уездного училища, в 1866-м училище было преобразовано в классическую прогимназию, которая в 1905 году получила статус гимназии. В годы немецкой оккупации здание было сожжено и разрушено, в 1950-м восстановлено и в нем вновь размещена школа. В настоящее время носит малопоэтичное название: МОУ СОШ № 1 им. М.Ю. Лермонтова.

Молодые люди стали завсегдатаями собраний Пятигорского студенческого землячества²⁴. Солженицын бывал дома у Карповых в Денежном переулке²⁵, хорошо был знаком с его семьей.

По-видимому, этот факт был известен Александру Солженицыну по рассказам матери: создавая в «Августе Четырнадцатого» литературный портрет Сани Лаженицына, уходящего со студенческой скамьи на фронт, он сопровождает его фигурой университетского товарища Коти. Однако подробностей истории отправки на передовую прототипов своих героев писатель не знал (наверное, не знала их и Таисия Захаровна). «Константин Гулай — придуманное имя. Его я рисую со своего друга Виткевича, отношения с ним даю, какие у нас были», — комментирует Солженицын генезис образа Коти²⁶. 42-я глава «Августа Четырнадцатого» (прощание Сани и Коти с Москвой) тоже написана по воспоминаниям о собственном прощании с городом в июне 1941-го²⁷.

Реальные события 1914 года происходили несколько иначе. Весть о войне застала Исаакия Солженицына (как и героя эпопеи) на родном хуторе, где он проводил каникулы. Не дождавшись их окончания, он срывается в Москву с твердым намерением отправиться в действующую армию, несомненно, вместе с Костей Карповым при содействии его отца, командующего дивизионом артбригады. Но Исаакий опоздал, Костя в это время был уже на фронте. Приказ об отправке на театр военных действий полковник Карпов получил 18 июля в Пятигорске, где находился с семьей после курса лечения в Эссентуках. Немедленно вернувшись в Москву, он организует отправку дивизионного эшелона и 26 июля выезжает на фронт. С ним едет и Костя с друзьями-сверстниками — Петром Падалкой и Варфоломеем Лилеевым²⁸,

²⁴ Землячества были единственной разрешенной формой студенческих объединений в начале века. Студенчество было весьма беспокойной общественной средой в те годы. Так, в 1911 году Московский университет был сотрясен протестом против ужесточения полицейского контроля над профессорами и студентами: из-за увольнения ряда профессоров и нарушения университетской автономии его стены демонстративно покинули более 130 профессоров и преподавателей, среди них К.А. Тимирязев, П.Н. Лебедев, Н.Д. Зелинский, Н.А. Умов, С.А. Чаплыгин, В.И. Вернадский и др. Правительство ответило исключением из университета более тысячи студентов, некоторые были арестованы и высланы из Москвы. Землячества зачастую становились прикрытием для нелегальных политических организаций. Какие настроения сопровождали заседания Пятигорского землячества, мы не знаем, в 1914 году несколько его членов (не только Карпов и Солженицын) ушли добровольцами на фронт.

²⁵ Адрес Карповых находим в справочнике «Вся Москва» за 1914 год (с. 326).

²⁶ Сараскина Л.И. Солженицын. С. 54.

²⁷ Ср.: Солженицын А.И. Люби революцию: Неоконченная повесть // Солженицын А.И. Протеревши глаза: сборник. М.: Наш дом – L'Age d'Homme, 1999. С. 219.

²⁸ Пятигорские друзья Карповых. Один из них, Петр Падалка, с войны не вернется, погибнет в немецком плену. В машинописи дневниковых записей и писем Карпова, сделанной М.З. Холодовской, присутствуют и выдержки из пронзительных писем Падалки, обращенных к другой дочери Зосимы Александровича — Александре.

которых приняли, как тогда говорили, охотниками, т. е. добровольцами. 8 августа они уже гонят австрийцев, а 3 сентября дивизион переходит австрийскую границу. 7 сентября Костя получил свою первую Георгиевскую медаль.

Приехав в Москву, Исаакий Солженицын списался с Костей Карповым и попросил помочь ему с зачислением в ту же артиллерийскую часть. Как проходили эти переговоры, сведений нет, но известно, что в декабре 1914-го Исаакий Солженицын выехал на поезде из Москвы в Минск, в расположение 1-й гренадерской артбригады. Его случайными попутчиками оказались жена и дочь Зосимы Александровича, который поправлялся в минском госпитале после перенесенного возвратного тифа. Охотник Солженицын был определен в 3-й взвод 3-й батареи, Костя служил в 5-й батарее, и друзья могли довольно часто видеться. Как и другие добровольцы, через год после начала службы Исаакий был произведен в прапорщики. К нему в полной мере можно отнести слова З.А. Карпова, сказанные в августе 1915-го о собственном сыне: «Нет худа без добра: если бы Котька не пошел добровольцем, то его теперь забрили бы обязательно и ему пришлось бы служить нижним чином в пехоте, а теперь он офицер в артиллерии, его знают и любят».

Боевой путь охотника Солженицына прослеживается (вместе с продвижением всей бригады) в хронике Карпова до января 1916 года, когда последнему было приказано оставить командование дивизионом и заняться формированием нового подразделения, 111-й артиллерийской бригады. 8 января 1916 года бывшие подчиненные устроили в его честь прощальный обед, во время которого было произнесено много благодарных слов и преподнесен памятный подарок: дорогой складень с выгравированными на обратной стороне именами офицеров 1-й гренадерской бригады. Вернее, в этот день Карпову сообщили, что бригада преподносит ему складень, — сам образ нужно было сначала где-то приобрести и доставить на передовую. Точно так же годом ранее, в октябре 1914-го, бригада, воевавшая в то время с германцами на берегах Вислы, провожала своего командира Владимира Петровича Мамонтова, переведенного на командование 28-м корпусом во Львов. «К нам уже приехал новый командир бригады — Белькович, — пишет Карпов в дневнике, — Мамонтова жаль очень, преподносим ему образ — складень; батька (т.е. бригадный священник. — Г.Т.) поехал в Варшаву заказывать. Трудно будет Бельковичу после Мамонтова приобрести себе популярность...» Как долго выполнялся «заказ» для Мамонтова, неизвестно. Свой складень Зосима Александрович получил лишь в июле 1916 года.

Этот подарок хранился вместе с дневниками Карпова в семье столь бережно, что за истекшее столетие не понес никаких утрат и ныне являет собой замечательный образец церковного искусства начала прошлого века. Футляр из красного дерева с двумя латунными застежками, обитый внутри белой тканью (ложе бархатом, а боковые створки атласом), повторяет фор-

му трехстворчатого складня с закругленным сводом (в сложенном виде футляр имеет высоту 28,9 см, ширину 21 см, толщину 6 см, сзади — подножка, позволяющая раскрытому футляру быть подставкой для складня). Складень сделан из сплава металлов, размеры в сложенном виде 22,0×14,3×2,2 см. Поверхность с обеих сторон обильно украшена металлическим декором (растительный орнамент), а элементы, выполненные в технике эмали на задней стороне боковых створок, образуют крест голубого цвета размером 9×6,5 см, окруженный стразами. Складень состоит из трех икон: в центральной части — изображение Божией Матери «Отрада и Утешение» (12×8 см), слева — преподобный Зосима Соловецкий, справа — святитель Николай (размер икон одинаковый: высота 12 см, ширина 5 см внизу, 4 вверху). Образ Богородицы осенен изображением серафима, сделанным в технике эмали (размеры изображения 9,5×4,0 см).

Выбор образов для складня не случаен. Святой чудотворец XV века старец Зосима, устроитель Соловецкой обители, был небесным покровителем полковника Карпова, а святитель Николай всегда почитался на Руси как заступник воинов. Образ же главной помощницы в бранях Пресвятой Богородицы «Отрада и Утешение» был знаменем 1-й гренадерской артиллерийской бригады. В честь этой иконы в 1909 году на Ходынском поле в Москве, при Николаевских казармах, где до начала войны находилась штаб-квартира бригады, был освящен ее войсковой храм. Он был задуман как «памятник русской скорби об убиенных великом князе Сергии Александровиче и всех верных долгу и присяге царских слугах, павших в 1905–1908 от руки злодеев-революционеров и своею смертью запечатлевших преданность царю и Отечеству»²⁹. По стенам храма были расположены 12 громадных белых мраморных досок с перечислением 1845 фамилий людей, погибших в эти годы при исполнении служебного долга. Молитвенное обращение к образу Божией Матери, сохранившему в IX веке от внезапного нападения пиратов Ватопедский монастырь на Афоне, должно было спасти от разорения разбойниками и Россию³⁰.

Клирик этого храма священник Алексей Илларионов был направлен на линию фронта вместе со всей бригадой в июле 1914 года и прошел с

²⁹ Памятная запись, выбитая на мраморной плите на стене собора.

³⁰ Строительству этого храма в Москве придавалось большое значение. Необычайно торжественная закладка камня состоялась в 1907 году в день рождения Сергея Александровича при огромном стечении народа и предварялась величественным крестным ходом из Кремля. На средней арке воздвигнутого храма была надпись: «Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя». В 1924-м храм был закрыт. В здании с обрешеченными куполами и звонницей на долгие годы разместился заводской цех. В 1991 году здание было передано в ведение Городской клинической больницы им. С.П. Боткина и в его стенах открылся первый в новой России больничный храм. В настоящее время храм восстановлен по первоначальному чертежам.

ней весь боевой путь. В записях генерала Карпова «батяка» (так он обычно называет о. Алексия) присутствует постоянно, он всегда на передовой, в любых условиях совершает регулярные богослужения, отпевает погибших, окормляет и поддерживает солдат и офицеров, на досуге играет с ними в шахматы. Всем необходимым для служения бригадный священник должен был обеспечивать себя сам. За своими нуждами, как и остальное духовенство Юго-Западного фронта, он ездил в Варшаву, которая до войны была центром русского имперского присутствия на этих землях. При кафедральном Александро-Невском соборе действовали специализированные мастерские, где писались иконы и производилась церковная утварь, именно там отец Алексей заказывал складень для Мамонтова. Подарок Карпову имеет то же происхождение, но изготовлен в совсем других обстоятельствах.

За истекший с осени 1914-го до января 1916-го год с лишним положение дел на территории царства Польского кардинально изменилось. Успешное продвижение русской армии в этом направлении (в октябре 1914-го германцы были вытеснены от берегов Вислы на довоенные позиции) сменилось безнадежным отступлением, 22 июля 1915 года Варшава была оставлена русскими войсками. Записи Карпова отражают разительную смену внутреннего настроения воюющих. В феврале 1915-го его сын Константин сообщает родным: «Скоро, очень скоро война кончится; конец ее, конечно, в Константинополе», в апреле он все еще уверен: «А немцев здорово на Дунайце вздрючили. 9 тысяч одних пленных. Вообще, война уже скоро кончится». В мае другой охотник, Петр Падалка, отправляет сестре Кости Александре ту же весть, «война скоро кончится», но в совсем другом контексте: «Наверно будет выход из положения, пока же с грустью надо сознаться — немцы выиграли кампанию: мы всё отступаем, и так будет всегда, мы ведь остались без патронов, то есть без артиллерии. Ведь сейчас там, где нужно выпустить 1000–2000 снарядов, нам позволяют выпустить 80–100. Приходится стрелять только в самых важных случаях. Поэтому немцы имеют возможность безнаказанно маневрировать своими войсками, они хозяева положения. Мы же не можем ничего предпринять, — чтобы наступать, нужны патроны, а их у нас нет. <...>

Мы заняли опять исходную линию, значит, все тяжелое наступление через леса и высоты насмарку. У нас нет патронов, у немцев их сколько угодно. У нас нет проволоки для заграждений, немцы как приходят, к утру уже заграждения готовы. У нас нет тяжелой артиллерии, у немцев ее более, чем у нас легкой. У нас есть много плохих лизоблюдов-командиров, у немцев их нет. <...>

Ведь раз мы не могли удержать занятых Карпат, значит, немцы могут делать все, что хотят. Вот это и угнетает и мучает — ведь мы же не хуже их, и, столкнувшись ближе с нашей пехотой, я убедился, что это та же пехота, что

была и у Суворова, пехота, несмотря на беспорядочность, более храбрая, чем немецкая. Но ведь против артиллерии ничья пехота не может идти без поддержки артиллерии, а у нас сейчас нет артиллерии... Стоять на позиции и не иметь возможности помочь своей пехоте, не иметь возможности отразить пехоту противника!..

Война скоро кончится, но, к сожалению, для нас без выигрыша».

Сам Карпов продолжает бесстрастно вести хронику отступления и старается успокоить родных: «Наверное, вас всех очень смущают газетные известия о наших отходах, но этому не надо придавать большого значения, хотя, конечно, оно и неприятно, но с этим по многим причинам надо мириться и в отчаяние не впадать. Бог даст, придет время, когда мы опять двинемся вперед...» (из письма от 13 июля 1915).

Уход русской армии с польской территории влек за собой уничтожение следов столетнего русского присутствия. За это время в Варшаве сложилась значительная прослойка русского населения: это и военные, и чиновники, и духовенство, и учителя³¹. Для православных приходов в Варшаве к началу XX века было выстроено два десятка церквей, а в 1912 году был освящен величественный кафедральный собор (самое высокое здание в городе) на Саксонской площади, одной из главных в городе³². Грандиозное строительство собора по проекту Леонтия Николаевича Бенуа было начато в 1894-м и продолжалось почти двадцать лет³³. Средства на строительство и украшение собора жертвовали частные лица по всей империи, в том числе и императорская фамилия, значительный вклад внес почитаемый батюшка, впоследствии прославленный святой праведный Иоанн Кронштадтский. На работу над внутренним убранством ушло более десяти лет. Над фресками и мозаиками собора трудились В.М. Васнецов и А.П. Рябушкин³⁴. Яшмовые колонны для украшения алтарной преграды были подарены лично Николаем II, а главный из 14 колоколов на звоннице был пятым по величине в империи.

³¹ Последних в Польше было много — после антиимперского восстания 1863–1864 годов было законодательно запрещено делопроизводство и школьное обучение на польском языке, шляхтичи-католики не могли занимать государственные должности. «Что не доделал русский штык — доделает русская школа» — хрестоматийная фраза главного начальника Северо-Западного края в 1860-х годах М.Н. Муравьева-Виленского.

³² Ныне площадь Пилсудского.

³³ В те же годы было построено еще несколько подобных соборов и церквей для утверждения русского присутствия в окраинных губерниях и за границей (напр., Александроневский собор в Ревеле, церковь Рождества Христова во Флоренции, Свято-Николаевский собор в Ницце, храмы Святителя Николая в Софии и Бухаресте и даже собор Пресвятой Троицы в Буэнос-Айресе). Варшавский собор — самый роскошный и с самой трагичной судьбой.

³⁴ См.: *Молчанов К.* Новый православный собор во имя св. благоверного великого князя Александра Невского в Варшаве. 1894–1912. Варшава, 1912; *Покровский Н.В.* Проект размещения живописей в новом православном соборе во имя св. благоверного великого князя Александра Невского в Варшаве с объяснительной запиской. СПб., 1900.

Собор стал символом имперской власти России, в нем торжественно отмечались юбилей Отечественной войны 1812 года и 300-летие дома Романовых. И как таковой в 1924–1926 годах был в учрежденной Польской Республике уничтожен до основания³⁵.

До занятия города германцами летом 1915-го собор оставался центром православной жизни края, с начала войны окормлял и поддерживал духовенство русских войск. Несомненно, подарок, преподнесенный З.А. Карпову, сработан именно там, причем сам складень и футляр были изготовлены еще в мирное время (серафим, осеняющий образ Божией Матери, такой «васнецовский»³⁶), а образы святых были дописаны по заказу уже зимой – весной 1916-го (наличие ошибок в написании церковнославянских текстов на иконах³⁷ свидетельствует о том, что эту работу выполнял не слишком грамотный мастер — все «грамотные» к тому времени уже город покинули, эвакуация православного населения и духовенства из Варшавы была проведена еще весной 1915-го). Никаких мастерских при соборе уже не было, сам собор был обращен в кирху. Где физически находился человек, дописывавший складень, и каковы были условия его работы, остается пока не установленным, ясно лишь, что они были весьма стесненными и делалась эта работа вне пределов России. Как уже было указано, на «добывание» подарка З.А. Карпову у его бывших сослуживцев ушло целых полгода, его реальное вручение прошло очень скромно: 20 июля 1916-го образ привез отцу Костя — Зосима Александрович находился в это время в Минске по пути в трехнедельный отпуск в Москву. Датирован же складень днем его торжественных проводов — 8 января 1916-го. В соответствии с этой датой на задней его стороне выгравированы фамилии офицеров бригады. Гравировка выполнена с не меньшим тщанием, чем сам складень. Под изображением креста расположен следующий текст:

Господи, сохрани в бою и помоги в жизни!

Благословение горячо любимому Зосиме Александровичу Карпову от товарищей и сослуживцев 1-й гренадерской генерал-фельдмаршала графа Брюса артиллерийской бригады.

³⁵ Искусствоведческий факультет Университета Стефана Батория в Вильнюсе засвидетельствовал, что здание собора не имеет особой художественно-исторической ценности, и собор был снесен. Вместе с ним погибли и другие церкви, выстроенные в Варшаве на рубеже XIX–XX веков выдающимися русскими мастерами, в их числе изумительнейшая церковь Св. Ольги, построенная по проекту В.Н. Покровского в 1901–1903 годах (после 1926-го в городе действующими остались только два православных храма).

³⁶ В.М. Васнецов расписывал и бригадный храм «Отрада и Утешение» на Ходынском поле.

³⁷ Под ошибками подразумеваются отсутствие надстрочных знаков, титлов и ударений, а также неверное написание начального звука «у» в слове «Утешение» (в церковно-славянском языке он обозначается диграфом «оу»).

Генерал майор *Н.Н. Белькович.*

Полковники:

М.К. Смысловский.

В.В. Алалыкин.

Протоиерей:

А.Ф. Илларионов.

Подполковники:

Ю.А. Стерлигов.

Н.К. Дмитриев.

А.М. Бунаков.

Капитаны:

Н.А. Бартошевич.

А.Э. Свенцицкий.

В.А. Щеголев.

П.Л. Фихтнер.

Штабс-капитаны:

В.Н. Батагиев.

Р.С. Шанявский.

В.Н. Штаден.

Г.А. Рихтер.

С.Е. Скандов.

П.А. Викторовский.

А.В. Тысский.

А.Ф. Лаврентьев.

П.С. Звонков.

П.В. Ивановский.

Поручики:

А.С. Макаров.

В.В. Юхневич.

Л.Т. Вебер.

Князь С.К. Сидамон-Эристов.

К.В. Базилевич.

А.Н. Загорский.

Подпоручики:

Л.К. Кондратьев.

Б.В. Григорьев.

Е.П. Яковлев.

Н.А. Чернай.

Н.С. Михно.

Л.Л. Каллистов.

И.П. Скрябин.

В.П. Внуков.

Б.С. Вахмистров.

О.Э. Гладыш.

Прапорщики:

А.В. Свирбутович.

Н.В. Буняковский.

Е.А. Гербеев.

Н.И. Стерлигов.

Л.Л. Катюар.

А.П. Чугунов.

Н.А. Львов.

А.М. Пинчуков

К.З. Карпов.

П.П. Падалка.

В.Н. Селиванов.

Г.В. Алалыкин.

А.В. Смирнов.

И.С. Салжаницын.

Тит <улярный> сов <етник>

Л.С. Дмитриев.

Кол <лежский> секр <етарь>

Л.С. Дмитриев. (Оба так. —

Г.Т.)

Врачи:

М.Ф. Сомов.

В.А. Рожнов.

Д.М. Палерштейн.

А.А. Вератти.

Действующая армия

8 января 1916 г.

В списке прапорщиков — имена И.С. Солженицына и К.З. Карпова. Любопытно присутствие в нем Л.Л. Катуара (он упоминается и в записях Карпова как один из спутников Солженицына, приезжавших вместе с ним в штаб дивизиона). Без сомнения, речь идет о сыне Льва Львовича Катуара (1864–1922), потомственного почетного гражданина Москвы, в 1901–1918 годах гласного городской думы, выдвинутого в 1913-м кадетами и избранного на пост городского головы, но не утвержденного Советом министров. Его сын ушел на фронт охотником и к январю 1916-го дослужился до прапорщика, как и крестьянский сын Исаакий Солженицын, с которым Катуар сдружился на передовой. И никак им, конечно, не могло быть ведомо, что через много лет сын прапорщика Солженицына Александр будет теснейшим образом связан с двоюродным племянником прапорщика Катуара Никитой Струве (Катуар был двоюродным братом матери Н.А. Струве, Екатерины Андреевны Катуар).

К складню приложен адрес. Белый конверт с машинописной надписью: «Его высокоблагородию Зосиме Александровичу полковнику Карпову. От командира 1-й гренадерской генерал-фельдмаршала графа Брюса артиллерийской бригады».

В конверт вложен лист с текстом, отпечатанным на той же машинке:

Прошу Вас, глубокоуважаемый Зосима Александрович, от лица всей нашей бригады принять Святую Икону. Горячо желаем и молим Господа, чтобы эта Святыня охраняла Вас на всех путях Ваших, среди испытаний и опасностей войны.

Да послужит она также видимым знаком связи между нами и Вами, бывшим нашим сослуживцем и дорогим товарищем.

Командир 1-й гренадерской генерал-фельдмаршала графа Брюса артиллерийской бригады, генерал-майор *Белькович* [*Подпись коричневыми чернилами.*]

Июля 19-го дня 1916 года

Действующая армия

Вместе с этим письмом в архиве Карпова сохранился и рукописный черновик ответа:

Глубокоуважаемый Николай Николаевич!

Приношу Вам и всей родной бригаде глубокое, сердечное спасибо за столь дорогое для меня подношение святой иконы — в память службы моей в бригаде, за молитву и добрые пожелания. Да сохранит Господь и Его Святая Матерь Вас и всех чинов бригады в предстоящих боях и последующей мирной жизни на славу дорогой нашей родины.

Глубоко Вас уважающий и искренно преданный

З. Карпов

Сообщений о личных контактах с Исаакием Солженицыным после перевода З.А. Карпова в другую бригаду в его дневниковых записях не встречается. Его сын Константин, к большому огорчению отца, отказался покидать свою «родную» часть и друзей, оставшись служить в своей батарее, их встречи с Исаакием Солженицыным продолжались до конца пребывания на фронте, а в апреле 1917 года друзья вместе ездили в двухнедельный отпуск в Москву (по-видимому, вместе и жили у Карповых). Именно в эти дни состоялась встреча Исаакия Солженицына и Таисии Щербак (наиболее вероятно — на собрании Пятигорского землячества). Представляется несомненным присутствие Кости на венчании друга в походной церкви в августе 1917-го. В эти дни все подразделения бригады готовились торжественно отметить ее столетие³⁸. С начала августа, несмотря на регулярные обстрелы неприятеля, которым подвергались 3-я и 5-я батареи, шла подготовка к празднику. В фольварке Узмошье было построено небольшое помещение для собраний или театра. Решено было использовать его и как церковь. Приказом комбрига был создан приходской совет из представителей батарей, службы было намечено совершать еженедельно (на это время выносились скамейки, которые в другие дни использовались для собраний батарейных комитетов). Накануне староста приходского совета вывешивал на дверях объявление о богослужении и давал телефонограммы в батарею. Празднество в честь юбилея бригады было назначено на 27 августа (при этом основные торжества по этому случаю определено было отложить до окончания войны). Несколькими днями раньше в церкви совершилось таинство венчания Исаакия Солженицына и Таисии Щербак, о чем свидетельствует запись рукой бригадного священника на обороте свидетельства о рождении Исаакия:

Означенный в сем Исакий Семенович Салжаницын августа 23 дня вступил в первый законный брак с гражданкой города Пятигорска Терской области, девицей Таисией Захаровной Щербак, православного исповедания.

Протоиерей 1-й гренадерской артиллерийской бригады

Алексий Илларионов

24 авг <уста> 1917

№ 60. Д <ействующая> армия

[Запись заверена печатью бригады.]

По-видимому, время приезда на линию фронта невесты к тому времени уже подпоручика Солженицына выбрано не случайно — праздник в Узмошье

³⁸ К сожалению, нам не удалось выяснить, почему именно в августе 1917 года отмечался столетний юбилей бригады. Как уже упоминалось, она была организована в 1811-м. В литературе даются самые разные сведения о переподчинении бригады за время ее существования разным военным соединениям, 1817 года среди таких дат нет.

удался на славу. Вечером 26 августа о. Алексей служил торжественную все-нощную и великую панихиду по всем убиенным на поле брани и мирно почившим воинам бригады, а утром 27-го — литургию и праздничный молебен. Затем был проведен парад двух сводных батарей в конном строю, а вечером состоялись конные состязания, на которых победителям раздавались «призы столетия», также силами активистов из батарей был устроен спектакль. Солдатам выделено праздничное питание. Можно представить, какими молодцами предстали друзья Исаакия Солженицына перед его молодой женой. Константин Карпов был в числе лучших наездников (получил призы в двух видах состязаний). Однако на душе у него радости не было: «Болит сердце за Россию страшно. Под Ригой опять какой позор, но теперь мы уж как-то притупели, и это не производит такого впечатления, а если бы этого не было, было бы совсем скверно...» (из письма к матери от 24 августа 1917).

Почти ничего не зная об этом товарище отца, Александр Солженицын в своем художественном построении поразительным образом угадал его послевоенную судьбу. В конверте картотеки «Красного Колеса», надписанном «Котя», среди материалов и записей, относящихся почти исключительно к Николаю Виткевичу, присутствует помета о том, что этот персонаж эпопеи в 1918-м покинет Россию с какой-либо из частей Белой армии (для Сани писатель видел другой исход — в 1930-м он должен был сгинуть на Соловках). Из комментариев М.З. Холодовской к рукописи отца следует, что после окончания войны Константин Карпов «поехал в командировку за границу», откуда больше в Россию не вернулся. В биографических справках о членах своей семьи, составленных М.З. Холодовской в 1970-х – начале 1980-х годов для отдела рукописей РГБ, никаких сведений о судьбе ее брата нет.

Реальный Исаакий Семенович Солженицын оставался на фронте до самого конца войны. В конце февраля или начале марта 1918-го он приехал наконец к своей жене, в экономию ее отца, а в июне после ранения на охоте умер от заражения крови, навсегда оставив в душе единственного, родившегося через полгода после его смерти сына сознание бесценности и невозвратимости времени: «Беречь! Беречь время и уплотнять его! <...> Над ним напоминательно парила несчастная смерть отца в 27 лет. (А Лермонтов? А Эварист Галуа?) И Глеб действовал так, как если б и ему было определено столько же»³⁹.

* * *

Приводим некоторые фрагменты военных дневников и писем З.А. Карпова и его родных, содержащие сведения об Исаакии Солженицыне и передающие атмосферу военных будней 1-й гренадерской артбригады, начиная с об-

стоятельств отправки Карпова и опекаемых им охотников на фронт в июле 1914 года и заканчивая описанием его проводов бригадниками к новому месту службы в январе 1916-го.

Тексты печатаются в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации. Опущены фрагменты, требующие комментария, выходящего за рамки очерченной нами темы. Купюры обозначены многоточием и многоточием в угловых скобках. Конъектуры в квадратных скобках. В примечаниях приведены сведения о лицах и реалиях, которые удалось идентифицировать.

1914

Из дневников З.А. Карпова

18 июля в Пятигорске было получено распоряжение о всеобщей мобилизации и о вызове к своим частям офицеров Московского округа. Вернувшись из Ессентуков, зашел в комендантское управление, получил расчет и предложение. В этот же день, наскоро уложившись, в ночь выехали в Москву, так как сказали, что с 19-го, кроме воинских, будет ходить только по одному почтовому поезду. Поместились (от Минеральных Вод) в вагоне 2-го класса в купе 6 человек, кроме нас пятерых¹ был один штатский старик.

19 июля вечером прибыли в Ростов. Здесь назначена пересадка. <...> Утром подали другой поезд, и здесь, несмотря на участие генерала и других офицеров, места брали с боя. <...>

20 июля. Харьков. Едем очень медленно; вагоны переполнены. Телеграммы и газеты берем нарасхват. Везде идет призыв. Настроение, по видимому, хорошее.

21 июля. Курск. Опять пересадка. Попали в маленькое купе 1-го класса, кроме нас 3 был генерал, бывший управитель Брестской железной дороги, очень милый старик. <...> С нами в вагоне ехал еще очень симпатичный полковник Генерального штаба, заведующий передвижениями войск Финляндского района. По дороге узнали о самоубийстве заведующего передвижениями войск Харьковского района барона фон Клодт <а>.

22 июля. Прибыли в Москву. Вещи отправили на дрогах домой, а сами поехали на трамвае. В этот же день отправился в бригаду. Явился к командиру бригады и получил подъемные деньги. Всего дали 2 тысячи. Взял походную кровать и обмундировку. Сделал разные распоряжения по укладке управления дивизиона. Смотрел лошадей в батареях и укладку.

23 июля. Был в дивизионе, а затем делал разные закупки. Сказал Мамонтову о желании Кости, Пети и Фоли² поступить охотниками; обещал принять и дал разные справки о требуемых документах. Шура рвется в сестры милосердия, и бедная Маруся должна будет остаться с одной Мусей³. <...>

24 июля. Получил планы перевозки нас на театр военных действий. 4-я батарея идет в 6-м эшелоне, 5-я — в 7-м, 6-я — в 8-м, и управление дивизиона с остатками 4, 5 и 6-й батарей — в 9-м. Выступаем 26 июля, идем на Ржев, Полоцк, Лиду, Волковыск, Брест и Холм, где уже высаживаемся. Получил себе, благодаря любезности Мамонтова, из числа приведенных лошадей чистокровную кобылу — гунтер, хотя и немолодую, но очень хорошую лошадь. Для управления дивизиона выбрал двух маленьких лошадей для двуколки и одну верховую. <...>

25 июля. Делал поездку своим двуколкам, представлял командиру бригады Костю с компанией, но ему не было времени их посмотреть, приказал

зачислить охотниками в 4-ю Петю, в 5-ю Костю и в 6-ю Фолю. Их сегодня же и одели. 1-й дивизион сегодня уходит. Отслужили молебен.

26 июля. Закончил дела в дивизионе и свои покупки. Купил трое часов — двое себе за 18 и 29 р. и одни — Шуре за 18 р. Купил куртки себе и Косте по 18 р., Шуре за 9 р. Купил себе кожаные штаны за 12 р., теплые куртки себе и Косте по 9 р. Спальный мешок 30 р. Машинку для стрижки 4 р. 50 к., фонарик и элементы, 2 пары сапог за 18 и за 15 р., кастрюльку, лампочку, термос, чемодан (22 р.), мешок (9 р.), нож (3 р. 80 к.), нож, вилку и ложку (4 р. 50 к.), фляжку с рюмкой (3 р.), рубашку суконную — 9 р. Заплатил за шинель, штаны и рубаху — 12 р. 50 к. Дни эти летят с головокружительной быстротой. В 6.30 вечера отправил на вокзал вещи, а в 7 ч. 10 м. поехали сами. <...> Эшелон ушел позже срока часов на 5. Я уснул раньше. <...>

¹ Во время лечения З.А. Карпова в Ессентуках вся его семья (жена и трое детей) гостили у родных в Пятигорске.

² Константин Карпов, Петр Падалка и Варфоломей Лилеев.

³ *Маруся* — Мария Александровна, жена Зосимы Александровича; *Шура* и *Муся* — Александра и Мария, дочери Карповых.

К.З. Карпов — родным

8 августа. <...> Военные дела идут хорошо. По всей вероятности, нам и стрелять не придется. Австрийцы бегут перед нашей пехотой и кавалерией. Мы только ездим с места на место. Из всего нашего отряда всего лишь ранено 4 человека 163-го пехотного полка. Сдаются австрийцы и сами охотно. Так, сегодня сдался, сам приехал офицер и денщик. Состояние австрийской армии скверное, пленные просят прежде всего хлеба, говоря, что не ели 3–4 дня... Снаряды австрийские не рвутся и падают, не причиняя вреда. Так, пехотная цепь человек в 30 шла на австрийскую конную батарею, те стреляли из орудий непрерывно, и цепь, не понеся потерь, выгнала батарею из окопов, забрав 20 пленных. Отобранное оружие отвратительно. Ружья старые, сабли — что-то бутафорское. Единственно, что у них хорошо, это одежда, они выехали в парадной форме. Но красные штаны, синие мундиры и каски — хорошая цель, что и доказали наша пехота и казаки — вот еще тоже молодцы.

З.А. Карпов — М.А. Карповой

15 августа. Большой сегодня праздник¹, а мы всё блукаем, не зная, где отдохнем. Все эти дни шли бои, деремся с утра до вечера. Накладываем австрийцам порядочно, но и нам все же достается. Мы все милостью Божью пока живы и здоровы, а там как Бог даст. <...>

24 августа. Сегодня двигаемся вперед. <...> Какой по дороге ужас! Масса неубранных трупов, есть и наши, но большая часть австрийцев. Черные, распухшие, обгорелые, страшно смотреть. Полки нашей дивизии совсем растаяли. В Екатеринославском полку осталось в строю всего три офицера... Высокобразованные австрийцы и германцы показывают себя вовсю: по дорогам всё жгут, режут. Массу пуль находим в патронташах разрывных... Расположился в сарае, довольно чисто и просторно. С нами расположился и батюшка. Наши охотники все произведены в бомбардиры.

¹ 15 августа (28 по новому стилю) — праздник Успения Пресвятой Богородицы.

П.П. Падалка — А.З. Карповой

31 августа. <...> Вся обстановка столь ужасна, что никакие описания, никакие картины известных мне писателей и художников не передают даже доли ужаса войны. Вы знаете, я понимаю теперь, что сойти с ума на войне — самое легкое дело. Артиллерия наша очень хороша и поставлена в хорошие условия. Австрийцы никуда не годные артиллеристы, поэтому потери у нас есть и будут самые ничтожные. Но какое положение пехоты — там солдат, идущий в бой, уверен, что будет убит или ранен, так как потери пехоты и с той и с другой стороны ужасны! <...> Вы не можете себе представить, какой ужасный, отвратительный, безумный вид приобрела деревня. Разбитые дома, торчащие от сожженных домов трубы, поломанные загородки, деревья — и кругом трупы, растерзанные, окровавленные трупы, с выпученными глазами, с оскаленными от страдания и ужаса лицами... <...> ... Эти картины как-то перевернули у меня всё отношение к войне. Я и прежде ненавидел ее, но такой ужасной я ее не представлял. <...>

Из воспоминаний М.З. Карповой

22 декабря. Наша поездка¹ была полна приключений. Чернай² предупредил, что распорядился, чтобы для нас было оставлено купе. Когда мы приехали на вокзал, там были уже толпы — в основном молодежь, стремящаяся

к праздникам попасть домой. <...> Когда мы с кондуктором с трудом пробились к дверям и он открыл купе, толпа ринулась в него, и мне, лишь при его содействии, удалось закрепить за собой и мамой сидячие места у окна, а Шуре одну из верхних полок. Все проходы и коридоры мгновенно были заполнены. Ночь была тяжелой — душно, жарко. <...>

Утром, выйдя подышать воздухом на какой-то остановке, я встретила на платформе вольноопределяющегося гренадерской бригады Салжаницына, едущего с тем же поездом. Бывший пятигорский гимназист, он продолжал встречаться с Костей в Москве, где оба были активными членами Пятигорского студенческого «землячества», которое Костя почему-то предпочитал, хотя и закончил гимназию в Нижнем Новгороде. Теперь при содействии Кости (конечно, через папу) он попал в гренадерскую бригаду. Ехал он, как и полагалось нижним чинам, в 3-м классе, но сказал, что придет нас навестить, и действительно вскоре появился в сопровождении своего попутчика, очень юного павлоградского гусара-вольноопределяющегося. В купе было очень душно, и мы с Шурой охотно перебрались в коридор, где и устроились вместе со своими гостями на сложенных там вещах.

Были сильные заносы, поезд не раз останавливался среди поля, и на какой-то из таких остановок наши спутники притащили еловую ветку, предложив отпраздновать преддверие Рождества. Мы затеяли что-то вроде катанья с гор, скатываясь со сложенных в груды портпледов, пели, рассказывали анекдоты, рисовали карикатуры, дурили и хохотали. Хотя веселились больше юный павлоградец и я, Шура была значительно сдержаннее, а Салжаницын поглядывал на нас со снисходительно доброй улыбкой...

¹ Поездка семьи к З.А. Карпову в госпиталь в Минск.

² Начальник Александровской (до 1912 года называлась Московско-Брестской) железной дороги, его сын служил охотником в дивизионе Карпова.

1915

Из дневников З.А. Карпова

12 февраля. Ездил в Пакулы¹ ко 2-й батарее. Приобщались Похитонов и Яковлев. Батюшка по случаю дня своего ангела после обедни отслужил молебен². Поздравив нижних чинов и офицеров, я пошел на офицерскую квартиру, там немного закусил, а затем вернулся к себе в Грушку³ около 2 часов дня. Похитонов⁴ сделал снимок церкви. Костя ездил в 3-ю батарею к Салжаницыну; 3-я батарея стоит в Грабовницах; видел Салжаницына, тот обещал в субботу или вечером в пятницу приехать. <...>

25 февраля. Морозы все крепчают, а сегодня еще и ветер. Несвижцы, смеившие перновцев, во время ночной разведки взяли в числе других трофеев немецкий миномет и 12 мин. На нашем фронте покойно. Сегодня наконец приехал к Косте Салжаницын и остался у нас ночевать. <...>

¹ Деревня, в которой дислоцировалась 2-я батарея артбригады. Временно церковь была устроена в сарае.

² 12 февраля (25 по новому стилю) — праздник святителя Алексия, митрополита Московского.

³ В деревне Грушка располагались 5-я батарея и управление 2-го дивизиона артбригады, возглавляемое З.А. Карповым.

⁴ Поручик 5-й батареи.

З.А. Карпов — М.А. Карповой

26–27 февраля

...Морозы держатся порядочные. Зато когда начнет пригревать вовсю, то здесь будет такая мокрота, что ни пройдешь, ни проедешь; ведь кругом нас сплошные болота. <...> Вчера наконец приехал к Косте Салжаницын и остался у нас ночевать, а сегодня около 12 часов дня уехал; Костя его немного проводил... [*Приписка рукой К.З. Карпова:*] У нас так тихо, что тише и быть не может. Скоро, очень скоро война кончится; конец ее, конечно, в Константинополе.

К.З. Карпов — М.А. Карповой

26 апреля

<...> А немцев здорово на Дунайце вздрючили. 9 тысяч одних пленных. Вообще, война уже скоро кончится. У нас всё, слава Богу, тихо и спокойно. Сегодня приезжал ко мне Салжаницын и просил Вам всем кланяться. <...>

П.П. Падалка — А.З. Карповой

9 мая

<...> Наверно будет выход из положения, пока же с грустью надо сознаться — немцы выиграли кампанию: мы всё отступаем, и так будет всегда, мы ведь остались без патронов, то есть без артиллерии. <...>

Война скоро кончится, но, к сожалению, для нас без выигрыша».

Из дневников З.А. Карпова

28 июля. С утра пасмурно, хотя довольно тепло. <...> Совершенно неожиданно приказано отходить дальше... Перед отходом раз десять менялись разные распоряжения. <...>

З.А. Карпов — М.А. Карповой

12 августа

Добрались мы уже до Беловежской Пуши. <...> Третьего дня вернулся наконец Белькович, и я возвращаюсь в свой дивизион...¹ <...> Какой чудный лес эта Беловежская Пуца, какие здесь дубы, сосны и другие деревья; это какие-то гиганты растительного царства, даже березы и те таких размеров, как я никогда не видел. <...> Третьего дня узнали о производстве Котьки и Пети в прапорщики. <...> Последнее время публика наша (не все, конечно) так пессимистически настроена, что трудно верить хорошим вестям... Нет худа без добра: если бы Котька не пошел добровольцем, то его теперь забрили бы обязательно, и ему пришлось бы служить нижним чином в пехоте, а теперь он офицер в артиллерии, его знают и любят.

¹ В августе 1915 года в связи с отъездом Н.Н. Бельковича в Ставку З.А. Карпов исполнял обязанности командира бригады.

Из дневников З.А. Карпова

20 ноября. Метель, но погода стала совсем мягкая. Барометр 732. Оттепель. Свенцицкий всё втирает начальству очки. Теперь представил начальнику дивизии перспективный чертеж на окопы и заграждения. От таких чертежей еще в мирное время отказались, а они втирают очки и тем только подводят и других, так как теперь потребовали таких же чертежей от всех. Костя сегодня опять дежурит на батарее. Приезжал Салжаницын. Я его прапорщиком еще не видел. <...>

24 ноября. Вчера вечером было –7 градусов мороза, а сегодня дождь и туман. Мыши совсем одолевают, всю ночь лазят под обоями и прогрызают их. Утром сегодня заклеил опять три дыры. Сильная оттепель, пожалуй, весь снег сгонит. <...> Котька уехал с Салжаницыным в Чернихово на питательный пункт и до сих пор не возвращается, а уже скоро 12 часов ночи, он же обыкновенно всегда возвращается к 11 часам, и я начинаю беспокоиться.

9 декабря. Утром –9 и выпало за ночь много снега, барометр 740. В 3 часа ходил на занятия в штаб дивизии. Доклад делал капитан Смелов и, по-моему, очень толково, без лишних слов. Читал о наступлении и встречном бое. На сообщение из резерва приезжали Петя, Салжаницын и Катуар. <...> К вечеру мороз усилился до –12, а сейчас опять сбавил на 2, и теперь –10. После сообщения Петя, Катуар и Салжаницын заходили к нам. <...>

16 декабря. Сегодня с утра было –4 градуса, а сейчас –6 и барометр 745. Очевидно, к утру мороз еще прибавится. Немцы стреляли сегодня по Уласам и фольварку Тотин. 5-я батарея выпустила 8 гранат и 1 шрапнель по немецкой легкой батарее за Торчицами, но, кажется, ее не нащупала, так как она продолжала стрельбу. Приезжали из Хвоева Фихтнер, Бартошевич¹, Чернай и Салжаницын. Два первых ездили смотреть позиции на правом фланге, а Чернай и Салжаницын приезжали на долженствовавшее быть сегодня сообщение в штабе дивизии, но сообщения этого не было. <...>

¹ Командир 4-й батареи бригады.

1916

Из дневников З.А. Карпова

7 января. Ломаша¹. Какая ужасная здесь погода: вчера было больше 20 градусов мороза, сегодня уже оттепель и туман. <...> Сообщили мне о желании офицеров проводить меня обедом²; устроить его, кажется, собираются завтра. Не люблю я эти проводы. Ничего они не доказывают и ничего после себя не оставляют. <...>

8 января. Ломаша. Утром заходил ко мне попрощаться Штаден³, он едет в парк; говорит все же, что не теряет надежды попасть в Михайловское училище. Целый день сегодня шли приготовления к моим проводам. Общую комнату 4-й батареи разукрасили елками, на стене на растянутой бурке между ружьями и шашками поместили красный плакат с моими инициалами из георгиевских ленточек. Комнату Тысского⁴ освободили для музыкантов. Часов с 5 начала собираться публика, а меня выставили в 6-ю батарею.

Около 7 часов за мной пришел Дмитриев⁵, и я торжественно вступил под звуки марша. Затем батюшка отслужил молебен о моем здравии и благополучном служении на новом месте. После молебна батюшка сказал очень прочувствованное слово, даже пересолил, очень уж расхваливал меня, благословил небольшой иконкой св. Александра Невского и сказал, что решено преподнести мне от бригады образ. Собралась почти вся бригада, отсутствовали только дежурные на батареях. За обедом очень хвалебную речь сказал Белькович, подхваливали также Алалыкин⁶ и Дмитриев. Алалыкин от имени 1-го дивизиона, а Дмитриев 2-го.

Я отвечал очень слабо, так как боялся расчувствоваться, поблагодарил за теплое отношение с первых дней пребывания моего в бригаде и сказал, что воспоминание о пребывании в бригаде останется у меня до конца моей жизни. После обеда публика частью разъехалась, а частью засели играть в карты. Я ушел к себе около 1 часа ночи. <...>

9 января. Хвоево. С утра пошел явиться Бельковичу и начальнику дивизии. Оба распрощались очень трогательно. Все вещи и лошадей оставляю пока в Ломашах. Беру с собой только Повышаева⁷. Белькович вручил мне приказ по бригаде, напутственный так сказать. Написан он очень трогательно и хвалебно. Выехал из Ломашей около 4 часов. Приехал в Хвоево около 5½ часов вечера. Поторопился собрать 5-ю батарею и попрощался с ней. Просидел в 5-й батарее до 10 часов. Что-то и Котька приуныл, был сегодня какой-то грустный; а мне без него будет очень томительно. В 10 часов выехал на ст. Погорельцы.

20 июля. Минск. В Минск приехали около 8 часов утра. Перебрался на Александровский вокзал⁸. Сходил в город... Опасался очень, что Котька не приедет, а я от него давно уж не имел вестей. Сел было уже обедать... Скоро вошел в зал и Котька с Тысским, Петей Падалка и Бунаковым. Они же явились и как депутаты от бригады и привезли мне образ, жетон и письмо Бельковича. Мы вместе пообедали, а затем я в 1 час дня распрощался с Котькой и Тысским, занял оставленное мне место и покатил в Москву с Петей. <...>

21 июля. Москва. В Москву приехали вовремя. <...> На нашу квартиру приехали мы с Петей на извозчике... Я сходил к Иверской помолиться, оттуда зашел отдать в починку часы... Пошел к Панпушко⁹... посидел у них больше часа, угостили варениками с сыром и чаем... Поехал к Лилеевым... Пошел в скверы у храма Христа Спасителя... Из сквера пошел опять к Панпушко. Взял его с собой, и пошли к нам на квартиру. Там я показал ему поднесенный мне образ. Действительно, чудный подарок. Очень хороши и живопись, и работа, и надпись.

¹ Место расположения управления бригады и штаба дивизии.

² Речь идет о переводе З.А. Карпова на командование 111-й артбригадой.

³ Бригадный адъютант.

⁴ Тысский Арсений, ординарец З.А. Карпова.

⁵ Командир 6-й батареи бригады.

⁶ Командир 1-го дивизиона бригады.

⁷ Фейерверкер 6-й батареи бригады, которого Карпов перевел в свою новую 111-ю бригаду.

⁸ В июле 1916 года З.А. Карпов был отпущен в отпуск в Москву.

⁹ Панпушко Петр Васильевич (1869–1920), однокашник и ближайший друг З.А. Карпова, в 1916 году — генерал, командир 93-го пехотного Иркутского полка.

«Я УРОДИЛСЯ ПИСАТЕЛЕМ СОЦИАЛЬНЫМ...»¹

*Из переписки А.И. Солженицына и Н.Г. Губко
(1963–1968)*

*Публикация и подготовка текстов
Т.С. Царьковой и В.В. Радзишевского,
вступительная статья Т.С. Царьковой,
комментарии В.В. Радзишевского*

В рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в личном фонде Нины Георгиевны Губко (1922–2008) хранятся 15 писем Александра Исаевича Солженицына к фондообразовательнице. Крайние даты этих писем: 8 апреля 1963 – 20 декабря 1968. По преимуществу они краткие, деловые, но — от первого до последнего — информативны, интересны, пополняют новыми сведениями биографию писателя, высвечивают социальную природу его творчества. Кроме того, дают представление о журнальной жизни второй половины 1960-х годов и цензурном надзоре за ней.

Начало эпистолярного знакомства корреспондентов не было лишено курьезного оттенка. Опубликовав в журнале «Звезда» (1963. № 3) свою рецензию на «Один день Ивана Денисовича», Нина Георгиевна послала номер журнала автору. Читая рецензию, Солженицын не знал, даже предположить не мог, что написала ее женщина. Это мы видим из обращений в первых его двух письмах.

Рецензия — ее название «Человек побеждает» — замечательна тем, что сразу же ставит и разъясняет те чисто эстетические и общечеловеческие проблемы, к которым еще будут обращаться и критика, и литературоведение. Это — полифоническое звучание повести Солженицына, резкая смена интонаций и разнообразие ритмов, родство с гуманистическими традициями Толстого и Достоевского, гражданская и нравственная ответственность художника, цена писательского слова. Прочитав заключительные абзацы рецензии, которые сейчас воспринимаются как сбывшееся предвидение: «Да, истинный художник не знает робости, не бледнеет ни перед какими последствиями. Он верит в человечность и

¹ В основе публикации доклад Т.С. Царьковой «Н.Г. Губко — корреспондент А.И. Солженицына» на Международной научной конференции «“Ивану Денисовичу” — полвека» (15–16 ноября 2012 года, Москва). Письма А.И. Солженицына, впервые представленные в этом докладе, дополнены здесь письмами Н.Г. Губко. Письма А.И. Солженицына подготовлены к публикации Т.С. Царьковой, письма Н.Г. Губко — В.В. Радзишевским. — *Ред.*

служит ей. Он не ищет дешевой популярности, не замирает перед рукоплесканиями. Он нетерпим к фразе, ему чуждо упрямое, ледяное красноречие, которое в иных книгах заменяет мысль. И он с величайшим благоговением относится к слову, в основе которого лежит совесть. Сейчас как нельзя современнее звучат слова Белинского:

“Наше время преклонит колена только перед тем художником, которого жизнь есть лучший комментарий на его творения, а творения — лучшее оправдание его жизни”².

Таким художником, судя по его первой повести, выступает А. Солженицын в нашу литературу» (Звезда. 1963. № 3. С. 215).

Написанная умно и провидчески, рецензия очень эмоциональна и одновременно сдержанно-трагична, пронизана затаенной болью. Дело в том, что отец Нины Георгиевны, учитель в г. Почепе (ныне это Брянская область), тяготев к эсерам, не принял Октябрьскую революцию, ненавидел большевистскую власть. Примерно в 1933 году Георгий Степанович Губко был арестован прямо на уроке, семью даже не поставили в известность об этом аресте. Осужден «тройкой» в Смоленске, отправлен на строительство Беломорско-Балтийского канала и там погиб — по дошедшим до родственников рассказам, взял на себя чужую вину и был расстрелян.

Его сын Виталий прошел войну, на фронте был тяжело ранен и рано умер. Остались четыре дочери, все получили высшее образование. Нина Георгиевна защитила кандидатскую диссертацию по филологии, с 1951 года читала историю советской литературы в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена (ныне Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена). В 1962 году вошла в штат журнала «Звезда», где печаталась с 1955-го; стала членом редколлегии и до 1979 года заведовала отделом критики. После увольнения на пенсию (о котором всегда говорила с глубокой обидой) с 1980 по 1989 год преподавала на филологическом факультете Ленинградского государственного университета.

Ровно через год после рецензии, напечатанной в «Звезде», Нина Георгиевна поддержала выдвижение «Одного дня Ивана Денисовича» на Ленинскую премию. Новый отклик, помещенный в еженедельнике «Литературная Россия» (1964. 27 марта. С. 11), был еще больше сосредоточен на поэтике повести.

Пушкинскому Дому, где у Нины Георгиевны были друзья, она оказала бесценную услугу: способствовала поступлению части архива Александра Исаевича в фонды Рукописного отдела. С ее слов я знала и об этих письмах к ней. Не было сомнений, что они будут переданы именно в Пушкинский Дом. Но случилось непредвиденное: тяжелый инсульт — потеря речи и обездвиженность. Общение прервалось. Сотрудники Рукописного отдела долго не могли установить, где Нина Георгиевна находится. Со временем выяснили: у старшей сестры, а Нине Георгиевне самой уже шел 86-й год. Племянница Нины Георгиевны — Нелли

² Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина: Статья пятая (1844).

Владимировна — и ее муж — Александр Михайлович Иванов, — проживающие ныне преимущественно во Франции, в свой непродолжительный приезд в Петербург захотели передать в Пушкинский Дом книги тети с многочисленными писательскими автографами. Тогда и зашла речь о ее архиве и письмах Александра Солженицына. Чудом они отыскались, не погибли. И в тот день, 3 декабря 2008 года, в тот самый час, когда пишущая эти строки приехала за архивом уже не в квартиру на Краснопутиловской улице, куда письма адресовались и где нередко собирались друзья, а в дом Нелли Владимировны, раздался телефонный звонок: нам сообщили о кончине Нины Георгиевны. Как будто с минутной точностью она дожидалась завершения этого важного, последнего в жизни дела.

Письма А.И. Солженицына хранятся в РО ИРЛИ (Ф. 900). Приходили они, как правило, на домашний адрес Н.Г. Губко, который на протяжении этих лет не менялся: Ленинград, Л-152, Краснопутиловская ул., д. 6, кв. 45.

Письма Н.Г. Губко к А.И. Солженицыну (и Н.А. Решетовской) (крайние даты: 22 марта 1963 – конец декабря 1968) были предоставлены для публикации Архивом писателя в Троице-Лыкове.

Все письма публикуются по оригиналам в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации с воспроизведением особенностей подлинников. Подчеркивание передано курсивом, разрядка сохранена. Сокращения развернуты в угловых скобках.

1. Н.Г. Губко — А.И. Солженицыну

22 марта 1963. Ленинград

22/III-63
Ленинград

Уважаемый Александр Исаевич!

Посылаю журнал со своей статьей об «Одном дне Ивана Денисовича»¹.

Пожалуйста, не считайте себя обязанным отвечать мне: это просто предлог, чтобы поблагодарить Вас за большое счастье, которое Вы подарили многим людям, — счастье знать, что живет на земле настоящий русский писатель.

Будьте здоровы, дорогой Александр Исаевич... Будьте счастливы. И еще раз спасибо.

Н.Г. Губко

P.S. Если Вы когда-нибудь захотите приехать в Ленинград, то для меня и моей семьи Вы будете самым дорогим гостем. Мы будем счастливы, если сможем быть Вам чем-нибудь полезными.

Н.Г.

¹Журнал «Звезда» (1963. № 3).

2. А.И. Солженицын — Н.Г. Губко

8 апреля 1963. Рязань

8.4.63
Рязань

Уважаемый Н..... Г.....!

(отчего же Вы не назвались?)

За несколько дней до того, как я получил от Вас журнал (благодарю!), библиотекари заметили и дали мне прочесть Вашу статью. Она настолько лестна для меня, что мне даже как-то неудобно на неё отзываться. Во всяком случае, у кого я учусь — Вы поняли верно (только сравнение с «Двенадцатью» было для меня несколько неожиданным)¹.

За эти месяцы рецензий я прочёл тьму — наших центральных, провинциальных и заграничных². Но на пальцах одной руки можно перечислить из них те, которые суть подлинные литературные рассмотрения (и даже напечатаны-то они не все³). Ваша — среди них. Это очень располагает меня к Вам.

В Ленинграде мы будем не «когда-нибудь», а бываем там (с женой) периодически. Так, предполагаем прожить там весь июнь этого года⁴. В этом случае очень будем рады повидаться с Вами.

А пока всего самого лучшего и доброго Вам и Вашей семье!

А. Солженицын

[Обратный адрес на конверте:] г. Рязань, 23, 1 Касимовский пер., 12, кв. 3.
А.И. Солженицын

¹ В рецензии на «Один день Ивана Денисовича» Н. Губко отмечает: «...в связи с этой повестью справедливо говорили о традициях Толстого и Достоевского.

Конечно, речь здесь идет не об узком понимании традиций как копирования отдельных художественных приемов или слишком “расширительном” их толковании как следования философии и миропониманию Толстого и Достоевского. Скорее всего, речь здесь идет о бесстрашном исследовании человеческой души, о влиянии на нравственную природу человека внешних обстоятельств (“Человека можно повернуть так и так”, — думает Иван Денисович), речь идет о ценности человеческой жизни. <...> Это глубокое внимание к нравственному миру людей в условиях самого невыносимого унижения, бесправия и насилия, умение именно здесь увидеть, оценить и полюбить человека и роднит небольшую повесть А. Солженицына с гуманистическими традициями Толстого и Достоевского» (Звезда. 1963. № 3. С. 214).

Сходство «Одного дня Ивана Денисовича» с «Двенадцатью» А.А. Блока рецензент находит в области поэтики:

«По огромной внутренней напряженности, резкой смене интонаций, разнообразию ритмов, по полифоническому богатству (разумеется, с поправками на жанр, тему, материал) повесть напоминает поэму А. Блока “Двенадцать”. Здесь мы можем встретить пейзаж, по-блоковски нарисованный резкими красками: “краснеющий восход” и “голый белый снег”, который лежал “направо и налево в степи” и где “деревца не было ни одного”, и по которой, “руки держа сзади, а головы опустив, шла колонна, как на похороны”.

А этот замедленный, несколько даже торжественный ритм может смениться напряженным, быстрым, мгновенным, таким, например, в каком написана сцена труда эзков на постройке ТЭЦ» (Там же).

² Обсуждение «Одного дня Ивана Денисовича» в печати начал К.М. Симонов статьей «О прошлом во имя будущего» (Известия. 1962. 17 нояб.). Самые характерные отзывы сведены теперь в кн.: «Ивану Денисовичу» полвека: Юбилейный сборник. 1962–2012. М.: Русский путь, 2012.

³ Среди откликов, которые тогда еще не были напечатаны, — внутренние рецензии К.И. Чуковского, С.Я. Маршака и М.А. Лифшица, а также многочисленные читательские письма. Самая представительная публикация этих писем — в кн.: «Дорогой Иван Денисович!...»: Письма читателей. 1962–1964. М.: Русский путь, 2012. Приведенное здесь в выдержках наиболее значительное письмо-рецензия В.Т. Шаламова, где, по словам А.С., «скрестились лагерник и художник», неоднократно переиздавалось целиком. Оно помещено и в упомянутой выше книге «“Ивану Денисовичу” полвека». Впервые опубл.: Знамя. 1990. № 7. С. 63–70.

⁴ Первый и на тот момент единственный раз А.С. побывал вместе с Натальей Алексеевной Решетовской, первой женой, в Ленинграде в 1958 году и провел там месяц — с конца июня по конец июля. Но, готовясь к работе над «Красным Колесом», собирался приезжать еще и еще для изучения города и для занятий в Государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Государственная национальная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина).

3. А.И. Солженицын — Н.Г. Губко

16 июня 1963. Ленинград

16.6.63

Уважаемый Н.... Г....!

Мы наконец в Ленинграде¹ (но да останется это неизвестным в литературных кругах, не говорите никому) — с опозданием на полмесяца.

Теперь мы можем встретиться. Напишите, когда и где это удобно — или телефон, по которому Вам позвонить.

Мы пробудем здесь недельки три.

Кланяюсь Вашей супруге (назовите же имя-отчество своё и её!)

А. Солженицын

Мой адрес:

ул. Гоголя 16

кв. 21

Буковцевой²

для А.И. (подробнее — не пишите).

¹ В Ленинград Солженицыны приехали 15 июня и пробыли здесь до 9 июля.

² И в 1958, и в 1963 годах Солженицыны останавливались в одной и той же коммунальной квартире. Н.А. Решетовская вспоминала:

«Улица Гоголя. Замкнутый стенами домовпрямоугольный двор, весь уставленный штабелями дров. Мрачное парадное узкой лестницей, как в романах Достоевского. Темноватая вытянутая комната, которую устроили нам заботливые Зубовы» (*Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия*. М.: Сов. Россия, 1990. С. 47). Зубовы — Николай Иванович и Елена Александровна — друзья А.С. по кок-терекской ссылке. (См. примеч. 6 на с. 8 и публикацию «Невидимка “номер один”» на с. 206–216 наст. изд. — *Ред.*) Комната, которую занимали Солженицыны, принадлежала подруге Е.А. Зубовой — Александре Львовне Буковцевой, уезжавшей летом вместе с сестрой Надеждой Львовной на дачу в Лугу. В архиве А.С. есть упоминание об этих сестрах, бывших ээчках. Он дважды называет их «сестры Бернер». Вероятно, Буковцева — фамилия Александры Львовны по мужу.

4. А.И. Солженицын — Н.Г. Губко

25 июня 1963. Ленинград

25.6.63

Милая Нина Георгиевна!

Мы окончательно обсудили Ваше любезное предложение о поездке в Новгород¹. Оно очень заманчиво, но я не могу так быстро менять направление и скорость — в Ленинграде до 9 июля² у меня много дел и планов. Напротив, Наталья Алексеевна с большой охотой поехала бы с Вами.

Взвесьте, и пусть решение Ваше не будет диктоваться деликатностью, а — Вашим подлинным желанием и удобством. Если поездка с Н.А. в этот срок (т.е. числа до 6 июля) не нарушит Вашей работы, влезет в Ваш график и не будет Вам в тягость, то Н.А., со своей стороны, занята только 30-го вечером (мы в концерте). Она готова выехать с Вами в любой день, к ночи ли или с утра, автобусом или поездом — по Вашему усмотрению.

Адрес наш напоминаю:

Ул. Гоголя, 16, кв. 21. Буковцевой для А.И.

Напишите нам. Пользуйтесь случаем, пока не поздно, — отказаться! (Нет, серьёзно, делайте так, как Вам удобно. Н.А. может поехать и одна.)

После этого Н.А. сможет Вам позвонить в Ваш рабочий день.

С добрыми пожеланиями

А. Солженицын

¹ О встрече с Н.Г. Губко Н.А. Решетовская вспоминала:

«Нина Георгиевна Губко на наш звонок ответила быстрым стуком каблучков и оказалась очень женственной, живой и непосредственной. Много рассказала Сане о ленинградских писателях. Пригласила нас съездить с ней в Новгород. Жалея время, муж отказался, предоставив это мне, хотя для Нины Георгиевны такая замена далеко не равнозначна» (*Решетовская Н.А.* Александр Солженицын и читающая Россия. С. 142).

² 9 июля Солженицыны выехали ночным автобусом из Ленинграда в Тарту.

5. Н.Г. Губко — Н.А. Решетовской и А.И. Солженицыну

26 июня 1963. Ленинград

26/VI-63 г.

Здравствуйте, Наталья Алексеевна и Александр Исаевич!

Я обязательно собиралась поехать в Новгород, независимо ни от каких обстоятельств. Я рада, что Наталья Алексеевна имеет возможность поехать со мной. Это хорошо и удобно прежде всего для меня, и надеюсь, что будет

интересно Наталье Алексеевне. Поэтому, пожалуйста, «не терзайтесь» никакими сомнениями.

Мы можем выехать 2 июля вечером (это вторник) автобусом и вернуться в любой день до 6-го (как нам покажется лучше). Днем 2 июля я прошу позвонить мне (Ж 3-52-56), чтобы окончательно договориться о вечере. Если меня случайно не окажется на месте, то на всякий случай телефон секретаря редакции, который в этот день обязан «знать обо мне все», — Ж 2-89-48. Если захотите что-нибудь изменить, известите, пожалуйста, по телефону или письмом.

Н.Г.

P.S. Брать с собой *ничего* не нужно, кроме обуви на низком каблуке любого фасона и любой степени изношенности: нам, наверно, много придется ходить и лазить по лестницам соборов.

6. Н.Г. Губко — Н.А. Решетовской

30 июня 1963. Ленинград

30/VI 63 г.

Дорогая Наталья Алексеевна!

Я забыла сказать, чтобы Вы захватили с собой на всякий случай паспорт или какой-нибудь другой «документ личности». Иногда новгородское начальство вдруг начинает нажимать на пропуска, и тогда нужно удостоверение. Особенно это касается Христа Феофана Грека...¹ Правда, это бывает не всегда.

Кроме того, я хочу попросить Вас подумать, — не сможете ли Вы все-таки задержаться в Новгороде еще на один день? Мне очень хочется показать Вам Николу на Липне². А туда добираться нужно по Волхову и Ильменю, причем «неофициальным» транспортом. За один день не успеть. Если там ничего не изменилось (я была там прошлой осенью, и говорят, что за это время там построили турбазу), то будет очень жалко, если нам не удастся туда попасть. Это — крошечный островок с единственным удивительно красивым собором и единственным домиком, где живут двое рыбаков. По-моему, это волшебное место, подобного которому я нигде не видела... Но, конечно, это в том случае, если это не нарушит Ваших других планов. Но только я по-настоящему серьезно прошу Вас поверить, что для меня нет никакого труда и никаких дополнительных хлопот в том, что Вы едете. Я искренне рада, — и только. Видите, я даже стала многословной (вопреки характеру), чтобы уверить Вас в этом.

До свидания, Наталья Алексеевна, кланяйтесь Александру Исаевичу.

P.S. Мы бы могли сделать, например, так: один день провести в Новгороде, съездить в Юрьевский монастырь³, к Нередице⁴, а на другой день утром на Липню. Там бы мы провели часа два (с дорогой это было бы 5 часов), а потом, к вечеру, мы были бы уже в Ленинграде. Подумайте!

Н.Г.

¹ Речь о храме Спаса Преображения на Ильине улице, расписанном Феофаном Греком в 1378 году. В зените купола, в медальоне, заполняя все зеркало свода, иконописец изобразил Спаса Вседержителя.

² Речь о храме Николая на Липне, заложенном в 1292 году в 11 км к югу от Новгорода, на острове Липно, в дельте реки Мсты, недалеко от впадения ее в озеро Ильмень. Расписан в 1293–1294 годах. Полуразрушен в годы Великой Отечественной войны. Восстановлен в 1954–1956 годах.

³ Свято-Юрьев (Георгиев) монастырь, один из древнейших в России, основан, по преданию, в 1030 году Ярославом Мудрым, в крещении Георгием (Юрием). В летописи впервые упомянут под 1119 годом. Расположен в 5 км к югу от Новгорода на берегу реки Волхов, вблизи озера Ильмень. Разорен в 1920–30-х годах. Возвращен Русской православной церкви в 1991 году.

⁴ Речь о храме Спаса на Нередице на невысоком холме в 1,5 км к югу от Новгорода, в километре от восточного берега Волхова, рядом с Рюриковым городищем. Построен в 1198 году, расписан в 1199-м. Разрушен в годы Великой Отечественной войны. Восстановлен в 1956–1958 годах.

7. Н.Г. Губко — Н.А. Решетовской и А.И. Солженицыну

*[Декабрь 1963. Ленинград]*¹

Дорогие Наталья Алексеевна и Александр Исаевич!

Поздравления — очень трудный жанр нашей, русской, литературы. Что написать? Что пожелать?

Просто в этот день мне хочется снова выразить Вам самую глубокую благодарность и любовь.

С Новым годом!

Ваша Н. Губко

¹ Новогодняя открытка.

8. А.И. Солженицын и Н.А. Решетовская — Н.Г. Губко

22 декабря 1963. Рязань (?)

22.12.63

Милая Нина Георгиевна!

Ваше письмо¹ вполне достойно знаменитого письма Григоровича к Чехову². Но это в шутку, а серьёзно — я люблю, когда меня корят и указывают на мои слабости, только эти отзывы и остаются в моей памяти.

Беда рассказа «Д<ля> п<ользы> д<ела>» не столько даже, может быть, в его тенденциозности (боюсь, что это некоторым образом моя черта, которая просто была удачно обойдена в «И<ване> Ден<исовиче>» и «Матрёне»), сколько в поверхностности характеристик — и это не имеет, конечно, прощения. Объяснением же может служить то, что я считал этот рассказ общественно-полезным и к тому же безотлагательным — и поспешил сдать его в мае в редакцию, тогда как надо было ему ещё полгода отлежаться, да ещё два разика переписаться³.

Но я не теряю надежды ещё заслужить Вашу милость в будущем. Об этом отдалённом будущем мы сумеем с Вами потолковать в будущем неотдалённом — в первой половине февраля, когда я предполагаю быть в Ленинграде⁴. Время у меня там будет сжатое, но для рассказов Абрамова надо постараться время найти⁵.

Статью о генетике я прочёл с огромным удовольствием⁶. Не знаю, до каких пор мы будем делать вид, что не видим, какая у верблюда шея. И уж с какой осторожностью и тактом была написана статья, что только Лысенко мог на неё обидеться⁷.

Уже сень Нового года над нами — и мы с Натальей Алексеевной от души поздравляем Вас с ним, желаем Вам в нём здоровья, благополучия и светлого состояния духа!

Итак — до встречи!

Спасибо за неуступчивость!

Ваш А. Солженицын

Дорогая Нина Георгиевна!

Рада за Вас, что вы снова побывали в любимом своем Новгороде. Может статься, этим летом мы будем там проездом вместе с Ал<ександр>ом Ис<аеви>чем. Юрия Александровича⁸, разумеется, навестим в этом случае.

Итак, еще раз —

С Новым Годом!!!

Ваша Н.А.

¹ Это письмо пока не удалось обнаружить. Судя по ответу, в основном оно было откликом на публикацию рассказа «Для пользы дела» (Новый мир. 1963. № 7).

² Сохранилось семь писем Д.В. Григоровича А.П. Чехову (1886–1891). Здесь — отсылка к первому письму, от 25 марта 1886 (см.: А.П. Чехов и Д.В. Григорович / сост. и коммент. М.П. Громова // Переписка А.П. Чехова: в 2 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. С. 276–277). В этом письме старый писатель, вошедший в литературу около сорока лет назад, в одно время с Ф.М. Достоевским, И.А. Гончаровым, И.С. Тургеневым, высоко оценил, поддержал и напутствовал начинающего автора: «...у Вас *настоящий* талант, — талант, выдвигающий Вас далеко из круга литераторов нового поколения» (С. 276); «...по разнообразным свойствам Вашего несомненного таланта, верному чувству внутреннего анализа, мастерству в описательном роде... чувству пластичности, где в нескольких строчках является полная картина: тучки на угасающей заре — “как пепел на потухающих угольях...” и т.д. — Вы, я уверен, призваны к тому, чтобы написать несколько превосходных, истинно художественных произведений» (Там же). Высказав несколько замечаний, Григорович оговаривается: «...я решился их высказать потому только, что истинно верю в Ваш талант и желаю ему ото всей души полного развития и полного выражения» (С. 277).

³ Над рассказом «Для пользы дела» А.С. работал с середины апреля до середины мая 1963 года. 17 мая отправил машинопись в редакцию «Нового мира». Рассказ напечатан уже в июльском номере (С. 58–90). Впоследствии журнальный вариант рассказа был сокращен. Целиком выкинута первая главка (С. 58–62).

⁴ В 1964 году А.С. пробыл в Ленинграде с 6 по 24 февраля.

⁵ По-видимому, речь о рассказах Ф.А. Абрамова «Пролетали лебеди» и «Медвежья охота» («Дела российские») (оба 1963–1964), напечатанных позже в «Звезде» (1965. № 10), а возможно, и о рассказе «На задворках», снятом из сверстанного номера «Звезды» (1966. № 4). Из этого рассказа выросла повесть «Пелагея» (1968; опубл.: Новый мир. 1969. № 6). А мог быть в редакции «Звезды» и рассказ «Могила на крутояре» (1963–1968), впервые опубликованный только в книге Абрамова «Деревянные кони: Повести и рассказы» (Л.: Сов. писатель, 1972).

⁶ *Медведев Ж., Кирпичников В.* Перспективы советской генетики // Нева. 1963. № 3. С. 165–175.

⁷ Через полгода после выхода в «Неве» упомянутой выше статьи Медведева и Кирпичникова президент ВАСХНИЛ М.А. Ольшанский выступил в газете «Сельская жизнь» (1963. 18 авг.) с резкой критикой этой публикации, в частности взяв под защиту главного диспровергателя классической генетики Т.Д. Лысенко. Журнал «Нева» тут же перепечатал статью Ольшанского (1963. № 9. С. 162–166), предварив ее покаянным заявлением: «Редакция журнала “Нева” допустила грубую ошибку, напечатав в № 3 статью Ж. Медведева и В. Кирпичникова “Перспективы советской генетики”, в которой необъективно, с групповых позиций трактовались проблемы развития биологической науки. Статью “Перспективы советской генетики”, напечатанную в журнале “Нева”, редакция считает ошибочной и вредной для нашей науки».

⁸ Неустановленное лицо.

9. Н.Г. Губко — Н.А. Решетовской и А.И. Солженицыну

28 декабря [1964. Ленинград]¹

28/XII

Дорогие Наталья Алексеевна и Александр Исаевич!
С Новым годом! Всей душой желаю, чтобы он был для Вас счастливым.

Н. Губко

¹ Лист малого формата.

10. А.И. Солженицын — Н.Г. Губко

15 ноября 1965. Рязань

15.11.65

Рязань

Милая Нина Георгиевна!

Бессовестно, конечно, так долго не писать, и вдруг сразу по делу. Но может быть, зная о моих сложных обстоятельствах этой осени¹, Вы меня простите.

Я хотел с Вами посоветоваться. Собралось у меня четыре рассказа (общим объёмом 2 печат<ных> листа), которые я хочу напечатать обязательно все вместе или ни одного². По некоторым причинам я думаю сделать это не в «Новом мире»³. Так вот: что было бы, если б я послал их в «Звезду»? Стоит ли? Если обстановка слишком неблагоприятная, то я этого делать не буду.

Черкните, если не трудно. Адрес мой (из-за переименования улицы) звучит теперь так: Рязань, 23. Ул. Урицкого 17, кв. 3⁴.

Наталья Алексеевна шлёт Вам сердечный привет.

С искренними пожеланиями

А. Солженицын

¹ 11 сентября 1965 года при обыске у супругов В.Л. и С.Л. Теушей и их друга И.И. Зильберберга сотрудники госбезопасности захватили тайный архив писателя — роман «В круге первом», пьесы «Пир победителей» и «Республика труда», лагерные стихи и крохотки. Этот провал А.С. счел тогда «самой большой бедой за 47 лет... жизни» (Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 119). Казалось, весь многолетний подпольный писательский труд погиб. А.С. ожидал немедленного ареста. Но на этот раз власти ограничились использованием архива для дискредитации писателя.

² В начале ноября 1965 года А.С. закончил три рассказа: «Захар-Калита», «Как жаль» и «Живое существо». К ним он присоединил рассказ «Правая кисть», написанный в 1960-м.

³ Еще 18 октября 1965 года А.С. предложил рассказ «Правая кисть» главному редактору «Нового мира» А.Т. Твардовскому. Тот отшатнулся: «Описательная часть очень хороша, но вообще — это страшнее всего, что вы написали» (*Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом. С. 128). И «даже членам редакции не показал» (Там же. С. 133).

⁴ Осенью 1964 года 1-й Касимовский переулок был включен в состав улицы Урицкого (с изменением нумерации домов).

11. А.И. Солженицын — Н.Г. Губко

26 ноября 1965¹. Рязань

Милая Нина Георгиевна!

Простите дурацкий конверт, другого нет под рукой².

Я очень тронут Вашей готовностью помочь. Но начинает мне казаться, что в «Звезде» ничего не удастся. Во всяком случае, без моего дополнительного письма ничего пока не предпринимайте. Рассказы побывали в «Огоньке», «Литературной России», сейчас в «Москве». Все хватаются за один из четырёх и отвергают остальные³. Пока не решил, что делать. Может быть, в начале декабря пошлю Вам их для знакомства и примерки.

Статья в «Л<итерату>рке» появилась не без верховного разрешения, как Вы понимаете. Но я ею не доволен: не дело прозаика поучать, а надо просто пример показывать. Не всё высказано ясно, да ещё и редакция по ошибке исказила. Нужна бы большая серьёзная статья листа на 3 печатных, да жалко мне на это время тратить⁴.

Благодарю Вас за дружественность!

С искренними добрыми пожеланиями от Н.А. и себя

Ваш А. Солженицын

¹ Письмо датируется по почтовому штемпелю.

² На конверте изображена пионерка, в беге срывающая финишную ленточку.

³ Из предложенных четырех рассказов в «Огоньке» отвели сначала одну «Правую кисть», затем еще и «Как жаль», в «Литературной России» согласились только на «Захара-Калиту».

⁴ В статье «Не обычай дегтем щи белить, на то сметана» (Литературная газета. 1965. 4 нояб.) А.С. выступил в защиту живой русской речи и подверг критике «Заметки о стилистике современной советской литературы» директора Института русского языка АН СССР

академика В.В. Виноградова (Там же. 1965. 19 окт.). Участие в газетной дискуссии должно было легализовать писателя после ареста его архива:

«Я спешил как-нибудь заявить о себе — и для этого придрался к путаной статье академика Виноградова в “Литературной газете”. У меня, правда, давно собирался материал о языке художественной литературы, но тут я скомкал его, дал поспешно, поверхностно, неубедительно, да ещё в резкой дискуссионной форме, да ещё в виде газетной статьи, от которых так зарекался. (Да ещё утая главную мысль: что более всех испортили русский язык социалисты в своих неряшливых брошюрах, и особенно — Ленин.) Всего-то и вышло из этой статейки, что я крикнул госбезопасности: “Вот — живу и печатаюсь, и вас не боюсь!”» (*Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом. С. 132–133).

При публикации в статье А.С. были допущены три значимых отступления от авторского текста: одно — от глухоты и два — от недосмотра.

На придуманное А.К. Юговым слово «речестрой» А.С. отозвался двумя предложениями: «Со взглядом кажется: речестрой! ах, как по-русски! Ан по-немецки...» (*Солженицын А.И.* Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волжск. кн. изд-во, 1996. Т. 2. С. 9). Но вмешался прямолинейный корректор: после первого восклицательного знака по привычке повысил букву «а». Получилось три предложения — и специфическая авторская интонация исчезла. Во фразе «Но больше всего блёкла наша письменная речь от потери подлинного русского склада...» (Там же. С. 10) пропал слог: вместо «подлинного» напечатано «подлинно». Наконец, от невольной подмены слова возник даже комический эффект: «...нас теперь поражает такое простое явление, как: он *остегнул*ся (нам понятнее: он застегнулся, попадая петлями на несоответствующие пуговицы)». Конечно, «он остегнул» нас поражает не как явление, а как словосочетание: «...такое простое сочетание, как: он *остегнул*ся...» (Там же. С. 9).

12. А.И. Солженицын — Н.Г. Губко

20 июля [1966. Москва]

20.7

Милая Нина Георгиевна!

Если Вы будете до 15 августа в Ленинграде, — аукнитесь, пожалуйста, одним из двух способов:

1) или позвоните в Л<енингра>де Ж-7-28-71 и скажите Ефиму Григорьевичу Эткинду¹ об этом — для меня.

2) или напишите по адресу:

Москва, К-9 ул. Горького 6 кв. 201 Копелеву Л.З.² для А.С.

Спрашиваю не из любопытства и не потому, что предполагаю быть в это время в Л<енингра>де (нет), а потому что есть желание попробовать сейчас с повестью «Раковый корпус» (15 листов) то, что не удалось с рассказами в ноябре³.

Мы оба с Н.А. шлём Вам искренние дружеские пожелания!

А. Солженицын

¹ *Эткинд* Ефим Григорьевич (1918–1999, в эмиграции), филолог, специалист по немецкой и французской литературе, стиховедению, теории художественного перевода и переводчик; доцент, позже профессор Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Был одним из хранителей архива А.С.

² *Копелев* Лев Зиновьевич (1912–1997, в эмиграции), филолог-германист; товарищ А.С. по марфинской шарашке, прототип Рубина в романе «В круге первом».

³ Закончив первую часть «Ракового корпуса», А.С. передал ее в «Новый мир». Первое, обнадеживающее обсуждение в журнале состоялось 18 июня 1966 года. Через месяц, 19 июля, после того как автор внес предложенную ему незначительную правку, редколлегия собралась вторично. И тут выяснилось, что публикация откладывается из-за внешних неблагоприятных обстоятельств. Подписывать долгосрочный договор автор отказался, а рукопись из редакции забрал. Освободившись от обязательств перед «Новым миром», он и решил обратиться в «Звезду».

13. А.И. Солженицын — Н.Г. Губко

*3 августа 1966*¹. [Москва]

3.8.66

Милая Нина Георгиевна!

Я полагаю, что это письмо достанет Вас вместе с рукописью I части моей новой повести «Раковый корпус».

Повесть эту, как мне представлялось, напечатать хоть и очень трудно, но всё же легче других моих вещей. Так и было: «Нов<ый> мир» в июне уже согласился её печатать (правда, с некоторыми не очень существенными исправлениями), предложил мне договор (и сейчас предлагает), но в июле заявил, что должен отложить печатание на неопределённое время — из-за тяжёлого положения журнала. Я остался несвязанным никаким обязательством и хочу попробовать, чтобы рукопись почитали в Вашей редакции.

Я понимаю, конечно, что шансы не очень велики — но всё-таки же и не ноль! А м.б., Ваша редакция согласилась бы напечатать какой-нибудь отрывок из нескольких глав?

Т.к. у меня мало экземпляров, то дополнительно (и непременно!) прошу:

1) если редакция не примет рукописи — не измазывать её пометками!

2) не очень растягивать период решения. Ну, скажем — в начале сентября, перед Вашим отпуском, если редакция не возьмёт — чтобы Вы могли экземпляр мне вернуть.

3) верните, пожалуйста, не по почте, а передайте *Эткиндам* (Ефим Григорьевич, Екатерина Фёдоровна², дочь Маша — последняя наверняка никуда не уедет. Т. Ж-7-28-71).

А мне напишете только письмо.
Ваше личное мнение, помимо всего, очень меня интересует!
Заранее благодарю Вас
за беспокойства и усилия!
Жму руку!

Всего-всего доброго!
А. Солженицын

[На конверте надпись чернилами:] Нине Георгиевне Губко.
[Карандашом:] если в Ленинграде не будет Эткиндов, то:
Л-152, Краснопутиловская 6
кв. 45 — домашний адрес
служ<ебный> телеф<он> журн<ал> «Звезда», отдел критики,
но передать лучше не [Зачеркнуто: в редакции] громогласно.

¹ Конверт без марок и почтовых штемпелей.

² Екатерина Федоровна Зворыкина (1918–1986, в эмиграции), жена Е.Г. Эткинда, переводчик.

14. А.И. Солженицын — Н.Г. Губко

8 августа 1966. [Москва]

8.8.66

Милая Нина Георгиевна!

На днях Вам передадут мой «Раковый корпус» с сопроводилкой. Но уже после того как я это всё для Вас приготовил, я получил письмо от Эткинда, где он пишет о довольно плачевном состоянии Вашего журнала (недавнее постановление, о чём я не знал)¹. Ну, ин пусть будет так, повесть уже всё равно к Вам пошла. Значит, прочтите, предпримите тот минимум шагов, из которого выяснится, что повесть не пойдёт у Вас, — и отдайте Эткиндам экземпляр, нисколько не считая, что Вы обязаны «класть животы».

С искренним расположением

А. Солженицын

Но хотелось бы мне, чтобы отказ исходил всё-таки от главреда (главреда?) или, во всяком случае, чтобы я мог считать, что «Звезда» мне отказала официально.

¹ 3 августа 1966 года Е.Г. Эткинд писал А.С.: «С Губко говорить нечего — недавно было специальное постановление об этом журнале, и они не решатся на то, на что уже не решился А<лександр> Т<вардовский>. Лучше обождать, а Ваше разрешение на счет “Р<акового> к<орпуса>” пока следует отменить — как бы не навредить!» (Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове).

В мае 1966 года цензор А. Березина, курировавшая журнал «Звезда», направила начальнику Леноблгорлита Ю. Арсеньеву обширную, на семи листах, докладную записку с перечнем произведений, заверстаных в журнале в 1965–1966 годах, которые «по согласованию с Обкомом КПСС были либо полностью отклонены как идейно порочные, либо переработаны» (Блюм А. «Звезда» после августа 1946-го: Хроника цензурных репрессий 1940–1960-х годов // Звезда. 2004. № 1. С. 157). Справку, основанную на этой докладной, Арсеньев направил 27 мая 1966 года в обком партии. А обком, очевидно, ответил проработкой журнала.

15. А.И. Солженицын — Н.Г. Губко

9 ноября 1966. [Рязань]

9.11.66

Милая Нина Георгиевна!

Не писал Вам всё это время, т.к. Вы были в отпуску.

Я очень признателен Вам за все предпринятые усилия, хотя (из-за того, что Вы ни слова с в о е г о не написали мне о повести, начинаю подозревать), может быть, Вы и прилагаете их без художественного сочувствия, а лишь по долгу. С тех пор мы ещё обменялись письмами с Татьяной Николаевной¹, она Вам расскажет.

Я понимаю, что Холопов² ещё отчасти ждёт обсуждения повести в ЦДЛ, но вот оно назначено на 16-11³.

Честно говоря, я не очень-то рассчитываю, что Ваш шеф согласится печатать повесть в нынешнем виде, а я ничего принципиального (в том числе и Авиеты⁴), не уберу.

Но очень бы хотелось, чтоб не тянули бесконечно, а чтоб в конце этого месяца я знал бы ответ. Можно ли так сделать?

Независимо от этого черкните мне честно: что именно Вам не нравится в повести? (ведь мне же надо для II части знать). Мы оба с Н.А. шлём Вам самые сердечные пожелания.

А. Солженицын

P.S. Не находите ли Вы, что А. Дымшиц своими последними выступлениями все менее становится украшением короны Ваших друзей?⁵

R.P.S. Пишите на Рязань, тот московский адрес я давал только на лето.

Рязань 12 проезд Яблочкова 1, кв. 11⁶.

¹ Упомянута *Татьяна Николаевна* Хомякова, много лет проработавшая в «Звезде» редактором отдела публицистики. Сообщено Я.А. Гординым.

² *Холопов* Георгий Константинович (1914–1990), прозаик, главный редактор «Звезды» в 1939–1940 и 1957–1989 годах.

³ 16 ноября 1966 года обсуждение первой части «Ракового корпуса» состоялось на расширенном заседании бюро секции прозы Московского отделения Союза писателей РСФСР в Малом зале Центрального дома литераторов.

⁴ Речь о 21-й главе повести — «Тени расходятся», — где в центре дочка кадровика Русанова, Авиета, нацеленная на писательскую карьеру. При первом же обсуждении «Ракового корпуса» в «Новом мире» эта глава вызвала дружные возражения: «В чём объединились все: осудили Авиету, и фельетонный стиль главы, и вообще все высказывания о советской литературе, какие только есть в повести: “им здесь не место”» (Бодался теле-нок с дубом. С. 145). И тогда, поскольку публикация показалась возможной, автор согласился «главу с Авиетой со вздохом пока отсечь» (Там же. С. 146). Но на бюро секции прозы А.С. за эту главу заступился: «Говорят: фельетон. Согласен, — да. Говорят: фарс. Согласен, да. Но вот в чём дело: фельетон-то не мой, фарс-то не мой. Если бы вы захотели, я бы мог взять речь Авиеты и показать: это говорил такой-то критик, а это говорил такой-то критик. Я их просто цитировал. Речь Авиеты состоит из цитат из произведений известных ведущих критиков. Говорят: не надо сердиться на литературу. Да, с точки зрения вечности, конечно, не надо. С точки зрения вечности этой главе здесь не место. Но в течение некоторого времени эти цитаты произносились не Авиетой, глупенькой девчонкой, а людьми уважаемыми, с трибун побольше этой и в аудиториях побольше этой, и в печатном слове. Справедливо ли забыть это? Эти весы между вечностью и современностью очень трудные, сложные. Конечно, в этой главе я откровенно пренебрегаю чашкой вечности, откровенно даю фельетон и фарс. Но говорю: не мой» (Слово пробивает себе дорогу: сб. ст. и док-тов об А.И. Солженицыне. 1962–1974. М.: Русский путь, 1998. С. 294).

⁵ *Дымшиц* Александр Львович (1910–1975), литературовед-германист, литературный критик и функционер; автор одной из первых статей об «Одном дне Ивана Денисовича» (Жив человек // Литература и жизнь. 1962. 28 нояб.) и один из предшественников Н.Г. Губко в руководстве журнала «Звезда»: заведующий отделом критики и библиографии (1937–1938) и член редколлегии (1957–1961). Среди «последних выступлений» Дымшица — статья «Литературная критика и чувство ответственности» (Огонек. 1966. № 41), полемизирующая со статьей В. Лакшина «Писатель, читатель, критик: Статья вторая» (Новый мир. 1966. № 8).

⁶ Эту квартиру А.С. получил в самом конце декабря 1965 года.

16. Н.Г. Губко — А.И. Солженицыну

26 ноября 1966¹. Ленинград

Редактор Москве редколлегия откладывается на первое декабря= Губко

¹ Телеграмма. Датируется по почтовому штемпелю.

17. А.И. Солженицын — Н.Г. Губко

27 ноября 1966¹. [Рязань]

27.11.66

Милая Нина Георгиевна!

По всему поведению Вашего шефа я *уверен*, что ничего не выйдет. Уже затянулось дело до того, что почти и у *меня* не остаётся дней вести какие-нибудь переговоры с редакцией (хочу от суеты уехать поработать). 1–3 декабря буду последний раз в Москве². Давайте сделаем так: по тому самому московскому адресу, который я Вам давал на лето, отстукайте телеграммку 1 декабря вечером. Если обсуждение снова будет отложено — значит, я о нём узнаю только через три месяца. Если решение будет отрицательным — верните рукопись Эткинду с просьбой при случае отослать в Москву. Если же будет что обсуждать — я позвоню Вам тотчас 2 декабря. Но если Хол<опов> будет требовать серьёзных уступок — то на эти переговоры и поездки не будем и времени тратить. Простите, что столько хлопот *Вам*.

С искренним расположением А. Солженицын

Н.А. шлёт Вам добрый привет.

¹ Почтовая открытка.

² В начале декабря 1966 года А.С. уезжал в Эстонию, на пустующий хутор Копли-Мярди, в трех километрах от деревни Васула, чтобы там в конспиративном одиночестве продолжить работу над «Архипелагом ГУЛАГом».

18. А.И. Солженицын — Н.К. Губко

3 декабря 1966. [Москва]

3.12

Милая Нина Георгиевна!

Спасибо за внимание и дружеское расположение! Телеграмму Вашу получил.

Это письмо — *только* для Вас (= О редакционных планах ничего не знаю и ничего не писал).

Пришло мое зимнее время работы, которое для меня дороже, чем публикация или непубликация готовых книг.

Поэтому: пусть в редакции идут дела своим чередом, пусть принимаются решения, шлются письма мне в Рязань (Н.А. что-нибудь ответит), но меня до конца февраля не будет *ни при каких обстоятельствах* (Вы об этом официально пока тоже не знаете). Я *не верю*, что Холопов примет РК-1 хотя бы без

Авиеты (но и я из Авиеты мог бы отдать лишь 3–4 реплики). Я вообще сейчас не настроен ни к каким уступкам. Значит, с опозданием на 3 месяца мне просто придется вежливо отклонить предложение Холопова.

На тот же, гипотетический и *невероятный*, случай, что редакция приняла бы повесть так, как она есть, — прошу считать Екатерину Фёдоровну Зворыкину (жену Еф. Григ. Эткинда) — моим полномочным представителем по корректуре (посылать гранки в Рязань не надо).

Разрешите Вам пожелать
хорошего, доброго к Вам
Нового Года!

Ваш А. Солженицын

19. Н.Г. Губко — Н.А. Решетовской и А.И. Солженицыну

[Декабрь 1966¹. Ленинград]

Наталья Алексеевна и Александр Исаевич!

С Новым годом!

В единственный для меня день в году, когда я поздравляю дорогих мне людей, — мне хочется еще раз подтвердить неизменность моей самой горячей благодарности и любви к Вам...

Дай Бог Вам здоровья и счастья, — Вы слишком много для всех нас сделали... Александр Исаевичу скоро напишу².

Ваша Н. Губко

¹ Новогодняя открытка.

² О том, что происходило с повестью «Раковый корпус» в «Звезде», Е.Ф. Зворыкина сообщала Н.А. Решетовской в письме от 25 января 1967 года:

«Сейчас я разговаривала с Н.Г. Она была и есть больна (в Л<енингра>де — грипп). Отчасти не писала из-за болезни, а гл<авным> образом потому, что не может до сих пор сказать ни “да”, ни “нет”. Как она выразилась — обнадеживать не хочет, но надежду потеряла не полностью. Холопов то берет у нее вещь, то отдает назад... Словом: ни мычит, ни телится... и хочется и колется... В народе много на этот случай поговорок. <...>

Сама она шлет нежнейшие приветы Вам и заверяет, что в первых числах февраля напишет подробно обо всем, п<отому> что будет принято решение» (Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове).

В итоге журналом «Звезда» повесть была отвергнута.

20. А.И. Солженицын — Н.Г. Губко

21 апреля 1967. [Рязань]

21.4.67

Дорогая Нина Георгиевна!

Я очень ценю Ваши непредвзятые искренние высказывания о моих вещах, и, пожалуйста, не отказывайтесь от них в будущем. Они помогают мне объёмнее понять свою работу.

Что Русанов не получился у меня страшен — жаль, это моя неудача. Но я ведь в повести и не настаиваю, что Русановы — первопричина¹.

Однако мне бывает трудно уловить Вашу точку зрения на задачи писателя, на то, чем он имеет и не имеет право заниматься. К моим «essais»² Вы тоже когда-то так отнеслись, что они главного не касаются и мало нужны. Если под «главным» понимать область, не пересекающуюся с современностью (и её острием — злободневностью) — получится вакуум, часть II «Фауста». Кому она нужна? Мне — совершенно не нужна, мне там дышать нечем. Тончайшая «Анна Каренина» наполнена рассуждениями о земстве, о современном ведении сельского хозяйства, даже о Русско-турецкой войне. «Бесы» — злободневны насквозь, «Дневник писателя» — тоже. Большие куски этого есть и в «Карамазовых» и в «Идиоте». И без этого *нет* прозы, нужной людям. Слова о соотношении современности и вечности, сказанные мною на обсуждении, не были оговоркой: я действительно так думаю³. Ни Блок, ни Цветаева не миновали злободневности — и это не худшие их страницы. Вы предлагаете мне воспарить над своей биографией, своей памятью, даже своими интересами. Я этого — и не могу, и даже не хочу. Я уродился писателем *социальным* и уж таким останусь до гроба. Я просто иначе не умею.

Не переживайте за 1-ю часть «Ракового корпуса», всё шло нормально. Надеюсь, скоро прочтёте и 2-ю часть⁴ (там же, где брали 1-ю)⁵.

Искренне желаю Вам отряхнуться от болезней и выстоять против неприятностей. Жму Вашу руку.

Н.А. тепло кланяется Вам!

А. Солженицын

¹ На обсуждении первой части «Ракового корпуса» в московской писательской организации А.С. сказал:

«Что касается Русанова, то почти ни один из выступавших не минул его, что-то мне не сказав. И до этого люди, которым я давал читать, и в редакциях, все говорили о Русанове. Большая часть высказываний, 90% высказывающихся говорят, что я с Русановым что-то сделал не так. Спорить против такого процента я не смею. Значит, не так. Однако, когда я пытался понять конкретно, конструктивно, что именно не так и в каком направлении они видят его, я пока не получил ясности. Пока остаётся как императив оставить для себя, что что-то может быть не так. <...>

Я пытался Русанова всеми силами рисовать с симпатией, пытался его всеми силами оправдать... ну, не всегда всеми силами... Но где-то срываешься на отрицательное отношение, где-то не хватает. Известно такое выражение: когда рисуешь негодяя — давай побольше хорошего; когда рисуешь хорошего — давай побольше негодяя. А где же точка зрения вечности?! Очень правильно говорили: зачем сечёте следствие, а надо причину. В общем это верно. Упрёк этот принимаю. Надо было бы в «Раковом корпусе» Русанова дать не только как следствие, а показать причины, которые его создали и дали возможность жить десятилетия. До этих причин надо было бы дотянуться художественно. Не дотянулся. Может быть, судьба повести не стала бы от этого легче... Но надо стараться. Надо стараться Русанова показать человечнее. Во второй части и при доработке первой части я обязательно это учту» (Слово пробивает себе дорогу. С. 293–294).

² Речь о «Крохотках».

³ О «весах между вечностью и современностью» А.С. говорил на обсуждении «Ракового корпуса» и по поводу Русанова (см. примеч. 1 к этому письму), и по поводу Авиеты (см. примеч. 4 к письму 15), отталкиваясь от выступления Ю.Ф. Карякина:

«Сегодня очень важную мысль высказал Ю. Карякин... Это суждение о том, как в произведении должны быть уравновешены современность и вечность. Это самые трудные веса, с которыми в каждом произведении приходится работать. Когда слишком дашь на чашку вечности, — современность теряет плоть, и теряется связь с читателями. Когда дашь слишком на чашку современности, произведение мельчает, не будет долго жить. И это чувство гармонии хотелось бы воспитать, достичь равновесия» (Слово пробивает себе дорогу. С. 293).

⁴ Промежуточную редакцию второй части «Ракового корпуса» А.С. закончил еще до своего отъезда в Эстонию в начале декабря 1966 года. Именно эта редакция в феврале 1967 года была передана А.Т. Твардовскому. Доработку рукописи автор закончил в марте, но пустить ее в Самиздат решил через два месяца, после IV съезда Союза писателей, открытие которого было назначено на 22 мая 1967 года.

⁵ То есть у Эткиндов.

21. Н.Г. Губко — А.И. Солженицыну

10 июля 1967. [Ленинград]

10/VII-67

Дорогой Александр Исаевич!

Вторая часть так прекрасна, что (пока!) страшно прикоснуться к ней словами: слова «ломаются», кажутся лишними. И это мое чувство так же искренне и серьезно, как серьезно было мое несогласие с некоторыми местами первой части... Как хорошо, что здесь почти не видно Русанова. Не кажется ли Вам, что Вы (вопреки Пушкину) все-таки захотели найти место и... дураку?¹ Но сейчас мне это кажется не столь важным, как прежде. Я думаю только о том, какое все же счастье, что это написано и что оно будет жить, несмотря ни на что. Поэтому в наших наметившихся разногласиях о долге писателя — я, может быть, больше права. Какие бы ни были результаты

(обычно они бывают ничтожными) конкретных общественных действий писателя, — они никогда не заменят ни одной страницы «Матрениного двора» или «Ракового корпуса».

...Во второй части «Фауста» мне тоже «дышать нечем». Но вот «Дневники писателя» Достоевского как раз и предостерегают художника от злободневности. Ведь там, где Достоевский хотел быть общественным деятелем и социологом, где пытался найти ответы в истории, — там (помните?) — «Константинополь должен быть наш»². Но в других случаях (очень часто!), когда верх брал художник и философ, — тогда даже простая встреча с извозчиком вела к пророческим и горьким мыслям о судьбе России³. И разве единственная по своей трагичности судьба Гоголя не в этом противоречии?

Когда я говорила Вам (я и сейчас так думаю), что злободневность когда-нибудь может убить художника, то я имела в виду опасную недооценку пророческой, даже если хотите религиозной, сути писательского дара.

Но это, очевидно, глубоко внутренняя и индивидуальная область идей и чувств, плохо поддающаяся логическому объяснению. Может быть, мое глубочайшее отвращение к нынешней литературной среде (хотя я сама отчасти к ней принадлежу) — делает меня более нетерпимой, чем надо...

Кстати, Ваше превосходное по сути и по форме письмо съезду писателей⁴ нашло гораздо более глубокий отклик не у писателей.

И все же все мои несогласия с Вами (сколько бы они ни были серьезны) — ничто по сравнению со счастьем знать, что все-таки есть на свете русская литература. И за это я опять и опять Вас благодарю.

Наконец, самое главное: ходят самые тревожные слухи о Вашем здоровье. Пожалуйста, напишите, не нужно ли что-нибудь сделать. У меня много друзей-медиков, — они будут счастливы Вам помочь.

Еще говорят, будто издадут «Корпус» и сборник рассказов. Правда ли? Желаю Вам, дорогой Александр Исаевич, всего хорошего.
Сердечный привет Наталье Алексеевне.

Н. Губко

¹ По-видимому, отсылка к пушкинской строчке: «...и не оспаривай глупца» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», 1836).

² В «Дневнике писателя» за 1876–1877 годы Ф.М. Достоевский снова и снова прокручивает мысль о том, что при распаде Оттоманской империи Россия должна потребовать Константинополь не для превращения его в свою столицу или в столицу Всеславянства, а «как предводительница православия, как покровительница и охранительница его, — роль, предназначенная ей еще с Ивана III, поставившего в знак ее царьградского двуглавого орла выше древнего герба России, но обозначившаяся уже несомненно лишь после Петра Великого, когда Россия сознала в себе силу исполнить свое назначение, а фактически уже и стала действительной и единственной покровительницей и право-

славия, и народов, его исповедующих» (*Достоевский Ф.М.* ПСС: в 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 23. С. 49).

Сформулирована задача: «...Константинополь — рано ли, поздно ли, должен быть наш...» (Там же. С. 48). Ее решение, по Достоевскому, — вопрос времени: «...рано ли, поздно ли, а Царьград будет наш...» (Там же. Л., 1983. Т. 25. С. 67).

³ В январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год Достоевский вспоминает свое «первое личное оскорбление» (Там же. Л., 1973. Т. 7. С. 138). Почти сорок лет назад, в мае 1837 года, он увидел на почтовой станции, как фельдъегерь здоровенным кулаком лупил по затылку ямщика, а тот беспрерывно хлестал лошадей, так что они неслись как угорелые. «Наш извозчик объяснил мне, — продолжает писатель, — что и все фельдъегеря почти так же ездят, а что этот особенно, и его все уже знают; что он, выпив водки и вскочив в тележку, начинает всегда с битья и бьет “всё на этот самый манер”, безо всякой вины, бьет ровно, подымает и опускает и “продержит так ямщика с версту на кулаках, а затем уж перестанет. Коли соскучится, может, опять примется среди пути, а может, Бог пронесет; зато уж всегда подымается опять, как подъезжать опять к станции: начнет примерно за версту и пойдет подымать и опускать, таким манером и подъедет к станции, чтобы все в селе на него удивлялись; шея-то потом с месяц болит”. Парень воротится, смеются над ним: “Ишь, тебе фельдъегерь шею накостылял”, а парень, может, в тот же день прибьет молодую жену: “Хоть с тебя сорву”; а может, и за то, что “смотрела и видела”...» (Там же. Л., 1981. Т. 22. С. 28).

Нет больше подобных курьеров, говорит Достоевский, зато есть «зелено-вино», которое «так же скотинит и зверит человека, ожесточает его и отвлекает от светлых мыслей, тупит его перед всякой доброй пропагандой», вошло в обычай «преклонение народа перед деньгами, пред властью золотого мешка. В народ как бы вдруг прорвалась мысль, что мешок теперь всё, заключает в себе всякую силу, а что всё, о чем говорили ему и чему учили его доселе отцы, — всё вздор» (Там же. С. 29, 30). Свои надежды писатель связывает со всеобщим широким просвещением: «Я никогда не мог понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке. Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верой, что все наши девяносто миллионов русских (или там сколько их тогда народится) будут все, когда-нибудь, образованы, очеловечены и счастливы» (Там же. С. 31).

⁴ Речь о письме IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей (16 мая 1967), расосланном по почте в 250 адресов.

22. А.И. Солженицын — Н.Г. Губко

24 августа 1967. [Рязань]

24.8.67

Милая Нина Георгиевна!

Мне, конечно, приятно, что хоть 2-я часть «Ракового корпуса» Вам понравилась. Но, откровенно сказать, я Ваши критерии

а) плохо всё-таки понимаю (по ним как будто Вы должны были «Крохотные рассказы» мои принять, а Вы сказали в том смысле, что: не занимайтесь этой ерундой. Разве там была злободневность?..)

б) не могу разделить. У нас в России литература без общественного значения за минувшие (два) столетия была бы слишком большой роскошью, и так всеми ведущими писателями понималось. И литература иная (сама для себя) появилась в краткое время краха общества. Наша литература как живой человек: не может она себе заказать быть равнодушной. Это ей ещё долго не удастся. Как же прожить такую историю — и не заметить её? Чего бы мы тогда стоили? И Достоевский с Константинополем и др. дал маху не из-за избранной формы, а — поторопился, и избыток страсти подпирал. Вот избыток страсти, конечно, не надо. Я убеждён, что есть категория Справедливости (по старо-русски: правды), независимая от текущего состояния человечества — и ей художник может служить без оглядки и без опаски. И это с «религиозным даром» будет почти одно.

О писательской среде я думаю лучше, чем Вы. Открытая поддержка моего письма (более 100 ч<е>л<о>в<ек>) ещё более убедила меня в этом¹.

Слухи о моей болезни неверны. Я *отлично* себя чувствую, так и заверьте тех, кто волнуется.

Неверны и слухи об издании сборника рассказов и «Корпуса». Т. е. Твардовский теперь настаивает печатать, но «42 секретаря» (33 богатыря по его же присловью) ССП как могут тянут, не говоря ни «да», ни «нет». Они надеются, что т<аким> о<бразом> «Р<аковый> к<орпус>» рассеется яко дым бесовский².

Всего-всего доброго!

Ваш А. Солженицын

Н.А. шлёт привет.

¹ В коллективном письме в президиум съезда автора поддержали 80 писателей (см.: Слово пробивает себе дорогу. С. 216–217). А были еще и личные письма и телеграммы, и не только в президиум съезда, но и в другие инстанции (см.: Там же. С. 218–229).

² 12 июня 1967 года А.Т. Твардовский предложил на заседании так называемого рабочего (узкого) секретариата правления Союза писателей немедленно отправить «Раковый корпус» в печать, а не позже чем через два дня опубликовать в «Литературной газете» отрывок со ссылкой, что полностью повесть будет помещена в «Новом мире». Но предложению Твардовского не был дан ход. Безрезультатно закончилось и заседание широкого секретариата правления 22 сентября, и беседа Твардовского с секретарями правления 18 декабря. Тогда он на свой страх и риск сдал в набор начальные восемь глав повести для первого номера «Нового мира» за 1968 год. Однако поддержки не получил, и набор был рассыпан.

23. Н.Г. Губко — А.И. Солженицыну

10 [декабря 1968]¹. Ленинград

Дорогой Александр Исаевич вместе с поздравлением днем рождения примите мои неизменные чувства любви и уважения к Вам писателю и человеку = Губко

¹ Телеграмма. Датируется с учетом рукописной пометы на телеграфном бланке.

24. А.И. Солженицын — Н.Г. Губко

20 декабря 1968. [Рязань]

В редакцию «Литературной газеты»

Копия: — журнал «Новый мир»

Я знаю, что Ваша газета не напечатает единой моей строки, не придав ей искажительного или порочного смысла. Но у меня нет другого выхода ответить моим многочисленным поздравителям иначе, как посредством Вас:

«Читателей и писателей, приславших поздравления и пожелания к моему 50-летию, я с волнением благодарю. Я обещаю им никогда не изменить истине. Моя единственная мечта — оказаться достойным надежд читающей России.

Солженицын

Рязань, 12 декабря 1968 г.»

Дорогая Нина Георгиевна! Спасибо за память¹.

Ваш А. Солженицын

20.12.68

¹ К пятидесятилетию, 11 декабря 1968 года, А.С. получил «телеграмм... больше пятисот, писем до двухсот» (Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 217). «В день... 11-го, между сотенными пачками телеграмм, — рассказывает А.С., — стали складываться, выхаживаться строки ответа, хотя и некуда их послать, только в Самиздат спасительный, ну с отвлечением на “Литературку”...» (Там же. С. 218). Конечно, «Литературная газета» не напечатала ответ А.С. на поздравления, и ему осталось благодарить своих поздравителей лично.

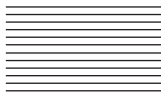
25. Н.Г. Губко — Н.А. Решетовской и А.И. Солженицыну

[Конец декабря 1968¹. Ленинград]

Дорогие Наталья Алексеевна и Александр Исаевич!
Желаю, чтобы 1969 год был лучшим для Вас, чем прошлый.
Желаю здоровья и счастья. Верю и надеюсь, что *все* это сбудется.

Ваша Н. Губко

¹ Открытка. Датируется по содержанию.

Раздел подготовлен Г.А. Тюриной

В разделе фиксируются главные события, связанные с именем Александра Солженицына, что случилось после завершения работы над первым выпуском альманаха «Солженицынские тетради: Материалы и исследования» (М.: Русский путь, 2012; далее — *СТ-1*).

Издания произведений А.И. Солженицына

Начнем с текстов, опубликованных в 2012 году впервые. В *СТ-1* напечатаны два эссе из «Литературной коллекции» — «Николай Лесков» (1989) и «Виктор Астафьев» (2005), публикация Н.Д. Солженицыной; объемный фрагмент переписки Солженицына и Лидии Чуковской «Открытую почту нам Москва обрубила в оба конца...» (1974–1977), публикация и комментарии Е.Ц. Чуковской и Н.Д. Солженицыной; письмо Ю.М. Лотману (1968), публикация Г.А. Тюриной («Лотман и Солженицын: Воспоминания, письма, дарственные надписи»). Еще два издания включили фрагменты эпистолярного наследия писателя: в «Вестнике РХД» (2012. № 200) приведены тексты двух писем к Н.А. Струве (1978), в подготовленном к 50-летию со времени первой публикации «Одного дня Ивана Денисовича» сборнике писем-откликов читателей (об этой книге см. ниже) напечатаны 12 ответов Солженицына своим корреспондентам.

В юбилейный год было предпринято несколько переизданий «Одного дня Ивана Денисовича». Прежде всего, замечательный образец современного книгоиздательского искусства — книга небольшого формата в переплете, соединившем эстетику 1960-х и 2010-х годов¹; мыслилась она издателями как особый подарок всем почитателям Солженицына — к каждому экземпляру прилагается специальный бумажный пакет.

Три переиздания рассказа осуществило издательство «Астрель»: небольшой книжечкой вместе с текстом «Матренина двора» в серии «Библиотека

¹ *Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича: [К 50-летию первой публикации].* [М.]: Азбука, 2012.

школьника»², в составе сборника рассказов и крохоток³ и в составе внушительного тома, объединившего повесть «Раковый корпус», рассказы и крохотки⁴. В сопровождении «Матренина двора» и «Случая на станции Кочетовка» «Один день...» переиздан издательством «ПРОЗАиК»⁵. «Детская литература» в серии «Школьная библиотека» выпустила в уже традиционной для себя форме очередной тираж рассказов «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор» и крохоток⁶.

Из отечественных издательств наибольшее разнообразие книг Солженицына предлагает «Астрель». Помимо указанных, в 2012 году здесь напечатаны роман «В круге первом»⁷ и «Архипелаг ГУЛАГ» (в двух видах: в привычном комплекте из трех книг⁸ и массивном издании полного текста в одном томе⁹).

Издательство «Время» продолжает публикацию 30-томного собрания сочинений писателя. В 2012 году в свет вышла повесть «Раковый корпус» с комментариями В.В. Радзишевского (3-й том, всего с 2006 года из печати вышло 16 томов)¹⁰.

Из зарубежных новинок отметим первые издания всех двучастных рассказов на французском и польском языках¹¹, публикацию такого же сборника на английском языке в Великобритании¹², чешский перевод пяти двучастных рассказов и повести «Адлиг Швенкиттен»¹³. В Милане впервые вышли в свет переводы «Молодняка», «Настеньки» и «Абрикосового варенья»¹⁴, а также напечатан сборник «новомирских» рассказов: «Один день Ивана Денисовича»,

² Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича. Матренин двор. М.: Астрель, 2012. – (Б-ка школьника).

³ Он же. Рассказы. М.: Астрель, 2012.

⁴ Солженицын А.И. Раковый корпус. Рассказы. Крохотки / коммент. В.В. Радзишевского. М.: Астрель, 2012.

⁵ Он же. Матренин двор: рассказы. М.: ПРОЗАиК, 2012.

⁶ Он же. Матренин двор: рассказы. М.: Детская литература, 2012. – (Школьная б-ка).

⁷ Он же. В круге первом. М.: Астрель, 2012.

⁸ Он же. Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956: Опыт художественного исследования: в 3 т. М.: Астрель, 2012.

⁹ Он же. Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956: Опыт художественного исследования. М.: Астрель, 2012.

¹⁰ Он же. Раковый корпус // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2012. Т. 3.

¹¹ Solženičyn A. La Confiture d'abricots et autres «récits en deux parties» / trad. G. et G. Johannet, L. Nivat, N. Struve. P.: Fayard, 2012; Solženičyn A. «Morelowe konfitury» i inne opowiadania / prel. J. Baczyński, J. Czech, J. Waczków. Poznań: Rebis, 2012.

¹² Solzhenitsyn A. «Apricot jam» and other stories / transl. K. Lantz, S. Solzhenitsyn. Canongate: Edinburgh, L., N.Y., Melbourne, 2011. В США эта книга была напечатана годом раньше.

¹³ Solženičyn A. Meruňková zavařenina / přel. L. Dvořák. Praha: Argo, 2012.

¹⁴ Solženičyn A. L'uomo nuovo: Tre racconti / trad. di S. Rapetti. Milano: Jaca litteratura, 2013.

«Матренин двор» и «Случай на станции Кочетовка»¹⁵. В Бухаресте осуществлено второе издание румынского перевода повести «Люби революцию»¹⁶. В Испании и Турции переиздан «Один день Ивана Денисовича»¹⁷, а в Чехии и Португалии напечатаны новые переводы этого рассказа¹⁸.

Фрагменты произведений Солженицына включены во многие сборники, посвященные самым разным темам: в качестве примеров назовем главу из «Архипелага ГУЛАГа» «Сорок дней Кенгира» на страницах хрестоматии для старшеклассников по истории тоталитаризма в России (книга републикована в 2012 году уже в третий раз)¹⁹, отрывки из статьи «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» и других публицистических работ в сборнике по истории старообрядчества²⁰, двухчастный «Молодняк» в американской антологии русского рассказа XX века²¹, несколько весело иллюстрированных крохоток в детском журнале «Сибирячок»²²...

Литература о творчестве А.И. Солженицына

Исследованиям творчества писателя целиком посвящен второй раздел *СТ-1*: здесь опубликованы статьи А.С. Немзера «Жизнь и Поэзия в романе “В круге первом”», И.Е. Мелентьевой «Солженицын читает Лескова», Б.Н. Любимова «“Пир победителей” на сцене Малого театра: Из истории постановки», Л.А. Колобаевой «“Река, впадающая в пески?”: Художественные прогнозы Александра Солженицына (“Раковый корпус”», А.Д. Шмелева «Скобки у Солженицына», Э.-Б. Вахтеля «“Один день...” пятьдесят лет

¹⁵ *Idem*. Una giornata di Ivan Denisovič. La casa di Matrjona. Alla stazione / trad. di R. Ubaldi, V. Strada, C. Coisson. Milano: Fabbri Ed., 2012.

¹⁶ *Soljenniĭn A. Iubește revoluția!* / trad. V. Vasiliu. București: Art, 2012.

¹⁷ *Solženitsyn A. Un día en la vida de Iván Denisovich* / trad. y pról. E.F. Vernet. Barcelona: Tusquets Ed., 2012; *Soljenitsin A. Ivan Denisoviç'in Bir Günü* / çev. M. Özgül. Istanbul: İletişim Yayınları, 2011.

¹⁸ *Solženicyň A. Jeden den Ivana Dënisoviče* / přel. S. Machonin. Praha: Leda, 2011; *Soljenitsin A. Um dia na vida de Ivan Denissovitch* / trad. A. Pescada. Porto: Sextante Ed., 2012.

¹⁹ *Есть всюду свет...: Человек в тоталитарном обществе: Хрестоматия для старшеклассников / Государственный музей истории ГУЛАГа; сост. С.С. Виленский. М.: Возвращение: 2012. С. 417–458.*

²⁰ *Кутузов Б.П. Апология старообрядчества (по высказываниям отдельных мыслителей)*. Барнаул: Фонд поддержки строительства храма Покрова Пресвятыя Богородицы Русской Православной Старообрядческой Церкви, 2009. С. 94–102.

²¹ *50 writers: an anthology of 20th century Russian short stories* / introd. by M. Lipovetsky, V. Brougher, transl. by V. Brougher, F. Miller, M. Lipovetsky. Boston: Academic studies press, 2011. P. 611–623.

²² *Сибирячок: Дет. лит.-худож. ж-л (Иркутск)*. 2012. № 3 (120). С. 14, 15.

спустя». Также в разделе помещена стенограмма обсуждения книги «Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974–2008: сборник статей» (М.: Русский путь, 2010), в дискуссии приняли участие Н.Д. Солженицына, Э.Э. Эриксон мл., А.С. Немзер, Н.П. Гринцер, Л.И. Сараскина, П.Е. Спиваковский, И.Б. Роднянская, Б.Н. Любимов, Р.А. Гальцева, А.Е. Климов, П.Г. Проценко, И.Е. Мелентьева. В разделе «Архивные находки» в *СТ-1* опубликованы материалы о контактах Солженицына и Ю.М. Лотмана (из фондов Российского государственного архива литературы и искусства, архива Ю.М. Лотмана в Таллинском университете и архива А.И. Солженицына в Троице-Лыкове). Напечатаны сохранившиеся фрагменты их переписки 1964–1968 годов, тексты дарственных надписей Лотмана и его коллег на сборниках трудов тартуской кафедры русской литературы (1964–1965), а также письмо ученого в Комитет по Ленинским премиям при Совете министров СССР в поддержку присуждения Солженицыну премии за «Один день Ивана Денисовича» (1964).

В ноябре 2012 года из печати вышли два сборника, подготовленные к 50-летию первой публикации «Одного дня...» сотрудниками отдела по изучению наследия писателя Дома русского зарубежья. Один из них — «“Ивану Денисовичу” полвека» — составили избранные отечественные и зарубежные критические статьи и литературоведческие исследования²³. Составители представили весь круг материалов, начиная с внутренних рецензий, написанных еще до публикации по просьбе А.Т. Твардовского, и заканчивая статьями последних лет, выуженными из ресурсов Интернета. Сто отобранных текстов распределены по разделам, названия которых отражают трудный путь рассказа: «Перед публикацией (1961–1962)»; «Борьба за “Ивана Денисовича” (1962–1965)»; «Из партийных и правительственных архивов (1963–1974)»; «“Один день Ивана Денисовича” глазами русской эмиграции (1962–1984)»; «Преодолевая запреты (СССР, 1988–1989)»; «Свободное обсуждение (с 1990)».

Во второй сборник вошли письма читателей, откликнувшихся на поразившую их публикацию рассказа об одном дне одного ээка (1962–1964)²⁴. Здесь приводятся тексты двух сотен писем, сохранившихся в архивах редакции журнала «Новый мир» (куда по преимуществу адресовали читатели свои отзывы), Союза писателей СССР, Комитета по Ленинским премиям при Совете министров СССР, некоторых личных фондах Российского государственного архива литературы и искусства, архиве писателя в Троице-Лыкове. Его украшением стали 12 впервые опубликованных ответов писателя. Выявленный материал

²³ «Ивану Денисовичу» полвека: Юбилейный сборник, 1962–2012 / сост. П.Е. Спиваковский, Т.В. Есина; вступ. ст. П.Е. Спиваковского. М.: Русский путь, 2012.

²⁴ «Дорогой Иван Денисович!...»: Письма читателей, 1962–1964 / сост., коммент., предисл. Г.А. Тюриной. М.: Русский путь, 2012.

определил структуру сборника: в первом разделе публикуются внутренние рецензии и фрагменты переписки главного редактора «Нового мира» 1962–1963 годов; второй включил шесть десятков писем читателей с откликами на рассказ; третий полностью посвящен письмам бывших зэков, с первого прочтения признавших абсолютную правдивость произведения, полностью доверившихся его автору и сообщивших множество подробностей собственного лагерного опыта, некоторые из них были включены Солженицыным в текст «Архипелага ГУЛАГа»; в четвертом помещены письма бывших однополчан писателя, потерявших его из виду в феврале 1945-го, когда он был арестован на передовой в Восточной Пруссии, и вдруг узнавших его в авторе взбудоражившего всю страну рассказа; последний раздел содержит тексты писем в поддержку присуждения Солженицыну Ленинской премии 1964 года; в приложении напечатаны тексты договора писателя с «Новым миром» на издание рассказа, заключенного сразу же после прочтения его Твардовским, еще в декабре 1961-го, а также документы личного дела Солженицына в архиве Комитета по Ленинским премиям (сентябрь – октябрь 1963).

Истории изданий за рубежом запрещенных в Советском Союзе книг посвящен солидный том-альбом, получивший название «ТамИздат»²⁵. В нем приводится подробное иллюстрированное описание и истории публикаций 100 книг восьми десятков авторов, в их числе шесть изданий произведений Солженицына: «Раковый корпус» и «Нобелевская лекция», напечатанные франкфуртским «Посевом» в 1968 и 1970 годах, «В круге первом» американского издательства «Харпер энд Роу» (1968), «Архипелаг ГУЛАГ» (1973–1975), «Письмо вождям Советского Союза» (1974), «Бодался теленок с дубом» (1975) парижской «УМСА-Press», а также напечатанный там же публицистический сборник «Жить не по лжи» (1975) с одноименной статьей и материалами, посвященными выходу в свет «Архипелага ГУЛАГа»²⁶.

В США в третий раз переиздана монография Джозефа Пирса (1999) о жизни и творчестве Александра Солженицына²⁷. Анализу художественного мира писателя посвящены две главы в книге американского исследователя Майкла Лайдона; автор пишет о реалистическом начале, объединяющем творческие системы таких разных художников, как Оноре де Бальзак, Энтони Троллоп, Джордж Элиот, Теодор Драйзер, Джеймс Джойс и Александр Солженицын²⁸.

²⁵ ТамИздат: 100 избранных книг / сост., вступ. ст. М.В. Сеславинского. М.: Русский путь, 2012.

²⁶ Там же. С. 393–423.

²⁷ Pearce J. Solzhenitsyn: A soul in exile. Grand Rapids: Baker books, 2012.

²⁸ Lydon M. Real Writing: Word models of the modern world. N.Y.; Berkeley: Franklin street press, 2011.

Немецкое издательство, специализирующееся на публикации новейших гуманитарных научных изысканий, «LAP» («Lambert Academic Publishing»), выпустило в свет на русском языке текст диссертационного исследования, посвященного разоблачению культа личности Сталина в творчестве Солженицына (защищено в Университете им. Джавахарлала Неру в Дели в 2009 году)²⁹.

Отдельные работы по изучению тех или иных аспектов творчества писателя опубликованы в составе сборников, составленных по следам обсуждений и круглых столов. Так, № 8 за 2012 год общественно-политического журнала «Посев» почти полностью посвящен материалам встречи на тему «Российское обустройство: возвращаясь к Солженицыну», организованной редакцией журнала с целью обсудить современное прочтение и звучание статьи «Как нам обустроить Россию?»³⁰. Среди текстов выступлений — фрагменты дневниковых записей Н.Д. Солженицыной февраля – декабря 1990 года, отражающих размышления Александра Исаевича о положении в России и историю публикации на родине его статьи³¹.

В декабре 2010 года, вскоре после выхода в свет сокращенного издания «Архипелага ГУЛАГа», адресованного школьникам³², по инициативе московских учителей в Доме русского зарубежья прошла встреча с Н.Д. Солженицыной. После встречи журнал «Семья и школа» опубликовал фрагменты выступления Н.Д. Солженицыной и ее ответы на вопросы учителей³³.

²⁹ Шринивас Н. Солженицын, Сталин и советское общество: Разоблачение культа личности Сталина в творчестве Солженицына. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. Примечательна справка об авторе: «Нагендра Шринивас. Родился в 1979 году в далекой деревне Бихара, Индия. Получил высшее образование в Университете имени Джавахарлала Неру, Дели. Защитил кандидатскую диссертацию в 2010 году. В настоящее время преподает русский язык и литературу на кафедре русского языка и в Центре сравнительной литературы Университета Каликата Индии».

³⁰ Круглый стол прошел 17 мая 2012 года в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН. В нем приняли участие Р.А. Гальцева, Э.В. Зибницкий, С.П. Иванов, М.А. Краснов, И.Б. Роднянская, Л.И. Сараскина, Н.Д. Солженицына.

³¹ См.: Посев: общ.-политич. ж-л (М.). 2012. № 8. С. 3–7. В сокращенном виде эти же фрагменты напечатаны на страницах сборника, посвященного юбилею В.А. Фронина, который на посту главного редактора газеты «Комсомольская правда» в сентябре 1990 года осуществил публикацию статьи Солженицына. См.: Владислав Фронин: Пепел и алмаз: Оперативная жизнь дирижера, спетая и сыгранная оркестром, солистами и хором. М.: Изд-во «Российская газета», 2012. С. 100–108.

³² Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956: Опыт художественного исследования: Сокр. изд. М.: Просвещение, 2010. Еще раз обращаем внимание учителей на вышедшую в свет в 2012 году методическую разработку: Еремина Т.Я. Книга А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» в школьном изучении. М.: Просвещение, 2012. — (Б-ка учителя. Литература).

³³ Солженицына Н.Д. Читать Солженицына в школе никогда не рано // Семья и школа. 2011. № 2. С. 2–5.

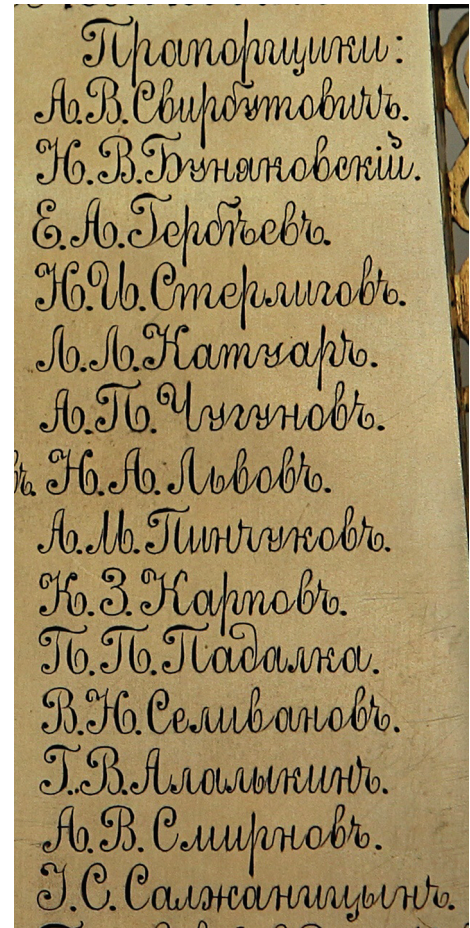

Полковник З.А. Карпов,
один из командиров
1-й гренадерской артиллерийской
бригады, в которой служил
И.С. Солженицын,
отец писателя. 1916

Архив Н.Г. Холодовской

Фрагмент складня,
преподнесенного З.А. Карпову
сослуживцами, с подписями
прапорщиков бригады. 1916

Архив Н.Г. Холодовской

СКЛАДЕНЬ,
ПРЕПОДНЕСЕННЫЙ З.А. КАРПОВУ
СОСЛУЖИВЦАМИ. 1916

Архив Н.Г. Холодовской

Центральная часть футляра со складнем.
Красное дерево, бархат. (28,9×21×6 см)

Серафим. Фрагмент
центральной части складня

Глубокоуважаемый
 Николай Николаевич!

Прими мои и всей родной бригады
 любовь, сердечное спасибо за такие доро-
 гие для меня поднесения Святой Иконы.
 Во память суровой нашей в бригаде, да мо-
 шитель и добрых пожеланий. Да сохранит
 Господь и Его Святым Матерью Вася и Веру
 Шибя Премаур ~~и в предтолкует дора~~
 и почитаемой суровой ~~Иконы~~
~~Николай Николаевич~~ на службу ~~Города~~
 нашей родины.

С любовью Вася уважением и искренно предан-
 ный
 З. Мартал
 28 Июля 1916

Черновик ответа З.А. Карпова
 на приветственный адрес
 комбрига Н.Н. Бельковича.
 28 июля 1916
 Архив Н.Г. Холодовской

Александро-Невский собор
 в Варшаве,
 где изготовлен складень.
 Открытие. 1910-е гг.

«Пещерная» рукопись рассказа — авторская машинопись, поданная в редакцию «Нового мира» в ноябре 1961. Двусторонняя печать без интервалов и полей. 27 л. 29,3×20,4 см
Архив А.И. Солженицына

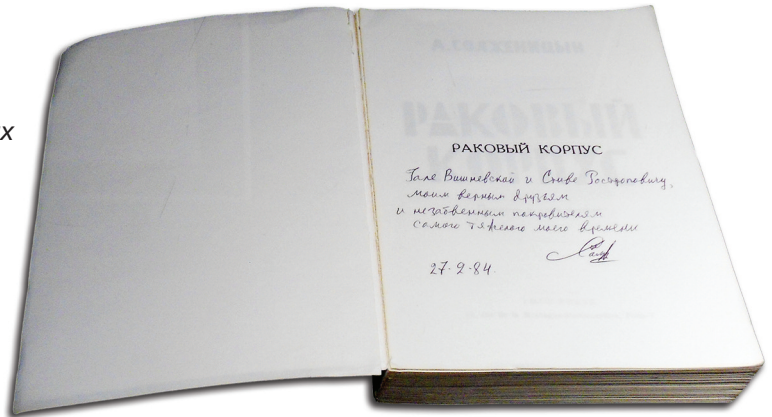

«Подарочный набор» участникам и гостям конференции — юбилейное издание рассказа (М.: Азбука, 2012) и диск с аудиозаписью авторского чтения (М.: ИД «Союз», 2008)

РОСТРОПОВИЧ —
ВИШНЕВСКАЯ.
СУДЕБ СКРЕЩЕНИЯ

Выставка мемориальных
вещей, фотографий,
документов

Всероссийское музейное
объединение
музыкальной культуры
имени М.И. Глинки
Апрель – август 2012

Дорогой, любимый друг, Саня!
ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
главным редакторам газет "Правда", "Известия",
"Литературная газета", "Советская культура".
20-го ТЕМ, ты заслужил право
Уважаемый тов. Редактор!
Будь вместе с Тобой

Уже не стало секретом, что А.И. Солженицын большую часть времени живет в моем доме под Москвой. На моих глазах произошло и его исключение из СП - в то самое время, когда он усиленно работал над романом о 1914-м годе, и вот теперь награждение его Нобелевской премией и газетная кампания по этому поводу. Эта последняя и заставляяет меня взяться за письмо к Вам.

На моей памяти уже третий советский писатель получает Нобелевскую премию, причем в двух случаях из трех мы рассматриваем присуждение премии как грязную политическую игру, а в одном /Шолохов/ - как справедливое признание ведущего мирового значения нашей литературы. Если бы в свое время Шолохов отказался бы принять премию из рук, присудивших ее Пастернаку "по соображениям холодной войны", - я бы понял, что и дальше мы не доверяем объективности и честности шведских академиков. А теперь получается так, что мы избирательно то с благодарностью принимаем Нобелевские премии по литературе, то бранимся. А что если в следующий раз премию присудят т. Кочетову? - ведь нужно будет взять! Почему, через день после присуждения премии Солженицыну, в наших газетах появляется странное сообщение о беседе корреспондента Икс с представителем секретариата СП Икс о том, что в с я общественность страны /т.е., очевидно, и все ученые и все музыканты и т.д./ активно поддержала его исключение из Союза Писателей? Почему "Литературная газета" тенденциозно подбирает из множества западных газет лишь высказывания американской и шведской коммунистических газет, обходя такие несравненно более популярные и значительные коммунистические газеты, как "Аманите", "Леттр Франсез", "Унита", не говоря уже о множестве некоммунистических? Если мы верим некоему критику Боноски, то как быть с мнением таких крупных писателей, как Бёльз, Арагон, Ф.Мориак?

Я помню и хотел бы напомнить Вам наши газеты 1948 года, сколько вздора писалось там по поводу признанных теперь гигантов нашей музыки С.С.Прокофьева и Д.Д.Шостаковича, например: "Т.т. Д.Шостакович, С.Прокофьев, В.Шеалин, Н.Мясковский и др.! Ваша

Всегда твой Саша

Издание повести
«Раковый корпус»
(Р.: YMCA-Press, 1968)
с дарственной
надписью автора:
«Гале Вишневской
и Стиве Ростроповичу,
моим верным друзьям
и незабвенным
покровителям
самого тяжелого
моего времени. 27.2.84»
Архив М.Л. Ростроповича
и Г.П. Вишневской

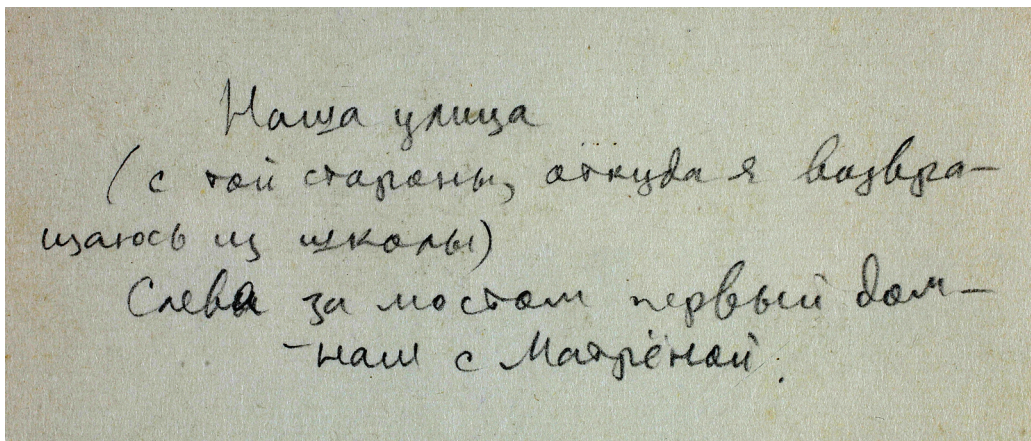
Машинопись открытого
письма М.Л. Ростроповича
в поддержку Солженицына
и против цензуры
в литературе и музыке
с дарственной надписью
автора: «Дорогой, любимый
друг, Саня! Я горд тем,
что заслужил право
быть вместе с Тобой.
Всегда Твой Слава».
31 октября 1970. Москва
Архив А.И. Солженицына

Матренин двор. [А. Солженицын, М. Ростропович, Д. Шостакович,
Г. Вишневская у гроба.] Худ. Г.Д. Гликман. Ок. 1980. 124,5×106 см. Холст, масло
Архив М.Л. Ростроповича и Г.П. Вишневской

Деревня Мильцево (Владимирская обл.). 1956. Фотография А.И. Солженицына. 6×9 см
Архив А.И. Солженицына

Оборот фотографии с записью Солженицына простым карандашом:
«Наша улица... (с той стороны, откуда я возвращаюсь из школы).
Слева за мостом первый дом — наш с Матрёной»

Мильцево сегодня. Фотография 2013 г.

РЕЗО ГАБРИАДЗЕ: ЖИВОПИСЬ, СКУЛЬПТУРА, ГРАФИКА

Выставка

Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина

Октябрь – ноябрь 2012

Портрет Александра Солженицына. Худ. Р. Габриадзе. 2011.
40×30 см. Холст, акрил

ПАНИХИДА
В ДЕНЬ ПАМЯТИ
АЛЕКСАНДРА
СОЛЖЕНИЦЫНА

*Донской монастырь
3 августа 2012*

Могила писателя
в некрополе Донского
монастыря
(крест работы
скульптора
Д.М. Шаховского, 2010)

Панихиду совершают прот. Николай Чернышов, прот. Николай Балашов,
игумен Донского монастыря Парамон (Голубка)

Материалы международной научно-практической конференции «П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России», организованной Домом русского зарубежья в сентябре 2011 года к столетию со дня гибели реформатора, включают доклад биографа писателя, доктора филологических наук, главного научного сотрудника Государственного института искусствознания РАН Л.И. Сараскиной «Неизбежность очерка о Столыпине в “Красном Колесе” А.И. Солженицына»³⁴. Еще две статьи Л.И. Сараскиной вышли из печати в 2012 году: одна — о взаимоотношениях Солженицына с театром, другая — о творчестве двух художников: Солженицына и Набокова³⁵.

Ежеквартальный «Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина» поместил на своих страницах статью доцента кафедры литературы РГУ, кандидата филологических наук А.В. Софронова об одной из глав «Архипелага ГУЛАГа»³⁶. В сотрудничестве с учителями гимназии № 2 преподаватели кафедры литературы РГУ подготовили и издали методическое пособие по изучению произведений Александра Солженицына в школе³⁷.

В издании, посвященном 95-летию филологического факультета Пермского государственного университета, раздел из пяти статей озаглавлен «Дело Солженицына»: это и воспоминания о встречах с писателем, и хроника жизни факультета начала 1960-х (время «Одного дня Ивана Денисовича»), и статья об «историзме поэтики Солженицына»³⁸.

³⁴ См.: П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: К 100-летию со дня гибели П.А. Столыпина: Междунар. научно-практич. конф. Москва, 28–30 сентября 2011 г. М.: Русский путь, 2012. С. 451–467.

³⁵ Сараскина Л.И. Театр Александра Солженицына // Ракурс: Труды Гос. ин-та искусствознания. М., 2012. Вып. 9. С. 5–22; Она же. А.И. Солженицын и В.В. Набоков: в пространстве Больших Идей // В направлении смысла: Междунар. сб. ст. памяти проф. Натальи Васильевны Живолуповой / отв. ред. А.Н. Кочетков. Н. Новгород, 2012. С. 110–121. Также тексты докладов Л.И. Сараскиной, в которых затронута творчество Солженицына, опубликованы в 2012 году в журнале зарубежных исследований Токийского университета («Триумфы и провалы оттепельной литературы: (Пастернак, Солженицын, хрущевские “концерты”») и ташкентском журнале «Восток свыше» («Русские писатели, сосланные в Среднюю Азию (Достоевский и Солженицын в Казахстане, 1856–1956)»). В японском журнале, содержание которого составили тексты докладов международного симпозиума в Токио в январе 2011 года «Испытание ради свободы: сопротивление и воображение в постсталинскую эпоху», присутствует также доклад Майкла Николсона «Гримасы Оттепели: Солженицын и Шаламов». См. солженицынские материалы в этом сборнике: Slavic culture studies. Tokyo: Tokyo univ. of foreign studies, 2011. Vol. 10. P. 4–27.

³⁶ Софронов А.В. Комическое в книге о народной трагедии: (Пародийная глава в “Архипелаге ГУЛАГ” А. Солженицына) // Вестник Рязанск. гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2012. № 1 (34). С. 120–127.

³⁷ А.И. Солженицын: опыт прочтения и изучения в школе / под ред. Н.К. Бушковой, О.И. Бугреевой, А.В. Сафронова. Рязань: Литера М, 2011.

³⁸ Филологический факультет: события и люди: Страницы истории филологического факультета Пермского университета / сост. Н.Е. Васильева. Пермь, 2011. С. 354–482.

В журнале «Литературное Ставрополье» помещены воспоминания-размышления кисловодского публициста Тамары Куликовой о встречах с писателем в 1994 году на его малой родине³⁹. Журнал «Аргмак» (Татарстан) опубликовал статью В. Лютого о рассказе «Правая кисть»⁴⁰.

В двух американских периодических изданиях помещены работы Дэниела Махони: в журнале «Религия и политика» — статья «“Страждущая” любовь к своей стране: Парадоксальный средний путь Солженицына»⁴¹, в ежемесячнике «Новый критерий» заметка Махони предваряет английский перевод предисловия Н.Д. Солженицыной к сокращенному изданию книги «Архипелаг ГУЛАГ»⁴².

Важные свидетельства о восприятии творчества Солженицына русскими эмигрантами разных поколений и рассказ о встрече с писателем включил в свои воспоминания Г.А. Пар⁴³.

Много размышлений о вкладе Солженицына в русскую литературу и культуру находим в последней прижизненной книге Юрия Карякина⁴⁴.

Очерк под названием «Приют для Солженицына» помещен в разделе «Легенды и были» одного из выпусков журнала «Дворцы и усадьбы», посвященного Дому-музею Корнея Ивановича Чуковского в Переделкине⁴⁵.

В ноябре 2012 года материалы к 50-летию юбилею публикации «Одного дня Ивана Денисовича» напечатали многие периодические отечественные и зарубежные издания, в их числе «Российская газета», «Труд», «Коммерсант», «Аргументы и факты» и др.

Наконец, укажем две работы, посвященные исключительно «разоблачению» Солженицына. В книге Б.М. Сарнова «Феномен Солженицына» (М.: Эксмо, 2012) предпринята попытка суммировать все обвинения, выдвигавшиеся против писателя на протяжении полувека (подробнее см. заметки В.В. Туркиной в наст. изд.). В. Есипов в книге «Шаламов» (М.: Мол. гвардия, 2012. – (ЖЗЛ)) отводит две главы рассказу об отношении заглавного героя и Солженицына, к сожалению, основываясь не на документах и анализе художественных систем, но на собственных пристрастных домыслах.

³⁹ Куликова Т. Проходит по душе разрыв пространства // Литературное Ставрополье. 2012. № 4. С. 247–282.

⁴⁰ Лютый В. Воспоминание об истинном случае: Рассказ Александра Солженицына «Правая кисть» // Аргмак. 2013. № 1. С. 109–113.

⁴¹ Mahoney D.J. An “Anguished” love of Country: Solzhenitsyn’s paradoxical middle path // Religion & Politics. 2011. Sept./Oct. Vol. 2. № 5. P. 4.

⁴² Solzhenitsyn N. Returning to “The Gulag” // New criterion. 2012. Sept. Vol. 31. № 1. P. 4–12.

⁴³ Пар Г.А. «...И будет наше поколение давать истории отчет...»: Воспоминания. М.: Русский путь, 2011.

⁴⁴ Карякин Ю.Ф. Бес смертный. Приход и изгнание: О Ленине, Сталине, Пол Поте, а также о Солженицыне и Сахарове. М.: Изд-во «Новая газета», 2011.

⁴⁵ Дворцы и усадьбы (М.). 2012. № 72. С. 26–28.

Документальные фильмы, телепередачи

К юбилею «Одного дня Ивана Денисовича» Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компанией был снят фильм «“Один день Ивана Денисовича”: 50 лет спустя» (режиссер Алексей Денисов), посвященный истории создания и публикации рассказа. Фильм составили уникальные кадры кинохроники минувших лет, материалы, отснятые сейчас в Рязани и Экибастузе, свидетельства очевидцев события: члена редакционной коллегии старого «Нового мира» И.И. Виноградова, французского слависта Жоржа Нива, бывших эков Л.А. Нетто, Н.Г. Левитской. Зритель видит документы и мемориальные вещи из архива писателя в Троице-Лыкове, в том числе лагерную телогрейку с номерами и авторскую машинопись рассказа (плотная двусторонняя печать без интервалов и полей, «пещерная», как назвал ее Солженицын), что была передана в «Новый мир» в ноябре 1961 года. В фильме звучат выдержки из откликов читателей 1962–1963 годов и фрагменты рассказа в авторском чтении.

К памятным дням по центральным телевизионным каналам были повторены документальные фильмы, основанные на интервью с писателем. Вновь была показана беседа об эпопее «Красное Колесо», снятая французским тележурналистом Бернаром Пиво (1983), снабженная для российского зрителя кратким предисловием А. Денисова и названная «Спасенное интервью» (впервые демонстрировалась по российскому телевидению в декабре 2011). По единственному в России телеканалу мирового актуального документального кино «24.doc» прошел фильм Жана Крепю и Николая Милетича «“Архипелаг ГУЛАГ”: тайная история» (Франция, 2008), посвященный истории создания и публикации книги, а также сериал Алексея Пищулина «Жизнь Солженицына» (Россия, НТВ, 1998) — подробная богато иллюстрированная биография (в озвучивании картины приняли участие прославленные актеры: Михаил Ульянов читает фрагменты произведений Солженицына, Алла Демидова и Анна Каменкова — комментарии и документальные свидетельства).

В декабре 2011 года на канале «Культура» в рамках проекта «Academia» был показан цикл из двух лекций заслуженного деятеля искусств, профессора, ректора Высшего театрального училища имени М.С. Щепкина Б.Н. Любимова — «Александр Солженицын. Вехи пути». Творчество писателя становилось темой обсуждений в декабрьских выпусках программы «Наблюдатель»: в 2011-м Л.И. Сараскина и А.Н. Варламов говорили о «Солженицыне в пространстве культуры», а в 2012-м Л.И. Сараскина, Б.Н. Любимов и народный артист России Александр Филиппенко делились размышлениями о судьбе «Одного дня Ивана Денисовича».

В связи с юбилеем публикации рассказа в ноябре – декабре 2012 года на ТВ прошло несколько передач с участием Н.Д. Солженицыной, в их числе «Вести в субботу» с Сергеем Брилевым, «Политическая кухня» на канале

«Совершенно секретно», «Главная роль» на «Культуре» и др. Упомянем также интервью о Столыпине и его образе в «Красном Колесе» («Вести в субботу» 14 апреля 2012).

30 сентября 2012 года в Московском Художественном театре им. А.П. Чехова прошел вечер «Если я честный, я должен...», посвященный 85-летию со дня рождения Олега Ефремова. Главным событием вечера стала премьера видеозаписи монолога актера (1998), где Ефремов размышляет о невозможности существования театра без нравственной идеи — подлинного стержня искусства, о культуре и образовании как главных факторах формирования личности. Естественной частью памятного вечера стали прочитанные Н.Д. Солженицыной выдержки из неопубликованного очерка Солженицына о театре «Современник» — рассказ о встречах с Ефремовым, полный уважения и благодарности за верность и дружескую поддержку в самые трудные времена, когда многие боялись подать опальному писателю руку. Телеверсия вечера была показана на канале «Культура».

Конференции, чтения, лекции, обсуждения

Международная научная конференция «“Ивану Денисовичу” — полвека»

*Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына,
15–16 ноября 2012*

Юбилею «Одного дня...» была посвящена конференция, проведенная в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына при поддержке Российской академии наук и Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. В ее работе приняли участие ученые, писатели, педагоги, архивисты, театральные деятели, кинематографисты.

Конференцию открыл директор Дома русского зарубежья В.А. Москвин. С неформальными словами о роли «Ивана Денисовича» в их жизни выступили уполномоченный по правам человека в Российской Федерации В.П. Лукин, руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям М.В. Сеславинский, директор Института мировой литературы РАН академик А.Б. Куделин, директор издательства «УМСА-Press» Н.А. Струве. Были зачитаны тексты приветствий президента Российской академии наук Ю.С. Осипова, советника президента РФ по культуре В.И. Толстого.

Рабочие заседания конференции составили доклады:

Б.Н. Любимов — «Воспоминания девятиклассника»;

Е.В. Иванова, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН, доктор филологических наук, — «“Иван Денисович” в дневниках и мемуарах новомирцев»;

Э.-Б. Вахтель, президент Американского университета в Центральной Азии, — «“Один день...” пятьдесят лет спустя» (анализ состава ноябрьского номера «Нового мира» за 1962 год⁴⁶);

А.В. Урманов, профессор Благовещенского государственного педагогического университета, доктор филологических наук, — «“Один день Ивана Денисовича” — “Судьба человека”: две версии национальной истории и народного характера» (доклад вызвал острую дискуссию о корректности сопоставления этих произведений в связи с принципиальным различием общественно-политической и этической позиций Солженицына и Шолохова);

Т.С. Царькова, заведующая рукописным отделом Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, доктор филологических наук, — «Н.Г. Губко — корреспондент А.И. Солженицына» (посвящен переписке писателя с заведующей отделом критики ленинградского журнала «Звезда»; см. соответствующую публикацию в наст. изд.);

Л.И. Сараскина, главный научный сотрудник Государственного института искусствознания РАН, доктор филологических наук, — «Критика “Ивана Денисовича” в метаниях между хвалой и хулой»;

А.Е. Климов, профессор русской литературы Вассар-колледжа в штате Нью-Йорк, — «“Ивана Денисовича” читают на Западе» (интерпретации европейских и американских переводчиков, критиков и кинематографистов);

О.О. Павлов, писатель, лауреат Литературной премии Александра Солженицына (2012), — «“Один день Ивана Денисовича” как христианское послание миру»;

М. Николсон, профессор русской литературы Юниверсити-колледжа Оксфордского университета, — «“Жарко-костровый, бледно-лампадный”: Иван Денисович и становление зрелого Солженицына» с выстроенной исторической перспективой творческой эволюции Солженицына;

А.Д. Шмелев, заведующий отделом культуры русской речи Института русского языка РАН, доктор филологических наук, — «Языковые сдвиги в “Одном дне Ивана Денисовича”» (взаимодействие несобственно-прямой речи, речи персонажей и авторского повествования);

Р. Темпест, профессор Илинойского университета в Урбане-Шампейне, — «Эстетическая тайнопись Солженицына: “Один день Ивана Денисовича” как род художественной медитации»;

Л.Е. Герасимова, профессор, кандидат филологических наук, и Г.М. Алтынбаева, доцент, кандидат филологических наук (Саратовский государственный университет), — «Этический смысл формы рассказа “Один день Ивана Денисовича” в восприятии сегодняшних студентов»;

Н.А. Шапиро, учитель русского языка и литературы ГБОУ г. Москвы ЦО № 57 — «“Один день Ивана Денисовича” в школьном изучении».

⁴⁶ Текст доклада опубл.: *СТ-1*. С. 184–197.

В ходе заседаний были показаны англо-норвежский художественный фильм «Один день Ивана Денисовича» (1970, на англ. яз.; единственная полнометражная экранизация рассказа) и документальная лента Алексея Денисова «“Один день Ивана Денисовича”: 50 лет спустя» (Россия, 2012), впервые представленная на суд зрителя.

Завершил конференцию круглый стол «“Один день Ивана Денисовича”: вчера, сегодня, завтра». Наиболее содержательными были воспоминания об авторе «Одного дня...» главного режиссера театра «Современник», народной артистки СССР Г.Б. Волчек и рассказ И.Б. Роднянской об истории непубликации в начале 1970-х годов ее статьи «Солженицын» в «Краткой литературной энциклопедии» — работу над ней автор и редакторы издательства «Советская энциклопедия» вели, несмотря на публичную травлю писателя, уже вычеркнутого из «советской литературы» (см. публикацию этой статьи в наст. изд.), а также реплика Е.Ц. Чуковской, вернувшейся к коллизии «Шолохов и Солженицын» и новым выпадам против Солженицына, в частности в упомянутой выше книге В. Есипова «Шаламов».

Гости и участники конференции были приглашены на спектакль (театрализованное чтение) народного артиста России Александра Филиппенко «Один день Ивана Денисовича» в Политехническом музее 18 ноября, в «точную» годовщину появления одиннадцатой книжки «Нового мира» в 1962-м.

Конференции и чтения, посвященные юбилею «Одного дня...», прошли и в других городах России. В воронежском Доме актера читательская конференция, организованная православным Братством во имя святителя Тихона Задонского, была проведена в день рождения писателя, 11 декабря. Несколькими днями раньше, 6 декабря, судьбу рассказа обсуждали в Российском центре науки и культуры в Цхинвале на круглом столе, организованном Россотрудничеством и кафедрой русской и зарубежной литературы Юго-Осетинского государственного университета. 6 декабря в Саратове открылась зимняя сессия проекта «Большое чтение», приуроченная к Году российской истории и 50-летию публикации «Одного дня Ивана Денисовича». В конференц-зале Саратовской областной научной библиотеки с читателями встретились директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы Е.Ю. Гениева и сын писателя, пианист и дирижер Игнат Солженицын. Сессия продолжила свою работу в межпоселенческой библиотеке г. Маркса и Саратовском социально-экономическом институте.

В Кишиневе, в Русском центре при Молдавском государственном университете юбилейный вечер прошел в рамках заседаний Клуба любителей русской словесности.

Очередные Солженицынские чтения прошли в декабре в филиале Дальневосточного федерального университета в Уссурийске и Рязанском государственном университете им. С.А. Есенина.

В 2012 году в различных аудиториях состоялось несколько встреч с Н.Д. Солженицыной. В январе виртуальную экскурсию по архиву писателя в Троице-Лыкове Н.Д. провела в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в Петербурге (с 1990-х годов в святая святых отечественной словесности существует и небольшой фонд рукописей и документов Александра Солженицына), а на встрече в стенах Российской национальной библиотеки на Садовой речь шла по преимуществу об изданиях книг писателя. В июне Н.Д. представила иллюстрированный рассказ об архиве Александра Солженицына на нью-йоркской книжной ярмарке в рамках программы «Read Russia»⁴⁷. В сентябре — провела мастер-класс для студентов Высшей школы телевидения МГУ им. М.В. Ломоносова. 24 декабря 2012 года в книжном магазине «Москва» на Тверской состоялась презентация *СТ-1*, встречу с читателями вели Н.Д. Солженицына и Е.Ц. Чуковская. В январе 2013 года Н.Д. прочитала лекцию о творческом пути А.И. Солженицына в Национальной высшей школе изящных искусств в Париже в рамках программы русско-французских «Сезонов языка и литературы».

В конце февраля – начале марта 2012 года доклады о Солженицыне и Достоевском были прочитаны Л.И. Сараскиной в двух университетах Дели на конференциях «Русский фактор в культуре Центральной Азии» и «Русское слово в современном межкультурном пространстве».

В ноябре на конференции «Записные книжки писателей: факт – текст – эдичия» в Пушкинском Доме с докладом «Александр Солженицын: сорок лет работы над “Русским словарем языкового расширения”» выступила Г.А. Тюрина.

Юбилей публикации «Одного дня Ивана Денисовича» отмечали не только преподаватели вузов и сотрудники исследовательских институтов: 24 апреля 2012 года в рамках Недели русского языка и литературы прошла солженицынская читательская конференция московской средней школы № 1206 в Ясенево, подготовленная стараниями учеников старших классов. С 2011 года в школе ведется работа по организации музея Александра Солженицына. В помощь учителям Н.Д. Солженицына передала в библиотеку новые издания книг писателя, а также фото- и видеоматериалы для будущей экспозиции.

21 февраля 2013 года сотрудники отдела по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья приняли участие в литературном празднике, посвященном другому юбилею — 50-летию со дня выхода в свет рассказа «Матренин двор», который проводился в школе поселка Межиновский (Владимирская область), где писатель работал учителем, живя у Матрены Васильевны Захаровой (сегодняшнее официальное название

⁴⁷ Журнал «Нью-Йоркер» посвятил этому выступлению статью: New Yorker. 2012. 18 June. P. 24–26.

школы — МКОУ Мезиновская СОШ). Тогдашнее здание деревянной школы не сохранилось. Облик поселка Мезиновский и отстоящей от него на 2 км деревни Мильцево, где жила Матрена, за полвека изменился до неузнаваемости: нет больше речки Караслицы, на мосту которой в 1956 году Александром Исаевичем сделан теперь часто публикуемый снимок. Современное каменное здание школы, на котором висит мемориальная доска, находится в другой части поселка, по другую сторону от печально известной железной дороги направления Москва — Муром. Давно уже не ведется разработка торфяников, о которой напоминает лишь сохранившееся название ближайшей станции: Торфопродукт (здание станции перестроено). Мемориальному музею в одном из школьных классов в 2013 году исполняется десять лет. Его экспозицию составляют фотографии, копии документов, книги, личные вещи писателя, есть и архивные реликвии: задания для контрольных работ по физике, записанные на карточках рукой Солженицына. Каждый год в день гибели Матрены, 21 февраля, весь учебный день в школе посвящен Солженицыну: в этот раз десятиклассники провели открытый урок на тему «А.И. Солженицын — учитель математики Мезиновской средней школы», учитель русского языка и литературы Е.П. Колесникова занималась с учениками 7–8-х классов в так называемой языковой лаборатории по теме «Языковые и стилистические особенности рассказа А.И. Солженицына “Матренин двор”». Анализ эпизода», ученики 9-го класса участвовали в историческом аукционе на тему «Российская действительность 1950–60-х годов» (по «Матренину двору»), была проведена иллюстрированная экскурсия по солженицынским местам «Путешествуем по родному краю», а для самых маленьких учеников было организовано литературное чтение «Маленькие рассказы большого писателя» (по крохотке «Костер и муравьи»). Н.Д. Солженицына прислала школьной библиотеке 16 вышедших томов 30-томного собрания сочинений писателя, аудиозаписи с авторским чтением, фильмы.

Эстонский культурный центр «Русская энциклопедия» и журнал «Вышгород» при поддержке Министерства культуры Эстонии и Дома русского зарубежья в декабре 2012 – феврале 2013 года провели конкурс сочинений для учеников эстонских школ на тему «Что вы знаете о писателе Солженицыне? Какое из его произведений вам понравилось и почему?». На конкурс были поданы работы как на русском, так и на эстонском языках. Лучшие сочинения опубликованы в специальном номере журнала «Вышгород»⁴⁸, а четверо победителей были награждены поездкой в Москву.

Выставки

Эпизоды. Александр Солженицын. Евгения Гинзбург

*Ростов-на-Дону, Музей современного искусства,
апрель 2012*

Экспозиция, организованная в ростовском Музее современного искусства, представила 100 фотографий Игоря Введенского, отразивших его встречи разных лет с двумя авторами произведений о трагических страницах отечественной истории — Евгенией Гинзбург, с которой Введенский был знаком во Львове в 1960-е годы, и вернувшимся из изгнания в 1994-м Александром Солженицыным. Среди фотографий выставлена копия архивного документа, ответа писателя на лавину поздравительных писем и телеграмм в связи с 50-летием (1968). Текст напечатан на пишущей машинке, на верхнем поле от руки добавлено: «Евгении Семеновне Гинзбург с благодарностью. Солженицын. 18.12»⁴⁹.

Ростропович — Вишневская. Судеб скрещенья

*Москва, Всероссийское музейное объединение музыкальной культуры имени М.И. Глинки,
апрель – август 2012*

Торжественное открытие масштабной выставки мемориальных вещей, фотографий, документов, предметов искусства из семейного собрания великих музыкантов, Музея Большого театра, Всероссийского музейного объединения музыкальной культуры имени М.И. Глинки, архива А.И. Солженицына, собрания Константиновского дворца в Санкт-Петербурге состоялось в апреле 2012 года в рамках III Международного фестиваля Мстислава Ростроповича. Среди множества экспонатов были представлены свидетельства мужественного участия Вишневской и Ростроповича в судьбе Солженицына. Из их личного архива выставлялись несколько писем Солженицына разных лет и издание повести «Раковый корпус» с дарственной надписью в год 10-летия высылки из Советского Союза: «Гале Вишневской и Стиве Ростроповичу, моим верным друзьям и незабвенным покровителям самого тяжелого моего времени. 27.2.84».

По просьбе организаторов выставки несколько уникальных документов предоставила из архива в Троице-Лыкове Н.Д. Солженицына. Впервые

⁴⁹ Неоднократно публиковавшийся текст ответа писателя на поздравления с 50-летием см. на с. 305 (письмо 24) наст. изд.

можно было увидеть телеграмму к 50-летию писателя, отправленную Ростроповичем из Ниццы, где он был в то время на гастролях. А точнее — копию, выданную ему в почтовом отделении при отправке. Оригинал до адресата не дошел, о чем свидетельствует рукописная помета Солженицына, сделанная на верхнем поле синей шариковой ручкой: «Из Ниццы. Не дошла». Текст телеграммы набран латиницей: «Дорогой горячо любимый друг поздравляю тебя днем рождения пусть множатся произведения рожденные твоим могучим талантом величайшего писателя земли русской желаю много много сил здоровья всем сердцем преданный тебе Мстислав Ростропович». Этот текст Ростропович отправил по двум адресам — адрес первой отправки: «Александру Солженицыну. Союз советских писателей. Рязань. СССР»; адрес второй отправки: «Александру Солженицыну. Площадь Пушкина. Редакция журнала Новый мир. Москва. СССР». Копия была передана Ростроповичем Солженицыну позже.

Неоднократно публиковавшееся открытое письмо Ростроповича в защиту Солженицына (31 октября 1970) было представлено на выставке в машинописи с рукописной дарственной надписью автора: «Дорогой, любимый друг, Саня! Я горд тем, что заслужил право быть вместе с Тобой. Всегда Твой Слава».

На даче Ростроповича в Жуковке в 1969–1973 годах велась работа над «Августом Четырнадцатого» и «Октябрем Шестнадцатого», о чем свидетельствует фрагмент авторского автографа одной из начальных редакций (главы 11–13, всего 17 л.).

«Солженицынский угол» на выставке был дополнен образцами публикаций советской печати начала 1970-х годов и видеорядом из фрагментов интервью Ростроповича, Вишневской и Солженицына.

Глубинное духовное родство этих людей отразил художник Г.Д. Гликман в картине «Матренин двор» (А. Солженицын, М. Ростропович, Д. Шостакович, Г. Вишневская у гроба) (ок. 1980).

Земский доктор Сергей Никитич Масленников

*Москва, Государственный выставочный зал «Ростокино»,
сентябрь – октябрь 2012*

Выставка из собрания Александровского литературно-художественного музея Марины и Анастасии Цветаевых посвящена жизни Сергея Никитича Масленникова (1887–1967), врача-подвижника, первооткрывателя целебных свойств чаги, известного читателям по повести «Раковый корпус»⁵⁰. В первые годы казахстанской ссылки страдавший тяжким недугом Солженицын был

одним из многочисленных корреспондентов доктора Масленникова, бескорыстно рассылавшего инструкцию по применению народного средства профилактики и борьбы с раком. Когда «Раковый корпус» стал доступен читателю, письма от больных стал получать и сам Солженицын. В конверт с ответом он вкладывал отпечатанный на машинке текст инструкции Масленникова. Один из таких листков представлен на выставке среди документов, фотографий и мемориальных вещей доктора. Кроме того, в экспозиции присутствуют фотографии, сделанные во время посещения Солженицыным владимирского края (в 1994 году, после возвращения из изгнания, он был в Мильцево и Мезиновке, навестил могилу Матрены Васильевны), а также письмо писателя, направленное организаторам Литературно-художественного музея в Александрове в 1995-м.

Резо Габриадзе: Живопись, скульптура, графика

*Москва, Государственный музей изобразительных искусств
имени А.С. Пушкина,
октябрь – ноябрь 2012*

Персональная выставка Резо Габриадзе, художника и скульптора, писателя и режиссера, явила все грани дарования мастера. Среди двух сотен экспонатов, живописных и графических сценок, эскизов для спектаклей созданного Габриадзе театра марионеток, портретов современников присутствует и портрет Солженицына (2011. 40×30 см. Холст, акрил). Художник создал целую галерею портретов писателей и поэтов, а также две особые серии, посвященные Пушкину и Галактиону Табидзе⁵¹.

Произведения А.И. Солженицына в искусстве

В афише московского Государственного академического театра им. Евг. Вахтангова уже шестой год неизменно присутствует спектакль по рассказу Александра Солженицына «Матренин двор» (реж. В. Иванов). В 2012 году театр выпустил DVD-диск с записью спектакля⁵².

Репертуар народного артиста России Александра Филиппенко, ежемесячно представляющего театрализованное чтение «Одного дня Ивана Денисовича»

⁵¹ См. каталог выставки: Резо Габриадзе: Живопись, скульптура, графика: [К персональной выставке Резо Габриадзе в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина]. М., 2012. Портрет Солженицына на с. 58.

⁵² Матренин двор: Телеверсия. М.: БФ «Премия “Кумир”», 2011.

на сцене московского театра «Практика»⁵³, в 2012 году включил еще одну постановку по Солженицыну. Литературно-музыкальная композиция под названием ««Отражение в воде»: А.И. Солженицын — Д.Д. Шостакович» объединила живое дыхание слова и музыки. Чтение «Крохоток» 1960-х и 1990-х годов перемежается звучанием фортепианных прелюдий Дмитрия Шостаковича в переложении и исполнении Ансамбля солистов «Эрмитаж» под руководством «золотого гобоя России» Алексея Уткина. Московская премьера этого театрализованного действия запланирована на декабрь 2013 года, к 95-летию со дня рождения писателя, но несколько городов России уже имели возможность его увидеть и услышать. С особенным трепетом артисты представляли спектакль 10 декабря 2012 года в концертном зале Рязанской областной филармонии, в городе, в котором писатель жил и воздухом которого дышал, когда создавал «Крохотки» в 1960-х годах. Рязанцы были заворожены силой художественного слова, так естественно, почти неощутимо перетекавшего в нервную музыкальную ткань. На протяжении полутора часов (без антракта) зал внимал чтецу и оркестру, боясь пошевелиться и каким-либо шорохом разрушить возникшую буквально с первых же минут волшебную атмосферу сотворчества исполнителей и слушателей. Несколько мгновений после угасания последних звуков арии Баха, которая завершала композицию, стояла почти оглушительная тишина, и лишь затем взорвались аплодисменты единодушно поднявшихся зрителей. Многие говорили потом, что пережили настоящее потрясение — то самое, ради которого и существует искусство: сказанное и исполненное не просто услышано, но пронзило души слушателей, заставило их отвечать собственными чувствами и переживаниями, преобразило, пусть совсем ненадолго, вызвав тем искреннюю радость и благодарность. Свидетельствуют об этом и письменные отзывы о вечере, составленные и присланные в Дом русского зарубежья студентами Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, в стенах которого с 2011 года существует мемориальная аудитория Александра Солженицына (факультет русской филологии и национальной культуры). Вот один из них: «Концерт А. Филиппенко и Ансамбля солистов “Эрмитаж” “Отражение в воде”... произвел на меня невероятно сильное художественное впечатление. Странное это было чувство, но я невольно заметила, что на каком-то особенном, духовном уровне поэтическая канва “Крохоток” А.И. Солженицына оказалась органически вплетенной в выразительную и волнующую палитру музыки Д.Д. Шостаковича. Зрители, посетившие этот концерт (сложно сказать, отдавали ли они себе в этом отчет, но чувства не обманешь!), оказались благодарными свидетелями рождения творческого чуда. ...Тот вечер был удивительно хорош. Зима, желтоватые фонари, атмос-

⁵³ Как уже было указано выше, 18 ноября 2012 года, в день 50-летия публикации рассказа, Александр Филиппенко читал «Один день Ивана Денисовича» на сцене Большой аудитории Политехнического музея.

фера ожидания, звук голоса, живая музыка и благодарные сердца» (Шамонова Анастасия, 3-й курс).

В 2012 году в Германии и России впервые была исполнена музыкальная драма молодого немецкого композитора Франца Йохена Херферта «Не напрасно». Композиция составлена для струнного квартета, гобоя, фюгота и трех чтецов, читающих фрагменты из книги «Архипелаг ГУЛАГ». 19 ноября 2012 года исполнение драмы открыло XXIV Международный фестиваль современной музыки «Звуковые пути» в Малом зале им. М.И. Глинки Санкт-Петербургской академической филармонии.

Еще один фрагмент из «Архипелага...» положен на музыку шведским композитором Пером Эриком Стифом. В сборнике его произведений среди песен на стихи шведских поэтов, Овидия, Шекспира, Гёте, Гейне, Верлена находим песню «Свободен!» («Jag är fri!») — на слова Солженицына о первой ночи после освобождения из лагеря: «СВОБОДЕН! Не могу спать! Хожу, хожу, хожу под луной. Поют ишаки! Поют верблюды! И всё поёт во мне: свободен! свободен!»⁵⁴ В сборнике приведен перевод на шведский язык и фонетическая транскрипция русского текста — для тех, кто захочет исполнять этот опус на языке оригинала⁵⁵.

Семинар, посвященный трудам и дням писателя

Семинар отдела по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья осенью 2012 – весной 2013 года провел четыре заседания.

3 октября 2012 года был представлен доклад Л.И. Сараскиной «“Обустройство” и “Перестройка”: идейный конфликт 1990-го глазами художника и власти», слушателям предложено было посмотреть глазами власти на статью «Как нам обустроить Россию?»⁵⁶.

13 февраля 2013 года предметом обсуждения стали результаты исследования И.Е. Мелентьевой «Народный календарь в рассказе “Один день Ивана Денисовича”», в котором автором была предпринята попытка охарактеризовать художественные функции элементов славянского народного календаря в рассказе Солженицына, показать столкновение в тексте официального (принудительного) и народного календарей, разрушение государством народного календаря как элемента национальной картины мира⁵⁷.

⁵⁴ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956: Опыт художественного исследования // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2010. Т. 6. С. 370.

⁵⁵ Styf P.E. Siunga I kanon. Uppsala: Pes diktiton, 2008. P. 93, 94.

⁵⁶ Текст доклада стал основой статьи «“Обустройство” против “Перестройки”». См. с. 179–205 наст. изд.

⁵⁷ Текст доклада см. в сборнике: Международная научная конференция «“Ивану Денисовичу” — полвека». Москва, 15–16 ноября 2012 / сост. И.Е. Мелентьева. М.: Русский путь, 2013.

10 апреля 2013 года доклад на тему «Историческая память слова в прозе Александра Солженицына: *мир и воля*» прочел А.Д. Шмелев⁵⁸.

27 мая 2013 года был представлен доклад А.С. Немзера «Литературный фон рассказа “Матренин двор”» о неразделимости слова и жизни, об укоренности рассказа в русской литературной традиции⁵⁹.

По сложившемуся обычаю заседания семинара заканчиваются иллюстрированным сообщением о каком-либо значимом событии в солженицынском пространстве. Так, в этом году участники семинара имели возможность познакомиться с фрагментами фильма, снятого по рассказу «Один день Ивана Денисовича» в 1963 году в Голливуде, получившего в свое время широкий резонанс и сегодня фактически утраченного; совершить экскурсию по солженицынским местам Рязани и Мещеры; побывать в эстонском «Укрывище», где в зимние месяцы 1965–1966 и 1966–1967 годов создавалась рукопись «Архипелага ГУЛАГа».

Семинар продолжает свою работу и приглашает к участию всех, кого интересует творчество Александра Солженицына.

In memoriam

В 2012 году в еще одном городе России появилась улица Александра Солженицына — решением городских властей имя писателя нанесено на карту Хабаровска.

Историческое общество американского города Кавендиш (штат Вермонт), в окрестностях которого находится дом писателя, где он с семьей прожил 18 лет после изгнания из СССР (1976–1994), выступило с инициативой создания его музея. Экспозиция из документов, книг, мемориальных вещей и фотографий будет располагаться в здании одной из пустующих городских церквей. Как уже сообщалось, работы по организации музеев Александра Солженицына ведутся также в Кисловодске, Рязани и Москве.

В корпоративном ежемесячнике рыбинского ОАО «НПО “Сатурн”» в августе 2012 года опубликовано сообщение о появлении мемориальной доски на здании научно-технической библиотеки предприятия — именно в нем находились производственно-учебные мастерские «Завода № 36», спецтюремь, где в сентябре 1946 – феврале 1947-го отбывал срок заключения Александр Солженицын (на этой «шарашке» заключенные ученые и инженеры работали над двигателем для нового реактивного самолета⁶⁰).

⁵⁸ Текст доклада см. на с. 115–135 наст. изд.

⁵⁹ Текст будет опубликован в следующем выпуске «Тетрадей».

⁶⁰ См.: *Рябой В.И.* Восстановленная память // Сатурн: Корпоративный ежемесячник (Рыбинск). 2012. № 8 (4058). С. 24–26.

В апреле 2013 года в стенах Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) в четвертый раз прошла церемония вручения памятных грамот и подарков десяти учащимся отечественных вузов, удостоенным персональных стипендий им. А.И. Солженицына (стипендия учреждена Правительством Российской Федерации в 2009 году для студентов, показавших выдающиеся успехи в литературном творчестве, журналистике и политологии). В этом году на конкурс были поданы заявки от 119 студентов из разных федеральных округов. Двое победителей — москвичи, остальные приехали на церемонию в столицу из Пятигорска, Горно-Алтайска, Саратова, Магнитогорска, Ростова-на-Дону, Мурманска, из Якутии и с Камчатки. Отвечая на поздравления, студенты говорили о высокой нравственной ответственности, которую возлагает на них звание солженицынских стипендиатов.

По сложившемуся обычаю дважды в году в Москве проходят дни памяти писателя: 3 августа 2012 года на его могиле в Донском монастыре при участии наместника обители игумена Парамона (Голубки) была отслужена панихида, на которой молились родные, многочисленные друзья и почитатели его творчества, а в день рождения, 11 декабря 2012-го, они собрались в Доме русского зарубежья, чтобы вновь выразить свою любовь и благодарность человеку и художнику, изменившему своими трудами ход мировой истории и подарившему огромному множеству людей радость соприкосновения с высоким поэтическим словом.

Актуальную информацию о новостях и событиях «солженицынского поля», эталонные тексты произведений писателя и литературу о нем можно найти на официальном сайте по адресу: www.solzhenitsyn.ru.

ОБ АВТОРАХ

Баранович-Поливанова Анастасия Александровна — переводчик, автор книги воспоминаний «Оглядываясь назад» (Томск: Водолей, 2001) и статей о русской литературе (Москва).

Дорожинская Ирина Викторовна — автор статей и методических пособий по русской литературе XIX–XX веков, учитель высшей категории, учитель русского языка и литературы Московской гимназии на Юго-Западе № 1543 (Москва).

Иванова Евгения Викторовна — автор работ по истории русской литературы и философии, составитель и публикатор собраний сочинений А.А. Блока, К.И. Чуковского, о. Павла Флоренского, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН (Москва).

Куклина Ирина Валерьяновна — автор статей по античной истории и монографии «Античные литературные источники о племенах Северного Причерноморья», кандидат исторических наук, многолетний сотрудник Ленинградского института истории Академии наук СССР. С 2005 года живет в Мюнхене.

Немзер Андрей Семенович — автор статей и книг о русской литературе XIX–XXI веков, кандидат филологических наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики (Москва).

Радзишевский Владимир Владимирович — литературовед, биограф В.В. Маяковского, составитель комментария к 1–3 томам 30-томного Собрания сочинений А.И. Солженицына (Москва).

Роднянская Ирина Бенционовна — автор статей и книг по русской литературе, религиозной философии и культурологии, редактор энциклопедического словаря «Русские писатели. 1800–1917» (Москва).

Сараскина Людмила Ивановна — автор статей и книг по истории русской литературы XIX–XX веков, биографий Ф.М. Достоевского и А.И. Солженицына, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Государственного института искусствознания РАН (Москва).

Солженицына Наталия Дмитриевна — редактор и публикатор текстов А.И. Солженицына, в том числе 20-томного («вермонтского») и 30-томного Собраний сочинений, куратор Архива А.И. Солженицына, президент Русского Общественного Фонда Александра Солженицына (Москва).

Туркина Вероника Валентиновна — преподаватель русского языка и литературы в институтах СССР и США, внештатный рецензент в журнале «Новый мир» при А.Т. Твардовском, эмигрировала в США в 1972 году, вернулась в Россию в 2001 году (Москва).

Тюрина Галина Андреевна — автор ряда статей и монографии по греческой палеографии, истории классической филологии и образования в России, источниковедческих исследований, связанных с творчеством А.И. Солженицына, кандидат исторических наук, заведующая отделом по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва).

Шмелев Алексей Дмитриевич — автор научных статей и книг по языкознанию, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Московского государственного педагогического университета, заведующий отделом культуры русской речи Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН (Москва).

Царькова Татьяна Сергеевна — автор научных статей и монографии по русской литературе XIX–XX веков, а также четырех поэтических книг, доктор филологических наук, заведующая рукописным отделом Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

Чуковская Елена Цезаревна — публикатор и комментатор многочисленных материалов из архивов К.И. Чуковского и Л.К. Чуковской, а также четырех томов их переписки с разными корреспондентами; составитель Собрания сочинений К.И. Чуковского в 15 томах и Собрания сочинений Л.К. Чуковской в 11 томах; автор статей и воспоминаний об А.И. Солженицыне. Кандидат химических наук (Москва).

SUMMARY

The section titled “NEW PUBLICATIONS: Selections from the Papers of Aleksandr Solzhenitsyn” opens with the essay “My Bulgakov,” a text that greatly expands our understanding of Solzhenitsyn’s views of M.A. Bulgakov; cf. “Awards to Mikhail Bulgakov during his Lifetime and Posthumously” published earlier in the same “Literary Collection” series (*Novyi mir*. 2004. № 12). In her preface to the new publication, N.D. Solzhenitsyna describes how the essay came to be written. Solzhenitsyn begins with an account of the stages in the process of “drawing nearer” to the elder writer (rumors concerning the Moscow Art Theater production of *Days of the Turbins*, attending a performance of the play in 1941, talks with N.I. Zubov about *The White Guard*, impressions of a performance of *Flight* in the Pushkin Drama Theater in Leningrad, acquaintance with E.S. Bulgakova and the first impressions upon reading Bulgakov’s works). This was written in 1986, and took into account notes made at the time of the meetings with the writer’s widow. In 1989, after re-reading Bulgakov’s works, Solzhenitsyn turned to an analysis of a number of his texts, with particular attention to *The Master and Margarita*. The feeling of closeness to Bulgakov in human terms, together with a great admiration of his mastery as a writer do not prevent Solzhenitsyn from identifying certain aspects of Bulgakov’s poetics to which he cannot relate, as is also true in regard to some elements of Bulgakov’s worldview. (Along the way Solzhenitsyn writes of his alienated attitude toward Gogol.) A similar ambivalence informs his comments on other works by Bulgakov, “Purple Island”, “Heart of a Dog”, *Theatrical Novel*, “Notes on the Cuff”, *Final Days (Pushkin)* — (this text receives particularly sharp criticism), the stage adaptation of *Don Quixote*, and *A Country Doctor’s Notebook*. A natural supplement to Solzhenitsyn’s essay is N.D. Solzhenitsyna’s publication of the surviving part of the 1962–1968 correspondence between E.S. Bulgakova on the one hand, and A.I. Solzhenitsyn and N.A. Reshetovskaya on the other (“To my unexpected friend...”).

E.Ts. Chukovskaya continues acquainting readers with selections from the correspondence between L.K. Chukovskaya and Solzhenitsyn (see her publication in the first issue of *Studying Solzhenitsyn*, titled “Moscow has cut off direct postal contact between us in both directions...”). The publication presented in the current issue, titled “The word ‘Samizdat’ must be written with a capital letter,” deals with the first phase of the epistolary exchange (1967–1974, up to Solzhenitsyn’s expulsion from the U.S.S.R.). The letters contain evaluations of the literary and publicistic works of the correspondents: Solzhenitsyn gives his views of Chukovskaya’s essay, “Thought, not

Execution. And Word”, and of her letters in defense of Zhores Medvedev and Reiza Palatnik. And Chukovskaya writes of Solzhenitsyn’s film scenario *The Parasite*, of the variant versions of the “Nobel Lecture”, of *The Oak and the Calf* (still in MS form at the time), of the reconstituted edition of *In the First Circle*, and of the essay “Peace and Violence”. The selection ends with Chukovskaya’s letter of February 13–14, 1974 to N.D. Solzhenitsyna, containing her reaction to the expulsion of the great writer from his native land.

The section titled “**ESSAYS, DISCUSSIONS, MEMOIRS**” opens with I.B. Rodnianskaya’s “There’s no harm in trying...: The story of an unrealized encyclopedia entry on Solzhenitsyn”, an article that combines the features of research with the genre of memoir. In the summer of 1969 Rodnianskaya was commissioned to write the entry on Solzhenitsyn for the seventh volume of *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* (Brief literary encyclopedia) that was being compiled at the time. Unsurprisingly enough, her text did not make it into print, and it is now presented to readers for the first time together with the author’s account of the miracle that did not occur. Both the text prepared for the encyclopedia and the story of its fate give witness to the active spiritual resistance by the best part of the Russian humanities-based intelligentsia to the ideological politics of the Communist Party, and confirms the bond between ethics and genuine philological concerns.

A number of the articles included in this section are derived from formal presentations delivered at the Solzhenitsyn Seminar in Moscow’s House of Russia Abroad (Dom Russkogo Zarubezhya) in 2012–2013, as well as at other scholarly conferences. E.V. Ivanova, in her article “Reality and invention in the works of Solzhenitsyn” demonstrates that the stock antithesis of many literary studies that appears in the article’s title turns out to be if not totally irrelevant for Solzhenitsyn then certainly much reduced in significance. The article emphasizes the special function of autobiography in virtually each of Solzhenitsyn’s works, and points to the reactions of the “prototypes” of fictional characters who recognized themselves in these depictions. The fusion of the documentary and fictional modes, Ivanova argues, sets Solzhenitsyn’s method apart from such familiar literary traditions as critical realism, modernism, and socialist realism.

A.D. Shmelev, in his article “The historical memory of words in the prose of Aleksandr Solzhenitsyn: The Russian words *mir* and *volia*”, shows how Solzhenitsyn’s close attention to the historical memory retained by words (including their ancient mythopoetic nuances) is combined with an acute sensitivity to the new and current transformations in the language, affected as they mostly were by Russia’s tragic history in the twentieth century.

The article “Solzhenitsyn’s Moscow and his Muscovites: Approaches to a theme” by I.V. Dorozhinskaya G.A. Tyurina is a detailed survey of how the theme of Moscow evolved, starting with its representation in the unfinished short novel *Love*

the Revolution and the development of this theme in later works such as *In the First Circle*, *The Gulag Archipelago*, and *The Red Wheel*. The dual authors identify repeated instances of particular urban (sometimes architectural) motifs that acquire additional meanings in different contexts, and examine the significance of the “Moscow theme” in specific works, noting the emotional swings between Moscow seen as the focal point of Soviet evil as opposed to Moscow envisioned as the sacred capital of Holy Russia.

A.S. Nemzer’s “The Wheel in the Circle” is devoted to revealing instances of the problems, symbolic motifs, and historical and psychological conflicts in *The Red Wheel* that are also present in Solzhenitsyn’s first completed novel. In this connection, Nemzer focuses on the structural and symbolic role of the paintings “The Castle of the Holy Grail” and “Vanishing Russia”, and on their interpretation by various characters. He also examines the transformations of Volodin and the link between the Volodin and Nerzhin plot lines. The present article represents a continuation of a study published earlier (“Life and Poetry in the Novel *In the First Circle*”, in *Studying Solzhenitsyn*, Issue № 1).

The title of A.A. Baranovich-Polivanova’s article — “Hemingway lacks depth” — is a citation of a phrase from the interior monologue of Vera Gangart, the heroine of *Cancer Ward*. Noting the skeptical opinion of the American writer expressed by Solzhenitsyn as well as by some of his characters, the author examines a number of parallel themes (usually in polemical juxtaposition) in Solzhenitsyn and Hemingway, especially in *Cancer Ward* in the context of man’s confrontation with death.

L.I. Saraskina devotes her study, “*Rebuilding Russia* versus the ‘Perestroika’: The conflict of 1990 from the perspectives the writer and of the powers-that-be,” to an analysis of the deep structural reasons that resulted in the inadequate reaction of post-Soviet society (mostly the leadership of the country together with the perestroika-oriented intelligentsia) to the ideas set forth by Solzhenitsyn in his *Rebuilding Russia*.

“The Number One Invisible Ally: Nikolai Ivanovich Zubov in Tarkhankut” is the general title for two memoirs, one by I.V. Kuklina, the other by I. Khrol, bearing on the last post-exile Crimean period in the life of Solzhenitsyn’s old friend. Nikolai Zubov and his wife appear in the Solzhenitsyn canon as the Kadmins in *Cancer Ward* and under their own name in *Invisible Allies*, the fifth supplement to *The Oak and the Calf*.

In “Notes upon reading B. Sarnov’s *Fenomen Solzhenitsyna*”, V.V. Turkina takes issue with a number of particularly biased and factually untrue statements contained in Sarnov’s voluminous invective.

The section titled “**THE ALEKSANDR SOLZHENITSYN PRIZE IN LITERATURE**” includes the text of the statement of the jury in awarding the 2013 Prize to Maksim Amelin, poet, translator, philologist, publisher, and teacher. This is followed by the comments of L.I. Saraskina, P.B. Basinsky, B.N. Liubimov, A.E. Skvortsov, and the response of the laureate.

The “**ARCHIVAL DISCOVERIES**” section opens with the publication of texts drawn from the wartime diaries and letters of Z.A. Karpov and his relatives that provide new information on the frontline service of I.S. Solzhenitsyn, the writer’s father, in the period from 1914 to 1918. G.A. Tyurina, the editor of this compilation, includes a detailed description of the personality, social circle, and service record of Major-General Karpov, the officer in command of the unit to which I.S. Solzhenitsyn (the prototype of Sanya Lazhenitsyn) was attached. Apart from the light these materials throw on the biography of I.S. Solzhenitsyn, they provide vivid insight into the mindset of high-ranking Russian officers during the difficult years of the First World War.

The other publication in this section, “I was born a *social* writer...” (edited by T.S. Tsarkova and V.V. Radzishevsky; introduction by T.S. Tsarkova; notes by V.V. Radzishevsky), presents the surviving fragments of the correspondence between Solzhenitsyn and N.G. Gubko, a Leningrad-based literary scholar and member of the editorial board of the journal *Zvezda* who had authored a review of *One Day in the Life of Ivan Denisovich*. Among other things, the letters discuss the possible publication of *Cancer Ward* in *Zvezda*.

In the section titled “**NOTES ON CURRENT EVENTS**”, G.A. Tyurina has compiled information on subjects that include new publications of Solzhenitsyn’s writings, new scholarly studies, conferences, exhibits, theatrical and musical interpretations of works by Solzhenitsyn, the proceedings of the Solzhenitsyn Seminar in the Dom Russkogo Zarubezhya, and the production of memorabilia commemorating the life of the great writer.

CONTENTS

NEW PUBLICATIONS

SELECTIONS FROM THE PAPERS OF ALEKSANDR SOLZHENITSYN

- ALEKSANDR SOLZHENITSYN. From the “Literary Collection” 5
“My Bulgakov” 7
Edited with preface and notes by N.D. Solzhenitsyna

- “TO MY UNEXPECTED FRIEND...”:
A selection of letters exchanged between E.S. Bulgakova
and A.I. Solzhenitsyn, and between E.S. Bulgakova
and N.A. Reshetovskaya (1962–1968) 28
Edited with preface and notes by N.D. Solzhenitsyna

- “THE WORD ‘SAMIZDAT’ MUST BE WRITTEN WITH A CAPITAL LETTER...”:
Selections from the correspondence between Aleksandr Solzhenitsyn
and Lydia Chukovskaya (1967–1974) 43
Edited with preface and notes by E.Ts. Chukovskaya

ESSAYS, DISCUSSIONS, MEMOIRS

- I.B. RODNIANSKAYA. There’s no harm in trying...:
The story of an unrealized encyclopedia entry on Solzhenitsyn 93
E.V. IVANOVA. Reality and invention in the works of Solzhenitsyn 98
A.D. SHMELEV. The historical memory of words in the prose of Aleksandr
Solzhenitsyn: The Russian words *mir* and *volia* 115
I.V. DOROZHINSKAYA, G.A. TYURINA. Solzhenitsyn’s Moscow and his Muscovites:
Approaches to a theme 136
A.S. NEMZER. The Wheel in the Circle 150
A.A. BARANOVICH-POLIVANOVA. “Hemingway lacks depth” 167
L.I. SARASKINA. “Rebuilding Russia” versus the “Perestroika”: *The conflict of
1990 from the perspectives of the writer and of the powers-that-be* 179
THE NUMBER ONE INVISIBLE ALLY:
Nikolai Ivanovich Zubov in Tarkhankut 206
I.V. KUKLINA. “With eyes fixed on the same star...” 208
I.A. KHROL. “He tried to be helpful to others...” 213
Edited with preface and notes by N.D. Solzhenitsyna

V.V. TURKINA. Notes upon reading B. Sarnov's <i>Fenomen Solzhenitsyna</i> (The Solzhenitsyn Phenomenon)	217
--	-----

THE ALEKSANDR SOLZHENITSYN PRIZE IN LITERATURE

The Prize for 2013	
The jury's statement.	237
The award ceremony	237
<i>Comments by:</i> L.I. Saraskina, P.B. Basinsky, B.N. Liubimov, A.E. Skvortsov, M.A. Amelin	

ARCHIVAL DISCOVERIES

“SO FAR, BY THE GRACE OF GOD, WE'RE ALL ALIVE AND WELL, AND AS FOR THE FUTURE, IT'LL BE AS GOD GRANTS”: <i>New information on the frontline service in 1914–1918 of I.S. Solzhenitsyn, the writer's father</i>	253
<i>Edited with preface and notes by G.A. Tyurina</i>	

“I WAS BORN A SOCIAL WRITER...”: <i>Selections from the correspondence between A.I. Solzhenitsyn and N.G. Gubko, (1963–1968)</i>	280
<i>Edited by T.S. Tsarkova and V.V. Radzishovsky; Introduction by T.S. Tsarkova; Notes by V.V. Radzishovsky</i>	

NOTES ON CURRENT EVENTS

Compiled by G.A. Tyurina

New editions of the works of A.I. Solzhenitsyn	307
Literature on the works of A.I. Solzhenitsyn	309
Documentary films, TV programs	315
Conferences, readings, lectures, discussions	316
Exhibits	321
Works of Solzhenitsyn reflected in other genres of art.	323
Seminar on the life and works of the writer	325
In memoriam	326
NOTES ON CONTRIBUTORS	328
SUMMARY	330

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

Из наследия Александра Солженицына

Александр Солженицын. Из «Литературной коллекции»	5
Мой Булгаков	7
<i>Публикация, подготовка текста, вступительная заметка и примечания Н.Д. Солженицыной</i>	
«Неожиданному другу...»: Из переписки Е.С. Булгаковой с А.И. Солженицыным и Н.А. Решетовской (1962–1968)	28
<i>Публикация, подготовка текстов, вступительная заметка и примечания Н.Д. Солженицыной</i>	
«Слово “Самиздат” пишется с большой буквы...»: Из переписки Александра Солженицына и Лидии Чуковской (1967–1974)	43
<i>Публикация, подготовка текстов, вступительная заметка и комментарии Е.Ц. Чуковской</i>	

СТАТЬИ, ДИСКУССИИ, ВОСПОМИНАНИЯ

И.Б. Роднянская. Попытка не пытка...: <i>История несостоявшейся энциклопедической статьи о Солженицыне</i>	93
Е.В. Иванова. Реальность и вымысел в творчестве Солженицына	98
А.Д. Шмелев. Историческая память слова в прозе Александра Солженицына: <i>мир и воля</i>	115
И.В. Дорожинская, Г.А. Тюрина. Москва и москвичи Александра Солженицына: <i>Перспективы изучения темы</i>	136
А.С. Немзер. Колесо в Круге	150
А.А. Баранович-Поливанова. «Мелко плавает Хемингуэй»	167
Л.И. Сараскина. «Обустройство» против «Перестройки»: <i>Идейный конфликт 1990-го глазами художника и власти</i>	179

Невидимка «номер один»:	
<i>Николай Иванович Зубов на Тарханкуте</i>	206
<i>И.В. Куклина. «Глядя на одну и ту же звезду...»</i>	208
<i>И.А. Хроль. [«Он старался быть полезным людям...»]</i>	213

Вступительная заметка и примечания Н.Д. Солженицыной

<i>В.В. Туркина. Заметки при чтении книги Б. Сарнова «Феномен Солженицына»</i>	217
--	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Премия 2013

Решение жюри	237
Церемония награждения	237

Выступления: Л.И. Сараскина, П.В. Басинский, Б.Н. Любимов, А.Э. Скворцов, М.А. Амелин 237

АРХИВНЫЕ НАХОДКИ

«Мы все милостью Божией пока живы и здоровы, а там как Бог даст»: <i>Новые сведения о фронтовом пути И.С. Солженицына, отца писателя (1914–1918)</i>	253
---	-----

Публикация, подготовка текста, предисловие и примечания Г.А. Тюриной

«Я уродился писателем социальным...»: <i>Из переписки А.И. Солженицына и Н.Г. Губко (1963–1968)</i>	280
--	-----

Публикация и подготовка текстов Т.С. Царьковой и В.В. Радзишевского, вступительная статья Т.С. Царьковой, комментарии В.В. Радзишевского

ХРОНИКА

Раздел подготовлен Г.А. Тюриной

Издания произведений А.И. Солженицына	307
Литература о творчестве А.И. Солженицына	309
Документальные фильмы, телепередачи	315
Конференции, чтения, лекции, обсуждения	316
Выставки	321
Произведения А.И. Солженицына в искусстве	323
Семинар, посвященный трудам и дням писателя	325
In memoriam	326

ОБ АВТОРАХ	328
SUMMARY	330
CONTENTS	334

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУССКИЙ ПУТЬ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

**СОЛЖЕНИЦЫН:
МЫСЛИТЕЛЬ, ИСТОРИК, ХУДОЖНИК**

ЗАПАДНАЯ КРИТИКА
1974–2008

Сборник статей

Сост. и авт. вступ. ст. Э.Э. Эрикссон, мл., коммент. О.Б. Василевской
Пер. с англ. и фр.

Сборник знакомит российских читателей и исследователей с западной критикой, посвященной вопросам мировоззрения А.И. Солженицына. Центральное место в книге отведено работам, посвященным речи в Гарварде и «Архипелагу ГУЛАГ», вызвавшим наибольший всплеск полемики на Западе. Авторы — участники сборника не представляют единую «школу» критики Солженицына, имена известных критиков перемежаются с малоизвестными, и тот же принцип отсутствия иерархического отбора принят в отношении ученых-славистов и представителей других специальностей.

Собранные в этой книге материалы, печатавшиеся в различных зарубежных источниках с 1974 по 2008 годы, в России публикуются впервые. Сборник призван послужить обмену открытиями в изучении творчества Солженицына поверх языковых границ, укреплению связи между российскими и западными учеными.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУССКИЙ ПУТЬ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

**ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА:
НА ПУТИ
К «КРАСНОМУ КОЛЕСУ»**

*Материалы Международной научной конференции
Москва, 7–9 декабря 2011*

Сост. Л.И. Сараскиной

Сборник составили доклады, прозвучавшие на Международной научной конференции в Москве, в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына в декабре 2011 года. В докладах и сообщениях исследователей из России, США, Великобритании, Ирландии, Франции, Швейцарии, Польши, Литвы, Японии, Китая, Индии рассматриваются важные аспекты творческой эволюции А.И. Солженицына на пути к созданию эпопеи о русской революции «Красное Колесо», анализируется историческая реальность эпопеи, освещается философская и религиозная мысль писателя в контексте русской и европейской литературной традиции. Значительное число докладов посвящено вопросам поэтики эпопеи и ее воздействию на современные интерпретации отечественной истории.

В сборник включены уникальные материалы из Архива А.И. Солженицына — Картоотека «Красного Колеса», а также воспоминания первоиздателя эпопеи Н.А. Струве.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУССКИЙ ПУТЬ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
«ИВАНУ ДЕНИСОВИЧУ» — ПОЛВЕКА»:**

*К 50-летию публикации рассказа Александра Солженицына
Москва, 15–16 ноября 2012*

Сост. И.Е. Мелентьевой

Сборник содержит доклады участников Международной научной конференции «Ивану Денисовичу» — полвека», проходившей 15–16 ноября 2012 года в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына в Москве. Материалы, публикующиеся в сборнике, посвящены осмыслению рассказа А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», юбилей публикации которого в журнале «Новый мир» отмечался в 2012 году. Статьи посвящены общественному и культурному значению рассказа, его поэтике, читательскому восприятию; этическим и социальным проблемам, затронутым в произведении.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУССКИЙ ПУТЬ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

**АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН:
ИЗ-ПОД ГЛЫБ**

РУКОПИСИ, ДОКУМЕНТЫ, ФОТОГРАФИИ

К 95-летию со дня рождения А.И. Солженицына

Авт.-сост. *Н.Д. Солженицына, Г.А. Тюрина*

Вступ. слово *И.А. Антоновой*, вступ. ст. *Н.Д. Солженицыной*

В альбоме представлены материалы выставки в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина к 95-летию со дня рождения А.И. Солженицына — рукописи, документы, фотографии и личные вещи из Архива писателя в Троице-Лыкове. Иллюстрации и описания экспонатов дополняют аннотации, раскрывающие обстоятельства появления того или иного документа или рукописи в жизни автора. Солженицын, возможно, один из последних писателей, оставивших колоссальный рукописный архив, и первая в России выставка, по определению автора ее концепции Н.Д. Солженицыной, — «своего рода *биография* в рукописях», сам вид и обстоятельства создания которых «делают их памятниками трудному веку России и подвигу его летописца».

Уникальные свидетельства времени — от чернильницы юного писателя до лагерных четок и вермонтского пенала-«сапожка», от студенческого блокнота до Картотеки «Красного Колеса», от ордера на арест и куска тюремного хлеба до регалий нобелевского лауреата, от детских опусов в школьных тетрадках до заметок, сделанных в день смерти, — дают возможность соприкосновения с «крутыми изломами» жизни Солженицына: «После безотцовских детства и юности — война, фронт; с 26 лет — тюрьмы, лагеря, ссылка; смертельная болезнь; жизнь провинциального учителя, таящего свое писательство; взлет известности с публикацией “Одного дня Ивана Денисовича” и почти немедленно — стена, преградившая путь его следующим книгам; открытое инакомыслие, “бодание” с властями; охота КГБ за его рукописями; взрыв “Архипелага”, изгнание из СССР; короткая жизнь в Европе и долгая — на вермонтских холмах; возвращение на родину в 1990-х»...

Посмотреть подробную информацию о книгах и заказать их вы можете на сайте издательства «Русский путь»: www.rp-net.ru или: русский-путь.rp. Приобрести книги можно также в книжном магазине «Русское Зарубежье»: ул. Нижняя Радищевская, д. 2 (м. «Таганская-кольцевая»), тел. (495) 915-11-45 и в других книжных магазинах г. Москвы
Сайт магазина «Русское Зарубежье»: www.kmrz.ru
E-mail: sales@bfrz.ru; kmrz@mail.ru
Отдел продаж издательства «Русский путь»: (495) 915-10-05

Солженицынские тетради: Материалы и исследования : [альманах].
С-60 Вып. 2 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына ; [гл.
ред. А.С. Немзер]. — М. : Русский путь, 2013. — 344 с. : ил.

ISBN 978-5-85887-428-7

Ежегодный альманах «Солженицынские тетради» призван способствовать общению профессиональных исследователей жизни и творчества писателя и его заинтересованных читателей. Альманах представляет неопубликованные тексты из наследия А.И. Солженицына, документы, связанные с жизнью и работой писателя, мемуары о нем и его эпохе, исследования, посвященные конкретным произведениям, их взаимосвязям, логике творческого пути писателя, его месте в литературе и культуре, роли в истории XX столетия и той истории, что творится сегодня.

В этом выпуске впервые публикуются очерк писателя из «Литературной коллекции» о М.А. Булгакове, фрагменты переписки А.И. Солженицына с Е.С. Булгаковой (1962–1968), Л.К. Чуковской (1967–1974), Н.Г. Губко (1963–1968). Хроника происходящего в солженицынском пространстве включает информацию о значимых изданиях книг писателя, новинках исследовательской и учебной литературы, конференциях, выставках, спектаклях, документальных фильмах, телепередачах, очередном решении жюри Литературной премии Александра Солженицына. Издание иллюстрировано репродукциями рукописей и фотоматериалами.

УДК 82.0

ББК 84(2Рос)6 + 83.3(2Рос)6

Литературно-художественное издание

Современные
ТЕТРАДИ
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

2

Редактор: *О.Б. Василевская*

Корректор: *О.А. Савичева*

Верстка: *Л.А. Фирсова*

Подписано в печать 14.11.2013. Формат 70x100/16.

Тираж 2000 экз.

ЗАО «Издательство «Русский путь»

109240, г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

Тел.: (495) 915-10-47

E-mail: info@rp-net.ru

Сайт издательства: www.rp-net.ru

Сайт магазина «Русское Зарубежье»: www.kmrz.ru

Отпечатано в типографии «Наука»

121099, г. Москва, Шубинский переулок, д. 6

Опечатки, замеченные в вып. 1 «Солженицынских тетрадей» (М., 2012)

Стр.	Абзац	Строка	Напечатано:	Следует читать:
33	3 св.	4 св.	... добродушнейшее...	... добродушнейше...
48	3 св.	2 св.	... с марта 1974 года отправлялась...	... с марта 1974 года отправлялись...
66	2 св.	3 св.	ны, а также Египет и Сирия, заявила...	ны, заявила...
74	1 св.	2 св.	... Галь...	... Галь...
76	1 сн.	1–3 сн.	... <i>Якобсон</i> Роман Осипович (1896–1982), русско-американский лингвист, литературовед, специалист по поэтике и семиотике. Один из основателей ОПОЯЗа. С 1921 года жил за границей.	... <i>Якобсон</i> Анатолий Александрович (1935–1978), историк литературы. С 1969 года редактор «Хроники текущих событий». В 1973-м эмигрировал в Израиль.
83	1 св.	10 св.	...ни хлопотал...	...не хлопотал...
86	1 сн.	1 сн.	... <i>Тамм</i> Игорь Евгеньевич (1895–1958).	... <i>Тамм</i> Игорь Евгеньевич (1895–1971).
131	1 св.	3 сн.	... что «Русском...	...что в «Русском...
154	2 св.	6 св.	... Лев Леонидович	... Лев Леонидович,
158	1 св.	3 сн.	... статьи Г. Померанцева...	... статьи В.М. Померанцева...
160	2 сн.	1 сн.	любившего Сталина...	любившем Сталина...
284	1 св.	3 св.	33«Софья Петровна»...	«Софья Петровна»...
310	2 св.	2 св.	... <i>December 2011</i>	... <i>December 2008</i>

В этом выпуске впервые публикуются
очерк А.И. Солженицына из «Литературной коллекции»
о М.А. Булгакове, фрагменты переписки писателя с Е.С. Булгаковой
(1962–1968), Л.К. Чуковской (1967–1974), Н.Г. Губко (1963–1968)

Официальный сайт Александра Солженицына:
www.solzhenitsyn.ru